



"Жемчужина гарема"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

В тот миг, когда в переполненном зале встретились их глаза, Криста поняла, что отныне ее жизнь круто изменится. Взгляд смуглого незнакомца казался томным, даже ленивым, но в то же время он был таким пристальным, что ее сердце на мгновение остановилось, затем неистово забило. Никогда прежде она не встречала мужчины, подобного ему.

Он двигался с чувственной грацией дикой кошки, его высокую, гибкую, узкобедрую фигуру окружал ореол мужественности, силы, властности, при взгляде на него невольно возникали мысли о долгих жарких ночах под шелковым пологом шатра, раскинутого среди озаренных луной барханов, — бессонных ночах, исполненных томительного сладострастия. Почти непристойно длинные для мужчины ресницы — прямые, угольно-черные, затеняющие изумрудные глаза, — густые волосы цвета мореного дуба, выступающие скулы — лицо, красота которого заставила бы устыдиться римскую статую. Линия чувственного, резко очерченного рта говорила о своеволии и жестокости, а глубокая ямка на подбородке добавляла его облику еще больше привлекательности.

Это было совершенно чужое лицо, и в то же время при взгляде на него в душе Кристи что-то отозвалось, шевельнулось какое-то странное чувство, сродни чувству узнавания. Сшитый у дорогого портного фрак обтягивал мускулистый торс, а царственная осанка сразу же привлекала внимание к этой необычной для лондонских гостиных фигуре.

Таким впервые предстал перед Кристой лорд Марк Кэррингтон, известный также как принц Ахмед, наследник трона Костантины (Константина — область в северо-восточном Алжире), которой в настоящее время правил его отец, бей Халид ибн-Селим.

Еще минуту назад Марк Кэррингтон, внук и наследник герцога Мальборо, со скукой обозревал бальный зал, но, когда их с Кристой взгляды встретились, в его изумрудных глазах вспыхнул интерес. За четыре года, проведенные в Англии (с целью завершить образование и поближе узнать своего знатного предка), Марку бесчисленное количество раз приходилось встречать подобные взгляды, и они давно не вызывали в нем никакого отклика. И хотя женская красота не оставляла его равнодушным, а экзотическая мужественность молодого принца имела огромный успех у дам, все его общение с прекрасным полом ограничивалось краткими минутами страсти, ибо берберские законы запрещают правителям страны брать в жены иностранок. Вдобавок, ему не раз приходило в голову, что настойчивые матери красавиц, старательно подсовывавшие ему своих дочерей, вряд ли были бы рады видеть их в стенах сераля, бесправными рабынями своего господина. Хотя подобное положение вещей, очевидно, не мешало счастью его матери-англичанки и царственного отца, Марк был совершенно уверен, что, если бы у матери был выбор, она предпочла бы быть законной женой бея Селима, а не его наложницей.

Марк снова окинул взглядом Кристу, гадая, кто она такая и почему он раньше с ней никогда не встречался. Под тонкими, выгнутыми дугой бровями сияли как драгоценные камни слегка удлинённые к вискам ярко-голубые глаза. Маленький прямой нос, полные, совершенной формы губы и неожиданно твердый подбородок, который лишь подчеркивал ее тонкие черты. Блестящие волосы редкого оттенка — золото с серебром — были искусно собраны на затылке и не скрывали идеальной формы головы, только два длинных локона спускались по обеим сторонам лица, нежно касаясь гладкой сливочно-белой кожи щек.

— Кто это? — отрывисто спросил Марк, обращаясь к двум стоявшим рядом с ним мужчинам. Ему ответил Питер Трентон, англичанин. Когда-то они ходили в одну школу, еще в детстве стали закадычным друзьями, и с той поры эта дружба не угасала.

Второй мужчина, свирепый на вид гигант, чья темная кожа изобличала чужеземца, был телохранителем, приставленным беям к своему наследнику. Омар не отходил от Марка ни на шаг. Выбор бея Селима пал на Омара не только потому, что тот обладал нечеловеческой силой, — он был вождем воинственных туарегов, кочевников пустыни, другом бея и к тому же славился умом и хитростью.

— Полагаю, ты имеешь в виду ту прелестную блондинку в синем платье, — ответил Питер с некоторой долей удивления. Все четыре последних года он был постоянным спутником Марка и ни разу не замечал, чтобы принц выказывал такой интерес к женщине, как бы хороша собой она ни была.

— Почему я раньше с ней не встречался? — спросил Марк, не в силах оторвать глаз от красавицы, которая, вдруг осознав, насколько грубым нарушением приличий с ее стороны было так пристально разглядывать незнакомца, теперь в смущении поспешила прочь. Движения ее были полны грации.

— Ее давно не было в Англии, — понизив голос, проговорил Питер. — Наверное, приехала навестить тетку. Ее отец, сэр Весли Хортон, занимает высокий пост в нашем консульстве в Тунисе. — Следующая фраза Питера подтвердила, что он, как всегда, в курсе всех последних лондонских сплетен. — Мисс Криста Хортон всего два месяца в Лондоне и скоро должна вернуться в Тунис.

— Криста, — прошептал Марк, словно пробуя имя на вкус. — Мисс Криста Хортон. Я хочу с ней познакомиться, — произнес он тоном человека, рожденного повелевать.

Питер взглянул на него с любопытством. Неужели это тот же самый мужчина, который накануне без тени сожаления дал отставку рыжеволосой красавице, бывшей его любовницей последние полгода? Ее предшественницей была блондинка, а еще раньше брюнетка, и еще, и еще... Многие женщины пытались завоевать сердце великолепного Марка Кэррингтона, и ни одной не удалось этого сделать. Они просто служили для удовлетворения плотской потребности, которую, находясь он на родине, точно так же удовлетворял бы сонм жаждущих внимания их господина наложниц. Неужели эта девчонка с серебристыми волосами заарканила его с помощью одного-единственного взгляда? Ничего подобного Питер не видел за все время своего знакомства с Марком.

— Сегодня она твоя соседка по столу за обедом, — сказал Питер. — У меня возникло подозрение, что на тебя произвела впечатление ее внешность, не знаю, правда, насколько сильное. Я слышал, что она приехала в Лондон, чтобы заказать свадебный туалет. По возвращении в Тунис она выходит замуж.

Марк мрачно нахмурился, его брови сошлись над переносицей и образовали сплошную, пересекавшую широкий лоб линию.

— Замуж? — переспросил он. — За кого?

Питер пожал плечами.

— Не знаю толком, старина. Кто-то из мелких правительственных чиновников.

— Во всяком случае, пока она не замужем, — процедил Марк сквозь зубы. Он жадно искал среди танцующих стройную фигурку Кристи, испытывая безотчетную ревность к мужчине, чья рука теперь лежала на ее талии.

Криста кое-как умудрялась поддерживать беседу со своим кавалером, хлипким юношей, который ловил каждое ее слово, но все ее мысли были с мужчиной, неожиданно завладевшим ее чувствами. Танцуя, она все время поворачивала голову так, чтобы видеть его чеканный профиль. Взгляд этого человека пробудил в ее душе странные, неведомые прежде чувства, которых она никогда не испытывала в присутствии своего жениха. Теперь она знала, что он не только английский аристократ, но и берберский принц — ей сообщили об этом дамы, которые все как одна были без ума от наследника трона далекой африканской страны.

Для Кристи — ей недавно минул двадцать один год — двадцативосьмилетний принц воплощал все, что она мечтала видеть в мужчине, хотя и подозревала, что хочет невозможного. Многие считали, что она уже рискует попасть в разряд старых дев, и Криста наконец уступила желанию родителей устроить ее судьбу, приняв предложение Брайана Кента, молодого дипломата, которому прочили блестящую карьеру. Стремительному продвижению Брайана немало способствовал сэр Весли Хортон, который вскоре должен был сделаться его тестем.

Обладавшая острым и независимым — даже излишне независимым для молодой девушки, по мнению друзей и родни — умом, Криста отдавала себе отчет в том, что Брайан не испытывает к ней страстной любви. Но он был красив, честолюбив и без сомнения желал ее. А самой Кристе Брайан очень нравился, нравился больше всех остальных ее поклонников. «Мы с Брайаном прекрасно уживемся друг с другом, — бесстрастно думала Криста, — а это уже неплохо». Возможно, она просто не способна любить, может быть, ей не суждено испытать большую страсть. Пылкая любовь встречалась ей только в романах, которые она столь усердно поглощала. Разумеется, родители Кристи никогда не стали бы принуждать свою старшую дочь к замужеству, но она сама в конце концов решила, что брак может сделать ее жизнь более насыщенной. Так она стала невестой Брайана Кента.

И вот сегодня она встретила человека, который пленил ее с первого взгляда — одним магнетизмом своей личности, и теперь Криста не знала ни минуты покоя.

«Мне нужно освежиться!» — подумала Криста, с трудом выполняя сложные па танца. Ей казалось, что прохладный ночной воздух может успокоить ее взбудораженный ум, и, не дожидаясь последних тактов, она вежливо извинилась перед партнером и ускользнула через ведущую в сад дверь, прежде чем кто-либо из молодых людей, оспаривавших друг у друга право хотя бы несколько минут подержать ее в объятиях, успел пригласить ее на следующий танец.

Марк следил за тем, как она пробирается сквозь толпу и исчезает в залитом лунным светом саду. Его губы изогнулись в хищной усмешке, и он решительно двинулся к той же двери. Омар неотступно следовал за ним по пятам.

Ночь была прохладной и ясной, полная луна сияла в темном небе среди мириадов звезд, воздух благоухал цветочными ароматами. Марк без труда обнаружил Кристу по отблеску голубого шелка ее платья, который, подобно путеводной звезде, повлек его за собой к лабиринту дорожек, окаймленных высокой живой изгородью из подстриженного тиса. Гуляющие в саду пары редко осмеливались заходить в лабиринт в темноте, боясь заблудиться. Но Марк не раз гостил у Трентонов и лабиринт знал как свои пять пальцев. Он шепнул что-то Омару, тот кивнул и встал, загородив вход в лабиринт своим телом. Марк поспешил вслед за Кристой, уверенный в том, что теперь ему не грозит ничье вмешательство.

Оставшись наконец наедине со своими смятенными мыслями, Криста сама не заметила, как забрела в лабиринт. Она никогда прежде не бывала у Трентонов, поэтому слегка удивилась, что не видит ни одной пары на такой романтической, залитой лунным светом дорожке. Но эта мысль лишь мелькнула в сознании — ее тут же вытеснил образ высокого смуглого мужчины, который, не произнеся ни слова, сумел поразить ее воображение.

Она с тревогой и надеждой спрашивала себя, представится ли он ей сегодня. Если Криста правильно истолковала взгляд его зеленых глаз, она произвела на него не меньшее впечатление, чем он на нее. Или он принадлежит к тому типу мужчин, которые считают своим долгом покорить любую красивую женщину, попавшуюся им на пути? Или красавец принц одержим пороком и берет всех женщин без разбору, а потом отшвыривает прочь, когда наступает пресыщение? Именно на это намекали услышанные ею обрывки разговоров дам, которые полупешепотом обменивались сплетнями о наследнике Мальборо. Но что такое герцогство по сравнению с тронem, который ему предстояло унаследовать? Ровным счетом ничего. И если верить слухам, принц скоро возвращается к себе на родину.

Криста закрыла глаза, вдыхая свежий аромат хвои. «Скоро, — подумала она, — все это останется позади». Странно, что они оба отправляются в одну и ту же часть света. Она вызвала в памяти Тунис: бархатные ночи, морские бризы, напоенные экзотическими ароматами, народ, который она полюбила всей душой. Вдруг ей захотелось вернуться туда как можно скорее. Там ее терпеливо ждал Брайан, она соскучилась по родителям, младшим братьям и сестрам и... «Интересно, есть ли братья или сестры у Марка Кэррингтона», — неожиданно подумала она.

Наверное, множество, потому что бей, без сомнения, следует обычаям страны и держит гарем, полный красавиц, кроме четырех жен, положенных ему по закону.

Есть ли гарем у принца? Ведь он приехал в Англию уже взрослым мужчиной, и наверняка на родине у него остался и гарем, и две-три жены в придачу. Эта мысль почему-то испортила ей настроение.

Доносившиеся из дома звуки музыки напомнили Кристе, что ей пора возвращаться, потому что тетя Мэри уже наверняка заметила ее отсутствие и послала кого-нибудь на поиски своей племянницы. Поспешно поднявшись со скамьи, Криста расправила оборки платья, цвет которого подчеркивал небесную синеву ее глаз, и взглянула направо. Ведь, кажется, он пришла оттуда? Она сделала несколько шагов в этом направлении, потом остановилась, озадаченная. Прямо перед ней была сплошная стена кустарника. Нахмурившись, она повернулась в другую сторону и стала гадать, куда ведет тропинка. К выходу? И вдруг Криста поняла — она попала в лабиринт! Как выбраться отсюда? Без посторонней помощи это вряд ли получится, а кричать и звать на помощь ей совсем не хотелось.

Внезапно из темноты возникла высокая гибкая фигура. Человек неслышно ступал на цыпочках, словно хищник, который подкрадывается к добыче. Он был строен, но не худ, мускулист, но не настолько, чтобы под обтягивающей тело дорогой материей просматривались бугры мышц. Его тело было стройным, крепким и совершенным — безупречный механизм, отлаженный в долгих путешествиях верхом по пустыне. В осанке угадывался великолепный наездник, о том же говорили сильные бедра и икры. Он остановился перед Кристой, и все ее чувства всколыхнулись от его близости.

— Добрый вечер, — произнес он глубоким звучным голосом, с приятным акцентом. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я... я случайно заблудилась в лабиринте, принц Ахмед, — смущенно пробормотала Криста,

но титул словно сам собой слетел с ее языка. — И теперь не представляю себе, где выход.

— Вам известно мое имя? — с явным удовольствием отметил Марк.

— Разумеется. Вряд ли здесь найдется человек, кому ваше имя и титулы не известны. В конце концов, бал дают в вашу честь.

Марк отвесил элегантный поклон.

— А вас, прекрасная леди, зовут Криста Хортон. Я поражен вашей изысканной красотой и весь вечер не мог оторвать от вас глаз. И, если я не ошибаюсь, мои призывы не остались без ответа.

Бледные щеки Кристи залил румянец. К подобной прямооте она не привыкла. Неужели она вела себя настолько неосторожно?

— Как вы смеете говорить со мной в таком фамильярном тоне, милорд? — возмущенно проговорила она.

Он был слишком привлекателен, слишком самоуверен, и Криста решила собрать всю силу духа, чтобы противостоять его очарованию. Печать высокомерия, гордости и сластолюбия, лежавшая на бронзовом лице, примитивная и хищная мужественность привлекали к нему женщин, как ночную бабочку влечет пламя свечи. Трудно было устоять против его чар. «Несомненно, все слухи, которые ходят о нем, — чистая правда», — в смятении подумала Криста. Но она не собиралась становиться его очередной жертвой.

Он окинул взглядом всю фигуру Кристи с головы до ног, и на его губах появилась усмешка, свидетельствующая о том, что увиденное его удовлетворяет.

— Стало быть, за этот тон вы решили разжаловать меня из принцев в герцоги, — насмешливо заметил он.

— Нет, просто я не совсем понимаю, как к вам обращаться, — возразила Криста. — Кто вы? Английский лорд или берберский принц?

Марк рассмеялся. Характер Кристи восхищал его не меньше, чем ее внешность.

— Чтобы разрешить ваши сомнения, моя английская роза, скажу, что обращаться ко мне можно и так и эдак. После смерти отца моей матери я унаследую поместья и титул герцога Мальборо, потому что других наследников мужского пола у него нет, а после кончины своего отца стану правителем Константины.

— Ваша мать — англичанка, — задумчиво произнесла Криста, впервые обратившись к этой мысли.

— Да, и в том нет ничего удивительного. Много лет назад корабль, на котором она совершала путешествие, был захвачен корсарами у берегов Сицилии, и в конце концов ее продали в гарем моего отца, — объяснил Марк, недоумевая, почему он решил посвятить в семейную историю женщину, с которой говорит первый раз в жизни.

— Значит, ваша мать — невольница?

— Конечно, вас это обстоятельство должно шокировать, — рассмеялся Марк, — но все не так просто. По правде говоря, довольно трудно сказать, кто в данном случае раб, а кто хозяин. Мой

отец горячо полюбил мою мать, а она ответила ему таким же страстным чувством. И хотя по законам нашей страны она не могла стать его женой, он возвысил ее над всеми остальными своими женщинами и доказал свою любовь, назначив меня, а не моего старшего брата Абдуллу, сына одной из своих жен, наследником трона. Я думаю, моя мать счастлива. Она несколько раз приезжала в Англию навестить отца, и всегда с радостью возвращалась к своему... господину.

— Должно быть, любовь вашей матушки действительно очень сильна, раз она предпочла неволю, хотя в Англии могла бы быть свободной, — заметила Криста.

— Я думаю, что вам нелегко это понять, но моя мать давно не считает себя невольницей. Перед Аллахом она жена Халида ибн-Селима.

Вдруг Кристе пришла в голову новая мысль.

— Скажите принц, а у вас... у вас в гареме много красивых женщин? — вырвался у нее необдуманный вопрос.

— Боже мой, никогда бы не подумал, что вы способны на такую прямолинейность, мисс Хортон, — усмехнулся он. — Неужели вас это волнует?

— Вовсе нет, — стала поспешно оправдываться Криста. — Мне просто интересно.

— Как бы там ни было, мисс Хортон, придется признаться — у меня нет гарема. Пока нет, — невозмутимо добавил он. — Я ведь уезжал из Константины на несколько лет, и с моей стороны было бы жестокостью заводить гарем, когда я не мог... позаботиться о его обитательницах. Для этого будет достаточно времени после возвращения. И знаете... прошу меня простить, но я невольно представляю себе вас в качестве своего первого приобретения. — Хотя он говорил легким шутливым тоном, по спине Кристи пробежал холодок дурного предчувствия.

— Но зато я не могу представить себя в качестве чьей-либо собственности, — с негодованием заявила она. — Сэр, я еще раз прошу вас проводить меня к выходу, если вы, конечно, знаете дорогу.

— Что ж, с удовольствием выполню вашу просьбу. — Он галантно поклонился, а в зеленых глазах появился коварный блеск. — Но с двумя условиями.

Криста вздернула подбородок и молча ждала продолжения.

— Первое условие: я очень хотел бы, чтобы вы называли меня Марком. Это имя, данное мне матерью, и в Англии я пользуюсь им. — Криста неуверенно кивнула, решив, что особого вреда в том не будет, ведь вряд ли она еще когда-нибудь встретится с этим самонадеянным красавцем. — А второе условие, — продолжал Марк, таинственно понизив голос, — ваш поцелуй в награду за труды. — Тут он шагнул к ней, и Криста невольно отпрянула.

— Сэр, ваша просьба чудовищна, — еле смогла вымолвить она. — Обращаться к незнакомому человеку по имени само по себе достаточно неприлично, но позволить ему... — Слова замерли у нее на устах, потому что Марк, не обращая внимания на протесты, обнял ее и прижал к себе.

У Кристи перехватило дыхание от гнева, но по всему ее телу пробежала чувственная дрожь. А его тело мгновенно ответило на ее близость, и, ощутив этот ответ, Криста вспыхнула до корней волос. Но с губ ее снова не сорвалось ни звука, потому что он алчущим ртом вдохнул готовое прозвучать слово вместе с ее дыханием.

Этот поцелуй не шел ни в какое сравнение с тем, что ей когда-либо доводилось испытывать, и, конечно, не имел ничего общего с невинными поцелуями Брайана. В объятиях Марка ее сознание исчезло, унесенное бурным потоком чувственности, она инстинктивно прижималась к нему, и ее тело словно пыталось влиться в его мускулистое тело — так расплавленный металл принимает форму изложницы. Она чувствовала, как его губы завладели ее губами, а язык касается ее языка, и все в ней содрогалось, будто он касался обнаженных нервов.

В краткий миг просветления у нее мелькнула мысль, что этот человек несет в себе страшную опасность, потому что ему одному дана власть вызывать в ней такую бурю чувств, только его руки обладают магическим свойством лишать ее воли и рассудка.

Потом Марк провел кончиками пальцев по ее груди, и наслаждение от этого прикосновения было настолько сильным и утонченным, что ей показалось, она сейчас потеряет сознание. Еще ни одному мужчине она не позволяла столь интимных ласк. Вдруг его губы оторвались от ее губ и последовали за пальцами, скользя по белой коже в глубоком вырезе платья. Только тогда Криста очнулась и разразилась потоком фраз, исполненных праведного гнева, одновременно пытаясь вырваться из его объятий.

— Сэр, вы негодяй и распутник, — задыхаясь от ярости, говорила она. — Я не разрешала вам прикасаться к себе.

Он удивленно поднял черные брови.

— Не разрешали? Возможно, я неправильно вас понял. Так, может быть, чтобы исправить ошибку, теперь я поцелую вас с вашего согласия?

— Боже мой, это просто неслыханно! — воскликнула Криста. — Сэр, за кого вы меня принимаете?

— Я принимаю вас за ту, кем вы на самом деле являетесь. За красивую и страстную женщину, которой пора очнуться от сна и дать волю своим желаниям. Если вы сомневаетесь в моих словах, вспомните, как вы ответили на мой поцелуй. Интересно, осведомлен ли ваш жених о том, что вы на редкость страстная натура? Или вы уже представили ему все доказательства?

Прежде чем до нее в полной мере дошел дерзкий смысл его слов, рука ее взметнулась, и на щеке Марка проступила багровая полоса, отчетливо видимая в свете луны. Но он остался неподвижен, лишь в глазах его сверкнул опасный огонек.

— О, я вижу, у английской розы острые шипы, — только и сказал он, потом, помолчав, уверенно произнес: — Криста, я знаю: наступит день, когда вы станете моей. Вы будете принадлежать мне телом и душой. Верите ли вы в кисмет? (Кисмет — судьба, рок (тюрк.).) Я верю. Наше соединение неизбежно, я понял это в тот миг, когда заглянул в ваши глаза. Нити наших судеб переплетены. Вы рождены для меня.

— Вы безумец! — в гневе отвечала Криста. — Я скоро выхожу замуж, а вы возвращаетесь в свою страну. Неужели вы смеете думать, что я создана для того, чтобы занять место в вашем гареме среди дюжины несчастных рабынь? — Голубые глаза Кристи сверкали. Этот человек заставил ее почувствовать и пережить то, о чем она до сей поры только мечтала, и ей предстоит бороться не только с его зло вещим обаянием, но и с собственной слабостью. — Нет, Марк, — пылко продолжала она, — мы больше никогда не увидим друг друга.

— Как вы ошибаетесь, Криста, — сказал Марк, с явным наслаждением произнеся ее имя, и загадочно улыбнулся. — Мы будем вместе — и гораздо раньше, чем вы можете себе

представить. — Его глубокий голос звучал торжественно, словно он произносил клятву.

Криста тщетно пыталась найти достойный ответ — она была слишком взволнована. Впрочем, и сама необходимость в ответе отпала, потому что Марк вежливо предложил ей руку, на которую она после некоторого колебания оперлась, и уверенно повел ее к выходу из лабиринта. Там стояла на страже огромная неподвижная живая статуя — Омар, готовый отдать жизнь за своего господина.

Ступая рядом с Марком, Криста все еще кипела гневом. Этот человек просто чудовище. У него есть все — богатство, блестящее будущее, красота. Он может выбирать любую из женщин. Так зачем он играет с ней, Кристой, в какую-то странную игру? Кисмет? Как бы не так! Это будет их первая и последняя встреча.

Когда они дошли до того места, где стоял Омар, Криста отпустила руку Марка, собираясь наконец дать ему достойную отповедь. Однако, повернувшись, чтобы объясниться с ним, стоя лицом к лицу, она увидела, что он уже исчез — так же бесшумно, как и появился. Но его слова еще звучали у нее в ушах.

Ей пришлось призвать на помощь фантазию, чтобы придумать удовлетворительное объяснение своему долгому отсутствию. В конце концов она призналась тетке, что заблудилась в лабиринте, ни словом, правда, не упомянув Марка Кэррингтона. Эту компрометирующую деталь она благоразумно оставила при себе. Но если Криста думала, что больше не увидит своего храброго спасителя, то она ошибалась. Спустя всего лишь четверть часа он как ни в чем не бывало пригласил ее на танец, не обращая внимания на нескольких осаждавших ее кавалеров.

— А вы, наверное, думали, что уже избавились от меня? — с улыбкой спросил Марк, и Криста не вольно отметила про себя, как украшает его лицо ямочка на подбородке.

Дав себе слово не поддаваться его обаянию, Криста сухо ответила:

— Да, я на это надеялась.

— Если бы я хоть на секунду мог поверить, что это правда, я был бы уязвлен до глубины души, — вкрадчивым тоном искусителя прошептал он ей на ухо. — Могу поклясться, вам не под силу справиться с нашим взаимным влечением. Ваши глаза зывали ко мне, и я ответил на призыв. Теперь вы принадлежите мне.

Криста снова вскипела.

— Сэр, я не подавала вам никаких знаков, и в моем поведении не было и намека на какие-либо обещания, — возразила она. — Ваша самонадеянность не имеет границ.

— Об этом мы сможем поговорить чуть позже, — без тени смущения объявил Марк. — Вы — моя дама за обедом.

— Ваша дама? Неужели этого нельзя изменить? — На самом деле Криста испытывала приятное возбуждение при мысли о том, что ей придется провести с ним рядом несколько часов.

— Боюсь, что нет. Так распорядились Трентоны, и надо заметить, я сам не смог бы придумать ничего лучше. Они решили...

Но Криста никогда не узнала, что думали Трентоны, потому что Марк умолк, заметив Омара,

стоявшего у выхода из бального зала и подававшего ему какие-то знаки.

Умело маневрируя между танцующими парами, Марк подвел Кристу к своему телохранителю устрашающего вида. Обычно каменное лицо Омара казалось взволнованным.

Все еще сжимая тонкое запястье Кристи, Марк спросил:

— В чем дело, Омар?

Омар, мрачно насупившись, подал ему сложенный лист бумаги. Едва Марк прочел первые строки, лицо его заметно побледнело. Криста поняла, что письмо содержало дурные известия, потому что он в бешенстве скомкал листок, дочитав его до конца.

— Марк, что случилось? — с невольным участием спросила она.

Марк смотрел на нее невидящим взором, словно не замечая ее присутствия. Кристу потрясло выражение животной ярости, исказившее черты его красивого лица, и она вдруг поняла, как страшно было бы оказаться на месте того, на кого эта ярость была направлена.

— Марк, — повторила она, слегка потянув его за руку, чтобы привлечь к себе внимание.

Словно выйдя из транса, Марк устремил на нее взгляд, и выражение его лица смягчилось.

— Извините, Криста, но, похоже, я не смогу наслаждаться вашим обществом за столом. Я должен немедленно ехать.

— Ехать? — в смятении повторила Криста. — Вы должны вернуться в Мальборо?

— Я должен вернуться в Константинополи, — ответил Марк, — ибо только что получил известие, нарушившее все мои планы. Мне нужно как можно скорее оказаться на родине. Но не печальтесь, моя сладкоголосая сирена, в скором будущем нас ждет новая встреча. Так говорят звезды. Это кисмет...

Он поспешно удалился, а его последние слова еще долго звучали у нее в ушах.

2

Две недели спустя Криста в сопровождении горничной по имени Марла и в окружении груды вещей, составляющих ее багаж, стояла на борту французской трехмачтовой шхуны, свежеекрашенный корпус которой, играя, ласкали морские волны. «Милый друг» готовился покинуть Марсель, и Криста, прежде чем спуститься в каюту, решила бросить прощальный взгляд на деловитый портовый город.

Расположенный в проливе, соединяющем Атлантику со Средиземным морем, Марсель казался сплошным лабиринтом крутых, узких и темных улочек, где жили люди, чья жизнь была тесно связана с морем. Вдали виднелись шпили старинного собора. В гавани теснились всевозможные суда — от крошечных рыбацких лодок до величавых кораблей, размером превосходящих «Милого друга».

Через два дня после бала, устроенного Трентонами в честь Марка Кэррингтона, Криста пересекла Ла-Манш. Тетя Мэри, осененная внезапным вдохновением, решила показать племяннице Париж, прежде чем та направит свои стопы в Тунис, и Криста решила не возвращаться еще раз в Англию, а добраться в наемной карете до Марселя.

В день отплытия погода стояла ясная и безоблачное небо предвещало приятное путешествие. Завтра, когда она проснется, Марсель уже скроется за линией горизонта. Но если море и небо дышали спокойствием, то душа Кристи была полна смятения и тревоги. Ослепительный Марк Кэррингтон произвел неизгладимое впечатление на ее романтическую натуру, и после той незабываемой встречи она уже не могла стать прежней Кристой. Он стал ее наваждением. Где он сейчас, думала она, а ее губы так живо помнили его поцелуй, словно они расстались минуту назад. Может быть, судьба — кисмет, как он говорил, — действительно сведет их снова. Какая нелепая мысль, тут же возражала она самой себе. Их пути разошлись навеки — ее путь лежит в Тунис, где ее ждет жених, а его в Алжир, где он в один прекрасный день займет трон правителя Константины.

— Извините, позвольте мне пройти, — настойчиво потребовал резкий голос. Криста вздрогнула и с удивлением обнаружила, что она загородила узкий проход, ведущий на нижнюю палубу, к пассажирским каютам.

— О, простите, — пробормотала Криста, уступая дорогу яркой рыжеволосой женщине. Криста знала, что, кроме нее, на борту «Милого друга» есть и другие пассажиры, и эта красавица наверняка была одной из них. Но прежде чем она успела произнести хоть слово, та уже устремилась вперед. За ней, пыхтя и отдуваясь, еле поспевала коренастая горничная.

Каюта Кристи размером едва превосходила бельевую комнатку в просторном доме в Тунисе, но она ухитрилась кое-как разместить свой багаж и убрала часть одежды в комод, который был привинчен к полу, так же как и остальная мебель — туалетный столик, стул и маленький круглый стол. С потолка свисала круглая лампа, а на комодке она увидела кувшин и таз для умывания, закрепленные специальным приспособлением на случай качки. Яркое покрывало на койке и штора из той же материи, закрывающая иллюминатор, оживляли сумрак каюты.

Криста переделалась с помощью Марлы, которая давно уже стала для нее более компаньонкой и наперсницей, нежели горничной, и принялась распаковывать вещи. Она с нетерпением ожидала часа обеда, чтобы познакомиться с другими пассажирами, особенно с рыжеволосой красавицей.

Как по заказу дама, которая возбудила любопытство Кристи, оказалась ее соседкой за длинным обеденным столом, за которым разместились около дюжины пассажиров, в основном молодые французы в военной форме.

— Я Криста Хортон, — дружелюбно заговорила Криста с соседкой. — Кажется, на этом корабле мы единственные женщины, путешествующие без сопровождающих.

— Тем лучше для нас, — отозвалась рыжеволосая дама, в то время как взгляд ее живых темных глаз оценивающе останавливался то на одном, то на другом мужском лице. — Я леди Уиллоу Лэнгтри.

— В какую страну вы направляетесь? — с любопытством спросила Криста. — Я навещала свою тетушку в Лондоне, а теперь еду в Тунис. — Присутствие этой женщины почему-то странно будоражило и одновременно смущало ее.

— А я еду в Алжир, к мужу, — неохотно ответила леди Уиллоу. — Ричард уже год как занимается там делами торговой фирмы своего отца.

— И вы только сейчас собираетесь присоединиться к нему? — невольно вырвалось у Кристи.

Ее собеседница недовольно нахмурилась.

— Разумеется, Ричард хотел, чтобы я сделала это значительно раньше, но обстоятельства складывались так, что мне все время приходилось откладывать отъезд. К тому же в Лондоне меня удерживали определенные... обязательства. — Ее полные губы изогнулись в легкой улыбке, в глазах появилось мечтательное выражение, и Кристе пришло в голову, что обстоятельства и обязательства, на которые ссылалась леди Уиллоу, могли означать лишь одно — мужчину.

— Я думаю, муж с нетерпением ждет вашего приезда, — смущенно проговорила она и занялась едой, которая оставляла желать лучшего.

Леди Уиллоу, лениво ковыряя вилкой в тарелке, продолжала разглядывать сидевших за столом мужчин. Она сразу же заметила, что многие из них украдкой бросают восхищенные взгляды на Кристу, которая была на несколько лет младше ее.

Несмотря на то что Уиллоу Лэнгтри слыла признанной красавицей, она весьма ревниво относилась к другим женщинам, даже не особенно привлекательным, и рассматривала их только в качестве соперниц. У леди Уиллоу были ослепительно рыжие волосы, белоснежная кожа, таинственно мерцающие темные глаза, сулящие наслаждение, и роскошное тело, которое она охотно выставляла напоказ. Сначала леди Уиллоу решила, что Криста не представляет для нее опасности и не сможет претендовать на место, которое твердо вознамерилась занять Уиллоу место царствующей королевы на судне. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что более молодая женщина, чья красота могла показаться несколько бледной по сравнению с великолепием леди Уиллоу, была достаточно хороша, чтобы привлекать к себе внимание.

Леди Уиллоу перенеслась в недалекое прошлое, когда у нее было все, что она могла пожелать. А потом она внезапно оказалась в положении брошенной любовницы, что страшно уязвило ее. Своих любовников — а их было немало — она предпочитала оставлять сама. Слава богу, муж пребывал в далеком Алжире, куда сплетни не доходили. Их брак с самого начала оказался ошибкой. Она приняла его предложение, когда рассталась с одним любовником и еще не успела завести следующего, и тогда это предложение показалось ей привлекательным. Ричард почти сразу же после свадьбы отбыл в Алжир, и она обещала последовать за ним через месяц, но ухитрилась под разными благовидными предлогами растянуть этот срок до года.

Однако до родителей мужа каким-то образом дошли сведения о ее последнем приключении и они поставили ей ультиматум: либо она немедленно едет к мужу в Алжир, либо ему сообщают о ее неверности. Она еще не успела оправиться от унижения и подавленности, естественных для отвергнутой женщины, и потому согласилась отправиться в Алжир, решив, впрочем, напоследок немного развеяться в Париже. Но в глубине ее души все еще жила надежда вновь снискать расположение бывшего возлюбленного — ведь она воображала, что любит этого человека, которому не было равных среди мужчин.

После обеда пассажиры собрались в салоне, чтобы лучше познакомиться друг с другом, и, как и опасалась леди Уиллоу, Криста скоро оказалась в центре внимания группы молодых офицеров. Хотя рыжеволосая дама также пользовалась немалым успехом, она не могла не досадовать при мысли о том, что ей приходится делить этот успех с бесцветной блондинкой, которая даже не отдавала себе отчета в том, какое впечатление производит на представителей противоположного пола.

Криста познакомилась не только со всеми молодыми людьми, каждый из которых стремился уделить ей знаки внимания, но и с несколькими супружескими парами. Приятный вечер подходил к концу, и пассажиры один за другим расходились по каютам. Наконец и Криста

произнесла подходящие к случаю слова извинения и покинула разочарованных поклонников. По правде говоря, ей наскучили их ухаживания, и она стремилась остаться наедине со своими мыслями.

На судне воцарилась относительная тишина, когда по палубе проскользнули две неясные фигуры. Два человека поднялись на борт, всего за несколько минут до того, как шхуна развернула паруса и устремилась навстречу ночному приливу в открытое море. На судне их встретил капитан, судя по всему, ожидавший их прибытия, и немедленно проводил в отведенную им каюту.

На следующее утро, едва проснувшись, Криста подошла к иллюминатору. Мерное покачивание судна говорило ей о том, что они в открытом море. Она увидела лишь беспредельную водную гладь. Берега Франции уже скрылись за горизонтом, но Криста не чувствовала сожаления — она с нетерпением ждала встречи с родными. Будущий муж занимал в ее мыслях очень мало места — его образ был вытеснен образом другого мужчины.

Она думала о Марке все время, пока вокруг нее суетилась горничная, помогая совершить утренний туалет.

— Сегодня прекрасный день, мисс Хортон, — весело щебетала Марла.

Черноволосая, с круглыми карими глазами, Марла была берберкой по происхождению и служила у Хортонов с самого их приезда в Тунис. Эта средних лет женщина, обладавшая неунывающим и практичным характером, должна была по распоряжению сэра Хортон сопровождать его старшую дочь во время путешествия в Европу. Он предвидел, что его горячей любимой девочке понадобится дуэнья для защиты от назойливого внимания, которое неминуемо должна была привлекать редкая красота Кристи.

Девушка ласково улыбнулась, глядя, как Марла хлопчет, выкладывая чистую одежду, и ответила:

— Да, плавание обещает быть приятным. — Но она была слишком поглощена собственными мыслями, и Марла, заметив это, молча закончила уборку и попросила позволения пойти завтракать вместе с остальными слугами.

Сев за стол рядом с лейтенантом Анри Жерве, направлявшимся к месту своего назначения в Тунис, Криста заметила, что леди Уиллоу Лэнгтри к завтраку не вышла. Очевидно, раннее пробуждение не входило в ее привычки — за все время путешествия рыжеволосую красавицу почти никогда не видели до полудня. И Криста была довольна этим обстоятельством, потому что леди Уиллоу, как видно, не испытывала к ней дружеских чувств.

Прошло больше недели, прежде чем Криста узнала о существовании загадочных пассажиров, которые занимали соседнюю каюту. Хотя она иногда слышала приглушенные голоса, доносившиеся через переборку, но из каюты никто никогда не выходил — очевидно, ее обитатель или обитатели предпочитали принимать пищу в уединении. Любопытство Кристи подогревали расползавшиеся по кораблю невероятные предположения относительно пассажиров-затворников.

Ни единое облачко не омрачало сияние лазурного неба, а щеки Кристи оведал ласковый бриз. Она стояла на верхней палубе, и ей даже в голову не приходило, насколько соблазнительное зрелище являет собой ее фигурка, когда легкая желтая ткань юбки под порывами ветра плотно прилегает к телу, а под ней явственно вырисовываются очертания бедер.

Криста увидела, что к ней направляется леди Уиллоу, томно повиснув на руке капитана Пьера Лефевра. Несмотря на все усилия Кристи избегать общения с французскими офицерами, один из них — Анри Жерве, неотлучно находился при ней, куда бы она ни направилась. Он проявлял такую настойчивость, что Кристе приходилось гулять по палубе только в сопровождении Марлы, но молодого человека, казалось, ничто не способно было обескуражить. И в тот день он стоял рядом с Кристой, не обращая ни малейшего внимания на неодобрительные взгляды Марлы.

— Мы как раз беседуем о загадочном пассажире, — обратилась к Кристе леди Уиллоу. — Вам удалось что-нибудь о нем разузнать? Ведь его каюта рядом с вашей.

Криста пожала плечами.

— А почему вы думаете, что это мужчина? Может быть, загадочный пассажир — женщина.

— О, значит, вам все-таки что-то известно, — обрадовалась ее собеседница. — Значит, это женщина? Почему она не покидает каюту? У нее безобразная фигура?

Криста безнадежно вздохнула.

— Леди Уиллоу, мне известно не больше, чем вам. Я ничего не видела, и, честно говоря, этот загадочный пассажир нисколько меня не занимает. Если ему или ей так нравится уединение, то мы не вправе вмешиваться.

— Мадемуазель Хортон права, — поддержал Кристу Анри Жерве. — Давайте забудем об этом бедняге. В конце концов, это не наше дело.

— Совершенно согласен, — кивнул Пьер Лефевр. — Когда находишься в обществе двух прекрасных дам, все остальное не имеет значения.

Одарив капитана лучезарной улыбкой, леди Уиллоу кивнула Кристе и Анри и повлекла своего кавалера в какое-нибудь более укромное место. До постели у них дело пока не дошло, но чувство разочарования и неудовлетворенности подталкивало ее к тому, чтобы сделать этот последний шаг. Прошло уже так много времени после разрыва с последним любовником, что ее тело жаждало ласк, а впереди была встреча с Ричардом, который в постели был далек от совершенства и никогда не мог ее удовлетворить. Неудивительно, что она не могла обойтись без любовников. При том что муж находился за тридевять земель от нее, в Алжире, ничто не мешало леди Уиллоу безмятежно кочевать от одного любовника к другому, пока случай не свел ее с человеком, который воплощал в себе ее идеал мужчины: он был богат, красив, знатен и как никто другой знал, как заставить женщину испытывать наслаждение. Он умел дразнить и разжигать желание, пока женщина не начинала молить о том, чтобы он взял ее, он знал, что нужно делать, чтобы она таяла как воск в его объятиях, чтобы все в ней содрогалось от сладкой муки и наслаждения. Леди Уиллоу хотела, чтобы это продолжалось вечно, и, когда все кончилось, она пришла в отчаяние.

После ужина Криста сразу вернулась к себе в каюту. Она больше не могла выдерживать общества Анри, который день ото дня становился все более назойливым и никак не мог смириться с мыслью о том, что Криста не поддается его галльскому обаянию. Он уже дважды пытался поцеловать ее, когда Марла отворачивалась, и оба раза получил решительный отпор. Заявление Кристи, что у нее есть жених, не произвело особого впечатления на пылкого француза, тем более что он был осведомлен о том, как близок к цели Лефевр.

Анри Жерве с присущей ему самонадеянностью считал, что для того, чтобы не отстать от

товарища, ему нужно всего лишь усилить атаку. Он думал, что, даже если Криста и принадлежит к тому типу женщин, которых нелегко соблазнить, она все равно окажется в его постели до конца плавания...

Криста отпустила Марлу, но спать ей совсем не хотелось. Ею владело странное тревожное чувство, тело пылало жаром, а нервы были напряжены до предела, ей казалось, что вот-вот что-то должно случиться, что-то, над чем она не властна. «Кисмет?» — с насмешкой над самой собой подумала она.

Каюта казалась ей душной, а ее теснота наводила на мысли о тюрьме, и, поддавшись внезапному порыву, она набросила на ночную рубашку легкий халат и выбежала прямо на палубу босиком и с распущенными волосами, которые серебристыми прядями в беспорядке падали на плечи и спину. Поскольку было уже за полночь, на палубе не было никого, кроме вахтенного, а он не обратил особого внимания на одинокого пассажира, вдруг решившего прогуляться.

Криста глубоко вдыхала свежий ночной воздух, пропитанный солью, на ее лице оседала водяная пыль, она постепенно успокаивалась и скоро уже со смехом вспоминала охвативший ее внезапный приступ ужаса. Она не имела никакого представления о том, в чем могла заключаться причина ее страхов, и ругала себя за глупое малодушие.

— Прекрасная ночь, *cherie*. Такие ночи предназначены для любви, — раздался у нее над ухом мужской голос.

Криста вздрогнула от неожиданности, обернулась и с неудовольствием увидела Анри Жерве, стоявшего рядом.

— Что... что вы здесь делаете?

— Думаю, то же, что и вы, — ответил лейтенант, с вожделием глядя на ее тело, соблазнительные формы которого четко вырисовывались под легкой одеждой. — Я не мог заснуть и вышел подышать свежим воздухом. И что я вижу? Волшебное создание в образе прекрасной женщины, купающейся в лунном свете. Представьте себе мое изумление.

Анри придвинулся ближе, и Криста инстинктивно отстранилась, нимало не тронутая его комплиментом.

— Мне пора в каюту, — поспешно пробормотала она, опасаясь, что ей не удастся легко отделаться от своего поклонника.

— Нет, *cherie*, не сейчас, — промурлыкал Анри тоном обольстителя. — Вы слишком долго мучаете меня. Я так давно изнываю от страсти и еще не добился от вас ни единого поцелуя. Лефевр уже получил все доказательства благосклонности леди Уиллоу, и я не позволю вам больше играть мной.

Его слова вызвали в душе Кристи бурю гнева.

— Вы... вы достойны презрения. Я не хочу больше вас видеть. Мне все равно, что делает леди Уиллоу, и я совсем не такая, как эта женщина. — Она повернулась к нему спиной, собираясь уйти.

Но Анри, полный решимости добиться своего, поймал ее за руку и рывком повернул к себе. Используя явное преимущество в силе, француз увлек ее в укромный угол, где их не мог видеть

вахтенный. Криста скоро поняла, что бороться с ним бесполезно, и уже собиралась звать на помощь, решив разбудить своим криком хоть весь корабль, если понадобится, но он зажал ей рот поцелуем. В стремлении утвердить свою власть Анри так грубо терзал ее губы, что она почувствовала во рту вкус крови. Его руки жадно шарили под ночной рубашкой по ее телу, и она едва не задохнулась, пытаясь закричать.

Ярость придала ей сил, и она вырвалась, оставив в руках Анри свою накидку. Он застыл, ошеломленный тем, что открылось его взору, дрожая от вожделения. Ее стройное тело просвечивало сквозь полупрозрачную ночную рубашку, и скользящий по нему лунный свет еще больше подчеркивал его безупречные пропорции.

— Господи! — благоговейно выдохнул Анри. — Она прекрасна, как ангел небесный! — Воспламененный желанием, он двинулся к ней, намереваясь снова сжать в объятиях непокорного ангела.

— Еще один шаг, и я закричу во весь голос, — решительно объявила Криста. — И капитан Дюбуа вас арестует за нанесенное мне оскорбление.

Анри был слишком возбужден, чтобы внять ее предупреждению. Он думал только о том, что должен во что бы то ни стало овладеть этой искусительницей, хочет она того или нет. Даже зажигательная красота леди Уиллоу меркла по сравнению с воздушной прелестью Кристы. Отбросив осторожность, Анри решил затаскать ее в свою каюту, прежде чем она выполнит свою угрозу.

— На вашем месте я оставил бы даму в покое, — вдруг раздался из темноты звучный голос.

Анри застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова.

— Ступайте прочь! — наконец рявкнул он. — Это не ваше дело.

Из тени выступил человек, и прямо в душу Кристы глянули глаза неправдоподобного изумрудного цвета.

— Это вы! — прошептала она. Ее захлестнула волна ярких воспоминаний об их короткой встрече — она снова переживала сильные эмоции, снова чувствовала, как жар охватывает ее тело, как его взгляд проникает в самую глубину ее существа.

Не отводя взора от Кристы, Марк продолжал тоном, исключавшим возможность возражения:

— Нет, это мое дело, и для вашей собственной безопасности я настоятельно прошу вас удалиться. А если вы еще раз приблизитесь к мисс Хортон, то вам придется об этом пожалеть.

Анри беспокойно переводил взгляд с незнакомца на Кристу. Он чувствовал, что это не просто случайная встреча, было очевидно — два этих человека словно связаны некой невидимой нитью и он здесь лишний. Вдобавок, интуиция подсказывала ему, что в целях самосохранения лучше навсегда прекратить преследование этой женщины. Одного-единственного взгляда в эти необыкновенные зеленые глаза было достаточно, чтобы понять — с этим человеком лучше не связываться. Поэтому Анри счел за лучшее немедленно покинуть сцену: он слегка поклонился незнакомцу и скрылся в темноте. Ни одна женщина не стоит того, чтобы ради нее рисковать жизнью.

Кажется, вы не ожидали меня увидеть, — сказал Марк, с восхищением окидывая взглядом ее прелестную фигурку. — Вы не ранены? Он не причинил вам боли?

— Н-нет, все в порядке, — пробормотала Криста, содрогнувшись при воспоминании о том, как руки Анри прикасались к ее обнаженному телу, о том, что он мог с ней сделать. Это было бы ужасно. Неужели она чувствовала бы такое же отвращение, если бы Брайан решил осуществить свои супружеские права, мелькнуло у нее в голове, и она тут же поняла, что так бы оно и было. Неужели Марк своим единственным поцелуем навек отвратил ее от всех остальных мужчин?

— Вам холодно, — заметил Марк, видя, что она дрожит. Он поднял накидку и набросил ей на плечи, при этом его руки задержались дольше, чем того требовалось.

— Что вы здесь делаете? — спросила Криста, когда немного оправилась от потрясения, вызванного происшествием с Анри и внезапным появлением человека, который занимал ее мысли.

— Когда-нибудь я это объясню, а сейчас позвольте мне проводить вас в каюту. — Он взял ее за руку и повел по палубе, потом вниз по лестнице к каюте. У двери они задержались.

— Так вы таинственный пассажир из соседней каюты! — наконец догадалась Криста. — Почему же вы не показывались раньше? Вы знали, что я плыву на «Милом друге»?

Марку стало ясно, что Криста не отпустит его без объяснений, поэтому он быстро огляделся по сторонам, нежно подтолкнул Кристу к каюте, следом зашел сам и бесшумно прикрыл дверь. Они посмотрели друг другу в лицо — и в его взгляде Криста увидела бездну чувств, в которых была не в силах разобраться.

— Наши судьбы неразрывно связаны, моя сладкоголосая сирена, — глухо проговорил он. — Может быть, теперь и вы поверите в кismet. Помните, я говорил, что нам суждено скоро встретиться? А еще я говорил, что когда-нибудь вы будете моей.

Невозможный человек! Вечно он изъясняется загадками, а его самомнение просто безгранично.

— Марк, давайте не будем начинать все сначала, — сухо проговорила она. — Просто объясните мне, почему вы оказались на борту «Милого друга» и почему скрываетесь у себя в каюте.

На лице Марка промелькнуло выражение боли.

— Сядьте, Криста. Сейчас я попытаюсь. Все, что я вам скажу, правда, какой бы невероятной она ни показалась. — Он тяжело вздохнул. — История моей страны — это история насилия. Я надеялся изменить положение вещей, став правителем, но теперь далеко не уверен, что такая возможность мне представится.

Криста послушно села, озадаченно нахмурилась.

— О чем вы говорите, Марк?

— Мне нужно было время, чтобы предаться скорби — вот чем вызвано мое добровольное заключение.

— Скорби?

— Да, скорби по моим родителям. Я узнал о том, что отец скончался от удара. Если вы помните, мне пришлось покинуть бал, на котором мы встретились. Так вот, из Алжира прибыл

корабль с известием от великого визиря Константины: в связи с внезапной смертью отца я должен был немедленно вернуться на родину.

Голубые глаза Кристи расширились от удивления.

— Но я не понимаю. Почему вы оказались на борту «Милого друга», если в Лондоне вас ждал собственный корабль?

— В этой жизни все так непросто, — мрачно заметил Марк. — В письме великого визиря были и более горестные известия. После смерти отца мой сводный брат Абдулла захватил правление. И будучи военачальником, он получил поддержку янычар. Переворот свершился тем легче, что меня не было в стране, а сторонники отца не смогли удержать власть до моего возвращения. И вот Абдулла объявил себя беем Константины.

— Извините, Марк, — прервала его Криста, — но это все равно не объясняет того, почему вы не воспользовались собственным судном.

— Абдулла узнал о послании великого визиря и послал в погоню свой корабль. И пока мы готовились к отплытию, его корабль под покровом ночи вошел в Темзу, а его люди перебили мою команду и напали на меня. Только благодаря Омару мне удалось спастись бегством. Абдулла жаждет моей смерти и не успокоится до тех пор, пока я не перестану представлять для него угрозу. Он назначил награду за мою голову и запретил мне появляться на территории Константины.

— Поэтому вы добрались до Франции и сели на корабль в Марселе?

— Совершенно верно. — Марк невесело усмехнулся, — Я уверен, что нас преследовали, но, хвала Аллаху, я успел подняться на борт «Милого друга».

— Марк, вы сказали, что умер не только ваш отец. Что же случилось с вашей матерью?

Гнев и боль исказили лицо Марка. Его кулаки сжались, мускулы напряглись, и Криста онемела от изумления: перед ней стоял другой человек — человек, способный на величайшую жестокость.

— Абдулла приговорил мою мать к смерти. Мою нежную, прекрасную мать. Он опасался ее влияния, того, что она найдет сторонников и будет действовать в мою пользу. Слава Аллаху, моему младшему брату Хасиду удалось скрыться, иначе и его постигла бы та же участь. Но мать находилась в стенах гарема, а оттуда бежать было невозможно. Я уверен, что теперь и великий визирь уже поплатился жизнью за свою преданность мне.

Криста была так ошеломлена услышанным, что не могла вымолвить ни слова, она только смотрела на Марка глазами, полными сострадания. Он тяжело опустился на скамью, словно силы вдруг покинули его, и молча сидел, спрятав лицо в ладони. Волна нежности захлестнула сердце Кристи, она ласково убрала прядь темных волос, падавшую на лоб Марка. Это полное безотчетной нежности прикосновение подействовало как животворный бальзам. Марк поднял голову.

Их глаза встретились, и ей показалось, что всю свою жизнь она ждала только этого человека. Что это было? Кismet? Она не знала. Она знала только, что, как и говорил Марк, их судьбы связаны навеки и что со дня встречи с ним для нее началась новая жизнь.

Марк не мог отвести взгляда от мягкого чувственного изгиба ее губ. Его голова медленно

склонилась, и его рот приник к ее рту с такой нежностью, что на глазах у нее выступили слезы. Она едва не потеряла сознание, когда его язык нежно раздвинул губы, впитывая благоуханную влагу ее рта. Он слегка отодвинулся, провел кончиком языка по контуру ее губ, а потом его поцелуи, становясь все более жадными, оставили пылающие следы на шее и плечах, зажигая в ней пламя ответной страсти.

Ночная рубашка уже не прикрывала грудь Кристи, губы Марка наслаждались прикосновениями к ее нежному телу. Он мягко опрокинул ее на койку, а его губы прокладывали влажную тропу по шелковистой коже, пока не поймали розовый бутон, венчавший белоснежное полушарие. Когда его язык коснулся соска, Криста слегка вскрикнула, охваченная сладким и одновременно мучительным ощущением. Она обхватила руками его голову, все крепче прижимая ее к своей груди.

Его руки осторожно раздвинули ее стройные ноги, чтобы воздать должное розе женственности, скрытой в глубине треугольника золотистых волос. Криста затаила дыхание, потрясенная, ведь для нее эти интимные прикосновения мужских рук были первыми в жизни. В голове у нее мелькнуло, что если это и значит быть любимой, то пусть это длится вечно.

— Криста, ты воспламеняешь мою страсть, как ни одна другая женщина в мире, — прошептал Марк, приблизив свои губы к ее. — Помоги мне забыть мир, который отнял у меня все, что было так дорого. Унеси меня на небо, моя сладкоголосая сирена.

— Да, Марк, да, — страстно выдохнула Криста. — Я хочу быть твоей. Люби меня.

Все ее тело словно молило о завершении, сокровенное место, которое так искусно ласкали пальцы Марка, тяжело и сладко пульсировало. Зная, хотя и немного, о том, что происходит между мужчиной и женщиной, Криста хотела, чтобы все это произошло между ней и Марком. Приподнявшись, он раздвинул ее ноги коленями, и теперь уже не пальцы, а напряженная мужская плоть касалась ее воспламененного тела. Криста выгнулась в ожидании боли, о которой ей рассказывала ее мать, но ничего не произошло.

Марк со стоном оторвался от ее губ.

В смятении, с бешено бьющимся сердцем, Криста взглянула на него, не понимая, что остановило его.

— Я сделала что-нибудь не так? Ты меня не хочешь? — прошептала она.

— Нет, как ты можешь так думать? — Дыхание его прерывалось, казалось, он испытывает невыносимую боль. — Нет ничего на свете, чего я желал бы столь же сильно, как твое прекрасное тело... Но это все будет в другое время и в другом месте. Когда-нибудь ты станешь моей, но сейчас у меня нет права взять твою девственность. Что я могу тебе предложить взамен? Я человек, за которым охотятся, человек, лишенный того, что принадлежало мне от рождения. У меня осталась только гордость и жажда мести.

Она тяжело дышала и не понимала почти ничего из того, что он говорил. Криста понимала только, что хочет его, что ощущения, которые он пробудил в ней, должны найти выход. Но Марк уже поднялся, собираясь уходить, и Криста протянула руку, пытаясь его удержать.

— Нет, подожди! Марк, все это не имеет никакого значения. — Неужели он может быть так жесток? Неужели может вот так взять и оставить ее? — Для тебя не все потеряно. Со временем ты получишь герцогство в Англии. Разве так уж важно, что ты не можешь вернуться в Константинополь?

— Для меня это самое важное, — ответил Марк с горькой усмешкой. — Я поклялся свергнуть Абдулла и отомстить за смерть матери. Абдулла не должен править страной, и мне не будет покоя, пока я не накажу его за предательство и за горе, которое он причинил.

— Тогда позволь помогать тебе, — воскликнула Криста. — Когда мы будем вместе? Ведь мы связаны самой судьбой, разве не так? Или ты уже забыл, что говорил мне это?

— Я ничего не забыл. Моя сладкоголосая сирена, пути Аллаха и судьбы неисповедимы. Когда-нибудь мы будем счастливы: но никто не ведает когда.

— Но я буду твоей женой? — Она наконец отважилась задать самый главный вопрос.

Марк нахмурился и устремил невидящий взгляд в пространство. Когда он наконец снова взглянул на нее, ей показалось, что на широких плечах этого человека лежит бремя всего мира.

— Как моему отцу закон запрещал жениться на моей матери, так и мне в том будет отказано.

Прекрасные мечты в одно мгновение рассеялись как дым. От лица Кристи отхлынула кровь.

— Ты... ты хочешь, чтобы я стала твоей наложницей?

— Если мне улыбнется удача и я снова займу место, принадлежащее мне по праву, я никогда не смогу жениться на тебе. Никогда. Но ты никогда не будешь для меня наложницей. Ты будешь счастьем души моей, средоточием моего существования. Если у нас есть шанс быть вместе и ты хочешь этого, ты должна мне доверять.

— Но... но ты возьмешь в жены девушку из своего народа? — спросила Криста и затаила дыхание в ожидании ответа.

— Любовь моя, пока об этом нечего и говорить. Придет время, и мы будем вместе. Так предначертано и так будет.

— Нет, Марк, — с жаром перебила его Криста. — Я никогда не пойду на то, чтобы провести жизнь в стенах гарема, никогда не закрою лицо чадрой. Мы слишком по-разному воспитаны, несмотря на то что ты наполовину англичанин. Мое будущее в Тунисе с Брайаном, и твой путь лежит далеко от моего. Если ты действительно хочешь, чтобы я была с тобой, ты откажешься от страны отца и примешь страну матери. Твой дед герцог наверняка хочет, чтобы ты остался в Англии.

В его зеленых глазах появилось отчужденное выражение, словно они уже расстались.

— Да, заветное желание моего деда — это чтобы я остался в Англии и унаследовал фамильные поместья. Но даже будь у меня намерение пойти на встречу его желанию, Абдулла лишил меня этой возможности. Я не смогу жить спокойно, пока не вырву свою страну и трон из его алчных рук.

— Даже если это будет стоить тебе жизни?

— Даже тогда. Но, заглядывая в свое ближайшее будущее, я не вижу там смерти, — с загадочной усмешкой проговорил Марк. — Думаю, я проживу достаточно долго, чтобы увидеть детей своих детей.

— Тогда нам нечего больше сказать друг другу, Марк, Я желаю тебе удачи. И счастья.

— Что бы ты ни думала, моя сладкоголосая сирена, твое будущее связано со мной. Запомни мои слова. Ты никогда не выйдешь замуж за своего жениха. Аллах своей великой милостью соединит нас. Скоро ты станешь моей.

— Никогда! — вскричала Криста. — Мне нет места в твоём мире. Оставь меня!

Марк медленно поднялся, с сожалением окинул взглядом мягкие линии ее обнаженного тела. Любой другой мужчина с радостью внял бы ее призыву и овладел ею. Но, хотя он верил в свою счастливую звезду, будущее все же казалось слишком ненадежным, чтобы вот так бездумно дать волю страсти.

3

На следующее утро Кристу ждал неприятный сюрприз: Марк прервал свое добровольное заточение и присоединился к обществу. Его представили капитану Дюбуа, который, казалось, воспринял его появление как должное. Кристу Марк приветствовал сдержанной фразой: «С мисс Хортон мы уже знакомы». Анри Жерве едва поздоровался с ней и тут же отвернулся. Леди Уиллоу, как всегда, еще не показывалась.

Криста кое-как умудрялась глотать пищу, все время ощущая пристальный взгляд изумрудных глаз Марка. Наспех поев, она извинилась и быстро поднялась на палубу, радуясь, что на этот раз Анри не сопровождает ее как прежде. Во время завтрака тот почти не поднимал глаз от тарелки, и Криста поняла, что встреча с Марком сильно охладила пыл француза. Криста была благодарна Марку за это, но никакая благодарность не могла заглушить чувства обиды и унижения.

Вот и еще один прекрасный день, думала Криста, глядя на сапфировую голубизну неба, которую оживляли легкие белые облачка. Ее длинные серебристые волосы трепал свежий бриз, кожа приобрела здоровый золотистый оттенок от ежедневных прогулок по палубе. Под невесомым платьем из сиреневой кисеи вырисовывались тонкая талия, высокая грудь, угадывались совершенные линии бедер. Марк, который медленно приближался к ней, был полностью поглощен этим зрелищем. Взаимное притяжение было таким мощным, что он не мог противиться ему, не мог противостоять ее влекущей женственности. И хотя его ум пребывал в смятении, чувства говорили внятно и недвусмысленно: ему нужна Криста Хортон. И не только в постели. Она его жизнь, а он ее судьба.

— Прекрасный день, — проговорил он, безуспешно пытаясь скрыть радость, охватившую его от ее близости. Он знал, что Криста возмущена, и уважал ее побуждения, но ее красота влекла его все дальше и дальше — в тенета желаний. Как он мог противиться любви, которую она так щедро предлагала? Она была нужна ему, как пища, как вода, как воздух.

Криста резко обернулась и хмуро встретила его взгляд.

— Был прекрасным... пока не появились вы, — холодно ответила она.

Его полные губы тронула ленивая усмешка. «Господи, почему же меня так влечет к этому человеку?» — в отчаянии спрашивала себя Криста. Ведь с самой первой встречи было ясно, что он не для нее. Он рожден, чтобы повелевать, а она рождена, чтобы быть свободной.

— Криста, ведь вы не думаете того, что говорите, — мягко заметил Марк. — Когда мы наконец соединимся, вы с уважением отнесетесь к решению, которое я принял прошлой ночью. Должен

признаться, ни одну другую женщину я не желал так, как желаю вас.

— Я предпочла бы, чтобы вы оставили ваши признания при себе, милорд, — неприязненно проговорила Криста. — Уверяю вас, как только я выйду замуж за Брайана, я вас забуду. — «Боже всемогущий, какая страшная ложь», — мелькнуло у нее в голове. После встречи с Марком и помыслить было нельзя о том, чтобы выйти замуж за Брайана. Даже если она никогда больше не увидит Марка, жизнь с Брайаном будет для нее невозможной. Это было бы бесчестно по отношению к Брайану и к ней самой. Никто из мужчин не может сравниться с Марком.

— Криста, давайте...

Но конец фразы был заглушен высоким пронзительным голосом, раздавшимся совсем рядом:

— Марк! Марк Кэррингтон! Неужели это ты? Бросив капитана, который жестом собственника обнимал ее за талию, леди Уиллоу устремилась к Марку. Меньше всего на свете ему хотелось бы видеть Уиллоу Лэнгтри. Ему потребовалось немало времени и сил, чтобы убедить ее, что между ними все кончено. Он давно пресытился этой женщиной, а она упорно отказывалась признать это обстоятельство и смириться с ним. Для Марка же леди Уиллоу была просто одной из череды любовниц, которых он имел в Англии, и ни одна из них ничего не значила для него. Лишь Кристе удалось завладеть его сердцем.

Марк кое-как освободился от цепкой руки леди Уиллоу и произнес:

— Какая неожиданность, леди Уиллоу. Никак не ожидал встретить вас на борту «Милого друга». Неужели вы наконец-то решили воссоединиться с любимым мужем?

Уиллоу победно улыбнулась. Увидев Марка, она тут же вообразила, что он каким-то образом узнал о ее отплытии из Марсея и последовал за ней. Ее безграничное самомнение твердило, что Марк лишь делал вид, что хочет разрыва. Правда, ее несколько озадачивало то обстоятельство, что он так долго не искал встречи, ведь теперь она поняла, что именно он и был тем загадочным пассажиром-затворником. — Сейчас она жаждала поговорить с ним наедине.

— Так ты и есть тот самый человек, который не желал покидать свою каюту? — игриво воскликнула леди Уиллоу. Потом она недовольно поджала полные губы. — Зачем же ты потратил зря столько времени, дорогой? Подумай обо всех тех днях и ночах, которые мы могли бы... — Тут она осеклась, потому что вспомнила о Лефевре, который жадно прислушивался к ее словам, и Кристе, единственным желанием которой было оказаться как можно дальше отсюда.

— Вы извините нас, не правда ли? — Она послала Лефевру сладкую улыбку. — Мы с Марком Кэррингтоном старые... друзья. Нам так много нужно обсудить.

Лефевр, снедаемый ревностью, бросил угрюмый взгляд на Марка, потом отвесил поклон леди Уиллоу.

— Как пожелаете, *cherie*. — Он повернулся на каблуках и отошел.

Криста не стала ждать, пока ее тоже попросят удалиться, и двинулась за ним. Она сразу поняла, что Марка и леди Уиллоу связывает нечто большее, чем дружеские отношения. Оказаться между двумя любовниками — для Кристи это было слишком унижительно. Наверное, Марк считает ее наивной дурочкой, ведь она так легко поверила его лживым обещаниям. Кисмет? Да у Марка просто хорошо развито воображение, и, как любой другой охотник до

прекрасного пола, он умеет вовремя польстить.

— Криста, не уходите, — попросил ее Марк.

— Но я здесь явно лишняя, — сухо бросила она в ответ.

— Вы знакомы с Кристой? — удивленно спросила леди Уиллоу, подозрительно прищурившись.

— Я имел счастье познакомиться с мисс Хортон на балу у Трентонов, — ответил Марк.

— Ах да, меня там не было, — заметила леди Уиллоу. — Я почему-то не получила приглашения. Наверное, произошла какая-то ошибка.

Марк подавил смешок. Он просто-напросто запретил Питеру Трентону приглашать леди Уиллоу. Эта связь тяготила его, и он с удовольствием узнал, что его любовница собирается покинуть Англию и уехать к мужу. Правда, он никак не ожидал, что ей придет в голову выбрать путь через Марсель. Теперь у него было такое впечатление, словно сама судьба строит ему козни.

— Надеюсь, вы простите меня, Уиллоу, — обратился он к бывшей любовнице. — Я обещал сопровождать мисс Хортон в ее утренней прогулке. — Его тон не оставлял никаких сомнений, но леди Уиллоу по-прежнему упорно отказывалась видеть очевидное. Не хватало только, чтобы вниманием Марка завладела какая-то девчонка, у которой еще молоко на губах не обсохло.

Криста угадала чувства леди Уиллоу. Ей была противна сама мысль о банальном соперничестве.

— На сегодня с меня достаточно, — решительно объявила она. — Хочу спуститься в каюту и почитать. — Не дожидаясь ответа, Криста быстро двинулась прочь, до глубины души задетая происшедшим.

— Снова играешь в свои старые игры, мой милый? — со злостью прошипела леди Уиллоу, когда Криста скрылась из виду.

Марк окинул ее ледяным взглядом.

— Что ты имеешь в виду, Уиллоу?

— Ну как же — совращение девственниц, — презрительно отозвалась та. — Когда же ты наконец поймешь, что они не стоят затраченных усилий? Кроме того, теперь, когда я рядом, тебе нет нужды продолжать охоту на эту невинную газель. — Ее голос стал хриплым при одной мысли о том, что она вновь сможет испытать то необыкновенное наслаждение, которое ей не мог дать никто, кроме этого человека.

— Это ты, Уиллоу, играешь в старую игру, — сдержанно ответил Марк, хотя предположение, что он лишь пытается совратить Кристу, возмутило его. — Между нами все кончено, и я не хочу больше это обсуждать.

Уиллоу сердито передернула плечами.

— Значит, я тебе больше не нужна. А ведь еще не так давно ты не миг мною насытиться.

— Возможно, — согласился Марк. — Но теперь это в прошлом. Удовлетворись тем, что ты скоро будешь со своим мужем. Попытайся для разнообразия осчастливить и его.

— Он ни на что не годится в постели. Марк, ты же знаешь, как я отношусь к своему мужу.

— Тогда возьми нового любовника. Например, Лефевра. Судя по тому, что я видел, он вполне годится на эту роль.

— Я уже попробовала. Он и вполтину не так хорош, как ты, — бесстыдно призналась леди Уиллоу.

Ее ответ рассмешил Марка.

— Ты льстишь мне, Уиллоу. Уверен, что я не единственный мужчина на свете, способный тебя ублажить.

— Может быть. Но ты единственный, кого я хочу, — капризным тоном заявила Уиллоу.

Страстно желая как можно скорее избавиться от леди Уиллоу и ее притязаний, Марк с тяжким вздохом сказал:

— Извини, Уиллоу, мне сейчас совершенно некогда все это обсуждать. У меня важные дела.

— Но ты выкроишь время для свидания? — настойчиво спросила Уиллоу, надеясь вырвать у него обещание, прежде чем он улизнет.

Окончательно выведенный из себя, Марк неопределенно кивнул головой и быстро двинулся прочь.

— Заканчивай поскорее свои дела! — крикнула Уиллоу ему вслед. — После ужина я приду к тебе в каюту.

— Да, — на ходу бросил Марк, даже не расслышав как следует ее слов. Сейчас для него было важным только одно — разыскать Кристу и объяснить ей свои отношения с леди Уиллоу.

Но, к его великому разочарованию, Криста отказалась впустить его к себе в каюту. Он стоял под дверью и кипел от возмущения. В конце концов он решил, что пытаться объяснять Кристе то, что не имеет к ней никакого отношения, ниже его достоинства. Ведь они не женаты и даже не помолвлены. И все же внутренний голос упорно твердил: Криста должна понять, что Уиллоу Лэнгтри ничего для него не значит.

В тот вечер Криста не вышла к ужину, велев Марле принести поднос в каюту. После всего что произошло, она не могла встретиться с Марком лицом к лицу на глазах у посторонних людей. Но, сидя в запертой каюте, она перебирала впечатления недавней встречи, и ей начинало казаться, что она была несправедливой к Марку. Разумеется, между Марком и леди Уиллоу существовали какие-то особые отношения в прошлом, но это не значит, что они существуют и сейчас. Она должна была дать ему возможность объясниться. Кроме того, в разговоре с глазу на глаз она могла бы попытаться убедить его не возвращаться в Константиноу, где его жизни грозит опасность. Если у них действительно есть будущее, то это будущее в Англии. Только в Англии они могли бы любить друг друга и жить свободно и счастливо.

Эта мысль подтолкнула Кристу к действию. Она решила найти Марка и поговорить с ним. Открыв дверь каюты, она так и не переступила порога, потому что до нее донесся голос леди Уиллоу, голос, в котором явственно звучала страсть:

— Марк, это Уиллоу, открой мне. Ты просил меня прийти, и я не могу больше ждать.

Криста неслышно прикрыла дверь, обессиленно прислонилась к косяку, снова укоряя себя за легкоеверие и наивность. Все уверения Марка о том, что они будут вместе, оказались пустыми словами. Возможно, он действительно думал то, что говорил, но лишь до тех пор, пока в его жизни снова не появилась леди Уиллоу. Криста пыталась уверить себя, что даже рада случившемуся, потому что увидела истинное лицо Марка, пока еще не стало слишком поздно, но в душе ее царило такое смятение, что она никак не могла заснуть. Она невольно прислушивалась, пытаясь понять, что происходит в соседней каюте. Может быть, Марк уже предается страсти с леди Уиллоу. Но до нее не доносилось ни звука.

Криста так и не узнала, что леди Уиллоу в ту ночь не входила в каюту Марка. Омар вежливо сообщил сгорающей от страсти рыжеволосой красавице, что его хозяин уже давно спит, и та в ярости удалилась.

В течение нескольких следующих дней Кристе стоило больших усилий соблюдать вежливость по отношению к Марку. Впрочем, они никогда не оставались с глазу на глаз — Уиллоу везде следовала за Марком как тень. Анри больше не беспокоил Кристу, лишь иногда он бросал на нее взгляды, полные презрения, очевидно, считая ее виновницей испытанного унижения.

А потом настал день, когда изумительная погода, сопутствовавшая «Милому другу» с самого его выхода из Марселя, сменилась сильным штормом. Небо стало свинцовым, ветер яростно ревел и гнал над морем черные грозовые тучи, а само море превратилось в свирепое чудовище, вздымавшее огромные пенные валы. Криста стояла на палубе, вцепившись в поручень. Она не могла заставить себя оторваться от этого потрясающего зрелища, которое наполняло ее душу восторгом и ужасом.

— Капитан приказал всем пассажирам покинуть палубу, — прозвучал у нее над ухом низкий голос. — Криста, вы меня слышите? — настойчиво повторил Марк. — Все пассажиры уже спустились в свои каюты.

Криста медленно повернулась к нему.

— Будет настоящая буря? — спросила она, на половину со страхом, на половину с благоговением.

— Скорее всего, — сказал он, напрягая голос, чтобы заглушить рев ветра. — Идемте, я провожу вас до каюты.

Криста кивнула, но не смогла разжать руки, вцепившиеся в перила. Ей казалось, что порыв ветра тут же подхватит ее и швырнет в бушующие волны. Марк, чувствуя, как она напугана и заворожена надвигающейся бурей, стал осторожно разгибать ее пальцы один за другим. Его прикосновение в один миг вывело ее из транса. Там, где он касался ее, кожу словно обжигало пламенем, и помимо своей воли она устремила взгляд прямо в изумрудные глаза единственного человека в мире, способного наполнять ее тело и душу непреодолимым желанием.

Марк не мог не откликнуться на ее безмолвный призыв. В один миг все, что говорил ему разум, все «правильно» и «неправильно» исчезли, поглощенные могучим взрывом чувств. Эти чувства росли в нем с самого первого дня, с той самой минуты, когда его взгляд встретился со взглядом этих широко открытых голубых глаз. Все благие намерения, вся решимость исчезли как дым, когда он подхватил Кристу на руки, когда ее голова прижалась к его бешено бьющемуся сердцу.

Словно пушинку нес он ее по качавшейся палубе, через которую теперь перекатывались

волны, и прежде чем они достигли укрытия, пошел ледяной ливень. Но ни он, ни она словно не замечали разбушевавшейся стихии, поглощенные друг другом. К тому времени, как они оказались в каюте Кристи, оба промокли насквозь, однако не холод вызвал дрожь, сотрясавшую их тела.

Осторожно поставив Кристу на ноги, Марк протянул дрожащие руки к застежке на ее платье. Лампа, оставленная Марлой на ночь, раскачивалась под потолком, от чего по стенам каюты металась тень.

— Да поможет мне Аллах, ибо сам я не в силах справиться с собой. — Голос Марка больше напоминал стон. — Я не могу больше ждать, хотя знаю, что сейчас не место и не время.

Криста не могла вымолвить ни слова. Единственной реальностью в этот миг были руки Марка на ее груди.

— Я хочу видеть тебя в эту нашу первую ночь, — прошептал Марк. — Всю тебя. Если ты хочешь, чтобы я ушел, скажи сразу, потому что через минуту будет уже слишком поздно. Я не хочу, чтобы наше первое соитие было похоже на мгновения безумия, я хочу, чтобы ты запомнила эту ночь навсегда.

С губ Кристи сорвался непроизвольный вздох, когда его руки медленно проскользили по мягким линиям ее груди. Она не отрываясь смотрела на него снизу вверх из-под густых ресниц. По ее телу пробежала дрожь желания, и она не смогла бы протестовать, даже если бы этого хотела. Мучительно медленно Марк обнажил верхнюю часть ее тела, ее округлые белоснежные груди. Под его жаждающим взглядом ожили розовые соски, и он наклонился, чтобы поцеловать их — сначала один, потом другой. Криста застонала.

— Криста, ты хочешь меня? — тихо спросил Марк. — Или ты хочешь, чтобы я ушел? Я могу уйти, и мое отношение к тебе не изменится. — Он говорил так, хотя сам не был уверен, что сможет уйти, если она того потребует.

— Нет! Да! — вскричала Криста. — Да, я хочу тебя и не хочу, чтобы ты уходил.

— Тогда я останусь, моя сладкоголосая сирена. Я научу тебя любви, научу давать наслаждение и получать его. — Его последние слова прозвучали у самого ее лица, а потом он раздвинул ее губы своими и приник к ее рту. В его поцелуе была вся жажда неутоленного желания.

Руки Кристи словно независимо от ее воли ласкали его грудь и плечи, наслаждаясь этими прикосновениями. Он был воплощением мужественности — бронзовая кожа, твердые упругие мышцы. Она хотела его, и слова удивления и протеста замерли у нее на губах, когда он поднял ее и положил на койку, ни разу не оступившись на качавшемся под ногами полу. Бушующая стихия была забыта, все поглотило отчаянное стремление утолить сжигавшую их жажду.

С трепетной нежностью он освободил ее от одежды и присел на корточки возле узкой койки, любясь изысканными линиями ее тела.

— Ты прекрасна, — благоговейно прошептал он. — Прекраснее, чем женщина имеет право быть.

Он сбросил с себя сюртук и рубашку, снял ботинки, чуть помедлив, выскользнул из брюк. Глаза Кристи расширились, и хотя она старалась не смотреть, ее взгляд был прикован к его возбужденной плоти, вздымавшейся из темных зарослей между бедер. «Какое совершенное создание природы», — подумала Криста. Марк улыбнулся, и она вспыхнула, представив на

мгновение, как его твердая плоть проникает в ее тело. Словно угадав ее мысли, Марк лег и вытянулся рядом с ней. Их руки и ноги переплелись.

Он точно знал, где и как касаться ее, чтобы она получила наиболее сильные ощущения. Его губы нашли чувствительную точку на шее, скользнули по груди, изгибу талии, потом оставили пылающий след на животе и наконец спустились еще ниже. В огне желанья исчезли все сомнения, она прижалась к нему в порыве чистой страсти. Ощувив его пальцы между бедер, Криста бессознательно раздвинула ноги. Его умелые прикосновения словно поднимали ее по спирали наслаждения все выше и выше — туда, где она никогда прежде не бывала.

Она провела руками по его спине, твердым ягодицам, восхищаясь силой упругих мускулов. Он покрывал поцелуями ее шею, ключицы, нежно сжимал губами розовые соски, в то время как рука его оставалась между бедрами, и от этих ласк все ее тело трепетало, бессознательно отвечая на каждое его движение.

— Прости, дорогая, мне придется сделать тебе больно, но так бывает только в первый раз, — шепнул Марк.

Он резким и мощным движением ворвался во влажное тепло ее тела, вскрикнув от наслаждения, когда упругие стенки сжали его плоть.

Криста тоже не удержалась от возгласа, почувствовав резкую острую боль, но эта боль тут же сменилась поразительным ощущением, которого она не испытывала никогда в жизни. Марк сознательно замедлял движения, иногда совсем замирая, чтобы она привыкла к этому ощущению, и, только когда она, вздохнув, расслабилась, его напряженная плоть полностью заполнила ее лоно.

Весь мир потускнел, а время остановилось. Тело Кристи отзывалось на каждое его движение внутри ее, так же как душа отзывалась на жаркие признания, идущие из самой глубины его сердца. Криста ловила изменчивый ритм его движений, их тела сливались в едином порыве, они не видели слепящего света молний, прорезавших грозовую черноту неба, не замечали ни раскатов грома над морем, ни ветра, который швырял, как скорлупку, корабль и рвал паруса. Буря чувств, заставлявшая двигаться их тела, была сильнее буйства стихий, а пламень взаимной страсти пылал ярче, чем небесный огонь.

Когда все кончилось, Криста открыла глаза и увидела, что Марк пристально смотрит на ее обнаженное тело. Она вспыхнула от смущения и попыталась прикрыть наготу. На лице Марка появилась ласковая улыбка, он завладел ее руками.

— Тебе нечего стыдиться, любовь моя, — нежно произнес он. — Твое тело прекрасно, оно создано для любви, и когда-нибудь я буду знать его так же хорошо, как собственное. — Он ласково провел пальцем по ее щеке, подбородку, тронул полураскрытые губы.

— У тебя тоже красивое тело, — ответила Криста, застенчиво глядя на него из-под полупущенных густых ресниц.

Он усмехнулся.

— Мужчины не бывают красивыми, моя прекрасная сирена.

— Но ты красив, — с обожанием прошептала она. — Я никогда не думала, что это может быть так... восхитительно.

— Он становится таким, когда есть любовь. — Марк говорил так, словно эта мысль впервые пришла ему в голову. — Криста, ты веришь, что я тебя люблю?

— Да, наверное, — задумчиво проговорила Криста. — Все, что случилось со мной со дня нашей первой встречи, случилось независимо от моей воли. Я думаю, эта ночь была неизбежна.

Марк кивнул.

— Кismet.

— А как же Уиллоу, Марк? — нерешительно спросила Криста.

— Какое отношение к нам имеет Уиллоу? То, что было в прошлом, никак не связано с моими чувствами к тебе.

— Но я не вполне уверена в том, что между вами все кончено.

— А я уверен. Я не отрицаю того, что у меня с ней был роман, но он кончился задолго до нашей с тобой встречи. Уиллоу — настойчивая особа, — с иронией добавил он, — она никогда не сдается.

Криста негромко спросила:

— А ты обычно спишь с теми, с кем у тебя все кончено?

— О чем ты?

— Разве ты забыл? Ведь моя каюта рядом с твоей. Я слышала, как она приходила к тебе прошлой ночью.

— Так вот в чем дело? — усмехнулся Марк. — Если бы ты послушала еще немного, то узнала бы, что Омар отослал ее прочь.

— Это правда?

— Правда.

— Марк, прости меня. Я так плохо о тебе думала. Что же теперь с нами будет? Ты считаешь, у нас действительно есть будущее?

— Наше будущее — любить друг друга.

Истолковав ответ в соответствии со своими желаниями, Криста теснее прижалась к Марку, и они снова слились в страстном объятии. Его руки и губы обладали магической способностью пробуждать в ней желание.

— Опять? — в изумлении спросила она. — Неужели это возможно?

— Конечно возможно, моя дорогая. Я могу дарить тебе любовь всю ночь напролет, не ведая усталости.

А потом слова стали не нужны, мысли улетели прочь, не осталось ничего, кроме ощущения его рук и губ на ее теле.

Незадолго до рассвета Марк неохотно покинул каюту Кристи, предоставив ей возможность спокойно поспать несколько часов, чтобы восстановить силы. Когда она проснулась, новый день встретил ее хмурым серым небом и плотным туманом, повисшим над морем. Ветер утих, но море еще не успокоилось. Ночная буря оставила за собой разрушительные последствия: выйдя на палубу, Криста обнаружила, что одна из мачт сломана, и румпель не действует. Капитан Дюбуа уверял взволнованных пассажиров, что эти поломки можно устранить в течение одного-двух дней.

Задержка в пути нимало не беспокоила Кристу. Каждый день она с нетерпением ждала ночи, когда Марк тайно приходил к ней в каюту, и они предавались любви. Теперь она понимала, как сильна ее любовь к Марку, и сердцем ощущала, что он тоже любит ее. Он решительно игнорировал леди Уиллоу и, несмотря на все ухищрения рыжеволосой красавицы, ни разу не остался с ней наедине, предпочитая, к великой радости Кристи, ее общество.

Однажды ночью, когда они отдыхали, лежа в объятиях друг друга, Криста стала размышлять вслух о том, что ждет их в будущем.

— Марк, завтра румпель будет в исправности, и мы снова тронемся в путь. Через день-другой корабль прибудет в Африку. Я уверена, что мои родные тебя полюбят. Скажи, мы поженимся в Тунисе?

Лицо Марка выразило крайнее изумление.

— Криста, я думал, ты поняла.

— Поняла что?

— Любовь моя, ведь ничего не изменилось, кроме того, что мы дали волю своим чувствам. Мы не можем пожениться. Сейчас не можем. А может быть, не сможем никогда. Я человек, которого преследуют, мне запрещен въезд в мою страну, и за мою голову назначена награда. Опасность подстерегает меня повсюду, где бы я ни был, и пока она не исчезнет, мы не можем быть вместе. Твоя жизнь слишком дорога мне, чтобы я стал ею рисковать. Пока все трудности не будут преодолены, пока я не буду уверен в будущем, я не смогу думать ни о чем, кроме мести. Я должен свергнуть Абдуллу и отомстить за мать.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась домой и вышла замуж за Брайана?

— Боже, конечно, нет! Я просто хочу, чтобы ты жила с родными, в безопасности. Надеюсь, ты сможешь держать Брайана на расстоянии, пока я не приеду за тобой.

— А что будет, когда ты приедешь за мной? Если тебе повезет и ты вернешь себе право на престол? Какое место я займу в твоей жизни? — допытывалась она.

— Не задавай мне эти вопросы сейчас, Криста. Когда придет время, мы разрешим их.

— А я-то думала, что ты переменялся! — с горечью воскликнула Криста. — Я думала, что тебе есть дело и до меня. Неужели месть значит для тебя больше, чем любовь?

— Криста, не надо. Не вынуждай меня давать обещания, которые я не смогу выполнить. Пусть наша любовь говорит сама за себя. Будь терпелива и жди меня.

— Марк, мне этого недостаточно. — Криту никак не удовлетворял его ответ. — Если бы ты на самом деле любил меня, ты подавил бы в себе эту не разумную жажду мести.

— Неужели ты забыла, что Абдулла казнил мою невинную мать и убил бы моего младшего брата, если бы тому не удалось спастись бегством? Ради Аллаха, оставь мне право сохранить гордость. Я отдал тебе сердце — неужели ты требуешь еще и мою душу?

— Я не требую ничего, кроме того, что ты сам пожелаешь мне дать, — печально проговорила Криста.

— Тогда ты понимаешь, почему мы должны расстаться на некоторое время?

— Нет, не понимаю, — упрямо возразила она. — Либо ты любишь меня и хочешь, чтобы мы были вместе, либо нет.

— Все это совсем не так просто, — с закипающим раздражением ответил Марк. Как и его предки, он не был приучен отчитываться перед кем-либо и считал, что никто не вправе этого от него требовать.

— Я не стану продолжать этот разговор до тех пор, пока ты не придешь в чувство, — холодно бросила Криста. Почему ему кажется странным, что она не хочет, чтобы он сам совал голову в петлю в своей безумной жажде мести?

Перед глазами Марка поплыли красные пятна, признак подступавшей ярости, он бросал ей в лицо необдуманные слова, которые ранили как пули:

— Я думаю, мои соотечественники правы, считая, что женщина пригодна лишь для одной-единственной цели. Их надо держать взаперти и получать от них удовольствие. Предоставь им чуть больше свободы, и они только усложнят тебе жизнь.

— Ты просто самодовольный глупец! — взорвалась Криста. Она поднялась на колени, забыв о своей наготе. — Как ты смеешь сравнивать меня с этими бедными созданиями, вынужденными вести жалкое существование в тени своего господина, женщинами, которые привыкли служить для развлечения мужчин вроде тебя!

Изумрудные глаза Марка загорелись дьявольским восторгом, когда взбешенная Криста предстала перед ним в своей ослепительной наготе.

— Все женщины одинаковы, — намеренно оскорбительным тоном продолжал он. — И все они в восторге от того, что я проделываю с ними.

— Ты отвратителен! Оставь меня!

Его губы изогнулись в кривой усмешке, и Криста спрыгнула с постели, повернулась к нему спиной. Марк подумал о том, что ее ягодицы просто великолепны, и тут же сообщил ей об этом. Потом она почувствовала руки, обхватившие ее бедра, и едва не задохнулась от возмущения.

Криста рванулась прочь и, повернувшись, уставилась на него огромными голубыми глазами, в которых сверкала ярость. По его лицу разлилась хищная улыбка, и, к своему удивлению, Криста почувствовала, что ее тянет к этому самодовольному наглецу. На его загорелом лице лежала печать благородства, которое дает только высокое происхождение, от него веяло примитивной и дикой мужественностью, глубоко затрагивавшей ее естество.

— Я собираюсь снова обладать тобой, моя прекрасная сирена. — Его глаза излучали искушение, непосильное для смертной женщины, а глубокий голос был таким манящим, что в ее напряженном теле вибрировал каждый нерв. Он явно собирался выполнить то, о чем заявил, и желание или нежелание Кристи не имело никакого значения.

Его тонкая бровь вопросительно изогнулась и застыла, а Криста никак не могла оторвать взгляда от его мускулистого тела. Он стоял как статуя — положив руки на узкие бедра, широко расставив сильные ноги, напряженная мужская плоть гордо и угрожающе вздымалась из треугольника черных волос.

— Мне наскучила твоя любовь, — вызывающе бросила Криста.

Марк запрокинул голову, и каюта наполнилась его громовым хохотом. Хотя он делал вид, что замечание Кристи его просто позабавило, она заметила искры гнева, вспыхнувшие в изумрудных глазах.

Она отступала, пока не коснулась спиной стены каюты, а Марк приближался к ней с дьявольской усмешкой.

— Сейчас мы посмотрим, правду ли ты говоришь, — хрипло проговорил он, и в то же мгновение его железные пальцы сомкнулись на ее запястьях.

Она собиралась что-то сказать, но промолчала, решив, что это будет лучшим ответом из всех возможных. Но Марк не позволил ей остаться безучастной, его ласки вынуждали ее тело отвечать на них, хотя ее разум беззвучно кричал «Нет!». Он снова улыбнулся, с утонченной жестокостью наслаждаясь ее смятением.

— Ты хочешь меня. — Он не спрашивал ее, он утверждал.

— Нет!

— Прекрасная сирена, сейчас я унесу тебя в рай.

С этими словами он швырнул ее на койку и осыпал столь жгучими ласками, что она почувствовала: яростный протест, бушевавший в душе, помимо ее воли гаснет, растворяется в совсем ином чувстве. Собрав остатки воли, Криста воскликнула:

— Я не хочу тебя! — С таким же успехом она могла бы обращаться к ветру, летящему над морем.

Этот человек был чародеем, посланным ей судьбой с единственной целью — мучить ее. Его рот жадно припал к розовому соску, а пальцы нетерпеливо перебирали светлые завитки волос, отыскивая чувствительную точку. Криста чувствовала, как ее тело подчиняется его ласкам, предает ее, и, когда Марк раздвинул губами ее губы и его язык стал жадно впитывать сладостную влагу ее рта, она сжала зубы, в тот же миг ощутив вкус крови.

Он вскрикнул от боли, на его лице появилось выражение ярости. Криста почувствовала, как что-то твердое вонзается в мягкую плоть между ее бедрами, грубо прорываясь в самую глубину ее лона. Она изо всех сил извивалась, придавленная тяжестью его тела, но безжалостное орудие с размаху вошло в нее по самую рукоять.

И в то же мгновение ярость Марка утихла, осталось лишь необузданное животное желание. Ужасное чувство отчаяния, поражения охватило ее, и, хотя она еще пыталась сопротивляться,

битва была проиграна. Он заполнил ее полностью, ей казалось, что каждое его движение разрывает ее тело изнутри, но вскоре боль сменилась наслаждением, от желания сопротивляться этому грубому вторжению не осталось и следа, ее тело выгибалось, полностью подчинившись магической силе этого человека. И только ощутив последние содрогания ее утоленной плоти, Марк позволил своей страсти излиться в могучем взрыве.

Наступило долгое и тягостное молчание. Он заставил покориться ее тело, но гнев, кипевший в душе Кресты, не был утолен.

— Чего ты намеревался достигнуть, добиваясь, чтобы я ответила? — наконец проговорила она обвиняющим тоном. — Моего уважения? Или ты просто хотел потешить свою гордость?

— Гордость — странная вещь, — задумчиво ответил Марк. — Не стоит ее задевать. В следующий раз подумай, прежде чем критиковать мои мужские способности.

— Следующего раза не будет, — решительно заявила Креста.

На его лице появилась загадочная улыбка. Он легким движением соскользнул с койки.

— Ты ошибаешься, любовь моя. Сладостное пение сирены снова позовет меня, и я, как одержимый любовью глупец, отвечу на зов. Аллах преднамеренно создал тебя для моего наслаждения, и ни один другой мужчина не в силах будет заменить меня.

— Твоя самоуверенность безгранична, — холодно ответила Креста, но сердцем она вдруг отчетливо осознала, что он прав. Она чувствовала, что никто не может вызвать в ней тех же чувств, какие она испытывала к Марку. Она действительно любила его, этого чужеземного принца, но все дело было в том, что он не любил ее достаточно крепко, чтобы следовать велению своего сердца, а не разуму, толкавшему его к мести. Так больно было сознавать, что в его жизни ей уготовано лишь то место, которое могла бы занимать любая другая женщина.

Сквозь золотистый ореол пушистых ресниц, увлажненных непрошеными слезами, она с горечью наблюдала, как он одевается, и какое-то шестое чувство подсказывало ей, что она видит его в последний раз. Сорвавшийся с ее губ вздох привлек внимание Марка. Несколько мгновений он неотрывно глядел на ее прекрасное обнаженное тело — упругие груди с заостренными сосками, все еще горящими от его ласк, тонкая талия, совершенной формы бедра и ноги.

— Я знаю, ты сердисься, Креста, но когда-нибудь ты поймешь, как дорога мне твоя жизнь. Слишком дорога, чтобы я мог подвергать ее опасности.

— Если ты доверишься мне и наберешься терпения, мы скоро будем вместе. Я обещаю.

— И я стану твоей наложницей? — с вызовом бросила Креста.

Его губы слегка дрогнули, но он не произнес ни слова. Креста беспомощно пожала плечами и кивком головы указала ему на дверь. И потом его последние слова много раз звучали у нее в ушах долгими одинокими ночами:

— Кismet, моя прекрасная сирена. Человек предполагает, бог располагает.

Чистое небо и легкий свежий бриз обещали прекрасный день, но настроение у Кресты было далеко не безоблачным. Марка нигде не было видно, и она стояла у поручней, наблюдая за тем, как команда устанавливает отремонтированный румпель. Капитан Дюбуа нервно

расхаживал взад-вперед по мостику, тревожным взглядом обводя горизонт.

Внезапное появление леди Уиллоу нарушило уединение Кристи. Та появилась без своего обычного эскорта в лице Пьера Лефевра и смерила Кристу с головы до ног взглядом, лишенным даже слабого намека на дружелюбие.

— Знаете ли, вам не удалось никого одурачить, — ядовито заметила она.

Криста вздрогнула и повернулась к ней.

— Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

— Анри Жерве недаром намекал, что ваши отношения с Марком Кэррингтоном — это не просто дружеская симпатия. Я хорошо его знаю. Этот человек не привык долго обходиться без женщины. У меня он не бывает, стало быть, Анри прав. Весь корабль уже знает, что вы любовники.

— Анри нельзя верить, — холодно ответила Криста. — А он не рассказывал вам заодно, как напал на меня однажды ночью, и меня спасло только вмешательство Марка? На вашем месте я бы не слишком прислушивалась к тому, что говорит Анри.

— Меня мало заботит, что там у вас было с Анри, — небрежно продолжала леди Уиллоу. — Но ваши отношения с Марком меня очень интересуют. Вы были любовниками уже в Англии? Это из-за вас он порвал со мной и сел именно на это судно?

От ее бесцеремонных вопросов Криста вскипела.

— Если вас это так интересует, спросите Марка.

— О чем это меня надо спросить? — раздался рядом звучный голос.

Обе женщины были так поглощены словесным поединком, что не заметили, как к ним подошел Марк.

— Дорогой! — воскликнула Уиллоу, одарив Марка улыбкой, которую считала чарующей и неотразимой. Но, к ее великому неудовольствию, Марк смотрел только на Кристу.

— Так о чем же вы собирались спросить меня, милые дамы? — повторил он.

— Пусть леди Уиллоу вам задаст свои вопросы. — Криста резко повернулась и быстро пошла прочь. Бурная сцена, которая произошла между ними прошлой ночью, слова, полные гнева, были еще слишком свежи в памяти, чтобы она могла говорить с Марком.

Марк был явно расстроен, об этом говорила вертикальная морщинка, прорезавшая его гладкий лоб. Когда он наконец встретил женщину, которая воплощала в себе все, что он только мог пожелать, единственную женщину, которую он мог любить глубоко и самозабвенно, жизнь лишает его возможности следовать зову сердца. Каким бы странным это ни казалось, но Марк ни разу не усомнился в своей любви к Кристе. Он знал, что полюбил ее с самой первой минуты, когда их глаза встретились на балу у Трентонов.

Но роковой поворот событий поставил их будущее под угрозу. Да, он действительно мог бы вернуться в Англию и вести жизнь наследника герцогства, но это был путь, достойный труса. Если бы только Криста нашла в себе достаточно разума, чтобы понять, что он не мог оставить

предательство Абдуллы безнаказанным. Но как только он вернет себе власть, ничто не сможет разлучить его с Кристой. Он сделает все возможное, чтобы добиться изменения закона и сделать ее своей женой.

Все эти мысли проносились в его голове, когда он глядел вслед удалявшейся Кристе, которую сопровождали два французских офицера. Марк неохотно повернулся к леди Уиллоу. Та тут же схватила его под руку и увлекла в противоположную сторону.

— Что между вами происходит? — требовательным тоном спросила она. — Криста уже не кажется такой невинной недотрогой как раньше, и это просто бросается в глаза, — прибавила она язвительно. — Ты с ней спишь? Ну как она? Так же хороша, как я?

— Послушай, Уиллоу, ты меня просто поражаешь. — Марк покачал головой. — Что я должен сделать, чтобы тебя утихомирить? Чего тебе не хватает? Ты покорила всех мужчин на этом корабле, а в Алжире тебя ждет любящий муж. Зачем ты так упорно пытаешься сделать вид, что нас связывало что-то большее, чем взаимное физическое влечение? Это доставило удовольствие нам обоим, но всему приходит конец. И сейчас ты не вправе вмешиваться в мою жизнь.

— Боже! Так ты в нее влюбился! — Визгливый смех Уиллоу привлек к ней несколько недоуменных взглядов. — Наконец-то ты влюбился! Так тебе и надо... Ты говорил, что ваши законы запрещают жениться на иностранках, а, как известно, Криста скоро выходит замуж. Я буду счастлива видеть тебя брошенным, видеть, как ты будешь страдать. Теперь ты на собственной шкуре почувствуешь, каково быть отвергнутым.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, Уиллоу. Я... — Марк взглянул вверх, и слова замерли у него на устах. Крик дозорного на мачте вселил ужас в сердца людей, стоявших на палубе.

— Вижу корабль справа по борту! Приближается к нам!

Даже без бинокля зоркие глаза Марка различали корабль, появившийся у горизонта. В этих водах любой корабль мог представлять собой опасность, потому что берберийские пираты по-прежнему обладали силой, с которой нельзя было не считаться. Они скрывались в пещерах скалистого побережья Сардинии и оттуда совершали вылазки в Средиземное море и к берегам Африки. Поскольку «Милый друг» потерял управление поблизости от пользующейся печальной славой пиратской гавани, капитан Дюбуа ожидал подобной опасности, хотя отчаянно надеялся, что она не настигнет их раньше, чем его корабль будет снова на ходу.

Встревоженный капитан, как мог, подгонял команду, устанавливавшую румпель. Он видел, что они не успеют и что встречи не избежать. Конечно, чужое судно не обязательно должно было оказаться пиратским, но, будучи реалистом, Дюбуа приготовился к худшему.

— К бою готовься! — Он отдал команду и стал наблюдать, как матросы занимают свои позиции.

Капитан Дюбуа обо всем позаботился заранее, и позаботился как нельзя лучше. Корабль был вооружен восемнадцатью орудиями калибром от двухсот сорока четырех до четырехсот восьмидесяти восьми миллиметров, команду составляли пятьдесят хорошо обученных человек, и судно было в состоянии отразить нападение любого пиратского судна. Но сейчас «Милый друг» не мог маневрировать из-за неисправного румпеля.

— Ты бы лучше спустилась вниз, Уиллоу, — хмуро посоветовал Марк и подошел к капитану, чтобы узнать, чем он может помочь.

Капитан попросил его организовать французских солдат в боеспособный отряд и взять командование над ними.

Пока Омар готовил оружие, Марк спустился вниз и постучал в дверь каюты Кристи.

— Криста! — позвал он. — К нам приближается чужое судно. Не выходи пока из каюты.

Дверь распахнулась.

— Марк, это пираты? — За время жизни в Тунисе Криста не раз слышала о нападениях пиратов.

— Пока неизвестно, но тебе лучше не подниматься наверх. Я приду, как только представится возможность.

Когда он уже повернулся, собираясь уходить, Криста окликнула его:

— Марк! Береги себя!

Его лицо выразило такую любовь и нежность, что взгляд Кристи затуманился слезами. С глухим стоном он заключил ее в объятия, покрывая поцелуями ее лицо как бы для того, чтобы Криста запомнила: что бы ни случилось, она принадлежит ему. Криста столь же страстно отвечала на его поцелуи, с радостью ощущая, какую власть имеет над ее чувствами этот человек.

Усилием воли Марк заставил себя оторваться от нее: разум напоминал о надвигавшейся опасности, хотя тело призывало забыть о ней и остаться в объятиях этой обольстительной женщины.

— Марк, подожди! — крикнула Криста ему вслед.

— Не тревожься, любовь моя, я сумею тебя защитить. Оставайся здесь, пока не минует опасность. Кажется, капитан Дюбуа опытный и надежный командир. Я уверен, что, если пираты нас атакуют, они получат достойный отпор. — И он ушел.

Команда шхуны готовилась к бою, устанавливая орудия на юте и батарейной палубе и заряжая их. На поясе у каждого матроса висели кортик и пистолет на случай рукопашной схватки, поскольку корабль уже с полной очевидностью не мог спастись бегством.

Марк взглянул на ют, где стоял капитан Дюбуа. Он время от времени смотрел в бинокль, и вдруг с его губ сорвалось страшное проклятие. Это действительно были пираты.

Сосредоточив взгляд на мачтах приближавшегося на всех парусах корабля, Марк увидел пиратский флаг, который гордо реял на грот-мачте. За спиной Марка раздался голос Омара:

— Принц Ахмед, в этой части света вас слишком хорошо знают. Если нас возьмут на abordаж, вам лучше где-нибудь укрыться. Ведь великий визирь сообщил, что Абдулла назначил за вашу голову большую награду, а пиратам наверняка это известно.

Марк презрительно скривил губы.

— Неужели ты думаешь, что я могу сбежать при первом признаке опасности? Я сын своего отца и буду вести себя как подобает мужчине. Мне стыдно, что тебе могла прийти в голову подобная мысль, Омар.

— Ваш отец доверил мне вашу жизнь, и я думаю только о вашей безопасности, мой принц. Но, если вы собираетесь столь безрассудно ринуться в сражение, я буду рядом с вами.

— У меня нет другого пути, друг мой, — улыбнулся Марк. — Да защитит нас Аллах!

С пиратского судна раздался первый залп. «Рыжая ведьма» — легкая и быстрая — начала описывать круги вокруг «Милого друга», и, хотя его пушки безостановочно гремели, было ясно, что силы не равны. Французское судно грузно сидело в воде, как раненая утка, и не могло сдвинуться ни вправо ни влево, в то время как маневренная «Рыжая ведьма» легко уходила от огня противника.

Со своего наблюдательного пункта Марк хорошо видел гигантскую фигуру капитана корсаров, который с мостика отдавал распоряжения своим людям. В левый борт шхуны одно за другим попали два ядра. Оставалась лишь одна надежда — что пиратов удастся разгромить в рукопашной схватке, когда они возьмут судно на abordаж. Капитан Дюбуа выкрикивал слова команды, а тем временем с борта пиратского судна уже летели abordажные крючья, соединившие оба корабля. В несколько мгновений пираты перекинули доски, по которым они молниеносно перебрались на палубу «Милого друга», а те, кому особенно не терпелось, перелетали с одного корабля на другой, держась за привязанные к снастям линии.

Команда шхуны, которая прекрасно отдавала себе отчет в том, что сражается не только за себя, но и за своих пассажиров, успешно отразила первый натиск пиратов. Марк бесстрашно бросился в самую гущу схватки. Глаза и ноздри обжигало едким запахом дыма и серы. Он бился не за себя, он бился за жизнь и честь Кристи. Марк хорошо представлял себе, что ей придется пережить, если она попадет в лапы пиратов: надругательство и бесчестие, а потом еще страшные унижения на невольничьем рынке. Лучше смерть, чем подобная участь. О леди Уиллоу он даже не вспоминал, лишь Криста, его единственная настоящая любовь, занимала все его помыслы.

Тесно прижавшись друг к другу, Криста и Марла в ужасе ловили доносившиеся до них звуки боя. Но страшнее грохота выстрелов, запаха гари и криков раненых были мысли о том, что их ждет, если пираты выйдут победителями.

Внезапно новая мысль вытеснила страх за свою судьбу. А что, если Марк ранен, а может быть, даже убит? Что, если он расстанется с жизнью, унеся с собой в могилу те необдуманные гневные слова, которые услышал от нее прошлой ночью, если он так и не узнает, как горячо она его любит? Боже все милостивый, только не это!

Высвободившись из рук Марлы, Криста, вся дрожа, подошла к двери.

— Мисс Хортон, что вы делаете? — вскричала перепуганная Марла.

— Я должна выбраться отсюда и посмотреть, что происходит.

— О мисс, пожалуйста, не делайте этого. Это слишком опасно. Я обещала вашему отцу оберегать вас.

— Не беспокойся, Марла. — Криста пыталась успокоить верную служанку, но решение уже было принято. — Я буду очень осторожна. Обещаю тебе, что только выберусь в коридор и взгляну, что творится на палубе. Если пираты победят, то увидят меня или нет, все равно не будет иметь никакого значения — нас найдут и здесь.

— О мисс! — воскликнула Марла, еще больше напуганная этими словами.

Не найдя слов утешения, которые были так нужны Марле, Криста отперла дверь и шагнула в коридор. Шум битвы не утихал, и Криста понимала, что пиратам сейчас не до того, чтобы обыскивать каюты пассажиров.

Она с трудом сдержала крик ужаса, споткнувшись о тело, распростертое в коридоре рядом с трапом. Она замерла, но человек не двигался, и она отважилась подойти к нему поближе. Судя по одежде, это был пират. При виде перерезанного горла, Криста судорожно сглотнула слюну, чтобы преодолеть подступающую тошноту. Старательно отводя глаза от ужасной раны, она осторожно переступила через труп и стала подниматься по трапу, уже жалея о том, что не осталась с Марлой.

Палуба была скользкой от крови, оглушительно гремели выстрелы, звенела сталь. Везде, куда ни глянь, шла яростная рукопашная схватка. Неподалеку от того места, где она стояла, лежали раненые под присмотром корабельного врача, который был сам довольно серьезно ранен. Стоны и крики этих людей, покрытых кровью, черных от порохового дыма, разрывали ее сердце, она не могла оставаться безучастным свидетелем происходящего.

Забыв об опасности, грозившей ей самой, забыв о предупреждении Марка, она бросилась на палубу, проскользнув мимо двух людей, сражавшихся на саблях. Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, что ни один из них не был Марком. Добравшись до места, где лежали раненые, Криста предложила остолбеневшему от неожиданности врачу свою помощь.

— Mon Dieu, мадемуазель Хортон, что вы здесь делаете?

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что доктор Тремейн действительно серьезно ранен. На его левом плече зияла страшная рваная рана, из которой струилась кровь.

— Я могу вам помочь, — твердо ответила Криста. — Позвольте, я вас перевяжу. Иначе вы не сможете продолжать.

Доктор Тремейн без возражений разрешил Кристе очистить рану от обрывков одежды и наложить повязку. Когда она закончила, на его лице появилась слабая улыбка благодарности.

— Благодарю, мадемуазель. Я так признателен за то, что вы для меня сделали, но вам нельзя здесь оставаться. Прошу вас, спуститесь вниз. Разве вас не предупреждали, что показываться на глаза пиратам очень опасно?

— Предупреждали, — согласилась Криста, — но все равно я должна остаться здесь. Вам нужна помощь.

Взяв бинты, она стала перевязывать голову юноше, который казался недостаточно взрослым, чтобы путешествовать без родителей, не говоря уж о том, чтобы сражаться с пиратами. Доктор Тремейн неуверенно пожал плечами. Он действительно отчаянно нуждался в помощи, но это не умаляло его тревоги за Кристу.

Они работали бок о бок несколько минут, прежде чем Криста наконец решилась спросить:

— Доктор, каково наше положение? Есть у нас шанс отбить атаку пиратов?

С этого места не было видно того, что происходит на палубе. Но доктор время от времени совершал вылазки в гущу схватки, чтобы спасти очередного раненого, и был лучше осведомлен о том, на чьей стороне перевес в бою.

— Дела не особенно хороши, мадемуазель, — уклончиво ответил он. Доктор не мог не видеть, что корсары одерживают верх, но боялся сказать об этом Кристе. Он хорошо понимал, что означало для молодой красивой женщины оказаться в руках этой шайки отъявленных бандитов.

— Я не вижу среди раненых Марка Кэррингтона, — продолжала Криста дрогнувшим голосом. — Вы случайно не знаете, он... где он сейчас?

Врач оторвался от работы и бросил на Кристу любопытный взгляд.

— Qui, я его видел. Он дрался так же отчаянно, как тот пират, которого он на моих глазах убил наповал. Омар прикрывает ему спину.

С губ Кристи сорвался прерывистый вздох и беззвучная молитва. Перед ее внутренним взором возник Марк с обнаженным торсом, блестящим от пота. Мускулистая рука сжимала саблю. Ей так хотелось хотя бы мельком увидеть человека, владевшего ее сердцем и душой, что она забыла о своем долге сестры милосердия и осторожно выглянула из-за угла. В этом поступке ей пришлось раскаиваться до конца жизни.

Голубые глаза Кристи настороженно оглядывали палубу и вдруг остановились на устрашающей фигуре рыжеволосого гиганта. Такая же огненная борода почти целиком скрывала его лицо, но маленькие, злобно сверкающие глазки смотрели прямо на нее с не сулящим ничего хорошего восхищением. В нем было не меньше шести с половиной футов росту, а его обнаженные грудь и руки были влажными от пота и крови.

Вскрикнув от испуга, Криста распласталась на палубе в надежде укрыться от этого взгляда, но ее надежды не оправдались. Он стоял, широко расставив ноги, подобные стволам деревьев, лес рыжих курчавых волос прикрывал невероятной ширины грудь, на длинных руках вздувались бугры мышц, а его шея была такой же толщины, что талия Кристи. Узкобедный и удивительно подвижный для своих размеров, пират одним взмахом чудовищного клинка сразил противника и с дьявольской усмешкой стал пробиваться к Кристе.

Леденящий ужас охватил ее, рука непроизвольно сжала горло, губы судорожно зашевелились. Это чудовище преследует ее! Она бросилась бежать, но проход на нижнюю палубу был закрыт — там стояли два пирата. Криста круто развернулась и метнулась в противоположном направлении. С ужасом сознавая, что надежды на спасение почти нет, она все же неслась по палубе, ежесекундно отступаясь и скользя.

Краешком глаза Марк уловил мелькнувшее голубое платье и не смог сдержать вопль отчаяния. Криста! Нет! Но, когда он попытался прийти к ней на помощь, он оказался лицом к лицу с тремя противниками, и ему пришлось спасать собственную жизнь. В мгновение ока рядом оказался Омар, и его разящий клинок замелькал в воздухе.

Марк стиснул зубы. Он получил несколько ран, которые были не опасны, но причиняли боль и кровоточили. Он видел, что пираты медленно, но верно одерживают верх. О своей участи Марк не беспокоился. Если его не убьют в бою, то продадут на невольничьем рынке или выдадут Абдулле, и, если это случится, смерти ему не избежать. Он думал о том, что будет с Кристой. Большую часть жизни он прожил в этой части света, хорошо представлял себе, что ее ждет, и предпочел бы тысячу смертей ее бесчестью и страданиям.

5

Рыжебородый гнался за Кристой с упорством, с каким лиса преследует кролика. При этом

гнусная ухмылка не сходила с его лица. Как только он увидел ее лицо, освещенное солнцем, он сразу понял, что должен обладать этой женщиной. Злорадная усмешка означала, что у нее нет никаких шансов на спасение: можно считать, что этот корабль уже у него в кармане. С первого же взгляда на эту женщину он был поражен ее воздушной, нежной красотой, но это не помешало ему тут же прикинуть, сколько она потянет на невольничьем рынке. Может быть, правитель Алжира пожелает пополнить этим бесценным бриллиантом свою коллекцию. Он разбирается в женской красоте. А может, для нее найдется место в гареме турецкого султана. Рыжебородому никогда не приходилось видеть таких волос — они не золотистые и не белокурые, а скорее цвета серебра, освещенного лунным светом. Невероятно!

Судорожно всхлипывая, Криста бежала по палубе, и страх придавал ей силы. Она твердо решила, что лучше бросится в воду, чем позволит рыжебородому пирату прикоснуться к себе. Она отчаянно искала взглядом Марка и наконец нашла его — он стоял спиной к поручням и дрался за свою жизнь. Она удержалась от крика — ведь это могло отвлечь его внимание от противника и стоить ему жизни — и зигзагами помчалась по палубе, оглябая дерущихся и увертываясь от рук тех, кто пытался ее задержать. Она уже задышалась, колени у нее подгибались, а за спиной, уже совсем близко она слышала тяжелое дыхание Рыжебородого. Она поняла, что он просто играет с ней, и неизбежный конец этой погони уже близок.

Вдруг перед ней возник леер, и она не раздумывая вскарабкалась на него, собираясь прыгнуть в воду. Рыжебородый издал дикий рев, видя, что желанная добыча вот-вот достанется волнам, и понесся к ней гигантскими прыжками. Огромная ручища вытянулась, сумев ухватить прядь серебристых волос. Марк, который уже сумел покончить с пиратами, преграждавшими ему дорогу, услышал крик боли и отчаяния.

Криста упала на палубу к ногам Рыжебородого.

— От меня не убежишь, красотка, — захохотал тот. — Я имею на тебя виды, и в мои планы не входит делать из тебя приманку для акул. Они не смогут оценить тебя по достоинству, зато я смогу. — От его громоподобного голоса у Кристи по спине побежали мурашки.

— Отпусти ее, негодяй! — Марк с саблей наголо сумел пробиться к Кристе и теперь стоял рядом с ней. Рыжебородый смерил его пренебрежительным взглядом. Хотя Марк без сомнения принадлежал к числу крупных мужчин, Рыжебородый был заметно выше и тяжелее. У Кристи сжалось сердце от страха за своего возлюбленного.

Рыжебородый подтащил ее за волосы к себе поближе, рывком поставил на ноги.

— Это твоя женщина? — проревел он.

— Да, — ответил Марк, взглядом предупреждая Кристу, чтобы она не возражала. — Убери от нее свои грязные лапы. — Он крепко сжал рукоятку сабли, бросая вызов гиганту, хотя понимал, как мало у него шансов на победу.

— Корабль-то все равно теперь мой, — ухмыльнулся Рыжебородый. — И эта женщина тоже моя. Взгляни вокруг — бой кончен, и мы победили. Брось свою саблю.

Он обнял Кристу за талию в знак обладания и притянул к себе. Криста содрогнулась от отвращения, но ее взгляд умолял Марка оставаться на месте. Двое пиратов встали по обеим сторонам от своего предводителя, готовые в любую минуту броситься на смельчака.

— Брось саблю, — угрожающе повторил Рыжебородый.

— Предлагаю тебе сделку, — выпалил Марк в порыве отчаяния.

Громовой хохот Рыжебородого привлек внимание команды. Все глаза устремились на человека, осмелившегося сопротивляться их вожаку.

— О какой сделке ты говоришь? — наконец спросил Рыжебородый. — Все, что у тебя есть, теперь мое, включая эту женщину.

— Барбаросса, дай-ка я его пристрелю, — предложил один из телохранителей вожака. Рыжебородый получил свое прозвище в честь знаменитого повелителя морей за буйную растительность на голове и лице и свирепый нрав.

— Верно, — подхватил второй. — С ним пора кончать. Больно уж он нахален.

Оба пирата двинулись к Марку, и он, оказавшись загнанным в угол, вскочил на леер. Его сабля очерчивала перед ним широкий полукруг, вступить в пределы которого никому бы не захотелось.

— Подождите! — крикнул Марк. — Выслушайте меня. Не трогайте этот корабль и пассажиров, и я добровольно пойду с вами.

— А что в тебе такого уж ценного? — фыркнул Рыжебородый. — За эту женщину я получу больше, чем за тебя и всех остальных, вместе взятых.

— Вряд ли, — спокойно возразил Марк. — Ты ведь слышал о принце Абдулле?

— Конечно. Кто ж не слышал о бее Константины? — Рыжебородый недоумевающе нахмурился.

— А о принце Ахмеде? О нем ты слышал?

Рыжебородый кивнул, и в его янтарных кошачьих глазах забрезжил свет понимания. Марк бросил взгляд на Кристу и увидел, что кровь отхлынула от ее лица.

— Марк, нет! — воскликнула она, поняв, что он собирается сделать.

Марк повторил:

— Что ты знаешь о принце Ахмеде?

— Я знаю, что бей Абдулла назначил хорошее вознаграждение тому, кто доставит его сводного брата. Абдулла захватил у него власть после смерти отца. А при чем тут ты?

— Я принц Ахмед, законный наследник Халида ибн-Селима и правитель Константины, избранный народом. А Абдулла — лжец и убийца.

Пираты заперли уцелевших членов команды и пассажиров шхуны в трюме, и теперь всеобщее внимание было приковано к Марку. Марк, внешне совершенно спокойный, обвел внимательным взглядом собравшихся вокруг него людей — представителей едва ли не всех рас и народов мира.

— Кто-нибудь из вас узнает меня?

— Эй, послушайте, он говорит правду. — Вперед выступил один из пиратов. — Константина — моя родина, и, до того как вступить в братство, я не раз видел принца Ахмеда на улицах. Его

всегда сопровождали туареги. Говорят, он великий воин.

Задумчиво теребя рыжую бороду, вожак пиратов рассматривал стоявшего перед ним молодого человека. Тот действительно был по всем меркам похож на самого настоящего принца: гибкое и сильное тренированное тело, умный и смелый взгляд, волевое лицо, гордая осанка. Неудивительно, что Абдулла назначил награду за голову своего брата. Равняться с Ахмедом ему было тяжело. Ясно, что такому человеку поддержка обеспечена. Правда, говорят, Абдулла поддерживают янычары, но многие ли из них останутся ему верны, если Ахмед объявится в Константинополе?

— Стало быть, ты хочешь обменять свою жизнь на жизнь этой женщины? — наконец проговорил Рыжебородый. — Ты глупец. Я получу и тебя, и ее. Абдулла заплатит мне за тебя, а когда я наиграюсь с этой женщиной, то возьму за нее хорошую цену на невольничьем рынке. А может, предложу ее твоему братцу, — со злобной усмешкой добавил он, — То-то он порадует, заполучив женщину, которой ты так дорожишь.

В глазах Марка вспыхнули искры ярости, разум его помутился от гнева. Он не мог вынести мысли о том, что Кристи может коснуться чья-либо рука, кроме его собственной. Желание сокрушить этого рыжего дьявола захлестнуло Марка, и он не мог противиться ему, как не мог противиться воле рока, который распорядился его жизнью. По-прежнему стоя на поручнях, он взмахнул саблей, пытаясь достать пирата, который чувствовал себя в полной безопасности и не ожидал нападения.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких мгновений. Кристиа вскрикнула, увидев, что один из телохранителей поднимает пистолет и целится в Марка. На груди принца расплзлось кровавое пятно, и его выпад саблей не достиг цели. Выстрелом Марка отбросило назад, доли секунды он пытался удержать равновесие, а потом его тело, описав плавную дугу, упало в мутную воду и скрылось в ней. Кристиа без чувств опустилась на залитую кровью палубу и не слышала, как один из пиратов прокричал:

— Корабль слева по борту!

Она также не видела, как один из раненых, пользуясь возникшей суматохой, подполз к борту и прыгнул в воду. Плеск, раздавшийся от его падения, растворился в общем шуме.

Грубо отшвырнув от себя бесчувственное тело Кристи, Рыжебородый посмотрел в бинокль.

— Черт побери! — выругался он. В душе он проклинал злую судьбу, которая не только отняла у него принца Ахмеда, но и припасла сюрприз похуже. — Это французский фрегат! И, судя по всему, хорошо вооруженный.

— Справа по борту! — прозвучал еще один крик. — Гляди, Барбаросса! — Круто повернувшись. Рыжебородый увидел новую опасность. Второй фрегат, почти не отличавшийся внешним видом от первого, несся к ним на всех парусах, угрожающе развернув пушки.

Выбора не было. Бой с одним кораблем еще можно было бы принять, но два фрегата представляли слишком большую опасность. Рыжебородый отдал команду:

— Отступаем на «Рыжую ведьму»! Прихвати-ка эту бабенку, — бросил он помощнику, который тут же перекинул легкое тело Кристи через плечо. Рыжебородый смирился с тем, что ему не достанется груз «Милого друга», но терять еще и эту добычу он не собирался.

Подобрав раненых и убитых, пираты поспешно перебрались на борт своего судна прежним

способом — с помощью настилов и линий. Твердо и решительно отдавая приказание, Рыжебородый с видимым удовлетворением наблюдал за слаженными действиями своей команды. Раздался треск полотна над головой, один за другим паруса наполнились ветром, и под торжествующие возгласы пиратов «Ведьма» стала быстро удаляться от шхуны. Преследовать ее было бесполезно.

Криста неохотно всплывала на поверхность из темной бездны обморока. Обрывки каких-то пугающих мыслей мелькали в пробуждающемся сознании, и она старалась снова погрузиться в блаженное небытие, чтобы отдалить встречу с чем-то ужасным. Но с чем? Она не помнила. Как она ни цеплялась за зыбкое забытие, реальность все же вернулась.

И тогда она вспомнила все. Ужас сковал ее тело. Марк! Своими собственными глазами она видела кровавое пятно на его груди, его падение в морские волны. Значит, он погиб? Или, быть может, ему как-то удалось спастись?

Криста открыла глаза и с болью поняла, что она уже не в своей маленькой каюте. Эта каюта была огромных размеров и роскошно убранная. Кровать, на которой она лежала, покрыта бархатным покрывалом цвета темного вина. Каюта расположена выше уровня воды, потому что через зашторенные окна пробивался дневной свет.

А потом она увидела его. Рыжеволосый пират сидел за длинным столом, склонившись над картой. Уловив движение, он поднял голову и взглянул на Кристу янтарными глазами.

— Ну вот ты и очнулась, — проговорил он с ирландским акцентом, который был все еще хорошо за метен, несмотря на годы, проведенные в братстве.

— Где я? — спросила Криста, стараясь не показывать страха.

— На борту «Рыжей ведьмы», красотка.

— Где Марк Кэррингтон?

— Если ты говоришь о принце Ахмеде, так я не знаю. Должно быть, на морском дне. Мы его не искали.

— Твои люди убили его! — гневно воскликнула Криста. — Ты убийца и... и презренный пират.

— Конечно, я пират, — невозмутимо согласился Рыжебородый. — А кровь-то у тебя горячая, как я погляжу. Это хорошо. Кто-нибудь выложит кругленькую сумму за право тебя приручить. Жаль только, что ты не девственница. Или девственница? Принц Ахмед был твоим любовником?

Криста замерла. Откуда он знает, что она не девственница? Неужели он... Неужели он изнасиловал ее, пока она была без сознания?

Из широченной груди Рыжебородого вырвался низкий раскатистый хохот.

— Нет, красотка, я и пальцем тебя не тронул, пока ты валялась без чувств, — сказал он, словно прочитав ее мысли. — Когда я тебя возьму, ты это почувствуешь. Если ты сумеешь мне понравиться, я приберегу тебя исключительно для себя, прежде чем продам.

«Господи, только не это!» — взмолилась про себя Криста.

— Мой отец заплатит за меня хороший выкуп, — поспешно сказала она. — Он занимает правительственный пост в Тунисе. Дайте ему знать, умоляю вас.

— Если твой отец обыкновенный правительственный чиновник, я сомневаюсь, что он сможет заплатить хотя бы малую часть того, что за тебя дадут на невольничьем рынке. Ты очень хороша, твоя красота необычна, изысканна. Волосы, глаза, фигура — выше всяких похвал. Благодаря тебе я стану богачом.

— Нет! — воскликнула Криста.

— Да, — кивнул головой Рыжебородый. — Как тебя зовут?

Криста словно онемела. Она только смотрела на него широко раскрытыми глазами и не могла вымолвить ни слова.

— Я, кажется, тебя о чем-то спросил, милашка. Как тебя зовут?

— К-Криста Хортон, — выдавила она из себя.

— Вот так-то лучше. — Рыжебородый удовлетворенно ухмыльнулся. — Скоро ты научишься меня слушаться. Кстати, ты так и не сказала, была ли ты любовницей принца Ахмеда. Он-то сразу признался, что ты его женщина.

Огромная рука сжала ее предплечье, вынуждая отвечать.

— Я... да, — сказала Криста. — Я любила его. — Господи, почему она говорит о Марке в прошедшем времени? Даже это чудовище не знает наверняка, жив он или умер. А вдруг рана оказалась не смертельной? А вдруг его пощадили акулы?

— Разденься, — вдруг приказал Рыжебородый, и Криста сразу же вернулась к реальности.

— Что?!

— Разве ты не слышала, что я сказал? Я хочу посмотреть, нет ли в твоей фигуре каких-нибудь изъянов. Если есть, то я могу передумать и отдать тебя команде, когда мне надоест с тобой забавляться. Если ты не так хороша, как кажешься в одежде, твоя цена сильно упадет. Лучше бы тебе все-таки быть девственницей, но тут уж ничего не поделаешь.

Криста не могла пошевелиться, будто перестала быть хозяйкой своего тела.

— Нет, — еле слышно проговорила она. Издав гневный рык, Рыжебородый протянул свою здоровую ручищу и начал срывать с нее одежду, бросая куски ткани на толстый турецкий ковер, покрывавший пол. Когда на ней ничего не осталось, он отступил на шаг, любясь совершенными формами, представшими его жадному взору.

— Восхитительно! Какая изысканность, какие линии, — радостно приговаривал он, поворачивая Кристу, как куклу, чтобы рассмотреть ее со всех сторон. Криста была немало удивлена, потому что она никак не ожидала подобных выражений от пирата. Под этим бесцеремонным взглядом, столь недвусмысленно оценивавшим ее стоимость, ей хотелось съежиться, стать невидимой.

— У тебя атласная кожа, — отметил он, лениво проведя толстым пальцем по ее ключице и груди до розового соска. — Ты само совершенство, — продолжал он с алчным блеском в

глазах. — У меня есть одна мысль: я предложу тебя бею Абдулле. Он будет очень рад обладать женщиной своего брата. Рыжебородый хрипло засмеялся. — Да! Именно так я и поступлю. Как только мы прибудем в Алжир, пошлю весточку бею. Если он тебя возжелает, ему будет все равно, девственница ты или нет. И он не станет меня обвинять в том, что это я тебя испортил. Он грубо толкнул ее на широченную кровать, именно такую, какая была под стать человеку его комплекции.

— Мне сейчас недосуг заниматься тобой, красотка. Корабль важнее, — прорычал он, вернувшись к прежней грубой манере разговора. — Когда вернусь, посмотрю, хорошо ли научил тебя принц Ахмед искусству ублажать мужчину. — В два огромных шага преодолев расстояние до двери, он ушел.

Кристу поразило его сходство с кельтским героем-воином, и она содрогнулась, представив себе, как он наваливается на нее всем своим весом, как его гигантский член разрывает ей внутренности.

— Нет, лучше я убью себя, — пробормотала она вслух, роясь в тряпках, оставшихся от ее одежды. Этими лоскутами нельзя было прикрыть наготу, но Криста увидела комод в углу каюты и без колебаний обследовала его содержимое.

Там лежала стопка одежды, судя по размерам, принадлежавшей Рыжебородому. Криста выбрала рубашу, которая доходила ей ниже колен, закатала рукава и продолжала поиски. Теперь ей было необходимо найти какое-нибудь оружие, чтобы защищаться. В нижнем ящике лежал пистолет, но она с сожалением оставила его на месте. Криста не знала, ни как заряжать его, ни как стрелять. Она закрыла ящик и продолжала обыскивать каюту, все время поглядывая на дверь.

Следующим подходящим местом ей показался стол, и она поспешно стала выдвигать один ящик за другим. Наконец, когда ее пальцы наткнулись на холодное тонкое лезвие в дальнем углу одного из ящиков, на ее лице появилась удовлетворенная улыбка. Хотя нож, который она нашла, не слишком подходил на роль смертоносного оружия, все же это было лучше, чем ничего.

Чувствуя себя гораздо более уверенно, чем прежде, Криста на цыпочках подкралась к незапертой двери и приоткрыла ее. В проходе стоял на страже пират, который в эту минуту смотрел в противоположную сторону. «Убежать невозможно», — поняла Криста, и ее снова охватило отчаяние. Даже если она сумеет выбраться из каюты, что дальше? Она вернулась к постели и спрятала нож под подушкой, чтобы его легко можно было достать.

Вдруг дверь распахнулась, и проем заполнила фигура Рыжебородого. При виде Кристи, облаченной в его лучшую рубашку, его лицо исказилось гневом.

— Сними это, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Вздернув подбородок, Криста отрицательно покачала головой. Она с любопытством отметила, что теперь Рыжебородый выглядел совсем не так, как когда она увидела его в первый раз в бою. Он помылся, волосы и борода уже не торчали в разные стороны. В ее груди вспыхнула искра надежды. Может быть, в этом варваре есть хоть капля благородства.

Захлопнув за собой дверь, Рыжебородый неторопливо прошел в каюту, зажег светильник, потому что, пока он отсутствовал, уже наступил вечер. Дневные дела были закончены, и теперь ничто не мешало ему предаться забавам с прекрасной пленницей. Впереди была целая ночь, в течение которой он мог наслаждаться ее восхитительным телом, хочет она того или

нет. Ему нравилось, что в ней есть характер и что она сопротивляется, но это никак не влияло на его намерение овладеть ею.

— Мне бы не хотелось испортить свою любимую рубашку, — сказал Рыжебородый, окидывая ее похотливым взглядом, — но придется это сделать, если ты сама ее не снимешь. — Он наклонился над кроватью, рука Кристи скользнула под подушку, пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа, и это ее немного успокоило.

— Сначала тебе придется меня убить, — храбро заявила она.

В янтарных глазах Рыжебородого появилось выражение удовольствия.

— Это можно устроить, хотя, по правде говоря, я предпочитаю живых женщин. — Его огромная ручища приблизилась к вороту рубашки, и в это мгновение Криста выхватила из-под подушки маленький короткий нож и замахнулась им так, словно он был по меньшей мере в три раза длиннее и острее.

Рыжебородый ошеломленно приоткрыл рот, а потом разразился диким хохотом.

— Ты что, собираешься убить меня этой зубочисткой? Я одним щелчком выбью ее у тебя из рук и даже не порежусь.

Щеки Кристи залила краска стыда. Глупо было думать, что такое ничтожное оружие, да еще в руках слабой женщины сможет удержать этого человека от того, что он задумал. Но она не хотела признавать своего поражения. У нее еще остались в запасе ум и хитрость, и сдаваться она не собиралась.

— Доставь меня к моему отцу, — умоляющим тоном начала она. — Представь, что было бы, если бы я была твоей сестрой. Неужели ты хотел бы, чтобы твою сестру продали в рабство и обесчестили? По твоей речи я вижу, что ты образованный человек и, может быть, даже благородного происхождения.

И ты не всегда был пиратом. Я узнаю ирландский акцент.

Рыжебородый подбоченился, гордо вскинул свою львиную голову и сказал:

— Вы думаете, что все обо мне знаете, миледи, не так ли? Так вот, вы ошибаетесь. Да, я действительно ирландец. Но это было так давно, словно бы в другой жизни. И теперь мне нет места в цивилизованном мире. И сестры у меня тоже нет. Она умерла от голода, когда еще была ребенком. Я пират, человек, преследуемый законом и людьми, — продолжал он. — Я совершил побег из английской тюрьмы в ночь накануне своей казни. Меня приговорили к повешению за участие в восстании против короны. Ха! Участие в восстании! На самом деле я был предводителем этого восстания, только англичане оказались слишком глупы, чтобы до этого докопаться.

Несмотря на страх, который внушал Кристе этот человек, она слушала его рассказ затаив дыхание.

— Как... Как вы стали пиратом? — спросила она.

Никто и никогда не проявлял интереса к прошлому Рыжебородого, и вопрос Кристи затронул его за живое.

— Мне не повезло: после побега меня поймали вербовщики и заставили служить на английском корабле. Два ужасных года провел я в море под началом жестокого негодяя, который доставлял себе удовольствие тем, что издевался над людьми, особенно крупными и сильными. Чуть ли не все эти два года я жил в кандалах, потому что не выполнял приказы, и тогда я поклялся себе, что если когда-нибудь мне доведется получить свободу, то я никому больше не позволю собой распоряжаться.

— И все же вы каким-то образом вырвались из этого ада, — заметила Криста.

— На наш корабль напали корсары, и, когда они предложили мне вступить в свое братство, я с радостью согласился. А когда мы захватили «Рыжую ведьму», меня выбрали капитаном. О моих подвигах в этих водах ходят легенды. Я убивал, грабил, насиловал. Нет такого преступления, которого бы я ни совершил. Поэтому, красотка, мне ничего не стоит изнасиловать еще одну женщину или отнять еще одну жизнь. Я не хочу причинять тебе вреда, потому что ты нужна мне не только для того, чтобы поразвлечься. За тебя могут хорошо заплатить, и потому я предпочел бы, чтобы на твоей атласной коже не появилось ни царапины. Но я тебя хочу, и, если ты мне в этом откажешь, тебе придется несладко. Я знаю множество способов добиться расположения несговорчивой женщины, и все они малоприятны. И положи подальше эту зубочистку, пока не поранилась.

Криста со всей отчетливостью осознавала, что из этого положения есть только один выход. Ни за что на свете она не могла бы заставить себя ответить на домогательства Рыжебородого, особенно после того, как она познала нежную любовь Марка. Мысль о самоубийстве мелькала у нее в голове и раньше, но, когда она сказала Рыжебородому, что лучше убьет себя, она поняла, что сумеет без колебаний осуществить это намерение.

Прежде чем Рыжебородый успел понять, что происходит, она приставила острый конец клинка к основанию шеи, держа его обеими руками.

— Отойди, — приказала она. — Еще один шаг — и тебе придется выставлять на продажу труп.

Рыжебородый отступил, удивленный и рассерженный тем, что женщина смеет сопротивляться его желаниям. Любая другая на ее месте ползала бы у его ног. А это хрупкое на вид создание... Вот какую жену ему хотелось бы иметь, конечно, если бы он вообще собирался жениться. И все же он не мог не представить себе хоть на мгновение, каких красивых и сильных сыновей они произвели бы на свет. Но Рыжебородый был слишком практичным человеком, чтобы мечтать о невозможном. Он брал женщин, которые ему нравились, пользовался ими, пока это доставляло ему удовольствие, а потом продавал их. И такая же судьба была уготована и этой красавице, которая решила на открытое неповиновение.

И все же он не мог не восхищаться силой ее духа. Под взглядом этих широко раскрытых голубых глаз с него начинала спадать шелуха показной свирепости, и это было совсем ни к чему. Долгие годы потребовались для того, чтобы Ивен Макглен забыл свое имя, происхождение и те уроки любви и нежности, которые преподала ему мать, да упокоит господь ее душу, — и превратился в неистового Рыжебородого, самого опасного из пиратов берберского побережья. И ни одной женщине не под силу разрушить этот образ и испортить его репутацию в братстве.

Губы под рыжей бородой решительно сжались. Он протянул руку к Кристе, но тут же ее отдернул, когда на белой коже выступила капля крови. Он поверил, что она действительно приведет в исполнение свою угрозу и не подчинится ему, а до этого момента ему казалось, что это не более чем слова. Ведь он не знал, что для Кристи теперь было почти все равно — жить

или умереть. Она думала, что скорее всего Марк погиб, и, даже если каким-то чудом ей самой удастся спастись, без Марка ее жизнь потеряет всякий смысл.

— Я сделаю то, что обещала, — проговорила Криста, и в ее голосе прозвучала непоколебимая решимость. — Неужели ты так хочешь меня, что тебе уже не нужны деньги? По твоим словам, ты и твои люди должны получить за меня большую сумму. Зачем же упускать такую возможность? Имей в виду, прежде чем тебе удастся меня разоружить, я нанесу непоправимый ущерб своей внешности.

— Пожалуй, ты и вправду на это способна, — проворчал Рыжебородый. — Хотя бы ради того, чтобы мне досадить.

— Совершенно верно, — спокойно подтвердила Криста. Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой сильной и уверенной в себе.

Рыжебородый в раздумье разглядывал Кристу. Нападение на «Милого друга» дорого ему обошлось. Команда и пассажиры французского судна отчаянно сражались, и пираты потеряли немало людей. Вдобавок им пришлось удирать и не удалось захватить с корабля добычу. Еще одним ударом судьбы была потеря принца Ахмеда. Единственная удача — это женщина принца, которая оказалась безупречной красавицей. Его люди уже радостно подсчитывали свою долю от ее стоимости на рынке и советовали ему обращаться с ней поаккуратнее, чтобы цена на нее не упала. Рыжебородого считали хорошим капитаном, который заботился о своих людях, хотя и требовал безоговорочного повиновения, и он не хотел никого разочаровывать. Он должен хранить жизнь и красоту этой неговорчивой бабенки, пока она не попадет в руки нового хозяина. Очень и очень богатого хозяина, с алчной ухмылкой думал он.

Криста прочла в глазах Рыжебородого признание в поражении и возликовала. Она победила! Победила благодаря своей воле, решимости и уму. Ей удалось усмирить дикого зверя, вовремя напомнив ему, какую ценность она представляет для всей команды. Она не отваживалась заглядывать в будущее и думать о том, что ждет ее в Алжире, — она подумает об этом, когда придет время. Может быть, ей удастся уговорить человека, который ее купит, отправить ее к отцу. Только бы этим человеком не оказался Абдулла.

— На этот раз ты выиграла, синеглазая ведьма, но все равно последним смеяться буду я. Посмотрим еще, кому ты достанешься. Может, тебя купит хозяин борделя, и тогда я возьму тебя на ночь. — На самом деле Рыжебородый знал, что хозяину борделя такая женщина, как Криста, не по карману, но ему хотелось отомстить ей за унижение.

Криста продолжала крепко сжимать обеими руками рукоятку ножа, хотя нервы ее уже не выдерживали напряжения. Если Рыжебородый попытается изнасиловать ее, хватит ли у нее духу вогнать нож в собственное горло? Но она никогда не узнала ответа на этот вопрос, потому что тот вдруг развернулся и вылетел за дверь, на ходу изрыгая проклятия.

Он ругался, не переставая, пока не оказался на мостике. Там капитан, угрюмо нахмурившись, принялся ходить взад и вперед, и толстые доски прогибались под его тяжестью. Он не мог припомнить случая, чтобы он позволил женщине взять над собой верх. Внезапно ему пришло в голову, что в действительности он легко мог бы отобрать у нее нож, прежде чем она сумела бы им воспользоваться. Почему же он этого не сделал? Потому что ему никогда в жизни не встречалась женщина, подобная Кристе Хортон, и, по всей вероятности, никогда не встретится. Она затронула какую-то чувствительную струну в его душе, и у него просто не было желания причинять ей боль. Какой другой женщине может прийти в голову защищать свою честь таким нелепым оружием?

Может быть, это было глупо с ее стороны, но храбрость этой женщины вызывала невольное восхищение. Криста воскресила в его душе воспоминания о прошлом, картины совсем другой жизни, о том, каким он был, пока не угодил в объятия собратьев-пиратов. Кляня на чем свет стоит злую судьбу, которая послала ему встречу с Кристой и заставила заглянуть в прошлое, Рыжебородый принял решение сделать нечто из ряда вон выходящее. Он оставит эту женщину в покое вместе с ее добродетелью, пока не продаст в Алжире. Чем скорее он от нее избавится, тем лучше. Если не уберечься, она скоро заставит его мурлыкать как котенка. Проклятие! Да, он, так и быть, согласен держать штаны на замке, но уж отпускать ее на волю он не намерен. Слишком долго он слывет грозой побережья, и менять привычки ему не пристало.

Криста внезапно проснулась и увидела, что над ней стоит, склонившись, рыжий гигант. Его ноги в высоких сапогах с отворотами прочно упираются в палубу, на губах блуждает насмешливая улыбка. В одной волосатой ручище он сжимал нож, который, должно быть, выпал у нее, пока она спала. Криста с трудом перевела дыхание, отчаяние и злость на саму себя душили ее. Как она могла заснуть? Все, чего она сумела добиться, пошло прахом, теперь она снова в полной власти Рыжебородого и его людей.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, скрывая страх. При мысли о близости с этим человеком Кристу охватило такое отвращение, что она пожалела о том, что не убила себя.

— Не думай, что в прошлый раз меня остановила эта жалкая зубочистка, — презрительно фыркнул предводитель пиратов и отбросил нож в угол каюты. — Я мог бы в любую секунду выбить его у тебя из рук.

— Но я успела бы себя изуродовать, — заявила Криста.

Рыжебородый захохотал, запрокинув косматую голову.

— Девчонка, ты себе льстишь. Ничего бы ты не успела, уж поверь мне. — Он вдруг осознал, что это чистая правда. — А что касается моих намерений, — продолжал капитан, и в его желтых глазах появился странный блеск, — то знай, я не изменил своего решения и продам тебя в рабство. Но, прежде чем это сделать, я пошлю весточку Абдулле. Если он того захочет и окажется достаточно щедрым, ты отправишься к нему.

— Зачем я нужна Абдулле? Наверное, в его гареме много женщин, гораздо более красивых, чем я.

Рыжебородый злорадно улыбнулся.

— Но ни одна из них не была женщиной принца Ахмеда. Его может прельстить именно это. А если каким-то чудом принц Ахмед еще жив, Абдулла сможет использовать тебя как приманку.

— Ты... ты бессердечный ублюдок, — не выдержала Криста, наконец подыскав нужное слово. Она не могла вспомнить, чтобы хоть раз в жизни употребляла подобные выражения, но ведь ни разу в жизни она и не оказывалась в таком отчаянном положении.

— Меня называли и похуже, — ухмыльнулся Рыжебородый, устремив пристальный взгляд на ее ноги, прикрытые рубашкой лишь до колен. Криста увидела, куда он смотрит, и содрогнулась. Неужели сейчас он набросится на нее?

Он желал эту удивительную серебристоволосую женщину, как никого другого, но решил сдержаться. Она была так хрупка, все ее сложение никак не соответствовало его размерам. А если она будет сопротивляться, он может случайно изувечить ее. Никто не станет покупать

женщину, не способную выполнять единственную предназначенную ей роль.

В последнее время доходы сильно упали: Англия и Франция стремились покончить с вольным братством, и в Средиземном море курсировало множество военных кораблей. Даже только что образованные Американские Штаты включились в преследование пиратов. Эта женщина представляла собой не столько тело, предназначенное для удовлетворения похоти, сколько возможность поправить дела. Людям надо вернуть забытое ощущение золота в руках, пока они не вышли из повиновения. Слишком давно им не улыбалась удача.

«Нет, — решил Рыжебородый, — я не трону девчонку и не позволю никому из команды пальцем к ней прикоснуться». Она не для таких, как он. На те деньги, которые за нее можно выручить, он сможет получить сколько угодно сговорчивых и страстных женщин, к тому ж более подходящих ему по комплекции. Они удовлетворят его получше, чем эта недотрога.

К величайшему облегчению Кристи, Рыжебородый с отвращением сплюнул и отвернулся.

— Ладно, красотка, отдыхай, — проворчал он. — Как бы мне ни хотелось разрядить в тебя свою пушку, я тебя принуждать не стану. Благодарю судьбу за то, что мы встретились, когда у меня в кошельке пусто, иначе никакие фокусы с зубочистками тебе бы не помогли. Я тебя хочу, но в отличие от многих мужчин я думаю не яйцами, а головой.

Криста вспыхнула, но эти грубые слова вселили в нее новую надежду.

— Спасибо, Рыжебородый, — проговорила она.

— Не благодари меня. Может быть, тебе еще придется меня проклинать самыми страшными словами, когда твой новый хозяин за тебя возьмется. Я поступаю так ради выгоды. Дни пиратства сочтены, и я хочу, чтобы в моем кошельке звенело золото, когда придет время удалиться от дел. Я оставлю тебя в покое до Алжира, а придем мы туда дня через два, если не попадем в шторм. Мы уже прошли Сардинию, скоро будет видно африканское побережье.

Он смерил ее взглядом с головы до ног и, тяжело ступая, так что в такт его шагам тряслась мебель, вышел из каюты.

6

Стоя у иллюминатора, Криста смотрела на сияющий белый город, уступами поднимавшийся от гавани. Это был Алжир. Она ощущала такую тоску и тревогу, что впору было броситься в воду, кишевшую акулами. Если Марк жив, еще имеет какой-то смысл жить дальше. Но провести остаток жизни в рабстве без всякой надежды на спасение, знать, что он не ищет ее, не придет на помощь... Ей даже не хотелось думать о таком будущем.

Занимался рассвет. Из-за далеких пурпурных гор в глаза брызнули лучи солнца, позолотив шпили и минареты и обратив в драгоценную слоновую кость здания, расположенные на величественном холме. Кристе была видна широкая эспланада, похожая на балкон, нависавший над Средиземным морем.

Гавань Алжира была одним из последних прибежищ корсаров, терроризировавших Средиземноморье. Веками на побережье располагались колонии пиратов — своеобразные республики с выборным управлением, промышлявшие грабежом. В 1819 году Тунис объявил пиратов вне закона и запретил работорговлю, но Марокко и Алжир и семь лет спустя придерживались прежних обычаев.

Дверь распахнулась, и невеселые размышления Кристи прервало появление Рыжебородого. За последние два дня она видела его в первый раз. Еду ей приносил престарелый кок, который был просто не в состоянии причинить ей какой-либо вред, даже если бы у него возникли такие намерения. Предводитель пиратов сдержал слово; ни он, ни его люди Крису не беспокоили. Если бы еще удалось заставить его переменить решение и отослать ее к отцу! Но тут он был непоколебим.

Рыжебородый быстро вошел в каюту, двигаясь удивительно легко для человека такого телосложения.

— Эй, красотка, давай собирайся, — приказал он. — Через час мы причалим.

Криста посмотрела на него с нескрываемым презрением.

— Как я могу собираться? Ты разорвал мою одежду, а другой у меня нет. Я несколько дней не принимала ванну, и даже причесаться было нечем.

У Рыжебородого удивленно приподнялись брови. Он ожидал увидеть Крису в слезах или, по крайней мере, угнетенной, подавленной. А эта ведьма с серебристыми волосами укоряет его за недостаток комфорта. Удивительная женщина! Возможно, ему все-таки следовало оставить ее при себе, хотя нет, женщине не место на пиратском корабле.

— Вот одежда. Об остальном я позабочусь в Алжире, — буркнул он.

— Что это такое? — спросила Криста, с удивлением разглядывая странный наряд. В одной руке она держала одеяние из мягкого тонкого шелка небесно-голубого цвета, в другой — тяжелое темное платье с капюшоном. И то и другое одеяние было такой длины, что скрывало ее с головы до пят.

— Шелковая рубаха называется джебба, ее надевают на тело. А более тяжелая одежда — это яшмак. Его носят поверх джеббы. Еще возьми покрывало — это хаик. Все это ты наденешь на себя. Это обычная женская одежда в здешних краях.

Он подождал немного, удостоверился, что Криста все поняла, и вышел.

Довольная хотя бы тем, что на ней осталась собственная обувь, Криста семенила за Рыжебородым по узкой извилистой улочке. Капюшон спускался до самых глаз, а прикрепленная к нему чадра скрывала нижнюю часть лица. Под одеждой на коже Кристи выступили капли пота, хотя солнце едва пробивалось между нависшими над улицей балконами.

Они шли плотной группой: впереди Рыжебородый, за ним Криста, а по бокам и чуть сзади двое вооруженных пиратов устрашающего вида. Неудивительно, что, когда они поднимались по крутой улице центральной части города, им уступали дорогу. Криста заметила, что улицы города подобны лестнице, ведущей из порта к вершине холма, и что передвигаются здесь исключительно пешком или на ослах.

Вдруг Рыжебородый скрылся в узкой арке, и, когда Криста немного замедлила шаг, ее грубо подтолкнули в спину так, что она едва не налетела на него. Хотя внутренний дворик, в котором они оказались, был невелик, он напоминал оазис в пустыне. Раскидистые деревья и яркие цветы окружали небольшой пруд с искрящейся голубой водой, в которой неторопливо плавали крупные золотые рыбки.

Криста была изумлена, увидев такой райский уголок в самом центре города.

— В дом, — приказал Рыжебородый и двинулся к увенчанной аркой двери. Она не шевельнулась, и тогда он схватил ее за плечо и толкнул вперед. Дверь беззвучно отворилась, и ей ничего не оставалось, как войти внутрь.

Человек с кожей цвета полированного черного дерева склонился в низком поклоне и произнес:

— Хозяин ждет вас. Пожалуйста, следуйте за мной.

Хотя Криста не знала арабского, смысл его слов был ясен.

Дом нельзя было назвать огромным, но комнаты с высокими потолками, которые поддерживали мраморные колонны, казались просторными, наполненными воздухом. На полу лежали ковры прекрасной работы, которые высоко ценились в Англии. Криста сразу поняла, что хозяин дома — человек состоятельный, и стала гадать, что связывает его с Рыжебородым. Очень скоро ей представилась возможность удовлетворить свое любопытство.

На высокой подушке, поджав под себя скрещенные ноги, сидел человек средних лет в ярком шелковом халате и белоснежном бурнусе. У него были твердые черты лица, а тело под одеждой казалось мускулистым и сильным. Особое внимание привлекали живые черные глаза под густыми бровями и крючковатый нос. Рот у него был хорошо очерченный, с сочными, чувственными губами, а иссиня-черная борода была аккуратно подстрижена. Головной убор состоял из искусно уложенного высокого тюрбана. Он с теплой улыбкой приветствовал Рыжебородого по-арабски:

— Рад видеть тебя, мой друг-великан.

— А я тебя, Калим.

— Что привело тебя в мой скромный дом? — Хотя Калим обращался к гостю, он ни разу не взглянул на него, потому что не отрывал глаз от маленькой изящной фигурки, закутанной в чадру. — Неужели ты считаешь меня настолько плохим хозяином, что приходишь с собственной женщиной?

— Эту женщину я собираюсь выгодно продать, — откровенно ответил Рыжебородый. — У меня есть причины думать, что новый правитель Константины очень заинтересуется моим товаром.

— Абдулла? Почему ты думаешь, что он захочет купить эту женщину? Я слышал, что его гарем совсем неплох.

— О нем говорят как о человеке, постоянно ищущем новых удовольствий и любителе экзотических женщин. Кроме того, я думаю, что именно эта женщина доставит ему много радости.

— Почему? — с любопытством спросил Калим.

— В последнем рейсе мы напали на французский корабль, на котором путешествовал принц Ахмед, брат Абдуллы и законный наследник Халида ибн-Селима, вместе с этой женщиной, своей наложницей. Во время жестокого боя Ахмед признался, кто он такой, и предложил свою жизнь в обмен на ее свободу. По всему было видно, что он без ума от этой красотки с дьявольским нравом.

— Принц Ахмед! Где он теперь? — сразу же заинтересовался Калим. — По всему побережью ходят слухи о том, что Абдулла захватил власть и назначил награду за голову принца Ахмеда.

Рыжебородый затряс лохматой головой.

— Один из моих людей перестарался и выстрелил в него. Ахмед упал за борт, а потом, когда я собирался послать людей его искать, к нам подошли два французских фрегата, и пришлось удирать. Судя по всему, принц Ахмед мертв, но мне удалось прихватить с собой его наложницу, так что мне есть на чем заработать.

Калим устремил на Кристу внимательный взгляд. Он бросил несколько отрывистых фраз стоявшему рядом слуге, и тот мгновенно снял с нее яшмак и джеббу. Она осталась стоять перед двумя мужчинами в одной рубашке Рыжебородого.

— Прелесть! — выдохнул Калим, очарованный тонкими чертами, изящными линиями и нежностью алебастровой кожи. — Какие волосы! Это действительно сокровище. Не стану оскорблять тебя, мой друг, предложением купить ее, ибо хотя я и богат, но не настолько, чтобы обладать таким чудом. Однако я почел бы за честь осмотреть эту женщину без этого... гм... одеяния.

— Я-то согласен, да боюсь, она станет возражать. У нее свои представления о том, как должна вести себя женщина, и раздеваться перед нами она не захочет.

— Мне слышалось или ты действительно сказал, что она была наложницей принца Ахмеда? По чему же она станет возражать?

— За время своего знакомства с Кристой — так ее зовут — я узнал, что она думает, что любит принца Ахмеда. Она благородного происхождения и считает, что не может быть простой наложницей.

Криста кипела от ярости, слушая этот оживленный разговор на непонятном ей языке. Почему она должна стоять молча, пока эти двое будут решать ее судьбу и развлекаться, разглядывая ее, как куклу? Возмущение оказалось сильнее страха.

— О чем вы говорите? — воскликнула она. — Я хочу знать, о чем вы говорите и почему меня разглядываете.

— Я же говорил, — сказал Рыжебородый, переходя на английский. Он расхохотался, запрокинув свою львиную голову. — С такими женщинами тебе еще не приходилось иметь дела.

Колючие глаза Калима возбужденно заблестели, и он ответил на ломаном английском:

— Бриллиант, бесподобный бриллиант. Я бы с радостью отдал все, что имею, чтобы оказаться на месте того мужчины, которому выпадет счастье заняться ее воспитанием. — Он с сожалением вздохнул. — Так чего бы ты хотел от меня, Барбаросса?

— Пусть она останется у тебя на несколько недель, пока я буду ждать ответа от бей Абдуллы. Мой гонец уже отправился в Константинополь.

— Я буду счастлив выполнить твою просьбу, — великодушно согласился Калим, снова перейдя на арабский. — Но, если Абдулла откажется от нее, я советую тебе предложить ее правителю Алжира. Он человек с большим аппетитом и всегда будет рад сделать новое приобретение для

своего гарема. Особенно он любит блондинок. Он обладает несметными богатствами, и ты внакладе не останешься.

— Благодарю тебя, мой друг, — задумчиво проговорил Рыжебородый. — Я последую твоему совету, если Абдулла откажется. А теперь я должен тебя покинуть. И снова выйти в море. Уже несколько месяцев добычи нам достается все меньше, а команда все больше ворчит. Деньги за эту женщину частично возместят нам потерю шхуны и ее груза, но этого недостаточно, чтобы заткнуть им глотки надолго. Через месяц я вернусь с ответом от Абдуллы.

— Оставляй женщину и не беспокойся о ней. Я прослежу, чтобы ей...

— Что он говорит? — вмешалась в разговор Криста. — Кто этот человек и почему я здесь? Вы собираетесь связаться с моим отцом?

Рыжебородый в гневе сверкнул на нее глазами:

— Замолчи, женщина! О чем мы говорим, тебя не касается. Ты моя пленница, и я поступлю с тобой как захочу.

Калим полностью одобрял ответ Рыжебородого и заметил по-английски:

— Эта женщина не умеет себя вести. Хочешь, в твое отсутствие я научу ее повиновению?

— Ты собираешься оставить меня с этим человеком? Я требую, чтобы мне объяснили, что происходит.

— Ты требуешь? — взревел Рыжебородый. Он сгорал от стыда, потому что Калим стал свидетелем величайшего для мужчины унижения: эта женщина, казалось, ни в грош его не ставила. — Ты не в том положении, чтобы чего-то требовать. Ты будешь повиноваться мне. А в мое отсутствие — Калиму.

— Почему я должна ему повиноваться? — возразила Криста. — Даже отец не требовал от меня безоговорочного послушания. А ты просто презренный...

На эту фразу Криста получила ответ, к которому не была готова: Рыжебородый с размаху ударил ее по лицу. Она опрокинулась на пол, ударившись затылком об пол. Несколько мгновений она сопротивлялась, но на нее неумолимо накатывалась тьма обморока. Глядя в искаженное злобой лицо Рыжебородого, Криста успела пожалеть, что еще тогда, на корабле, ей не хватило смелости расстаться с жизнью. Потом все исчезло.

— Отнесите ее на женскую половину, — приказал Калим слуге. — Пусть Селима позаботится о нашей гостье. Передай, что эта женщина ей не соперница.

— Оставляю эту суку на твое попечение, — сказал Рыжебородый, устремив на Калима тяжелый взгляд. — И надеюсь найти ее в нынешнем состоянии, когда вернусь.

— Положись на меня, Барбаросса. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь осмелится нанести оскорбление такому человеку, как ты?

— Тогда я тебя покидаю.

— Разве ты не останешься разделить со мной трапезу и вкусить других, более изысканных наслаждений? Моя Селима почтет за честь доставить тебе удовольствие.

— В другой раз, Калим, — с сожалением вздохнул Рыжебородый. В действительности Криста разбудила в нем желание, которое требовало выхода, но времени у него было в обрез. За пиратами охотились французы, англичане и даже американцы, и кораблю было небезопасно задерживаться в любом порту. — Вот когда я вернусь, я с великой благодарностью воспользуюсь твоим гостеприимством, так же как и нежным вниманием Селимы.

Криста шевельнулась, с наслаждением ощутив прохладу свежего морского ветра, ласкавшего ее горячее тело. Она медленно открыла глаза и увидела склоненное над ней ласковое лицо.

— О, они голубые, — произнес мягкий мелодичный голос, в котором звучало удовлетворение, — Я сразу сказала, что они голубые. — Кристе приходилось вслушиваться, чтобы разобрать ломаный английский, на котором говорила эта удивительно красивая женщина. — Меня зовут Селима.

— Селима, — повторила Криста, приподнимаясь на кушетке, — Где я?

— Ты в серале, в доме Калима.

— В серале?

— На женской половине, — объяснила Селима, не сразу подыскав нужное слово.

Криста не могла оторвать глаз от лица Селимы, она думала, что ей никогда не доводилось видеть более красивую женщину. Ее темные, подведенные сурьмой глаза, казалось, занимали половину лица. Маленький прямой нос над полными чувственными губами подчеркивал высокие скулы и лебединую шею. Обнаженные руки с длинными тонкими пальцами двигались с естественной грацией, которой можно было только позавидовать. На ней было полупрозрачное одеяние, не столько скрывавшее, сколько выставлявшее напоказ ее точеное тело. Криста долго прожила в Тунисе, но женщины, с которыми ей приходилось иметь дело, всегда были скромно одеты в глухие платья, а наряд Селимы, по ее мнению, был уместен только в гареме.

— Вы жена Калима? — наивно спросила Криста. Серебристый смех заполнил маленькую комнату.

— Я одна из его наложниц. Нас в серале четверо, и ты скоро со всеми познакомишься. А жены у Калима нет.

Криста вспыхнула и смущенно опустила глаза. Сколько она ни жила на Востоке, никак не могла свыкнуться с его обычаями.

— Извините, — неуверенно пробормотала она. Селима ласково улыбнулась.

— Извиняться не за что. Мы счастливы. Калим не жесток, и он прекрасный любовник. Мы здесь считаем, что нам повезло. Нас ведь могли послать в один из его других домов.

— У него несколько домов? — с недоумением пробормотала Криста.

— Калим — хозяин домов, куда мужчины приходят, чтобы удовлетворить желание с красивыми женщинами, которых покупают специально для этого.

Криста в ужасе отшатнулась. Неужели Рыжебородый продал ее Калиму и она попадет в бордель? Она знала, что и у берберов, и у арабов блондинки особенно ценятся, и мысль о том,

что ей суждено стать объектом их необузданного желания, вызывала в ней ярость.

Казалось, Селима почувствовала, о чем она думает, и одной фразой развеяла ее страхи:

— Ты не предназначена для такого места. У Барбароссы другие планы на твой счет. Ты слишком хороша для того, чтобы быть продажной женщиной или наложницей какого-нибудь мелкого шейха. Как тебя зовут?

— Криста. Криста Хортон.

— Ты очень красивая, Криста, — с восхищением сказала Селима. — Твои волосы... Таких я никогда еще не видела. Не серебряные и не золотые, а что-то среднее.

Криста не могла не улыбнуться в ответ на простодушную искренность Селимы.

— Ты тоже прелестна, Селима. Калим — счастливчик. А остальные его... женщины так же хороши, как ты?

— Ты скоро сама сможешь об этом судить, — улыбнулась Селима.

— Где ты научилась говорить по-английски? — спросила Криста.

— Несколько лет назад Калим привел в сераль англичанку. Она была блондинкой, и тоже очень красивой. Ее привезли с корабля, который захватили пираты. Калим взял ее к себе в наложницы, но она не захотела смириться со своей участью. Она провела здесь несколько месяцев и немного обучила меня английскому.

— А что с ней случилось потом? — с запинкой проговорила Криста, боясь услышать ответ.

— Калиму надоело ее упрямство, и он отослал ее в одно из своих заведений. С тех пор я ее не видела.

По спине Кристи пробежал холодок.

— Как это жестоко!

— Вовсе нет, — Селима энергично замотала головой. — Ведь ей ничто не мешало остаться здесь. Она была бы сыта до конца жизни. Что ж тут ужасного? Может ли женщина рассчитывать на что-либо лучшее?

«Неужели Селима действительно говорит, что думает?» — с недоумением спрашивала себя Криста.

— Ты просто не понимаешь англичанок, — произнесла она наконец, стараясь говорить как можно мягче, чтобы не обидеть Селиму. — Мы рождаемся не для того, чтобы жить в изоляции от мира за стенами сераля. И в нашей стране у каждого мужчины есть только одна женщина.

— Правда: Анна говорила об этом, но я ей не верила. Разве может одна женщина удовлетворить мужчину? Вот Калиму для того, чтобы он был счастлив, нужны четыре. И когда я увидела, как он на тебя смотрит, я поняла, что он с радостью взял бы и тебя. Но Барбаросса дал понять, что в его отсутствие никто не должен к тебе прикасаться. Ты будешь нашей гостьей. А теперь скажи мне, — добавила Селима, понизив голос до шепота, — Барбаросса хороший любовник? Наверное, он неумолим. Правда, меня немного пугают его размеры, но я знаю, что, если бы Калим предложил меня ему, он сумел бы до ставить мне большое

удовольствие.

Слова Селимы поразили Кристу. Неужели в этих краях женщины только и думают, что о плотской страсти и чувственных удовольствиях?

Ответ не заставил себя ждать.

— В Алжире женщину с самого детства обучают, как доставлять удовольствие мужчине. Мы изучаем все приемы любовной игры. Чем больше удовольствия мы доставляем хозяину, тем лучше он с нами обращается. Отец продал меня Калиму для публичного дома, когда мне было двенадцать. Но Калим в своей мудрости увидел, что мое лицо и еще неразвившаяся фигура многое обещают, и оставил меня для себя. В отличие от многих мужчин, которым нравятся несозревшие девушки, он ждал, пока мне не исполнится пятнадцать, и только тогда в первый раз взял в постель.

— Отец тебя продал? — выдохнула ошеломленная Криста.

Селима небрежно пожала плечами.

— Так часто делается. Мы были бедны, а ртов в семье было много. Из всех сестер я обещала стать самой красивой.

— Как жалко, что все так случилось, — сочувственно проговорила Криста.

— А мне не жалко. Какое будущее ждало меня в нашей деревушке? Крестьянская жизнь? Забота о жестоком муже и куче ребятишек? Мне повезло гораздо больше, чем моим братьям и сестрам.

— Да, я понимаю, — выдавила из себя Криста. Но, по правде говоря, объяснения Селимы ни в чем ее не убедили. Криста не считала, что делить мужчину с другими — это идеальное положение для женщины. Так же, как и жить за высокими стенами в вечной праздности и знать, что ты нужна только для удовольствия.

— Идем, Криста, — пригласила Селима, взяв ее за руку. — Калим приказал, чтобы за тобой хорошо ухаживали и чтобы ты не скучала. Хочешь искупаться? Остальные женщины очень хотят тебя увидеть.

Криста кивнула и подумала, что ванна будет как нельзя более кстати. Она последовала за Селимой в большое помещение под открытым небом с бассейном в центре. Вокруг бассейна расположились три молодые женщины, в той или иной степени обнаженные, им прислуживали несколько женщин постарше. Когда появилась Криста, беззаботный щебет разом смолк, и на нее уставились три пары любопытных глаз. Криста остановилась, рассматривая женщин с тем же вниманием, с каким они изучали ее, и слушала, как Селима называет ей каждую по имени.

Жейда — женщина восточного типа, прелестная и хрупкая, как орхидея. Наружные уголки огромных темных глаз приподнимались к вискам, кожа напоминала полу распустившийся цветок магнолии, а прямые черные волосы спускались до талии, как широкая атласная лента.

Беба, негротянка, была похожа на статуэтку из полированного черного дерева. Черные курчавые волосы облаком обрамляли лицо, подобного которому Криста никогда не видела. Оно притягивало взгляд, завораживало: бархатные глаза, точеный нос, широкие, мясистые губы. Беба была высокой, гибкой и двигалась с безотчетной животной грацией.

Четвертая наложница Калима, черкешенка Алита, казалась почти девочкой. Золотые кудри обрамляли невинное полудетское лицо, но еще не развившаяся фигура обещала формы более пышные, чем у трех остальных женщин. Кроме Селимы, никто не говорил по-английски, но все три женщины с удовольствием объяснялись с Кристой с помощью восклицаний, жестов и приветливых улыбок. Селима уже предупредила их, что Криста не угрожает их положению в доме Калима, потому что не предназначена для постели хозяина.

Криста купалась в бассейне с наслаждением, в котором стеснялась себе признаться, а потом одна из прислуживающих женщин сделала ей массаж: благоуханное масло впитывалось в кожу, делая ее гладкой и свежей, как у ребенка. Криста даже с аппетитом поела, попробовав каждое новое, необычное блюдо. Все пять женщин ели вместе, а Селима переводила вопросы и ответы.

Криста пыталась отказаться, когда после купания ей дали наряд, ничем не отличавшийся от того, что было на четырех наложницах. Однако, когда стало ясно, что ни на что другое рассчитывать не приходится, она неохотно облачилась в шальвары из тонкого переливчатого голубого шелка с серебряной нитью. На лодыжках и бедрах ткань была стянута завязками из тесьмы, расшитой бисером цвета темного вина и серебряными шариками. Выше бедер тело Кристи оставалось практически обнаженным, не считая крошечного болеро без рукавов из цветастого шелка, расшитого серебром, которое только-только закрывало ее груди. В качестве завершающего штриха ее серебристые волосы убрали назад и перевязали пунцовой лентой. Когда все было закончено, женщины окружили Кристу и долго рассматривали ее, издавая возгласы восхищения и хлопая в ладоши.

Когда настало время расходиться по своим комнатам, к юной Алите подошел слуга, что-то шепнул ей на ухо, потом сразу же удалился. По широкой улыбке, озарившей лицо Алиты, Криста поняла, что черкешенке выпала честь услаждать Калима этой ночью. Она лениво подумала о том, как Калим решает, какую из женщин взять в постель, — вытягивает соломинку или пользуется каким-нибудь другим способом.

Хотя в последующие дни Криста не испытывала недостатка в обществе, ее одолевала скука. В конце концов, сколько можно чистить перышки и вести пустые разговоры? Сколько можно сплетничать и плескаться в бассейне? Сидя у воды обнаженной или полуодетой, Криста все время испытывала неловкость, потому что ее не покидало ощущение присутствия кого-то постороннего. Но как она ни приглядывалась, она не видела никого, кроме женщин Калима и их слуг. Криста пыталась справиться с этим странным чувством, но оно не покидало ее.

Наконец Селима нашла прекрасный способ бороться с одуряющей скукой. Она начала учить Кристу арабскому языку и одновременно совершенствовала свой английский. Потом и остальные женщины стали принимать участие в этой забаве, и в скором времени в их разговорах слышалась то арабская, то английская речь. Криста поняла, что всех четырех женщин природа наделила острым умом, только у них не было возможности его развить.

Неделя шла за неделей, и все это время Криста строила планы побега, надеялась, что когда-нибудь ей представится возможность привести их в исполнение, К несчастью, этого не случилось. Даже в тюрьме ее не сторожили бы столь бдительно, как охраняли женскую половину дома Калима. Казалось, только во сне она оставалась без присмотра.

В конце месяца Криста обнаружила, что она неплохо освоила арабский и что стала жертвой какого-то странного недуга.

Однажды она проснулась ранним сияющим утром и почувствовала странные спазмы в желудке. Решив, что это скоро пройдет само собой, она ничего не сказала о своем недомогании Селиме. И действительно, через несколько часов она уже чувствовала себя совершенно здоровой. На следующий день повторилось то же самое, но на этот раз ее стошнило. В комнате тут же появилась Селима в сопровождении служанки.

— Что с тобой, Криста, тебе плохо? — встревоженно спросила Селима. — Давно это с тобой?

— Второй день, — беспечно ответила Криста. — Это быстро проходит, так что беспокоиться не о чем.

Селима задумчиво прищурила темные глаза и окинула внимательным взглядом стройную фигуру Кристи.

— Ты скажешь мне, если это повторится? — попросила она, начиная догадываться о странной болезни англичанки.

— Конечно. Но это нестрашно, скоро пройдет. Но приступы тошноты продолжались каждый день в течение недели, и тогда Криста забеспокоилась и рассказала об этом Селиме, которая тут же сообщила о недуге Кристи своему господину.

— Англичанка заболела? — встревожился Калим. — Ты советовалась с моим лекарем? Селима, я доверил тебе нашу гостью и надеялся, что с ней ничего не случится.

— Я не виновата в болезни Кристи, — возразила Селима. — Я родилась в большой семье и хорошо знакома с такими недомоганиями. Криста просто носит ребенка.

Из уст Калима посыпались проклятия, Селима сжалась от страха. Калим на нее сердится? Неужели он ее накажет:

— Барбаросса будет в ярости, если, вернувшись, он обнаружит, что она беременна, — сказал Калим, немного остыв. — Она знает, что с ней происходит?

— Нет, господин. Англичанка совсем неопытна в этом вопросе.

— Это хорошо! Я сделаю то, что будет лучше всего для Барбароссы. Он собирается разбогатеть с ее помощью, но ребенок снизит цену. Как только врач подтвердит, что она беременна, он получит указание избавить ее от этой ноши. Лишь семя нового господина должно произрастать в ее лоне.

— А может, она понесла от Барбароссы? Не он ли должен решать, что делать? — осмелилась проговорить Селима.

— Ты слишком много болтаешь! — вскричал Калим и наотмашь ударил ее по лицу, хотя обычно он не поднимал руку на Селиму. — Твое дело — ухаживать за англичанкой. Не пора ли тебе попробовать бастинадо, может, это научит тебя послушанию?

— Нет, господин, не надо, — взмолилась Селима, бросаясь к ногам Калима.

Это орудие наказания было поистине изобретением самого дьявола. Бастинадо причиняло чудовищную боль, не оставляя следов на нежной коже провинившихся наложниц или ценных рабов. Удары толстой деревянной палкой наносились по подошвам, это было настолько больно, что наказанный иногда по нескольку дней не мог ходить, но кожа при этом оставалась в

целости и сохранности. Селима дрожала при одном упоминании о бастинадо.

— Тогда иди, — властным тоном бросил Калим. — Иди, пока я не вышел из себя. И доложи мне сразу, как только лекарь осмотрит девушку.

Селима испустила вздох облегчения и, не заставляя себя просить дважды, поспешила прочь. Она знала, что Калим дорожит ею, но, когда дело касалось его авторитета в доме, он не ведал жалости.

Врач Калима, старик с непроницаемым выражением лица, осмотрел недоумевающую Кристу, а потом стал задавать вопросы. Криста, хотя и думала, что он суется не в свое дело, из вежливости заставила себя на них ответить. Наконец он объявил, что у нее нет никакой серьезной болезни, и удалился, а Криста проводила его возмущенным взглядом. Подобный диагноз она могла поставить и сама.

Этим вечером Кристе подали необыкновенно вкусный шербет, она хвалила освежающий напиток и удивлялась, почему Селима сидит, потупив глаза, и как будто через силу поддерживает разговор и улыбается.

Когда Криста ушла в свою комнату, она обнаружила, что не может заснуть. Она впала в какое-то странное состояние: словно грезилась наяву. Ей казалось, что она в объятиях Марка, она чувствовала на губах его поцелуи, ощущала его плоть в своем теле, иллюзия наслаждения была так сильна, что она застонала. «Где ты, любимый, жив ли ты? — шептала она в темноте. — Ты ищешь меня?» Ее сердце знало, что он жив и что когда-нибудь он найдет ее. Только эта мысль и не давала ей сойти с ума, давала ей силы встречать каждый новый день. Марк столько раз говорил ей, что им суждено судьбою быть вместе, что надежда укрепилась в ее душе и поддерживала ее. Наконец она заснула.

Но среди ночи Криста проснулась от мучительной рези в животе и тошноты. Жгучая боль приступами терзала ее внутренности, заставляя кричать. «Что произошло?» — думала она в кратких перерывах между приступами. Может быть, ее отравили и теперь она должна умереть за стенами сераля вдали от близких, вдали от возлюбленного.

На крик Кристы в комнату сразу же вбежала Селима, следом за ней лекарь и несколько служанок. Позднее Кристе не раз приходило в голову, что они, должно быть, стояли под дверью, ожидая сигнала. Но в тот момент она была рада их появлению и с благодарностью приняла из рук врача чашу с каким-то лекарством. Боль вскоре утихла, и Криста погрузилась в глубокий сон без сновидений, который обычно дает сильное снотворное.

Когда солнечный луч коснулся век, Криста повернула голову, чтобы уклониться от яркого света. Потом она слабо застонала, не в силах выбраться из оплетавшего ее серого кокона беспомощности.

— Криста, очнись, — прозвучал мягкий голос.

Криста с трудом открыла глаза, попыталась сосредоточить взгляд на лице, которое словно плавало в воздухе.

— Селима, — проговорила она, не узнавая собственного голоса, который звучал резко и хрипло. — Что со мной случилось?

Селима помедлила в нерешительности, но потом заговорила:

— Ты была больна. Очень больна. Но слава Аллаху, ты уже выздоравливаешь. Так сказал лекарь Калима, а он ученый человек.

— Но какая это болезнь? Меня отравили?

— Что ты, конечно, нет. Просто я совсем не сведуща в искусстве врачевания и потому не запомнила, как называл врач твою болезнь. — Селима пожала плечами. — Но какая разница теперь, когда ты поправилась?

— Я... я думаю, ты права, Селима. Мне действительно намного лучше. Сколько дней длилась болезнь?

— Три дня. — Селима не добавила при этом, что большую часть времени из этих трех дней Криста провела в бессознательном состоянии, вызванном сильным снотворным.

— Боже мой! Значит, болезнь была тяжелой. Ты уверена, что я поправлюсь?

Селима кивнула:

— Так сказал врач. Ты голодна? Мне кажется, тебе лучше встать с постели и немного подвигаться, чтобы силы начали к тебе возвращаться. Можешь пойти до бассейна?

— Как ни странно, я действительно хочу есть, — призналась Криста, с трудом переставляя ноги. Ей казалось, что все ее тело избито и словно налито свинцом.

С помощью Селимы и одной из служанок Кристе удалось добраться до бассейна, где ее омыли в воде, а потом обнаженной положили на стол, чтобы как следует помассировать. Вдруг все ее тело напряглось. Кристу вновь охватило отчетливое ощущение, что на нее кто-то смотрит. Оглядевшись по сторонам, Криста увидела, что в зале нет никого, кроме нее, Селимы и служанок, но неприятное ощущение не проходило. По всей видимости, Селима не испытывала ничего подобного: она весело и беззаботно плескалась в воде. Потом старуха служанка приступила к целебной процедуре, и напряженное тело Кристи расслабилось, она забыла обо всем, радуясь тому, что боль отступает, а все ее тело оживает и наполняется силой.

— Почему она такая бледная? — спросил Рыжебородый. Он и Калим тайно наблюдали за тем, что происходит в купальне. С тех пор, как он оставил Кристу у Калима, прошло почти четыре недели, и Барбаросса заметил, что Криста похудела.

Декоративные панели скрывали маленькую комнатку, из которой Калим часто наблюдал, как его женщины купаются и проводят время в купальне. Конечно, женщины знали о существовании потайного окошечка и нарочно принимали соблазнительные позы, чтобы привлечь внимание своего господина и заставить его выбрать себя на грядущую ночь. Но Кристе никто не удосужился об этом сообщить, и она даже не могла себе представить, что Калим каждый день видит ее обнаженной.

— Она болела, — небрежно заметил Калим, разглядывая стройное белое тело, соблазнительно раскинувшееся перед его взором.

Глаза Рыжебородого угрожающе сузились.

— Я оставил ее на твое попечение, Калим. Как это могло случиться? У нее не только испортился цвет лица, она еще и похудела. Абдулла будет недоволен. Он отвалил кучу денег за право обладать наложницей своего брата. Что за болезнь у нее была?

— Этой болезнью рано или поздно заболевает каждая женщина, — сухо ответил Калим. — Она носила ребенка.

— Что?! — разгневанно вскричал Рыжебородый. — Это никуда не годится! С этим надо немедленно что-то сделать. Абдулла послал своих янычар, чтобы они сопровождали караван в Константинополь. Сейчас они стоят лагерем за городскими воротами. Я не думаю, что мне удастся отложить отъезд. Но я не хочу навлечь на себя гнев Абдуллы, прислав ему женщину, которая ждет ребенка от другого мужчины.

— Барбаросса, откладывать отъезд нет нужды, — последовал незамедлительный ответ. — Я предугадал твои пожелания и велел избавить ее от ребенка.

— Это правда? Калим кивнул.

— Ты ведь хотел именно этого? Врач сказал, что она уже совсем оправилась. Посмотри сам, у нее вполне здоровый вид.

Рыжебородый почувствовал укол какого-то давно забытого чувства, но тут же прогнал его от себя.

— Калим, друг мой, ты поступил правильно. Мы не могли допустить, чтобы она предстала перед Абдуллой беременной. А она знает о том, что произошло?

— Знает только, что была больна. Селима говорит, что для своего возраста англичанка поразительно наивна.

— Вот и хорошо, — пробормотал Рыжебородый себе под нос. — Может статься, она родит сына от Абдуллы. Она ведь может рожать, правда?

— Конечно. Мой лекарь говорит, что это здоровая и плодовитая женщина, а он один из лучших наших врачей. Она еще родит своему господину много детей.

Рыжебородый алчным взглядом пожирал обнаженное тело Кристи и не находил в нем никаких недостатков. Он проклинал себя за то, что в свое время не наслаждался ею, поддавшись минутной слабости. Но теперь было поздно. Абдулла пришел в восторг, узнав, что Ахмед скорее всего погиб, но в не меньший восторг его привела мысль о том, что он будет обладать женщиной, которая вызвала столь сильные чувства у его брата.

Рыжебородый получил изрядное вознаграждение за сообщение о принце Ахмеди, а за новую наложницу Абдулла отвалил небывалую сумму. Команда «Рыжей ведьмы» наконец перестанет роптать, когда получит свою долю. И все же свалившееся на него богатство не умаляло сожаления о том, что он так и не изведal наслаждения с этой женщиной. Увы, Кристи теперь принадлежала Абдулле, а Хаджи, капитан янычар, ждал за городскими воротами, держа деньги наготове, чтобы передать их в обмен на прекрасную пленницу.

— Нравится ли тебе моя Селима? — спросил Калим, когда смуглая, небольшого роста женщина вышла из воды, подобно Венере.

Рыжебородый неохотно отвел взгляд от Кристи и обратил внимание на Селиму. Ее миниатюрное тело поражало совершенством форм, капли воды лениво скатывались с упругих грудей, которые были как раз такого размера, чтобы заполнить собою мужскую ладонь, крупные ярко-розовые соски вызывающе торчали кверху, привлекая внимание. Треугольный холм между бедрами был гладко выбрит, и, когда взгляд Рыжебородого скользнул по нему, он

облизнул губы в предвкушении наслаждения.

— Очень хороша, — искренне признал Рыжебородый. — Ты счастливее, Калим. Такая женщина под стать самому Аллаху.

Калим расцвел радушной улыбкой.

— Селима весьма сведуща в науке любви. И хотя она мала ростом, а ты... человек внушительных размеров, это не препятствие. Нынешней ночью она твоя, и ты можешь испытать с ней все известные тебе виды наслаждения. Если, конечно, ты не предпочитаешь провести ночь с рабыней Кристой. Несомненно, ты не раз делил с ней ложе до того, как привезти ко мне, и, может быть, хочешь обладать ею в этот последний раз.

Щеки Рыжебородого вспыхнули. Он не собирался признаваться Калиму в том, что ни разу не обладал Кристой, хотя она вызывала в нем сильное желание. Это могло испортить его репутацию хладнокровного насильника и убийцы, самого жестокого из пиратов, когда-либо бороздивших воды Средиземного моря.

— Пусть Абдулла объезжает эту кобылку. Кроме того, она для меня слишком слаба. Мне нужна женщина столь же ненасытная в любви, как и я.

— Тогда Селима как раз для тебя, — решил Калим. — Я пришлю ее к тебе сегодня. А сейчас мы разделим с тобой трапезу, и ты расскажешь, какие новости принес твой гонец из Константины. Ходят слухи, что в горах и пустыне неспокойно.

— Мой человек — его имя Рамир — слышал в деревнях о могущественном шейхе, которого его приспешники зовут Пустынный Ястреб. Никто не знает, откуда он появился и возглавил племена, известные своей воинственностью. Это туареги — не утомимые кочевники. Они передвигаются на боевых верблюдах, и их все боятся. До недавнего времени они нападали в основном на караваны с товарами для Абдуллы и его двора.

За обедом мужчины продолжали говорить о загадочном шейхе, который уже причинил немало неприятностей Абдулле. Абдулла выслал отряд янычар на его поиски, но вскоре обнаружилось, что бандиты ничем не уступают этим прославленным воинам. Туареги всегда были самым воинственным из племен Сахары, но они признали власть мудрого бея Халида ибн-Селима, уважали его и заключили с ним мир. После его смерти, когда Абдулла захватил власть, туареги перестали соблюдать этот неписанный договор, потому что не питали и тени уважения к новому правителю.

— А твой человек сам видал этого великого шейха? — с интересом спросил Калим. — Правда ли, что он такой бесстрашный воин, как говорят?

— Рамир видел издали, как туареги стояли строем на холме и наблюдали за караваном, в котором он ехал. Но они не напали — зная, по-видимому, что караван небогатый.

— А их предводителя он тоже видел?

— Наверное, нет, — задумчиво проговорил Рыжебородый. — Хотя Рамир говорил, что один человек выделялся среди остальных. Лицо у него было заматано темно-синим шарфом, как не носят туареги, и он сидел на арабском жеребце. А одет он был не в темную плотную одежду туарегов, а в снежно-белую, которая развевалась на ветру. Потом он него люди исчезли так же бесшумно, как и появились. Хотелось бы мне быть там, чтобы увидеть все это собственными глазами.

Калим хмыкнул, подумав о том, что уж он-то совершенно не хочет иметь дела ни с Пустынным Ястребом, ни с туарегами. Все знали, что эти кровожадные погонщики боевых верблюдов разоряли цветущие оазисы, превращая их в пустыню. Они славились жестокостью, умением ориентироваться в пустыне и выслеживать врага, не знали равных в бою на длинных обоюдоострых мечах и наводили ужас на местных жителей.

После еды перед Калимом и Рыжебородым появились шесть танцовщиц, укутанные в прозрачные шали, которые почти не скрывали их соблазнительных форм. Когда танец завершился впечатляющим финалом — каждая из девушек сбросила с себя последнюю оставшуюся часть одежды, и взору двух мужчин предстали полностью обнаженные тела, блестящие от пота, — Рыжебородый уже был полностью подготовлен к встрече с Селимой.

Проснувшись, Криста сразу подумала, что грядущий день будет не таким, как другие. От неприятного предчувствия по спине поползли мурашки, и ее разум оказался во власти какого-то невыразимого ужаса; болезнь была тут ни при чем, потому что Криста уже чувствовала себя совершенно здоровой.

В это утро Селима пришла навестить ее много позже, чем обычно. Вид у нее был усталый, вокруг глаз залегли темные тени. Криста мельком подумала, что, наверное, Калим выбрал Селиму на эту ночь и утомил ее своей пылкой любовью. Полные губы Селимы припухли от поцелуев, а движения были томными и замедленными, что наводило на мысль о долгой ночи, проведенной в любовных забавах. Но что бы ни происходило с ней этой ночью, она выглядела такой же красивой, как обычно.

— Ты должна предстать перед Калимом, — сообщила Селима, усаживаясь на подушку рядом с Кристой.

— Что ему нужно?

— Барбаросса вернулся, — коротко ответила Селима.

После завтрака, состоявшего из козьего сыра, хурмы и миндального печенья, служанки тщательно одели и причесали Кристу. На этот раз на нее надели шальвары из прозрачного бирюзового шелка с завязками из золотой тесьмы на щиколотках и бедрах. Короткое болеро того же цвета едва прикрывало груди, оставляя живот обнаженным. Драгоценностей на ней не было, поскольку ее красота не нуждалась в искусственных дополнениях. Только после того, как Селима, Жейда, Беба и Алита подвергли ее критическому осмотру, Кристу отвели к ожидающим ее мужчинам.

Рыжебородый был заново пленен красотой Кристы. Длинные распущенные волосы окутывали ее тело, как серебристый плащ, а восточный наряд обнажал и скрывал ровно столько, чтобы будоражить воображение и вызывать желание.

— Ну, как ты тут поживала, пока меня не было? — поинтересовался Рыжебородый охрипшим от желания голосом, в глубине души проклиная тот день, когда судьба свела его с этой серебристоволосой ведьмой.

— Неплохо, — сухо ответила Криста и тут же спросила: — Ты известил моего отца? Когда ты отставишь меня домой?

— Послушай, ты же прекрасно знаешь, что жалкий выкуп, который способна заплатить за тебя семья, меня не интересует. — В голосе Рыжебородого зазвучали угрожающие нотки. — И на невольничьем рынке я тебя продавать не стану. Я заключил выгодную сделку с беём

Абдуллой, который, после того как мой гонец описал ему твою красоту и ум, горит желанием присоединить тебя к своему гарему. Не говоря уж о том, что теперь он знает, как высоко ценил твои прелести принц Ахмед. Ты возбудила любопытство бей Абдуллы, и теперь он не допустит, чтобы ты досталась кому-либо другому.

— Презренный негодяй! — вскричала Криста. Рыжебородый закатился смехом.

— Ты воистину неповторима, красавица моя. Надо признать, что мной владеет сильное искушение приберечь тебя для себя. Но, к счастью, жадность во мне сильнее похоти. Абдулла готов расстаться с изрядной долей своих богатств, лишь бы завладеть тобой.

— Пропади ты пропадом! — с отвращением бросила Криста. — Будь уверен, Абдулла меня не получит.

— Ты очень терпеливый человек, — задумчиво отметил Калим. — Эта женщина нуждается в хорошем уроке. Пожалуй, я прикажу принести бастинадо. Абдулла потом будет тебе благодарен. Не могу себе представить, чтобы он позволил рабыне так с собой разговаривать.

Рыжебородый, прищурившись, разглядывал Кристу, втайне восхищаясь ее отвагой. Но он понимал, что ее поведение наносит урон его репутации, и, к ужасу Кристи, утвердительно кивнул в ответ на чудовищное предложение Калима. Через несколько минут слуга Калима вернулся с короткой деревянной палкой и протянул ее Рыжебородому.

— Ложись на пол, — приказал Рыжебородый Кристе, а когда она даже не шевельнулась, он сам грубо бросил ее на подушки. Потом он кивнул слуге, который схватил ее за лодыжки и поднял их вверх, заставив ее согнуть колени. Криста сопротивлялась изо всех сил. Тогда Калим навалился на нее всем телом, придавив к полу.

— Начинай, мой друг, — улыбнулся Калим, — но не увлекайся. Абдулла будет недоволен, если получит подпорченный товар. Пять ударов значительно смягчат ее характер.

Рыжебородый смотрел на Кристу сверху вниз, понимая в глубине души, что у него не хватит духу подвергнуть ее такому унижительному наказанию. Где-то в самом дальнем уголке его сердца тлела нежность к этой необыкновенной женщине. Если бы возникла необходимость, он смог бы приручить ее, но не таким способом.

— Пусть встанет, — проговорил он, к изумлению Калима. — Я думаю, она и так усвоила урок. И помни, — проревел Рыжебородый, обращаясь к Кристе, — здесь тебе не Англия. В этой части света женщина ничто, она живет и умирает по воле своего господина. Направь-ка лучше свои силы на то, чтобы понравиться Абдулле, иначе тебя просто сбросят с городской стены. Я слышал, Абдулла жесток, и угодить ему трудно. А теперь ступай и приготовься к отъезду. Мы отправляемся в путь рано утром. Абдулла послал своих людей, которые будут сопровождать тебя в Константинопу. Они ждут нас за городскими воротами.

Кристе ничего не оставалось, как повиноваться. Она вышла из комнаты, стараясь сохранить остатки достоинства.

— Тебе повезло, — сказала Селима, узнав о случившемся. — Барбаросса, как видно, тебя любит.

— Он чудовище, — прошипела Криста, стиснув зубы. — И вся эта страна просто ужасна. Я хочу домой.

— Криста, ты должна забыть прошлое, если хочешь выжить, — участливо посоветовала Селима. — Постарайся угодить Абдулле. Это большая честь — попасть в гарем такого человека.

— Абдулла ничем не лучше Барбароссы. Он жестокий негодяй, он убил мать принца Ахмеда, потому что она стояла у него на пути. Законный правитель Константины — Ахмед.

Селима недоуменно пожала плечами.

— Я ничего об этом не знаю, я знаю только, что происходит здесь, в стенах этого дома.

Криста не стала ничего ей объяснять. Она понимала, что Селима живет совсем другой жизнью, жизнью, которая полностью сосредоточена на ее господине, жизнью, в которой отсутствуют какие-либо интересы, кроме сугубо домашних. Но она, Криста, скорее согласилась бы умереть, чем обречь себя на подобное существование. И если ей хоть немного повезет, она никогда не войдет в гарем Абдуллы. Если будет на то воля господина, она сумеет сбежать прежде, чем они доберутся до Константины. Когда-нибудь, торжественно поклялась она самой себе. Рыжебородый поплатится за все.

На следующее утро Криста без сопротивления дала одеть себя в розовую шелковую джеббу, чадру и темный яшмак до пят. Она наскоро попрощалась с Селимой, Бебой, Алитой и Жейдой и вышла к Рыжебородому, который никак не мог дожидаться того момента, когда он наконец сбудет ее с рук и выйдет в море. На суше он всегда чувствовал себя неуютно.

Кристу провели по одной из трех главных улиц старого города, образующих треугольник, вершиной которого являлся касбах — центральная часть. Стройные минареты и зубчатые стены укреплений устремлялись в безоблачное голубое небо, еще не выцветшее от зноя в этот ранний утренний час. Идти пешком по крутым улицам было нелегко, но другой способ передвижения в этой части города был невозможен. Под охраной Рыжебородого и четырех пиратов Криста добралась до южных ворот. Никто не обращал на них внимания в пестрой толпе снующих людей.

Первое, что заметила Криста, оказавшись за городскими стенами, были шатры, раскинутые неподалеку от ворот. Там суетились люди в снежно-белых одеждах. Они снимали шатры и грузили их на спины крепких коротконогих осликов и злых косматых верблюдов. За ними присматривали не меньше двух десятков янычар. Один из воинов заметил Кристу с ее спутниками и немедленно направился к ним навстречу.

— Это та самая женщина? — спросил он на арабском. К тому времени Криста уже неплохо знала язык и могла без труда следить за разговором.

— Да, — ответил Рыжебородый, подталкивая Кристу вперед. — Это рабыня-христианка по имени Криста, которую вы сопровождаете в Константинополи, капитан Хаджи. Смотрите, чтобы с ней ничего не приключилось по дороге, иначе бей Абдулла снимет с вас голову.

— Я уверен, что мужчина может познать небесное наслаждение в том раю, который расположен между этими белыми бедрами, — со сладкой улыбкой проговорил Хаджи, — но я слишком дорожу собственной шкурой. С ней ничего не случится. Барбаросса, мой господин велел передать тебе вот это.

С этими словами он извлек из складок одежды увесистый мешочек, содержимое которого своим позвякиванием ласкало слух. Рыжебородый развязал мешочек, внимательно обследовал его содержимое и наконец со вздохом удовлетворения прикрепил к своему поясу.

Криста рассеянно смотрела вдаль на пыльную дорогу, делая вид, что не понимает ни слова. На самом деле она поняла все и с радостью узнала, что на время путешествия она будет избавлена от домогательств мужчин. Через некоторое время капитан Хаджи ушел к шатрам, а Криста осталась наедине с Рыжебородым.

— Ну что ж, красотка, прощай. Если у тебя хватит ума, ты направишь все свои силы на то, чтобы принести Абдулле как можно больше радости. Если бы я не размяк в первый раз в жизни, я попробовал бы тебя сам. Но, видно, я так и не узнаю, какого удовольствия себя лишил, потому что отныне ты принадлежишь Абдулле.

— Никогда! — с жаром воскликнула Криста. — Я не собираюсь становиться рабыней Абдуллы или его наложницей.

Рыжебородый понимающе улыбнулся.

— Черт побери, с тобой не соскучишься. Ты что, собираешься сбежать в пустыню? Учти, если тебя не убьет жара, ты попадешь в руки какого-нибудь племени дикарей и еще пожалеешь о своем упрямстве.

— Посмотрим, — презрительно бросила Криста. Рыжебородый не успел ответить, потому что возвратился Хаджи и сообщил, что все готово к отъезду.

— Стереги ее получше, Хаджи, она замышляет побег, — предупредил Рыжебородый.

Криста, слушая их разговор, мысленно благословила Селиму за то, что та научила ее арабскому.

— Я отвечаю за нее своей жизнью, — сказал Хаджи, кланяясь на прощание Барбароссе. Потом он схватил Крису за руку и в буквальном смысле слова поволок к каравану. Погонщик заставил одно го из верблюдов опуститься на колени, а Хаджи подтолкнул Крису к странному приспособлению на спине животного.

Криста с удивлением разглядывала подобие полосатой палатки, которое называлось бассураб. Она знала, что бассураб предназначен для передвижения женщин, но ни разу в нем не путешествовала. Палатка должна была защитить ее от прямых солнечных лучей, но от жары защитить не могла и вдобавок казалась очень неудобной. Криста пыталась сопротивляться, однако вскоре она уже сидела на плетеном сиденье внутри палатки, вцепившись в него что было силы, потому что верблюд уже поднимался на ноги. При движении верблюда бассураб раскачивался из стороны в сторону, и это напоминало качку на корабле. Единственным утешением было то, что она могла видеть окружающее через прорезь в палатке.

Почти две недели караван двигался на юг через скалистые горы, плодородные долины, пересекая ручьи и леса, состоявшие из можжевельника и сосен. Ночью ставили шатры и разжигали костры для защиты от хищников. Из разговоров янычар Криста узнала, что в лесах в изобилии водятся львы и леопарды.

В первую же ночь в шатер Кресты вошла старуха и принесла ужин, состоявший из инжира, маслин, сыра и козьего молока. Криста обрадовалась, узнав, что в караване есть еще одна женщина, кроме нее, но в настоящий восторг привело ее то, что старуха говорила по-английски. Присмотревшись повнимательнее, Криста увидела, что, хотя лицо у женщины смуглое и морщинистое, глаза у нее голубые, а черты лица совсем не восточные.

— Меня зовут Ленора, — сказала старуха, поставив перед Кристой поднос. — Абдулла послал

меня прислуживать тебе.

— Ты говоришь по-английски! — в восторге воскликнула Криста. — Как это замечательно! Ты родилась не здесь, — уверенно прибавила она.

— Да, я была англичанкой, — кивнула старуха, расставляя перед Кристой еду. — Я попала в плен, так же как и ты.

— Если ты родилась англичанкой, ты ею и осталась, — озадаченно проговорила Криста.

— Я уже давно перешла в мусульманскую веру. Мой бог — Аллах. Я не была так хороша собой, как ты, госпожа. Даже в юности. И я сделала все, чтобы остаться в живых. Старый бей купил меня, чтобы я стала компаньонкой его любимой наложницы. У меня не было причин жаловаться на судьбу, пока оба они были живы, но теперь все изменилось. Теперь я принадлежу Абдулле. — Вдруг она заговорила о другом, словно испугавшись, что сболтнула лишнего: — Мы пока не вступили в пустыню, здесь много воды. Не желаешь ли искупаться?

— О да, — с благодарностью согласилась Криста. — С удовольствием. — Несколько минут она молча наблюдала за Ленорой, а потом отважилась задать вопрос: — Ленора, ты когда-нибудь пыталась бежать?

Ленора ответила ей испуганным взглядом.

— Бежать? Куда я могла бежать? И зачем? Нет, госпожа, сейчас я по крайней мере знаю, на что рассчитывать.

— Пожалуйста, называй меня Криста, — попросила Криста, потому что женщина напоминала ей Марлу, которую пираты оставили на борту «Милого друга».

Больше Криста напрямую не заводила разговор о побеге, чтобы не пугать Ленору, но ничто не могло заставить ее отказаться от этой мысли. Когда-нибудь, когда наступит подходящий момент, Ленора поможет ей, и она доберется до своих родителей.

Дни шли за днями, такие неразличимые, что Криста изнывала от тоски. Иногда караван двигался совсем медленно, особенно когда пересекал холмистую местность, по-арабски именуемую «тэл». Там Криста часто видела кочевников, которые передвигались за своими стадами, а на привалах строили гурби — разборные жилища из веток и глины.

Долгое время караван двигался на запад. Криста думала так потому, что местность почти ничем не отличалась от Алжира — горы до пятисот футов высотой, плодородные речные долины. В конце второй недели они вышли на песчаную равнину, покрытую пшеничными полями и оливковыми рощами, которую окружали пологие лесистые холмы. Оживление среди янычар подсказало Кристе, что цель путешествия близка, и у нее упало сердце. Ленора подтвердила ее опасения.

До сего времени никаких возможностей для побега не появлялось. Хаджи, верный своему слову, приставил к ней надежную охрану, каждую ночь у ее шатра, сменяя друг друга, дежурили янычары. Мысленно рисуя ужасную судьбу, которая ожидает ее в Константине, Криста решила, что ждать больше нельзя. Отбросив осторожность, она открылась Леноре.

— Но это невозможно, — в ужасе вымолвила старая женщина.

— Возможно, если ты согласишься мне помочь, — в отчаянии взмолилась Криста. — Мы можем

убежать вместе. Неужели тебе не хочется снова стать свободной?

— Свободной? — с недоумением повторила Ленора. — Я... это было так давно. — Наступило длительное молчание. Криста надеялась, что мысль о свободе пустит корни в сердце старой женщины. Но следующая же фраза Леноры доставила ей глубокое разочарование. — Свобода — это просто слово.

— Женщина не может быть свободной.

— Но вспомни свою семью. Неужели у тебя нет никого, кто был бы счастлив, если бы ты вернулась?

— Нет, — покачала головой Ленора. — Я была горничной у одной дамы, и она взяла меня с собой в путешествие на Сицилию. Тогда мы и попали в плен к пиратам. А вся моя семья умерла от мора много лет назад. Только я одна и осталась в живых. Нет, госпожа, мне некуда и не к кому возвращаться.

— Тогда я возьму тебя с собой к моим родным, — настаивала Криста.

Но Ленора снова покачала головой.

— Неужели ты думаешь, что мы долго протянем вдвоем в этих горах? А кроме того, капитан Хаджи ни за что не допустит, чтобы ты сбежала. Для него это все равно что самоубийство. И для меня тоже.

— Пожалуйста, Ленора, помоги мне, — продолжала умолять Криста. — Вместе мы что-нибудь обязательно придумаем. Мы должны попасть в Тунис, где рабство отменено и где живут мои близкие. Они будут тебе рады.

— Простите, госпожа, я слишком стара для того, чтобы менять жизнь.

— Но если ты не хочешь бежать со мной, помоги по крайней мере мне.

— А ты знаешь, что с нами будет, если мы вернемся в Константинополь без тебя? — сурово спросила Ленора.

Криста неуверенно покачала головой. Казалось, эта жестокая страна уже ничем не может ее удивить.

— Капитана Хаджи и янычар подвергнут страшным пыткам, а потом умертвят. Их головы насадят на колья и выставят на городских стенах. А со мной, — сказала она, понизив голос до хриплого шепота, — со мной будет то же самое. А если тебя поймают — а тебя наверняка поймают, — ты пожалеешь о том, что родилась на свет, и будешь молить о смерти. — С этим словами старуха ушла, шаркая ногами, оставив Кристу размышлять над тем, что она узнала.

Криста провела ночь без сна. Она то плакала, то роптала на бога, который оставил ее, но потом пришла к неизбежному выводу: нельзя становиться причиной страданий стольких людей, особенно невинных людей, таких, как Ленора, на долю которой уже и так выпало много горя. Встречи с Абдуллой не избежать, но, как только она окажется в его гареме, она найдет способ побега, который не приведет к смерти невинных людей.

На следующее утро караван снова тронулся в путь, и Кристе приходилось непрерывно сражаться с желтой пылью, которая поднималась из-под копыт верблюдов и облаком окружала

путешественников. Она заметила, что с тех пор, как они немного углубились в пустыню, дни стали более жаркими, зато ночью всегда было на удивление прохладно. Везде, куда ни посмотри, колыхались под ветром хлебные поля и зеленели оливковые рощи.

Вечером Ленора, как обычно, принесла ужин, но выглядела она подавленной и виноватой.

— Ты сердисься на меня, госпожа? — робко заговорила она. — Прошу тебя, прости старуху, у которой уже не хватает храбрости защитить свою госпожу.

— Ты ни в чем не виновата, — печально улыбнулась Криста. — И ты права — здесь некуда бежать и негде укрыться. Если бы даже нам чудом удалось убежать, нас обязательно поймали бы. Ленора, пожалуйста, оставь меня. Мне надо побыть одной.

Ленора поклонилась и молча покинула тесный шатер.

Криста собиралась ложиться спать, но мысль о том, что через день-другой караван доберется до Константины, заставляла ее сердце тревожно сжиматься. Она механически переоделась в тонкий бледно-розовый халат, который надевала на ночь. Женщины Калима подарили ей несколько красивых халатов и даже небольшой резной комод, в котором можно было хранить одежду. Она потихоньку погружалась в короткое забытие, думая о Марке, вспоминая его слова о том, что они связаны судьбой.

— Ты ошибался, Марк, ты ошибался! — вдруг воскликнула она и изо всей силы ударила кулаком по подушке. — Кисмет — это просто небылица, а твои обещания — жестокий обман. Если господь назначил нам быть вместе, то где ты? Где ты теперь?

Тишину ночи внезапно разорвал грохот выстрела. Через минуту выстрелы уже гремели с частотой барабанной дроби, в темноте раздавался звон сабель, крики, душераздирающие вопли раненых. Криста вскочила со своего ложа, сердце ее замерло от ужаса, а крик застыл на губах. Что случилось? Ей приснился кошмарный сон? Но нет, все это происходило наяву. Она уже собиралась выглянуть из палатки, но раньше, чем успела сделать хоть шаг, полог с треском распахнулся и перед ней предстал человек, который почти не уступал в росте великану Рыжебородому. Она видела только темные горящие глаза и черные брови, сдвинутые над переносицей. Нижняя часть лица незнакомца была закрыта синим шарфом, какие обычно носили туареги. В голове Кристы мелькнуло страшное подозрение.

Все это время в караване не смолкали разговоры о свирепом шейхе, которого все называли Пустынный Ястреб и который, казалось, особенно ненавидел нового правителя Константины, потому что его люди нападали почти исключительно на караваны Абдуллы. Неужели это он?

Легко преодолев попытки Кристы сопротивляться, незнакомец подхватил ее на руки и вынес из шатра в ночь. Зрелище, которое предстало ее глазам, Криста запомнила на всю жизнь.

Лагерные костры еще горели, и в их свете Криста видела людей, насмерть бившихся в яростной рукопашной схватке; между шатрами, как призраки, метались боевые верблюды, а всадники, сидевшие на их спинах, беспощадно разили янычар, которые были застигнуты врасплох — они никак не ожидали нападения так близко от Константины. До слуха Кристы доносились стоны раненых и умирающих, и она не могла не испытывать сочувствия к янычарам, хотя они служили ее врагу, бею Абдулле.

Похититель Кристы перебрался через груды тел у выхода из лагеря и легко, словно не ощущая тяжести своей ноши, побежал в сторону пологого холма, у подножия которого были привязаны вьючные верблюды. Криста взглянула на вершину холма, и у нее перехватило дыхание при

виде четко выделявшейся на фоне светлеющего неба, одетой в белые одежды фигуры всадника, восседавшего на спине вороного арабского жеребца. Криста подумала, что он похож на героя волшебной сказки. Кто это? Неужели тот самый наводящий ужас призрак Сахары — Пустынный Ястреб? Пока Криста с бьющимся сердцем наслаждалась этим удивительным зрелищем, всадник начал спускаться с холма, ведя в поводу другую лошадь, чисто белую, которая, по всей вероятности, предназначалась для человека, державшего Кристу на руках. Все остальные туареги ездили на небольших резвых верблюдах, совсем непохожих на неуклюжих вьючных животных.

Когда белый всадник на черном коне спустился к подножию холма, первые лучи солнца окрасили небо золотом. Все лицо всадника, кроме глаз, было закрыто, а глаза прятались в тени густых длинных ресниц. Человек, похитивший Кристу, передал ее белому всаднику, и тот посадил ее в седло перед собой. Она со смущением подумала, что на ней нет ничего, кроме тонкого ночного халата, но второй мужчина вернулся в лагерь и принес ее яшмак. Она с облегчением оделась и кивком поблагодарила его.

Таинственный шейх послал своего жеребца с места в галоп. Его военачальник на скаку выкрикнул приказ, и сражение в лагере немедленно прекратилось. Туареги, с удивительной быстротой подобрав своих убитых и раненых, последовали за своими предводителями с леденящим душу военным кличем, от которого по спине у Кристи побежал холодок. Несколько человек отделились от отряда, отвязали вьючных верблюдов каравана Абдуллы и погнали их перед собой. Туареги растворились в воздухе, как мираж, и на пустыню снова упала тишина.

Несколько бесконечных дней и ночей Криста не ощущала ничего, кроме ужасной боли во всем теле, не привыкшем проводить так много времени в седле. Когда отряд отъехал достаточно далеко от лагеря, Кристу пересадили на другую лошадь, привязанную за повод к коню предводителя разбойников. Она сидела верхом по-мужски, а ее яшмак развевался по ветру, обнажая ноги. Криста сама не понимала, как у нее хватило сил пережить это путешествие. На редких привалах она сразу же проваливалась в сон, похожий на беспамятство. Пищу они принимали на ходу, запивая ее водой из бурдюков, притороченных к седлам. Все вопросы и жалобы Кристи оставались без ответа, ни предводитель, ни военачальник не обращали на нее почти никакого внимания. Криста ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь называл предводителя по имени, но военачальник часто употреблял обращение «принц», что не могло быть не чем иным, как простым знаком уважения, ибо в этих диких разбойниках не было ничего царственного.

На пятый день отряд достиг предгорий Атласа. Обширные плато служили пастбищами для многочисленных стад, которые принадлежали кочевым племенам. Самой обычной картиной в этой местности была стройная темноглазая девушка-бедуинка, пасущая стадо овец на склоне пологого холма. Дальше за горами лежала Сахара, и одно это название наполняло душу Кристи страхом и трепетом.

Один раз туареги повстречали небольшое кочевое племя, которое перегоняло огромное стадо на базар в Константине. К немалому удивлению Кристи, шейх лишь вступил в краткие переговоры с вождем. Не было ни резни, ни грабежа — все племя двинулось своей дорогой, не потеряв ни единого человека или животного. Значит ли это, что Пустынный Ястреб нападает только на караваны, принадлежащие богачам? — подумала тогда Криста.

Наконец они вступили в обширный оазис. Криста еще издалека увидела высокие пальмы, смоковницы, покрытые зеленью склоны холмов, но она поначалу подумала, что это мираж. Теперь она убедилась в том, что все это реально — и деревья, и цветы, и довольно широкая речка, которая вытекала из песков и снова скрывалась в песках по другую сторону оазиса, дав

жизнь растениям и людям.

— Это город Бискра, — услышала Криста голос военачальника, который обращался к ней на ломаном английском. — За ним начинается Сахара. Мы разобьем здесь лагерь и отдохнем. — Он пришпорил коня и поскакал к предводителю, этому загадочному человеку, чей пристальный взгляд останавливался на Кристе гораздо чаще, чем ей хотелось.

Почему он ни разу не заговорил с ней? — со страхом думала Криста. Что он собирается с ней делать? Пока он не причинил ей никакого зла, но что будет дальше? Может быть, он хочет получить за нее выкуп? Самым удивительным было то, что она не ощущала страха в его присутствии. И никто из его диких воинов не оскорбил ее ни словом, ни взглядом. У Кристы складывалось впечатление, что и шейх, и его люди охраняют и оберегают ее.

К Бискре они подъезжали уже без прежней спешки. Криста видела впереди дома — глинобитные, желтовато-бурые, с толстыми стенами и плоскими крышами. На краю оазиса стояли шатры кочевников. Криста удивилась, когда шейх не вошел в город, а присоединился к кочевникам. Ей помогли слезть с лошади, и она сидела под пальмой, пока воины разбивали лагерь и ставили шатры — в первый раз со дня нападения на караван Абдуллы.

Криста мгновенно уснула, ведь уже несколько дней она почти не спала. Она была истощена и вымотана до предела, каждый мускул ныл от непосильного напряжения. Кожа чесалась от бесчисленных песчинок, попадавших под одежду, губы потрескались от жары и ветра, а волосы свисали на спину слипшимися грязными прядями. Но, несмотря на все это, Криста сразу же заснула мертвым сном и не слышала разговора двух мужчин, подошедших к ней.

— Нельзя было привозить ее сюда, — говорил военачальник предводителю. — Она не привыкла к такому климату, и путешествие ей не по силам.

— Но что еще я мог сделать, Омар? — пожал плечами мужчина в белых одеждах. — Нельзя было допустить, чтобы она попала в лапы к Абдулле, я просто не смог бы этого пережить. Я не устаю благо дарить Аллаха за то, что наш шпион в Константине вовремя узнал о Кристе.

— Можно было дать ей охрану и отправить ее в Тунис, — неодобрительно заметил Омар. — Представь, как счастливы были бы ее родные. Здесь она подвергается слишком большой опасности, мой принц.

— Решения принимаю я, — ответил принц, и около его губ появились упрямые складки. — Кроме того, кому я могу ее доверить? Ты мне нужен здесь. Нет, Омар, Криста останется с нами. Перенеси ее в мой шатер и приставь к ней охрану.

Криста проснулась от крика муэдзина, призывающего верующих к вечерней молитве. Она лежала и слушала, наслаждаясь комфортом. Впервые за много дней она чувствовала себя отдохнувшей. Ее мысли независимо от ее воли вернулись к загадочному шейху, чьи глаза были всегда прикрыты густыми ресницами. Она до сих пор ни разу не видела его лица. Интересно, какой он? — думала Криста. Похож ли он на ее возлюбленного Марка? Или черты его лица изобличают жестокость и свирепый нрав? Она так погрузилась в свои размышления, что не заметила, как в шатер проскользнула стройная фигурка. Женщина, лицо которой пряталось под чадрой, приблизилась к ложу, устроенному из подушек и овечьих шкур.

— Просыпайся, — услышала она мягкий женский голос, и кто-то стал настойчиво трясти ее за плечи. Криста, все еще не желая выходить из состояния приятного полусна, машинально ответила на арабском:

— Оставь меня.

— А ты, оказывается, говоришь на нашем языке, — удивилась незнакомка. — Вставай. Так велел наш господин.

— Господин? — Сон тут же слетел с нее. — Какой господин? — Криста уже выдала себя, заговорив по-арабски, и теперь притворяться не имело смысла.

— Великий шейх, конечно, — с важностью сообщила девушка. — Вставай скорей. Ты проспала целую ночь и целый день. Сейчас уже опять вечер. Господин приказал, чтобы ты искупалась и поела, а потом он придет к тебе. Не понятно, почему господину понравилась такая худышка, как ты. Да ты, на верное, и не знаешь, как усладить мужчину.

Криста в изумлении уставилась на женщину, которая смотрела на нее сверху вниз, подбоченившись и выражая всем своим видом глубокое презрение. Нет, женщина — это не то слово, решила Криста. Скорее ребенок, потому что, несмотря на пышные округлые формы, ей едва минуло четырнадцать или пятнадцать. Судя по золотистой коже и каштановому оттенку волос, девушка была берберкой. Кто она такая и какое отношение имеет к великому шейху? Одна из его наложниц?

— Кто ты такая? — спросила Криста с некоторым вызовом.

— Меня зовут Элисса, — ответила девушка. — Я дочь военачальника великого шейха. Когда я была еще совсем ребенком, шейх оказал моему отцу великую честь, взяв меня к себе в наложницы.

Криста недоверчиво наморщила нос. Элисса и сейчас еще почти девочка, сколько же лет ей было тогда?

Угадав ход ее мыслей, Элисса с гордостью проговорила:

— Я вполне созревшая женщина. Как всех девушек в Б искре, меня с детства обучали искусству любви, чтобы потом я могла занять место в одном из публичных домов. Моя мать, как в свое время мать моей матери, сама учила меня танцам и всему остальному. Мы живем в горах, но, когда девушка овладевает древним искусством ублажать мужчину, ее отправляют в Бискру заниматься этим ремеслом.

— Тебя специально учили ремеслу... проститутки? — еле сумела выговорить ошеломленная Криста.

Элисса торжественно кивнула:

— Да, так у нас принято. А потом мы возвращаемся в деревню, выходим замуж и обзаводимся детьми. Так живут все, — заявила она. — И нечего презирать то, о чем ты не имеешь никакого понятия.

— А ты уже была... ты уже занималась этим ремеслом?

— Нет. Отец подарил меня моему господину, своему давнему другу. Но, поскольку я все еще была слишком юной, а господин был в отъезде, я продолжала учиться у матери, ожидая, когда он призовет меня к себе. И вот вчера он наконец меня позвал, только я не думала, что он прикажет мне прислуживать чужеземке, неверной.

Криста не успела ответить, потому что услышала у входа в шатер мужской голос, просивший разрешения войти. Потом появились два воина, несшие огромный медный сосуд, который они поставили в центре шатра. Другие мужчины, вошедшие следом за ними, принесли кувшины с холодной и горячей водой и наполнили его. Когда Элисса вылила в воду жидкость из маленького флакона, шатер наполнился благоуханием цветов. Криста с нетерпением ждала того момента, когда она наконец сможет погрузиться в ванну, ведь в последний раз она мылась еще в серале Калима.

Элисса нетерпеливым жестом пригласила ее в ванну, и Криста быстро скинула с себя халат, настолько грязный и порванный, что его уже невозможно было починить. Теплая вода заплескалась, лаская округлые груди с розовыми сосками, расслабляя мускулы, сведенные судорогой от долгой езды верхом. Криста блаженно вздохнула, когда Элисса начала тереть ее тело большой губкой, намыленной душистым мылом. Потом красавица берберка взялась за спутанную гриву белокурых волос, неохотно признав, что они очень красивы. Наконец она смыла мыло чистой водой из кувшинов, и волосы Кристи снова заблестели, как драгоценный шелк.

— Теперь отдыхай, — отрывисто бросила Элисса. — Я скоро вернусь и разотру тебя. — Потом она ушла, прихватив с собой грязную одежду.

По правде говоря, Элиссе совсем не устраивала роль служанки, которую ей пришлось исполнять. Почему великий шейх хочет взять к себе в постель эту женщину, хотя он еще не уделил внимания ее юным прелестям? Во всей деревне она оставалась единственной девственницей, достигшей пятнадцатилетнего возраста, и все потому, что ее господин так долго находился в отъезде. Теперь, когда он вернулся, Элисса ждала, что он позовет ее, но, как видно, он предпочел эту костлявую блондинку ее цветущей красоте. Эта женщина стара — ей по крайней мере двадцать, с отвращением прикидывала Элисса. Единственным утешением была мысль о том, что, когда господин пресытится этим белым телом, он наконец обратит свое желание к ней.

Элисса так долго не возвращалась, что вода в ванне успела остыть, как и ночной воздух в шатре. Криста вылезла из воды, вытерлась мягкой белоснежной простыней и, не одеваясь, вытянулась лицом вниз на мягких подушках, ожидая Элиссу. Некоторое время она лениво размышляла о том, куда подевалась девушка, но глаза ее закрывались сами собой, и она задремала.

Сон унес ее в другой мир, полный эротических грез, в котором не существовало никого, кроме нее и Марка. Она мечтала о его нежных руках и губах, о его сильном теле, прижимавшемся к ее телу, о нежных словах, произносимых этим низким глуховатым голосом, который она так любила. Она хотела, чтобы ее руки вновь ощутили его упругие мышцы, густые жесткие волосы на груди и руках, хотела почувствовать, как его плоть входит в ее тело, заполняя его, заставляя ее содрогаться от наслаждения, которое никто не мог дать ей, кроме Марка.

Вдруг полог откинулся, и единственный светильник, оставленный Элиссой, погас. Шатер погрузился в темноту. Краешком сознания Криста отметила, что освещение изменилось, но она была слишком поглощена своими видениями и лишь слегка застонала от удовольствия, почувствовав, как по коже растекается масло и чьи-то нежные руки разминают ее натруженные мышцы. Элисса действительно в совершенстве владеет искусством массажа, сквозь сон подумала она, не замечая, что волшебные руки слишком велики, а кожа на них слишком груба для молоденькой девушки.

Руки на мгновение замерли, но затем возобновили свою работу, спустившись от белых плеч и

спины к тонкой талии и дальше, к округлым бедрам и длинным ногам, словно нарочно обходя вниманием две прелестные выпуклости ягодиц. Колени, щиколотки и каждый палец на ноге были тщательно размяты, а когда руки начали массировать ступни, Криста снова застонала. Ощущение было настолько сильным, что она наконец проснулась. Руки снова стали подниматься, нежно касаясь чувствительной кожи внутренней поверхности бедер, но старательно избегая той влажной розы, которая начала пульсировать и наполняться сладкой тяжестью.

— Элисса, я думаю, тебе не стоит... — начала было Криста, но она не закончила фразы, потому что руки, скользкие от благоуханного масла, замерли и стиснули мягкие округлости ее ягодиц.

— Элисса, как ты смеешь!

— Перевернись, — прошептал ей в ухо мужской голос. — Неужели мои руки так похожи на женские?

Криста вздрогнула, потеряв дар речи и слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, когда ее мягко, но решительно перевернули на спину. Потом она почувствовала приятный холодок от ароматного масла, и те же руки снова заскользили по ее груди и животу. Движения их были столь утонченно эротичны, что у Кристи перехватило дыхание.

— Кто ты? — еле слышно прошептала она, а ее руки невольно потянулись к широким плечам, прикрытым шелковистой тканью.

Ответа не последовало, и волшебные руки стали спускаться ниже по животу к ногам, которые сами собой раздвинулись при их прикосновении. Криста совсем не чувствовала страха — только удовольствие.

— Ты Пустынный Ястреб? — спросила она. — Почему ты не хочешь показать свое лицо?

— Всему свое время, — коротко ответил он, и Криста почувствовала, как его рот нашел упругий сосок и жадно вобрал его в себя, слегка прикусив губами.

— О боже! — воскликнула она.

— Ты правильно делаешь, что призываешь своего бога, ибо скоро ты почувствуешь себя на небе.

Она открыла было рот, но не сумела произнести ни слова протеста, потому что он заполнил ее рот своим языком, и у нее мелькнуло какое-то смутное воспоминание. Поцелуй длился, требуя ответа, и она дала этот ответ. Его ладони лежали на ее грудях, которые целиком умещались в них, а пальцы время от времени сжимали соски, посылая по всему телу Кристи горячие волны. Он оторвался от ее губ, на мгновение его горячий язык обжег пупок, потом он зарылся лицом в светлый треугольник ее волос между бедрами. Все ее тело содрогнулось, когда его язык коснулся сокровенной пульсирующей точки, и с ее губ сорвался крик:

— О, прошу тебя!

Она сама не знала, о чем просит — чтобы все это прекратилось или продолжалось вечно. Но он не остановился, его ласки стали еще более страстными. Его язык раздвигал нежные складки, сильными движениями возбуждал набухший бутон — средоточие самой чувственности, и наконец он скользнул в глубину этой драгоценной раковины, полной сладостной влаги. Он придерживал ее бедра, и стоны, которые слетали с ее уст, разжигали желание, которое так

долго зрело в нем.

Волны наслаждения поднимали ее все выше, она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание, и в отчаянном порыве отшвырнула прочь его головной убор и запустила пальцы в его густые волнистые волосы. И вдруг весь мир словно взорвался, и раздался ее ликующий крик.

По ее телу еще долго прокатывались судороги неизъяснимого блаженства. Он держал ее в объятиях, шепча слова, которых она не слышала, а когда Криста успокоилась, отпустил ее. Криста пробормотала что-то в знак протеста, потянулась за ним, потом услышала шелест шелка и снова почувствовала его тело, уже обнаженное, рядом с собой. И снова начался изысканно медленный подъем к вершине желания, искусством которого он владел в совершенстве, так же как искусством управлять своим телом и сдерживать страсть до решающего момента. Криста изогнулась, протянула руку и сжала в ней что-то огромное, с невероятной мощностью пульсировавшее, гладкое и твердое. «Стальной клинок в шелковых ножнах», — подумала она.

Его рука накрыла мягкое возвышение внизу ее живота, а пальцы скользнули во влажную щель, в которую он так жаждал погрузиться, чтобы навеки стать единым целым с этим прекрасным женским телом. Криста почувствовала, что не может больше вынести этой муки, как бы сладка она ни была, и она сама направила то, что сжимала ее рука, во влажный жар своего лона. Он хрипло застонал, сжал ее бедра и, без малейшего усилия перевернув и подняв ее, так что она на мгновение повисла над ним в воздухе, опустил на свою до предела напряженную плоть. Сжимая коленями его узкие сильные бедра, она начала двигаться в такт его движениям, а потом ее тело само стало выбирать темп, а конь, которого она оседлала, послушно следовал за своей прекрасной всадницей.

По его прерывистому дыханию Криста поняла, что он приближается к той точке, откуда нет возврата, и ее собственное дыхание тоже учащалось — вздох за вздохом, — пока наконец все ее существо словно вспыхнуло и взлетело в небо, разорвавшись на тысячу частиц. В то же мгновение он перестал сдерживаться, и взрыв, потрясший его, был не менее яростным.

Медленно спускаясь с тех высот блаженства, которые дано достигать только любящим, Криста не отпускала сильные руки, крепко державшие ее в объятиях, и с нарастающим смятением спрашивала себя, почему она оказалась способна так пылко отвечать на страсть человека, которого она совсем не знала. Она уже испытывала чувство вины, понимая, что предала Марка, и в то же время голос тела продолжал твердить, что не может быть ничего более естественного, чем принимать ласки этого человека. Криста закрыла глаза и погрузилась в то состояние полного умиротворения, которое она ощущала на борту «Милого друга» после ночи любви с Марком.

Сквозь сон до нее донесся низкий глубокий голос, похожий на голос, который она так любила:

— Разве я не говорил тебе, прекрасная сирена, что мы встретимся вновь? Теперь ты убедилась в том, что нам судьбой назначено любить друг друга? Теперь ты веришь в кисмет?

Был ли то голос Марка, прозвучавший во сне, или голос великого шейха, который она услышала наяву? Криста заснула, так и не разгадав этой загадки.

8

Солнечный свет, льющийся сквозь открытый полог шатра золотыми лучами, в которых плясали пылинки, коснулся лица Кристи и ласково прошептал ей, что пора просыпаться. Несколько минут она еще лежала неподвижно, припоминая все подробности минувшей ночи. Она без

принуждения, добровольно отдалась человеку, похитившему ее, Пустынному Ястребу, и при этом не испытывала ни стыда, ни сожаления. Как же это могло случиться? Она любит Марка всем сердцем, и это не мешает ей ответить на страсть таинственного незнакомца, который вполне может оказаться злодеем. Из того, что она слышала о нем, совершенно ясно, что этот человек — преступник, предводитель дикого племени, которое грабит и убивает людей.

Вдруг Криста заметила, что в проходе появилась высвеченная солнечным светом женская фигура.

— Ну что, — проговорила Элисса, и по ее голосу было ясно, что она изнывает от ревности, — ты хорошо провела эту ночь? Наш господин неутомим в любви. Когда он берет меня, у меня едва хватает сил подняться с постели наутро. Хотя зачем я это говорю? Я и так вижу по твоему лицу, что он доставил тебе много удовольствия.

Криста была потрясена. Неужели великий шейх уже обладал этой... этим ребенком, и пышно сладострастное тело ЭлиССы отвечало на его изощренные ласки так же, как ее собственное? При воспоминании о минувшей ночи у Кристи зарделись щеки, что не осталось незамеченным ЭлиССой.

— Я тебе не верю, — прямо сказала Криста. — Трудно представить, что шейх может наслаждаться детским телом.

Эти неосторожные слова вызвали в юной берберке бурю ярости. Элисса вцепилась Кристе в волосы и сдернула ее с постели.

— Ты для него просто шлюха! — завизжала она. — Просто шлюха, в которую он изливает из лишки своего желания.

Криста дернула головой, вырвалась и ледяным тоном проговорила:

— Если ты собираешься меня оскорблять, тебе лучше убраться отсюда. Я не хочу иметь дела с не воспитанной девчонкой.

Ее ответ и высокомерный тон только подогрели ярость ЭлиССы. Девушка гордилась тем, что именно ее выбрали в наложницы для шейха, хотя у него еще не было настоящего гарема. Но она могла рассчитывать на то, что впоследствии она будет первой среди наложниц.

Совсем обезумев от гнева, она бросилась на Кристу, выкрикивая оскорбления. Криста была не готова к нападению, она упала, чувствуя, как длинные ногти впиваются ей в плечо.

— Что здесь происходит? — раздался громовой голос. Это был военачальник шейха и, следовательно но, отец ЭлиССы.

Мигом вскочив на ноги, Элисса встретила лицом к лицу с разгневанным отцом. Она хорошо знала, что ее ждет. Криста в ужасе бросилась на постель и поспешила прикрыться шелковым покрывалом. Но Омар, казалось, не замечал ее присутствия, его холодный взгляд был устремлен на непокорную дочь.

— Отец, чужеземная шлюха меня оскорбила, — произнесла Элисса, почтительно потупив глаза.

— Придержи свой язык, — грозно нахмурился Омар. — Не твое дело давать названия женщинам твоего господина.

Омар на мгновение перевел взгляд на Кристу, затем снова уставился на Элиссу.

— Я хорошо тебя знаю, дочь. У тебя своевольный характер, а я слишком часто отсутствовал, что бы его обуздать. Я не верю, что эта чужеземка тебя оскорбила. Скорее всего в тебе разыграла ревность. Твой господин благодарит меня, узнав, что ты получила заслуженное наказание.

— Нет, отец, пожалуйста, — взмолилась Элисса. — Обещаю, что буду поступать, как велит господин. Если он хочет, чтобы я прислуживала его шлюхе, я буду это делать.

Криста задыхнулась от возмущения, но Омар не обратил на нее никакого внимания.

— Ложись на подушки, Элисса, — приказал Омар не терпящим возражения тоном.

Элисса поспешно повиновалась, чтобы не рассердить отца еще больше, но все же сделала последнюю попытку:

— Только мой господин имеет право меня наказывать.

— Ты права, — усмехнулся Омар. — Сейчас я пошлю за ним. — Он выглянул из шатра и отдал приказ часовому, а Элисса бросила на Кристу взгляд, исполненный такой ненависти, что Криста похолодела.

Через несколько минут полог шатра откинулся, и показалась мощная фигура Пустынного Ястреба. Когда его взгляд остановился на Кристе, она снова мучительно покраснела, потому что в ее памяти замелькали картины прошлой ночи. Шейх обменялся несколькими фразами с Омаром, потом строго взглянул на Элиссу, в расширенных глазах которой стоял страх.

— Она причинила тебе какой-нибудь вред? — спросил он Кристу на арабском, зная, что она понимает этот язык.

Криста только отрицательно покачала головой.

— Почему ты не делаешь того, что я тебе приказываю? — резко обратился он к Элиссе. — Тебе было велено прислуживать моей женщине, а вместо этого ты оскорбляешь ее и затеваешь драку.

— Я... прости меня, господин, — пролепетала Элисса дрожащим голосом. — Откуда мне было знать, что эта потаскуха так много для тебя значит?

Криста негодуяще передернула плечами. Мало того, что этот дикарь во всеуслышание объявляет ее своей женщиной, так еще его наложница называет ее не иначе как потаскухой.

— Ты поступишь так, как я велю, Элисса, и будешь относиться к этой леди с почтением, которого она заслуживает. Твое дело — повиноваться, а не выносить суждения. Твой отец настаивает на наказании, и я склонен с ним согласиться.

— Бастинадо, принц? — спросил Омар.

— Нет, отец, только не это, — со страхом вскричала Элисса. — Я буду послушной.

— Двадцать ударов, — продолжал Омар, доставая из складок одежды короткую толстую палку.

Шейх бросил на Омара удивленный взгляд. Он находил, что тот проявляет излишнюю

жестокость по отношению к дочери, хотя она в последнее время действительно стала часто проявлять непокорность. Но для шейха она все еще была девочкой, ребенком, несмотря на ее округлые пышные формы.

Но он не успел возразить Омару, потому что Элисса взывала от ужаса, а Криста, кое-как завернувшись в шелковое покрывало, бросилась к его ногам, умоляя:

— Нет! Прощу тебя! Господом заклинаю, прости ее. Она ведь еще дитя!

От ее заступничества ненависть Элиссы только вспыхнула с новой силой. Ей не нужно было сочувствие чужеземной потаскухи, и эти слова уже были готовы сорваться с ее губ, но один взгляд на бастинадо в руке отца заставил ее придержать язык. Она слишком хорошо представляла себе, что такое двадцать ударов.

— Прости меня, леди, — покаянно всхлипнула она. — Отныне я буду прилежно служить тебе. — Но в глубине души берберка твердо решила каким угодно способом избавить своего господина от этой потаскухи с серебристыми волосами. Только надо быть осторожной и скрывать свою ненависть.

С едва заметной улыбкой шейх кивком велел Омару убрать орудие наказания.

— Благодарю свою госпожу за ее доброту, — сурово сказал он Элиссе. — А теперь ступай, принеси еду. Я думаю, у нее есть причины чувствовать сильный голод.

Намек, прозвучавший в его фразе, заставил Кристу покраснеть и опустить глаза. Неловко поклонившись шейху, Элисса поспешно выскочила из шатра, а шейх помог Кристе подняться. Он повернул голову, чтобы отпустить Омара, но того уже не было.

В первый раз шейх смотрел на нее открытым взглядом, не пряча глаза в тени густых ресниц, и эти глаза были... зелеными, цвета драгоценного изумруда, такими же, как глаза...

— Марк, — прошептала Криста, боясь поверить собственным глазам. Он жив! Он жив, и это его руки, его губы ласкали ее минувшей ночью, это его тело она так страстно обнимала.

Прежде чем шейх успел что-либо ответить, вернулась Элисса с большим подносом, уставленным яствами. Глаза ее были скромно опущены, но в душе бушевала буря чувств. Теперь стало очевидно, что ее господин по-настоящему увлечен женщиной из страны неверных. Сначала она надеялась, что это не более чем мимолетное желание, которое пройдет без следа, как только будет удовлетворено, но она ошибалась.

Шейх снял руки с плеч Кристи.

— Поешь и искупайся, — проговорил он волнующе низким голосом. — Мы поговорим позже. — Потом он бесшумно выскользнул из шатра.

Вкус изысканных блюд доставлял Кристе необыкновенное наслаждение. Она действительно чувствовала сильный голод и попробовала всего, что подавала Элисса: барашка, тушеного с миндалем и изюмом, миндального печенья, свежих фруктов — апельсинов, персиков, инжира, кокосового ореха, запивая все это холодным шербетом. Но в этом чисто земном удовольствии принимало участие только ее тело — мысли были заняты совсем другим: Марк жив. Он появился, когда, казалось, уже все было потеряно, и буквально вырвал ее из лап Абдуллы. Она больше никогда не станет сомневаться в глубине его чувства. Криста была уверена как никогда, что теперь, когда он с таким трудом нашел ее, они вернутся в Англию, завернув в

Тунис, чтобы успокоить ее родных. Они навсегда оставят эту ужасную страну, где женщины подвергаются чудовищным унижениям, а жестокость мужчин не знает границ.

Криста лениво плескалась в ванне, когда Марк вернулся в шатер. Он насмешливо улыбнулся, заметив, что Элисса трет спину своей госпожи с излишним усердием, взял губку у нее из рук и движением головы приказал ей уйти. Глаза Кристи были закрыты, и она ничего этого не видела, так же как не видела и прощального взгляда ЭлиССы, полного жгучей злобы.

Но она почувствовала, что губка так нежно прикасается к ее груди и шее, что удивленно раскрыла глаза и увидела совсем рядом с собой смеющиеся глаза Марка.

— Кто научил тебя арабскому? — спросил Марк, продолжая намыливать ей спину.

— Женщины Калима.

— Я только и думал о том, как спасти тебя из лап Барбароссы, — с печалью в голосе продолжал Марк. — Прости меня за все, что тебе пришлось вытерпеть. Я не могу без ужаса думать об этом.

— Да, приятного было мало, — подтвердила Криста и вдруг лукаво улыбнулась. — Но того, о чем ты думаешь, не произошло. Рыжебородый не прикасался ко мне.

Марк изумленно уставился на нее.

— Он не... обладал тобою?

— Он ни разу не прикоснулся ко мне, — повторила Криста.

— А Калим, о котором ты только что упомянула?

— Я провела около месяца в его серале, пока Рыжебородый ждал известия из Константины. Он велел Калиму беречь меня как зеницу ока. Ничего плохого там со мной не случилось — кроме несерьезной болезни.

— В это трудно поверить, — сказал Марк. — И, конечно, я хочу узнать, что с тобой было во всех подробностях, только... только потом.

Его рука погрузилась в теплую воду до самого дна, и вдруг Криста почувствовала, что его пальцы пробираются сквозь завитки волос, раздвигают нежные складки, вторгаются в узкую щель между ними, проникают все глубже и наконец начинают ритмичное движение, вызывая ощущение мучительное и одновременно сладостное. Она слабо застонала, а он с возгласом нетерпения сорвал с себя головной убор и поймал губами ее губы, его язык двигался в том же ритме, что и пальцы, продолжавшие свою работу под водой. Не в силах более сдерживать страсть, охватившую ее, Криста рванулась, вода выплеснулась из ванны, замочив полшатра и белые одежды Марка.

Через мгновение она уже стояла на ногах, крепко обнимая его за шею. Он провел руками по ее спине от плеч до самых ягодиц. Ее тело выгнулось навстречу ему, и он обхватил руками ее округлые ягодицы, прижимая ее к себе все сильнее и сильнее.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал Марк прерывающимся голосом. — Я провел с тобой всю ночь, но не насытился. Как я хочу тебя, моя прекрасная сирена.

На этот раз их соитие было кратким и бурным, как соитие двух прекрасных животных. Всем его существом владела какая-то первобытная радость, когда он, не прерываясь, раз за разом доводил ее до поразительного по силе финала, и наконец сам достиг вершины наслаждения, столь острого, что оно было почти неотличимо от боли.

Потом земля постепенно замедлила свое бешеное вращение, Криста открыла глаза и вздохнула. Этот вздох был полон такого глубочайшего удовлетворения и благодарности, что Марк крепче стиснул ее в объятиях, чувствуя, что сердце его сжимается от нежности.

— Как ты была прекрасна, моя сирена. — Его голос все еще звучал хрипло, а дыхание прерывалось.

— Марк, я...

Он нежным движением прикрыл ей рот.

— Нет, не Марк. Ахмед. Шейх Ахмед. Великий шейх туарегов, сохранивших верность законному наследнику. И, надеюсь, с их помощью я верну себе власть над Константиной.

— Ахмед, мне невыносимо думать, что вся твоя жизнь перевернулась, — грустно проговорила Криста.

— Не печалься обо мне, любовь моя. Это я должен горевать, что судьба не позволила мне спасти тебя от Барбароссы. Он или его люди действительно... не оскорбили тебя?

Криста покачала головой.

— Я сказала тебе правду. Ни он, ни его люди и пальцем меня не тронули.

— Трудно в это поверить, — с сомнением сказал Ахмед. — Этот человек отъявленный негодяй. Убийство, насилие над женщинами — его стихия.

— Сама не знаю, — задумчиво проговорила Криста. — Да, сначала он собирался взять меня силой, но, слава богу, я сумела отговорить его.

Ахмед рассмеялся.

— Отговорить? Как тебе это удалось, моя колючая английская роза? Я не знаю человека, которому было бы под силу уговорить Барбароссу отказаться от задуманного.

Криста побледнела от нахлынувших воспоминаний.

— Я... я пригрозила, что убью себя, если он притронется ко мне. И я бы в самом деле это сделала, — твердо добавила она.

— Не сомневаюсь, что именно так бы ты и поступила, — сказал Ахмед с нескрываемым восхищением. — Но, я думаю, дело было не только в этом.

— Я... мы разговаривали. О многом. В том числе и о его прошлом. Возможно, мне удалось затронуть чувствительную струну в его душе. Не знаю точно, но, как бы там ни было, он оставил меня в покое. Правда, на этом все его великодушие кончилось. Он и не подумал отказаться от своих планов продать меня и не собирался связываться с моими родителями. Конечно, средства моего отца не сравнимы с богатствами Абдуллы.

— Абдулла никогда тебя не получит, — с непоколебимой решимостью заявил Ахмед. — Ты моя!

— А как ты узнал, где меня искать? — спросила Криста, лениво перебирая темные волосы на его груди, наслаждаясь прикосновениями к гладкой, еще горячей коже. — Что произошло после того, как в тебя выстрелили? Я видела только, что он в тебя попал, видела кровь на твоей груди. Я думала, что ты утонул.

В глубине изумрудных глаз засветилась нежность.

— Но теперь-то ты видишь, что я довольно-таки живой, — весело улыбнулся он. — Спасибо Омару. Он поклялся моему отцу оберегать меня и сдержал клятву. Когда я упал за борт, он незаметно последовал за мной и поддерживал меня на воде. А потом нас подобрал французский фрегат. Я был рамен довольно серьезно, но Аллах был милостив ко мне, и я быстро поправился. Мы скрывались у моих друзей в Алжире, а как только я встал на ноги, мы приехали сюда. Омар из племени туарегов, а у них много причин ненавидеть Абдулла. Вот так я и стал их предводителем. Мы надеемся свергнуть моего сводного брата.

— Как же ты узнал обо мне? — перебила его Криста.

— Сейчас расскажу, любовь моя. Имей немного терпения. Я был много наслышан о подвигах Барбароссы и сразу понял, что он попытается продать тебя

— Абдулле. Я заслал в Константинопулю шпиона, и когда тот сообщил, что в Алжир послан караван с эскортом, который должен привезти новую наложницу для гарема Абдуллы, стало ясно, что речь идет о тебе. Янычары хороши в бою, но с моими туарегами им не сравниться. Вот так ты оказалась в моих объятиях, любовь моя. — И он так крепко прижал ее к себе, что она не могла вдохнуть.

— И что ты собираешься теперь делать? — спросила Криста, встревоженно глядя ему в глаза.

— Теперь? Теперь я собираюсь снова обладать тобой, прекрасная сирена. Если, конечно, ты...

— Он не договорил, потому что в шатер вихрем ворвалась Элисса. Она тут же застыла на месте, потеряв дар речи, пожирая глазами обнаженную фигуру Кристи, лежавшей в объятиях шейха.

— В чем дело? — грозно нахмурился Ахмед. Он прикрыл Кристу шелковым покрывалом и снова устремил гневный взгляд на Элиссу.

— Прости меня, господин, — наконец заговорила Элисса, — но дело не терпит отлагательств. Отец велел передать, что из Константинопулю прибыл гонец с дурными известиями. Он хочет немедленно поговорить с тобой. — Она опустила голову в знак покорности, но Криста все же успела заметить злорадное выражение, появившееся на ее лице. Элисса была более чем рада прервать свидание своего господина с ненавистной чужеземкой.

Ахмед что-то пробормотал сквозь зубы, высвободился из объятий Кристи и вскочил с ложа, ничуть не стесняясь своей наготы перед Элиссой. Та, тоже не испытывая ни малейшего смущения, оценивающим взглядом уставилась на мужскую статью Ахмеда, от чего бледные щеки Кристи окрасились ярким румянцем. Полностью поглощенный своими мыслями, Ахмед быстро натянул шальвары, накинул бурнус и вышел из шатра, даже не бросив на Кристу прощального взгляда.

Элисса с холодным презрением взглянула на Кристу.

— Видишь, как скоро он забыл о тебе. Если бы на твоём месте была я, ничто не заставило бы

его меня покинуть.

— Ступай, Элисса, — с отвращением проговорила Криста. — Ты мне не нужна.

Но Элисса продолжала:

— Неужели ты сама не понимаешь, что ему до тебя и дела нет. Ему просто приглянулась твоя белая кожа. Ты новая игрушка, которая ему скоро надоест.

Я уже услаждала господина своими ласками и буду делать это, когда тебя и в помине не будет. Я женщина, созданная Аллахом для того, чтобы ублажать мужчину и специально обученная этому искусству.

— Ты не женщина, а ребенок, и, без сомнения, Ахмед знает, что ты еще не способна...

В ответ прозвучал резкий смех.

— Я уже давно перешагнула тот возраст, когда девушки нашего племени впервые познают плотские утехы. Шейх Ахмед знает, что я могу доставить ему величайшее наслаждение. — Элисса была уверена, что в ближайшем будущем Ахмед призовет ее на свое ложе. А если нет... Что ж, тогда придется взять дело в свои руки, и сделать это поскорее, пока она еще не сделалась посмешищем в глазах всего племени.

Криста была ошеломлена. Неужели Ахмед любит их по очереди? А сколько еще женщин делая с ним ложе? Но она тут же отбросила эту мысль. Элисса — просто ревнивая девчонка, и ее слова — сплошная ложь. Хотя Ахмед еще ни разу не сказал, что любит ее, Кристу, его поступки говорят сами за себя. И разве он мог бы так ласкать ее, если бы не испытывал истинного чувства? Он рисковал жизнью, когда напал на караван Абдуллы, чтобы отбить ее, так что нечего обращать внимание на то, что болтает ревнивая Элисса.

— Что тебе удалось узнать, Ибрагим? — говорил Ахмед, меряя широкими шагами шатер. Перед ним стоял гонец, весь запыленный и, очевидно, еле державшийся на ногах после долгой скачки по раскаленной пустыне.

— Как только Абдулла услышал о том, что его караван разграблен, он послал в пустыню целую армию, — задыхаясь, ответил туарег. — Говорят, его чуть не хватил удар из-за того, что его новую наложницу похитил Пустынный Ястреб. Она ему стоила больше двух сотен золотых дукатов. Он назначил награду за любые сведения о Пустынном Ястребе, а янычары получили приказ не возвращаться без его головы. Должен огорчить тебя, великий шейх, но они совсем близко. Надо немедленно сниматься с места, или нам не избежать жестокого сражения. И, наверное, надо бы... — Он замялся, смущенно отвел глаза.

— Продолжай, — резким тоном приказал Ахмед.

— Может быть, если мы оставим им чужеземную женщину, Абдулла смягчится и...

— Нет! — взревел Ахмед и круто повернулся к Ибрагиму, который отпрянул в сторону. — Женщина останется со мной. Мы уходим в наш лагерь в пустыне, и, если придется сражаться с янычарами, бой будет происходить на нашей территории. Ступай, ты мне больше не нужен.

Ибрагим почтительно поклонился и поспешил покинуть шатер, пока гнев предводителя не обратился на него.

— Омар, ты все слышал? — спросил Ахмед своего друга и помощника.

— Пойду отдам распоряжения, — сказал Омар, заранее зная, каков будет приказ принца.

— Не в наших интересах дожидаться, пока на нас нападут, — продолжал Ахмед. — В пустыне у нас куда больше возможности для маневра. Лагерь снять немедленно, мы выступаем через час.

— А что с женщинами? — спросил Омар.

— Криста поедет со мной, — решительно объявил Ахмед, — и Элисса тоже. Кристе нужна помощница и компаньонка.

Омар кивнул, круто повернулся и исчез. Предстояло срочно снять шатры, погрузить припасы и собрать людей, которые разбрелись по всему городу, в основном по борделям, — и все это в течение часа.

— Скорей, скорей, нам надо спешить, — закричала Элисса, ворвавшись в шатер. Криста уже давно напряженно прислушивалась к тому, что творилось в лагере.

— Куда мы едем? — спросила она, пока Элисса помогала ей надеть шелковую джеббу и плотный яшмак, тщательно прикрепив хаик, так что лица Кристи совсем не было видно. Элисса была одета точно так же, но хаик она еще не опустила, поэтому Криста видела ее радостно возбужденное лицо.

— Мы будем сопровождать нашего господина в походе, — с воодушевлением выпалила Элисса. — Мы выезжаем через час.

— Я должна поговорить с Ахмедом, — решила Криста и вышла из шатра. Элисса в волнении семенила за Кристой и наконец схватила ее за руку, пытаясь удержать.

— Нельзя. Нам надо собираться.

— Но я должна знать, что происходит и какие у него планы.

— Его планы — не твоего ума дело, — оборвала ее Элисса. — Твое дело — повиноваться. Мы будем ждать здесь. Отец сейчас приведет твою лошадь.

И тут Криста увидела Ахмеда, который что-то бурно обсуждал с одним из своих людей. Она рванулась вперед, окликнула его, но застыла как вкопанная, встретив ледяной взгляд зеленых глаз. Без единого слова он резким движением развернулся и двинулся в противоположном направлении. Криста плохо представляла себе местные нравы и обычаи, и ей не приходило в голову, что туареги пришли бы в негодование, если бы их предводитель позволил женщине вмешиваться в его дела. Женщина всегда считалась у них низшим существом, и они были не способны понять его привязанности к Кристе.

Элисса была вне себя от радости, приняв поведение Ахмеда за знак пренебрежения к новой наложнице. Он уже пресытился чужестранкой, и, значит, недалеко то время, когда она, Элисса, сможет применить на практике все то, чему учила ее мать. В приятные мысли Элиссы грубо ворвался голос отца, который привел в поводу двух лошадей.

— Пора, — вежливо обратился он к Кристе и легко посадил ее в высокое кожаное седло, обтянутое узорчатым шелком. Перебросив ей повод, он повернулся, чтобы помочь дочери, но девушка уже сидела верхом на тонконогой арабской кобыле. Тогда Омар вскочил на своего

белого жеребца и сделал женщинам знак следовать за собой. Все трое галопом устремились за всадниками, криками подгонявшими своих быстроногих верблюдов, и скоро весь отряд Пустынного Ястреба затерялся в горячих желтых песках великой Сахары.

В середине дня они сделали короткую остановку, чтобы поесть, а когда пришла ночь, несущая прохладу, разбили лагерь в ложбине между двумя барханами. Ни этой ночью, ни в последующие, когда отряд продолжал углубляться в пустыню, Ахмед не приходил к Кристе.

Несмотря на безумную усталость и постоянную боль во всем теле, Криста не уставала удивляться открывающимся перед ее взором пейзажам. Раньше она считала, что пустыня — это плоская однообразная поверхность, где нет ничего, кроме песка, но теперь она поняла, как сильно заблуждалась.

Оказалось, что Сахара — это горы, долины и плато, прорезанные глубокими трещинами, пологие холмы, утесы и скалы, моря, где перекачиваются песчаные волны, и зеленые оазисы, где растут фруктовые деревья.

Обычно они останавливались на привал в оазисах. Некоторые из них были размером всего несколько акров, в других мог поместиться целый город. Но даже в самых маленьких оазисах в изобилии росли яблоки, персики, апельсины, лимоны, гранаты, инжир и финики. Не было там недостатка и в свежей воде — не только для питья, но и для купания.

Криста узнала, что ранним утром пустыня бывает серо-голубой, а когда солнце поднимается выше, песок становится слепяще-белым, почти как снег. На закате краски неба постоянно менялись — от белой к оранжевой, голубой, аметистовой, темно-пурпурной. Когда загорались звезды, небо над пустыней становилось глубоким и туманно-серым, подернутым дымкой. Такими ночами Криста без сна лежала на подушках, мечтая об Ахмеде, его сильном горячем теле, утонченных ласках, несущих ее к вершине наслаждения.

Утром пятого дня на пустыню упала грозная тишина. Потом задул свистящий ветер, и Криста увидела, как все вокруг пришло в движение. На ее глазах барханы меняли форму, воздвигались и таяли, плавно передвигались, словно плыли по пустыне. Подхваченный порывами ветра песок поднимался к небу, собирался в плотные облака, которые застлали солнце. Цвет неба изменился — с голубого на кроваво-красный, потом оно стало угрожающе пурпурным, и весь окружающий ландшафт словно растворился в этом страшном свете. Стемнело, как в поздние сумерки. Вокруг Кристи метались тени людей и животных, раздавались крики, которые подхватывал и уносил ветер. Рядом с ней, как призрак, возник белый жеребец Омара.

— Что это? — испуганно спросила она.

— Песчаная буря, — спокойно сообщил Омар. — Слезай. — Ничего больше не добавив, он ускакал прочь, провожаемый недоуменным взглядом Кристи. Потом она заметила, что Элисса уже спешила и пытается лучше укрыть лицо, борясь с ветром.

Острые песчинки впивались в кожу, и Криста пригнула голову как можно ниже. Под одеждой тело горело, как будто его натерли наждаком. Глаза, нос, рот были забиты пылью, каждый вдох казался последним. Земля и небо смешались в невообразимом хаосе, словно наступил конец света.

Вдруг рядом с ней появился Ахмед. Он взял ее за локоть и повлек к глубокой впадине между барханами, где, прижавшись друг к другу, лежали несколько верблюдов, подогнув под себя ноги и плотно зажмурив глаза. Ахмед втолкнул Кристу в узкое пространство между животными и барханом и потянул на землю. Потом он достал из вьюка на спине одного из

верблюдов одеяло и накрыл им себя и Кристу, так что получилось некое подобие палатки.

— Испугалась, любовь моя? — встревоженно спросил он. Криста закашлялась, пытаясь избавиться от пыли, которая, казалось, полностью заполнила легкие, и устало улыбнулась.

— Немного. Буря налетела так внезапно. Скоро она кончится?

— Песчаные бури всегда начинаются внезапно и так же быстро кончаются. Дай я тебя обниму, и ты немного отдохнешь.

Тяжело вздохнув, Криста устроилась поудобнее в объятиях Ахмеда, с наслаждением ощутила силу его мускулистых рук. Она вспомнила, как мечтала об этом минувшей ночью, и не смогла удержаться от вопроса:

— Почему ты совсем не обращаешь на меня внимания с тех пор, как мы покинули Бискру? Я не смогу к этому привыкнуть, Ахмед, я не создана для такой жизни. Тебе надо было отправить меня в Тунис, к родным. Они, наверное, думают, что меня уже нет в живых.

— Ты должна довериться мне, Криста, — с мягким укором сказал Ахмед. — Я не могу тебя отпустить. Кисмет велит нам быть вместе.

— Но все-таки почему мы столь внезапно покинули Бискру и почему ты ни разу ко мне не подошел? — Ей хотелось откусить себе язык за эти слова, выдававшие ее обиду и боль, и Ахмед угадал ее чувства.

— Я получил известие о том, что армия Абдуллы преследует нас по пятам. И самое лучшее, что мы могли сделать, — это спастись бегством. Абдулла тебя не получит. Ты моя.

— Никогда не слышала о таком способе демонстрировать свои чувства, как у тебя, — пожаловалась Криста.

Ахмед улыбнулся, и, хотя в сумраке, царящем под одеялом, улыбка была не видна, Криста догадалась, что он улыбается.

— Ты чувствовала себя покинутой, любовь моя? — шутливо спросил он, но затем продолжал серьезным тоном: — Криста, я не хочу, чтобы мои люди знали о том, как много ты для меня значишь. Большинство из них преданы мне, но туареги — опасный народ, они кровожадны, вероломны, у них своеобразные понятия о чести. Они сами предложили мне стать их предводителем, но, если я выкажу хоть небольшую слабость, особенно в отношении наложницы, они без колебаний от меня отвернутся. Но, Криста, без их помощи мне не справиться с Абдуллой. Если я веду себя с тобой не так, как принято у европейцев, то это только потому, что я не хочу потерять их расположения. Ты можешь понять это и простить меня?

Тяжесть, все эти дни лежавшая на душе у Кристи, исчезла без следа. Она молча кивнула и почувствовала, что он крепче сжал ее в объятиях. Она откинула хаик и подняла голову, в надежде увидеть его лицо, но было слишком темно. Однако темнота не помешала их губам встретиться в страстном поцелуе. Его руки пробрались под одежду Кристи и обхватили мягкие, не стесненные корсетом груди, а большие пальцы стали ритмичными движениями ласкать набухшие, затвердевшие соски.

— Ахмед, постой! — тяжело дыша, воскликнула Криста. — Что ты делаешь?

— Я всего лишь хочу доставить тебе удовольствие, любовь моя, — прошептал он ей в ухо. Желание нарастало в нем, и он подумал, что мог бы овладеть ею прямо здесь и прямо сейчас. — Твое тело так послушно отвечает на мои ласки, я хочу, чтобы ты испытала наслаждение, даже если мне сейчас оно недоступно. Иди ко мне, любовь моя, я хочу почувствовать, как твое тело содрогается от страсти.

И Криста отдалась на волю желания, превратившего ее тело в раскаленную лаву, колыхавшуюся в одном ритме с движениями его пальцев и языка, ласкавшего ее рот изнутри. Ритм ускорялся до тех пор, пока не произошел неизбежный взрыв, а потом все началось сначала, и Ахмед прекратил эту сладостную пытку только тогда, когда ее тело стало не в силах отвечать на его ласки.

Когда буря, бушевавшая внутри нее, утихла, Криста обратила внимание на то, что больше не слышит рева ветра. Ахмед отшвырнул одеяло в сторону и встал во весь рост, жадно глотая воздух. Пораженная Криста увидела, что буря кончилась — воздух стал свежим и чистым, а солнце висело в небе, как красный шар. В природе снова воцарились мир и спокойствие.

9

В тот день они заночевали в маленьком оазисе в самом сердце Сахары. Он казался зеленым островком, затерянным в море барханов. Тем более удивительным казалось обилие финиковых пальм, фруктовых деревьев и тропических цветов. Этот райский уголок орошался чистым ручьем с прозрачной свежей водой. Криста, опустившись на колени, жадно припала губами к прохладной воде, мечтая погрузиться в нее целиком, чтобы смыть песок, раздражавший нежную кожу.

Вдруг Криста почувствовала, что она не одна. Подняв глаза, она увидела Ахмеда, который, возвышаясь словно башня, наблюдал за ней с нежной улыбкой.

— Идем, — позвал он и протянул ей руку. Она сжала его сильные пальцы и встала на ноги. Теперь Криста увидела, что за ним стоит Элисса с тяжело нагруженной корзиной.

— Куда ты меня ведешь? — с недоумением спросила Криста. Они уходили все дальше и дальше от остальных в глубь оазиса.

— Люди могут обойтись без меня, они разбивают лагерь, — объяснил Ахмед. — А я знаю, что тебе было бы приятно искупаться после вчерашней бури. Я покажу вам с Элиссой укромный уголок, где вас никто не увидит. Я вас посторожу.

Элисса шла рядом с Кристой, тяжело дыша и обливаясь потом, сгибаясь под своей ношей. Она то и дело искоса бросала взгляды то на Кристу, то на Ахмеда.

Наконец Ахмед раздвинул заросли кустарника, и у Кристи перехватило дыхание от восхитительного зрелища. Окруженный со всех сторон буйной тропической растительностью, перед ней лежал маленький овальный водоем, в котором отражалась темная зелень и яркие цветы всевозможных форм и оттенков.

Элисса взвизгнула от восторга и стала срывать с себя одежду. Потом она томно потянулась и намеренно медлительно вошла в воду. Наконец-то ей представился случай продемонстрировать Ахмеду свое соблазнительное тело. Она была уверена, что хрупкая красота Кристи померкнет на фоне ее пышных форм, а шейх не преминет сделать сравнение в ее пользу. И пока Криста ошеломленно взирала на это зрелище, не в силах шевельнуться от смущения, Элисса без тени стыда принимала вызывающие позы, чтобы привлечь к себе внимание господина.

Ахмед сидел на берегу и, слегка нахмурившись, наблюдал за представлением, которое разыгрывалось перед его глазами. До этой минуты он считал Элиссу ребенком и лишь теперь осознал, что она вполне созревшая женщина, готовая к тому, чтобы взойти на ложе мужчины и страстно желающая этого. Он с некоторым усилием оторвал взгляд от обнаженного юного тела и взглянул на Кристу, которая все еще стояла неподвижно, не делая никаких попыток присоединиться к Элиссе.

— А я-то думал, что ты хочешь искупаться, — с легкой насмешкой заметил он.

— Ты собираешься сидеть тут и смотреть? — рассеянно спросила Криста.

Ахмед рассмеялся.

— Может быть, ты предпочитаешь, чтобы вас охранял кто-нибудь из моих людей?

— Но ты мог бы отвернуться! — с возмущением воскликнула она.

— Я уже не раз имел возможность видеть раздетую женщину, — с усмешкой напомнил он. — Давай же, Криста, искупайся. Смотри, как наслаждается Элисса.

— А ты, как видно, наслаждаешься, глядя на нее, — не удержалась от колкости Криста.

Ахмед опять рассмеялся.

— Любовь моя, неужели ты ревнуешь?

— Конечно, нет! — с жаром возразила Криста. Ни за что на свете она не призналась бы в том, что действительно ревнует. Не вызывало сомнений, что женщины всегда были для него легкой добычей. Неужели он действительно спал с Элиссой? Криста встряхнула головой, прогоняя эти мысли.

Наконец она решилась. Купание было роскошью, которой она не могла пренебречь, и она была благодарна Ахмеду за то, что он привел ее сюда, отложив более важные дела. Слишком многое связывало их, чтобы разыгрывать из себя чопорную недотрогу. Криста стала неторопливо раздеваться, и каждое ее движение было полно естественной грации.

Переступив через шелковый халат, соскользнувший с ее плеч, она направилась к воде.

Ахмед, затаив дыхание, смотрел на ее хрупкое тело, одетое лишь пушистым облаком светлых волос. Он много раз видел ее обнаженной — в темноте или полумраке, — но никогда еще Криста не представала пред ним вот так — в лучах заходящего солнца, которые позолотили белую кожу, так что ее тело казалось вырезанным из слоновой кости. Плавное покачивание стройных бедер, подрагивание округлых ягодиц притягивали его взгляд, он жаждал обхватить их руками, прижать к себе это нежное тело, слиться с ним воедино. При воспоминании о том, что произошло между ними во время песчаной бури, его желание разгорелось с удвоенной силой. «Но сейчас не время», — сурово приказал он себе. Он мог бы отослать Элиссу и удовлетворить свою страсть, но пренебречь долгом было нельзя.

Криста, одетая в легкий шелковый халат, в нетерпении мерила шагами тесный шатер. Она ждала, что вот-вот появится Ахмед. Она видела, каким взглядом он смотрел на нее во время купания, и знала, что он считает минуты до их встречи. Криста думала о том, сколь явно обнаружила Элисса свои притязания на Ахмеда и как мало подействовали на него эти уловки, и душа ее была полна любви и благодарности.

Ей казалось, что теперь в ее сердце нет места сомнениям: она любит берберского принца, и он отвечает ей взаимностью. Он любит ее достаточно сильно, чтобы не испытывать влечения к другим женщинам. Она вызвала в памяти блаженство, которое она ощущала в его объятиях, выражение, с которым он смотрел на нее, и решила, что ни одна женщина на свете не была любима так, как любима она.

Если бы еще научиться не обращать внимания на то, что говорит Элисса. Час назад молодая берберка принесла ей ужин. Она небрежно поставила перед ней поднос, окинула ее критическим взглядом и объявила:

— Сегодня я очень понравилась шейху Ахмеду. Ты заметила, что, когда он на меня смотрел, в его глазах горело желание?

— Это только твои выдумки, — твердо возразила Криста, хотя трудно было отрицать, что в глазах Ахмеда мелькнул интерес, когда он увидел обнаженную девушку. — Ты просто попалась ему на глаза, вот и все.

— Хотя мне только два дня назад исполнилось пятнадцать, — гордо проговорила Элисса, — я женщина, искушенная в пауке любви. Сегодня Ахмед снова познает наслаждение в моих объятиях. Ты была для него просто мимолетным капризом.

— Ты лжешь! — взорвалась Криста. — Ахмед относится к тебе как к ребенку. Да, он смотрел на тебя, в этом нет ничего удивительного. Он же мужчина, — добавила она так, будто этим все объяснялось.

— Сегодня я разделю с ним ложе, — как ни в чем не бывало продолжала Элисса. — Ахмед — могущественный властелин, принц, сильный мужчина, который может удовлетворить многих женщин. Когда он станет беем, у него будет бесчисленное количество наложниц, а ты, старая и надоевшая ему, займешь самое низкое положение в его гареме.

«Элисса просто старается вывести меня из себя своей ложью», — говорила себе Криста с некоторой долей сомнения. Когда девушка вышла, она стала размышлять о том, какое будущее ждет ее с Ахмедом, если у них есть будущее. Это правда, что Ахмед словом и делом доказал свою любовь к ней и он часто говорит о том, что им предназначено быть вместе. Быть вместе, но в каком качестве? Он уже признался, что не сможет жениться на ней, хотя хочет, чтобы она всегда была с ним. Но быть его наложницей Криста не намерена. Если он имеет в виду именно это, то она должна убедить его отпустить ее. Запертая в гареме, она просто умрет, как бы часто он ни дарил ее своим вниманием. В конце концов Криста решила этой же ночью добиться того, чтобы он открыл свои планы относительно ее будущего.

Было уже очень поздно, Ахмед все не появлялся, и Криста почувствовала, что не может больше ждать. Она должна была получить ответ, понравится ему это или нет. Быстро натянув на себя джеббу, она вышла из шатра. От прохладного ночного ветерка по ее телу пробежала дрожь. Теперь ее никто не сторожил, потому что в этом не было нужды. Криста знала, где находится шатер Ахмеда, и решительно направилась прямо туда. Все давно легли спать, и лагерь был безлюден и тих.

Ахмед, который, несмотря на поздний час, никак не мог закончить совещание с Омаром, с трудом воспринимал слова своего верного друга. Он знал, что Криста ждет его, и считал минуты, оставшиеся до того сладостного мига, когда они наконец останутся наедине друг с другом и он сможет заключить ее в объятия. Наконец Омар ушел, лагерь погрузился в тишину, и люди уснули. Думая о Кристе, о часах, которые они проведут вместе, пока рассвет не окрасит

небо, Ахмед прихватил чистую одежду и направился к водоему, чтобы смыть пот и песок, до сих пор покрывавшие его тело. Он не заметил, что из темноты появилась невысокая фигура и как тень скользнула следом за ним.

Элисса алчущим взором смотрела, как Ахмед раздевается при ярком лунном свете и входит в воду, которая к ночи заметно охладилась. Он торопился, мысли о стройном белокожем теле Кристи и ночной холод подгоняли его. Наскоро обтеревшись старой одеждой, он надел чистую, пристегнул к поясу ятаган, с которым почти никогда не расставался. Потом подобрал грязную одежду и двинулся в сторону лагеря.

Вдруг все его тело напряглось, Ахмед замедлил шаг. Он не видел ничего подозрительного, но инстинкт подсказывал ему о том, что в темноте поблизости кто-то притаился. Он в тревоге спрашивал себя, могли ли люди Абдуллы догнать его отряд и проникнуть в лагерь. Он настороженно озирался по сторонам, а ладонь легла на рукоять ятагана.

Элисса увидела, что Ахмед замедлил шаг, и довольно улыбнулась про себя. Она решила, что он заметил, как она пряталась в кустах и дает ей возможность приблизиться. Она долго ждала этой ночи, мечтала и строила планы. Она видела, как Ахмед смотрел на нее днем во время купания — в его глазах светилось вожеление. Ошибки быть не могло, она знала, что он хочет ее. На ее пути к тому, чтобы стать главной женщиной шейха, стояла только эта чужестранка. А когда Ахмед станет беем, он сделает ее женой. Элисса уже давно все это придумала, теперь оставалось только отвоевать шейха у Кристи. Она была уверена, что, как только Ахмед познает ее юное тело, он отвернется от белокожей наложницы. Это был ее шанс. Она хотела пробудить в нем такое сильное желание, что он забыл бы об этой женщине. Ахмед был готов к нападению задолго до того, как услышал осторожные шаги крадущегося за ним человека. Он резко обернулся, одновременно вытащил ятаган из ножен и взмахнул им. Острие сабли просвистело в воздухе, разрезав одежду и оставив царапину на горле преследователя.

Элисса открыла было рот, чтобы закричать, но не издала ни единого звука и мешком осела к ногам Ахмеда, лишившись сознания от страха. Ахмед, опустившись на колени, всмотрелся в лицо лежавшего на земле человека и узнал Элиссу.

— Да спасет меня Аллах! — в ужасе пробормотал он, поняв, что едва не убил беззащитную женщину. Она была бы мертва, если бы в самый последний миг какое-то шестое чувство не подсказало ему слегка отдернуть руку, наносившую удар. — Элисса, что такое пришло тебе в голову? Почему ты выслеживаешь меня?

Элисса не ответила и не пошевелилась, и он догадался, что она без сознания. Ахмед осторожно поднял девушку с земли и взял на руки. Она казалась такой юной и беззащитной, что он проклинал себя за то, что напугал ее. Но зачем она кралась за ним? Им овладело желание проникнуть в тайну ее ночных странствий, и Ахмед без колебаний направился к своему шатру, где горел светильник.

А Элисса, которая уже давно пришла в себя, ликовала в душе и старалась не выдать себя и не шевелиться. Пусть он не знает, что она с вожелением ощущает его сильные руки и мускулистое тело. Этот обман необходим для того, чтобы остаться с ним с наедине, подальше от посторонних глаз, и не ее вина, что приходится прибегать к нему.

Из шатра Ахмеда просачивался слабый свет, и Криста улыбнулась, представив себе его, с обнаженной бронзово-смуглой грудью, готовящимся ко сну. Она в нетерпении ускорила шаг. В это время Ахмед с Элиссой на руках уже подходил к шатру, и юная берберка краем глаза уловила женскую фигуру в развевающейся одежде. Это Криста спешила в шатер Ахмеда, чтобы

усладить своего господина. Ну что ж, этой ночью Ахмеду не понадобятся услуги наложницы-чужестранки, с торжеством подумала Элисса. Чтобы побольнее уколоть соперницу, она обвила точеными руками шею Ахмеда и прижалась к его груди.

А Криста тем временем гадала, удивится ли Ахмед ее приходу. Будет ли он рад? И в этот миг он, как призрак, возник из темноты, решительно направляясь к шатру и что-то держа на руках. А потом Криста с изумлением увидела, как две тонких руки поднимаются и обнимают его за шею, увидела длинные черные волосы, свисавшие через руку Ахмеда почти до земли.

Криста отступила в темноту с искаженным от ярости лицом.

— Элисса, — едва слышно простонала она, и ее сердце пронзила нестерпимая боль. Теперь она знала, что Ахмед предает ее.

Разве Элисса не говорила, что Ахмед проведет эту ночь с ней? Как глупо было думать, что она лжет. Как велико его желание, если он сам пошел за девушкой и принес ее на руках к себе в шатер. Кристе казалось, что раскаленный нож вонзается в ее сердце и режет его на части. Почему ей суждено было полюбить мужчину, воспитанного в совсем других традициях, традициях, которые позволяют — нет, поощряют — многоженство? Почему ее возлюбленному нужно, чтобы у него было так много женщин одновременно? Ей не подходит жизнь, в которой мужчина использует женщину лишь для одной-единственной цели, в которой женщин наказывают и унижают. В конце концов, лучше быть женой Брайдана, чем наложницей Ахмеда.

Она круто повернулась и бросилась в свой шатер. Ей нужно было заново обдумать свое будущее — будущее, в котором Ахмеду не было места.

Как только Элисса обняла его за шею и он почувствовал ее теплое дыхание, Ахмед понял, что девушка очнулась от обморока. Он внес ее к себе в шатер и осторожно поставил на ноги.

— Ну что, ты пришла в себя? — спросил он, сурово глядя ей в глаза. — Почему ты подсматривала за мной?

— Нет.

Испуганная его гневом, Элисса сделала глубокий вдох, стараясь взять себя в руки. Сейчас, когда должно было осуществиться ее самое заветное желание, нельзя было поддаваться страху.

— Я... я надеялась хоть немного побыть с тобой наедине, — пролепетала она, смущенно опустив глаза. Длинные черные ресницы легли на нежные щеки, как узорчатые крылья бабочки, и Ахмед снова был поражен ее зрелой красотой.

— Но почему тебе надо было дожидаться тем ноты? Неужели ты не понимаешь, что я мог тебя убить?

— Н-нет, то есть я об этом не думала. Прошу тебя, господин, не гневайся на меня.

— Называй меня Ахмед-шейх, — тяжело вздохнул Ахмед. Годы, проведенные в Англии, заставляя ли его чувствовать неловкость, когда он слышал обращение «господин», подразумевавшее безграничную покорность. — Но теперь, когда ты здесь, скажи, что тебе было нужно. Все равно для того, что я собирался делать, уже слишком поздно.

Душа Элиussy была полна ликования, но виду она не показывала. Ахмед не ляжет сегодня с

белокожей наложницей, и скорее всего его желание обратится на нее.

— Ты знаешь, что мне недавно исполнилось пятнадцать? — неуверенно начала она.

— Так много? — Ахмед изобразил преувеличенное изумление. — Но седых волос на твоей голове пока не заметно.

Элисса вспыхнула и воспользовалась его добрым расположением духа для того, чтобы придвинуться к нему поближе, так что ее упругие соски коснулись его груди. Не обращая внимания на его предостерегающий взгляд, она кокетливо продолжала:

— Ахмед-шейх, разве я тебе не нравлюсь? Разве тебе не приятно на меня смотреть?

Ахмед нахмурился.

— Ты сама знаешь, что ты красивая девочка, Элисса. На что ты намекаешь?

— Я уже не девочка! — пылко воскликнула она. — Я взрослая женщина. Посмотри на меня и скажи, способна ли я возбудить желание. — С этими словами она сбросила с себя джеббу, оставшись совершенно обнаженной. Глаза Ахмеда медленно скользили по округлым выпуклостям, которые она так гордо демонстрировала.

Утверждать, что вид юного цветущего тела ЭлиССы не возбуждал в нем желания, было бы ложью, признался себе Ахмед. Но поддаться соблазну было бы неразумно с его стороны. И все же он не мог оторвать глаз от треугольника густых, черных как смоль волос там, где сходились ее бедра, от пышных упругих грудей, украшенных яркими рубиновыми сосками, которые словно сами тянулись навстречу его взгляду. Наконец усилием воли он заставил себя отвести глаза и строго приказал:

— Оденься.

— Ахмед-шейх, я знаю, ты хочешь меня, — убежденно произнесла Элисса. — Об этом говорят твои глаза. Возьми меня, мой господин. С самого рождения меня готовили к этой ночи. Я могу доставить тебе несравненно больше удовольствия, чем эта бледная шлюха, которой ты позволяешь делить с тобой ложе. Люби меня, Ахмед-шейх, позволь мне доказать свою преданность тебе. Ведь именно для этого я и создана.

Ахмед вздрогнул. Оскорбительное замечание ЭлиССы о Кристе подействовало на него как кувшин холодной воды. И хотя его тело могло стремиться принять в дар цветущую девственность ЭлиССы, его душа и сердце принадлежали Кристе.

— Элисса, — мягко начал он, стараясь подыскать нужные слова, чтобы объяснить ЭлиССе, что он чувствует, — ты красивая женщина. Любой мужчина будет смотреть на тебя с вожделением, и я не исключение. — Заметив, что в ее глазах вспыхнула радость, он поспешно продолжил: — Но я не тот мужчина, который тебе нужен. Моим сердцем владеет другая женщина. И хотя я не могу не признать, что твое тело волнует меня, но с моей стороны было бы бесчестно лишить тебя невинности.

Лицо ЭлиССы выразило глубочайшее недоумение. О чем он говорит? Наверное, на него так повлияла жизнь в далекой Англии. В той стране, должно быть, обитают совсем невежественные люди, если мужчину принуждают иметь только одну женщину.

— Но мужчина рожден для того, чтобы обладать многими женщинами, — вкрадчиво возразила

она. — Природа создала его таким, что он не может быть верен одной. Мать учила меня, что так заведено испокон веков. Наверное, было бы лучше, если бы твой отец не отпускал тебя в страну неверных, где такие глупые обычаи.

— Наверное, — задумчиво пробормотал Ахмед. — Но так уж получилось, что я побывал там. И научился тому, чему в нашей земле нет места. Я думаю, что, даже если мне суждено когда-нибудь стать беом, я не смогу держать гарем.

Произнеся эти слова, он вдруг осознал, насколько они истинны. Еще ни разу в жизни он не осмеливался признаться в подобных мыслях. Любовь Кристи дала ему смелость отвергнуть вековые традиции, согласно которым женщина была нужна мужчине только как средство удовлетворения вожделения. Если он придет к власти, он положит конец этой вопиющей несправедливости. Кристи станет его женой, которая будет делить с ним жизнь во всех ее проявлениях.

Элисса упорно отказывалась верить этим заявлениям о любви к одной женщине и преданности ей. В своем тщеславии она думала, что в ее силах заставить его сдаться, отказаться от странных чужеземных обычаев. Для этого нужно было одно — разжечь в нем страсть, которой не может противиться ни один мужчина. В отчаянном порыве она бросилась к нему, обхватила руками его шею и всем телом прижалась к его сильному телу.

— Ахмед-шейх, неужели ты откажешь мне в праве стать женщиной в твоих объятиях? Ты оскорбишь моего отца, если отвергнешь его дар. Он подарил меня тебе, чтобы я выполнила свое предназначение.

Ахмед колебался. Теперь он жалел о том, что не принял в расчет чувства Омара. Да, Омар отдал ему дочь с тем, чтобы когда-нибудь она взойшла на его ложе. Подарить дочь бею или будущему бею считалось великой честью. С раннего детства Элисса обещала стать настоящей красавицей, и Ахмед с радостью принял дар Омара. Но это было до того, как он встретил Кристу. Он должен поговорить с Омаром при первой же возможности.

— Элисса, я поговорю с твоим отцом и все ему объясню. Мы подыщем тебе хорошего мужа. Или возвращайся в Бискру, если хочешь.

— Нет! — вскричала девушка, заливаясь слезами. — Я не хочу другого мужчину. Никто не может сравниться с тобой, великий шейх.

— Да убережет меня Аллах от женского упрямства, — сердито пробормотал Ахмед себе под нос. Он поднял джеббу Элиссы и накинул ей на плечи. — Оденься, Элисса. И ступай прочь, пока я не разгневался. Мне надоело твое бессмысленное упорство. У тебя будет мужчина, я обещаю. И скоро. Хорошо служи Кристе, и я дам тебе мужа и много золота, чтобы вы были счастливы. — С этими словами он решительно подтолкнул ее к выходу из шатра.

10

Элисса мечтательно вздохнула:

— Ахмед поистине великолепен — сильный, красивый, неутомимый... — Она не стала продолжать, видя, что Кристи и так понимает, что она имеет в виду.

— Я рада, что он тебя осчастливил, — раздраженно бросила в ответ Кристи.

— А ты мне вчера не верила, когда я говорила, что он хочет провести ночь со мной. Как он

хорош в постели! — не унималась Элисса, искоса поглядывая на Кристу из-под длинных загнутых ресниц. Она благодарила Аллаха за то, что прошлой ночью Кресты не оказалось поблизости, когда разгневанный господин бесцеремонно выпроводил ее из своего шатра. Она не хотела, чтобы Креста знала о том, что Ахмед отверг ее. Пусть она думает, что он наслаждается ими обеими.

— Мне все равно, что, как и с кем делает Ахмед, — заявила Креста, однако в ее тоне прозвучала неуверенность.

— Тогда пойдем искупаемся. Отец сказал, что через день-другой мы отсюда уходим.

Креста молча шла следом за Элиссой к водоему. Она непрестанно думала о том, что Ахмед ее предал, и никогда еще она не чувствовала себя такой несчастной. Душа ее была полна такой тоски, что она словно не замечала ни прекрасных цветов, растущих на берегу, ни прохлады прозрачной воды, ласкавшей ее кожу. Элисса уже искупалась и стояла на берегу, ожидая ее и нетерпеливо прищипывая босой ногой.

— Ступай одна, — крикнула ей Креста. — Я собираюсь еще вымыть голову. — Элисса пожала плечами, встряхнула густой гривой черных волос и направилась к шатрам, предоставив Кристу самой себе.

И это было как нельзя более кстати: Кристе было просто необходимо побыть одной, не видеть все время рядом с собой Элиссу, каждое движение, каждое слово которой напоминали ей о том, что Ахмед предпочел пышные формы Элиссы ее хрупкому телу. Несмотря на то что Элисса никогда не выглядела и не вела себя как ребенок, Креста не могла забыть, что девушке только-только исполнилось пятнадцать. Она была уверена в надежности любви Ахмеда, но очарование юности оказалось для него слишком сильным искушением.

В это время Ахмед стоял на противоположном берегу и, прищурившись, наблюдал за Кристой. Он не мог смотреть на нее, не испытывая желаний, противиться которому было невозможно. Он видел, что Элисса вернулась с купания одна, понял, что Креста должна быть здесь, и ноги словно сами собой понесли его в сторону оазиса. Накануне, когда он наконец отделался от Элиссы, было уже так поздно, что он решил не беспокоить Кристу. А утром Ахмед не мог прийти к ней, потому что был занят делами, и только теперь Элисса, сама того не ведая, предоставила ему возможность хотя бы ненадолго увидеться с любимой.

Креста стояла по пояс в воде и намыливала прядь за прядью волосы цвета светлого золота. Голова была запрокинута, а лебединая шея выгнута. Тело, выступавшее из воды, казалось телом статуи, изваянной великим скульптором из белоснежного мрамора, оно поражало изысканностью форм и гладкостью шелковистой кожи. Коралловые соски, венчавшие собою полушария груди, были сочными и упругими, как спелые ягоды, они притягивали взор и словно молили о ласке. Ахмед, не сводя с них глаз, стал поспешно срывать с себя одежду. Поскольку женщины выбрали это место для купания, Ахмед строго приказал своим людям не приближаться к водоему, поэтому он был уверен, что никто их не потревожит.

Креста была так поглощена своими печальными думами, что не увидела, как Ахмед бесшумно скользнул в воду и медленно поплыл к ней. Она только-только отжала волосы и собиралась выходить на берег, когда вдруг почувствовала чье-то прикосновение к своим ногам под водой. Она закричала, хотела позвать на помощь, но неведомая сила утянула ее под воду, а когда Креста, задыхаясь и отплевываясь, вынырнула, рядом с ней оказался смеющийся Ахмед. Он поднял ее высоко в воздух, а затем осторожно поставил на ноги и прижал к себе.

— Я так скучал по тебе прошлой ночью, прекрасная сирена, — слегка задыхаясь, проговорил он.

Криста поджала губы и холодно ответила:

— У меня есть причины в этом сомневаться. Ахмед удивленно поднял брови.

— Ты сказала, что сомневаешься? Я не ослышался? Поверь, я действительно собирался прийти к тебе, но меня задержали. А потом уже было слишком поздно. Но вот теперь я здесь, и я хочу тебя.

Когда его рука погрузилась в воду и легла на шелковистый мысок между ее бедер, Криста невольно вздрогнула, постаралась отодвинуться, обещая себе, что не покажет, как волнуют ее его прикосновения и как она ревнует к Элиссе.

— Поищи наслаждений где-нибудь в другом месте, господин, — сказала она, подчеркнув слово «господин».

Ахмед недоуменно нахмурился.

— В чем дело, Криста? За что ты на меня сердишься?

Она ни за что не признается, что была у его шатра, когда он нес к себе Элиссе. Этого удовольствия она ему не доставит.

— Что бы ты ни делал, я не имею права сердиться, — с притворной покорностью сказала Криста.

— Ради Аллаха, Криста, что с тобой? Почему ты так говоришь? Ты нужна мне, любовь моя. Нам так мало приходится бывать вместе, а ты мне отказываешь, когда я прихожу к тебе.

Она не сопротивлялась, когда Ахмед прикоснулся губами к ее губам и раздвинул их языком, но не ответила на поцелуй. Но когда он провел губами по ее шее, спустился к груди и зажал губами чувствительный бутон на ее груди, одновременно лаская его языком, ее тело затрепетало, несмотря на все усилия не поддаться сладостным ощущениям.

— Криста, ты хочешь меня, — отрывисто проговорил Ахмед. — Твое тело говорит со мной на его собственном языке.

— Нет! — с яростью вскричала Криста. — Кроме тела, у меня еще есть душа. Я не рабыня, не наложница и не вещь, которой ты можешь распоряжаться по своему усмотрению.

Ахмед отпрянул.

— Так вот в чем дело? Ты думаешь, что я просто пользуюсь твоим телом? Я люблю тебя, Криста. Я уже не раз говорил это тебе и думал, что ты отвечаешь на мою любовь.

— Ты не понимаешь, что значит любить, — презрительно бросила Криста. — Ты путаешь любовь с похотью. Ты можешь наслаждаться в объятиях любой женщины точно так же, как в моих.

Ахмед почувствовал, как в нем просыпается гнев.

— Может быть, ты и права. Но сейчас я хочу именно тебя и, клянусь бородой пророка, я получу

то, чего хочю. А ты? Чего от меня хочешь ты? Я отдал тебе свою любовь, я спас тебя от Абдуллы, рискуя жизнью своих людей. Ты принадлежишь мне. И если мне придется приказывать, чтобы ты отдалась мне, я буду приказывать!

Терпение было не в его характере. С раннего детства любое его желание мгновенно исполнялось, стоило только кивнуть. Гнев заставил Ахмеда забыть о том, что в англичанке Кристе воспитывали гордость, а независимым характером ее наделила природа. Он только понимал, что ему отказывают в том, чего он страстно желает. Его чувство к Кристе было глубоким и истинным, но воспитание брало свое: рожденный повелевать, он не мог не требовать полного и безусловного подчинения.

Слова Ахмеда лишь подхлестнули ярость Кристи, и она забилась в его объятиях, пытаясь вырваться.

— Ты самодовольный дикарь! Оставь меня! Я не стану подчиняться твоим приказам!

— Раздвинь ноги, Криста, — глухо проговорил Ахмед, взбешенный и одновременно восхищенный ее вспышкой. Под водой он схватил ее за ягодицы и немного приподнял. Она продолжала сопротивляться до тех пор, пока он не потерял терпения и силой не заставил ее обнять ногами его бедра. В следующее мгновение он легко вошел в нее. Трепет подавляемого желания пробежал по ее телу, оно перестало сопротивляться, и губы Ахмеда изогнулись в удовлетворенной усмешке.

С каждым новым движением его страсть возрастала, ни одна женщина не воспламеняла его так, как Криста. Его пальцы впивались в нежную кожу ягодиц, а рот ласкал то полураскрытые губы, то набухшие соски. Когда он протиснул руку между их слившимися телами и нашел горячий бугорок, средоточие ее чувственности, Криста словно обезумела. Ее бедра задвигались в бешеном ритме, увлекавшем его за собой. Ахмед с восторгом и изумлением наблюдал, как меняется ее выразительное лицо, когда она приблизилась к границе экстаза. И наконец, когда широко открылись сапфировые глаза, устремляя в небо отрешенный невидящий взгляд, все его мысли исчезли, сметенные ураганом небывалых по силе ощущений.

Криста пришла в себя уже на берегу» когда Ахмед уложил ее на мягкий мох.

— Может быть, теперь ты расскажешь мне, любовь моя? — спросил Ахмед, опустившись рядом с ней.

— О чем? Я не понимаю, о чем ты говоришь, — неохотно пробормотала Криста.

— Что я должен сделать, чтобы доказать тебе свою любовь?

Ей хотелось закричать: «Не бери других женщин к себе в постель!», но, конечно, она этого не сделала. Гордость не позволяла ей доставить ему удовольствие признанием, что она шпионила за ним. Его воспитание и культура поощряли мужчину использовать любую женщину для удовлетворения чувственности. Достаточно ли будет ей одной его любви — без верности? Этот вопрос неотступно преследовал ее. Именно с этим ей придется столкнуться, если она останется с Ахмедом. Наконец Криста ответила:

— Если бы ты меня действительно любил, тебе не нужны были бы другие женщины.

— Что заставляет тебя думать, будто они мне нужны? — спросил он, и в его изумрудных глазах снова загорелся огонь желания. Ахмед словно невзначай прикоснулся рукой к ее груди, ощущая нарастающую тяжесть в чреслах. — Мне всегда было достаточно одной тебя.

«Ты лжешь, — мысленно возразила она, — еще вчера ты обладал Элиссой».

— Если бы ты любил меня как говоришь, ты не брал бы меня силой, — сказала она вслух.

— Силой? — искренне изумился он. — Ты только сначала не очень хотела этого, но ведь твое тело ответило. Тут не было никакого насилия, мы хотели друг друга. Неужели ты действительно думаешь, что другая женщина может дать мне такое же наслаждение, какое даешь ты?

— Н-нет, — неуверенно прошептала она, потому что знала наверняка — то, что они переживают друг с другом, недоступно никому другому. Но тем не менее оказалось, что этого недостаточно, чтобы удержать его от близости с Элиссой. — Но я хочу быть для тебя большим, чем наложница, Ахмед.

— Но ты и есть для меня гораздо больше, чем просто наложница, — с возмущением сказал Ахмед.

Он был оскорблен ее словами. — Разве ты не слушала всего, что я тебе говорил?

— Я слушала, — с грустью ответила Криста. «Но ты никогда не просил меня стать твоей женой, — кричало ее сердце. — Ты никогда не говорил, что не будешь обладать другой женщиной».

— Тогда идем, любовь моя, — сказал он, как будто все трудности разрешились. — Надо возвращаться в лагерь. Армия Абдуллы уже должна быть достаточно близко, и я должен заманить их как можно дальше в Сахару. — Он нежно поцеловал ее в грудь и неохотно поднялся с земли.

Когда они оделись, он повернулся к ней и сказал:

— Мы будем ехать быстро, любовь моя, и у меня не будет для тебя времени. Но помни, что всегда, каждую минуту, что бы я ни делал, я думаю о тебе и хочу тебя.

Это прозвучало настолько искренне, что Криста не могла не поверить. Она уже склонялась к мысли о том, что должна простить ему Элиссу — разумеется, если этого больше не повторится.

Следующие дни оказались тяжелым испытанием для Кристи. За день до того, как отряд Пустынного Ястреба должен был сняться с лагеря, в оазисе остановился купеческий караван, который направлялся в Фетц, и Ахмед купил два бассураба, которые должны были сделать путешествие более удобным для Кристи и Элиссы. Теперь они ехали не на лошадях, а в этих громоздких приспособлениях, укрепленных на спинах верблюдов. Хотя бассураб отчасти защищал седока от палящего солнца, по мере того как отряд углублялся в Сахару, жара становилась все более невыносимой. Кожа Кристи под одеждой шелушилась, она казалась суше, чем песок, по которому ступали их верблюды. Хотя она почти все время отпивала понемногу из бурдюка, ей казалось, что рот набит ватой.

Когда они останавливались на ночь, ставили только один шатер — для Кристи с Элиссой. Как и предупреждал Ахмед, Криста почти не виделась с ним в эти дни. Но еще больше ее огорчало то, что Элисса почти каждую ночь, в самое темное время исчезала на несколько часов. Мысль о том, что молодая берберка, может быть, уходит к Ахмеду, едва не свела ее с ума. Но гордость не позволяла ей расспрашивать Элиссу, у которой в последнее время стал подозрительно довольный вид.

Если бы Криста знала причину ночных отлучек Элиссy, она избавилась бы от напрасных сердечных мук. Элисса наконец поняла, что господин к ней совершенно равнодушен, и с досады завела любовника. Молодой туарег по имени Исмаил, главными достоинствами которого были мускулистое тело и самодовольное выражение лица, несколько напоминал ей шейха. Поскольку ее повелитель пренебрегал ею, она решила сама вкусить всех радостей любви и выполнить свое предназначение. В объятиях Элиссy Исмаил испытал такое райское наслаждение, о каком он даже мечтать не осмеливался, и, хотя он сознавал, что может поплатиться головой за то, что коснулся женщины великого шейха, отказаться от нее было выше его сил. Вкусив прелестей Элиссy и радостей запретной любви, которую она предлагала, он был готов заплатить за нее своей жизнью.

Однажды утром, когда туареги были заняты приготовлениями к отъезду, Ахмед разыскал Кристу и отвел ее в сторону. Лицо его побледнело и осунулось от усталости, а голос был резким и хриплым.

— Любовь моя, — сказал он. — Я знаю, что все это слишком тяжело для тебя. Сахара жестока к тем, кто не родился в ней. Мы приближаемся к туниССкой границе. Я много думал и пришел к решению, которое будет болезненным для нас обоих.

Криста пожала плечами. Что он имеет в виду?

— Тунис? — недоуменно переспросила она.

— Да, — мрачно подтвердил он. — Я собираюсь отвезти тебя в Тунис к твоим родным. Туареги будут ждать моего возвращения в пустыне.

— Ты хочешь отправить меня в Тунис? — снова повторила она, как будто никак не могла постигнуть смысл его слов.

— Криста, у меня нет другого выбора. Если ты будешь в другой стране, Абдулла не сможет до тебя добраться. Я не могу таскать тебя за собой с места на место только потому, что не хочу с тобой расставаться. Это слишком эгоистично с моей стороны и слишком тяжело для тебя. Ты и так много раз подвергалась опасности из-за меня, а если с тобой что-нибудь случится, я просто не смогу жить. Я должен держать тебя подальше от Абдуллы.

— Но Ахмед, я ни на что не жалею, — запротестовала Криста. — Я люблю тебя, и мне хорошо с тобой. Пожалуйста, не отсылай меня.

— И я люблю тебя, именно поэтому хочу, чтобы ты уехала отсюда.

— И ты останешься со мной в Тунисе? — с надеждой спросила она, хотя заранее знала, что услышит «нет».

Ахмед ответил не сразу.

— Любовь моя, ты же знаешь, что я не могу этого сделать. У меня есть дело, которому я должен посвятить себя. Я должен выполнить свою миссию. И когда я ее выполню, я приду за тобой.

— А что, если... что, если Абдулла тебя убьет?

— Он меня не убьет.

— А что, если я не дождусь тебя?

— Ты дождешься. — В его голосе прозвучала твердая уверенность.

— А Элисса?

— Элисса? При чем тут Элисса? Я пообещал ей мужа, если она станет хорошо служить тебе.

В душе Кристи раздался вопль отчаяния: «И кто будет тем мужем, которого ты ей обещал? Ты?» Согласно обычаю, он мог взять в жены Элиссу, хотя жениться на иностранке не мог.

— Желаю вам обоим счастья, — сухо проговорила она, но Ахмед не уловил сарказма, который она вложила в свои слова, потому что не имел ни малейшего представления о том, что она имела в виду.

— Я постараюсь сделать ее счастливой, — уверил он Кристу, думая, что та полюбила девушку и озабочена ее будущим.

— В этом я уверена, — еще более холодно бросила Криста.

— Забудь об Элиссе, любовь моя. До Туниса у нас с тобой еще будет немало ночей, и мы все успеем обсудить. А когда я покончу с Абдуллой, я никуда больше тебя не отпущу.

— Ты запрешь меня в своем гареме? — возмущенно спросила Криста. — А мы будем тянуть соломинки — кому из наложниц ублажать тебя ночью?

Ахмед даже на миг не мог предположить, что Криста говорит серьезно. Он игриво засмеялся.

— Можешь быть уверена, твоя соломинка всегда будет самой короткой. Я выберу другую женщину, только когда ты от меня устанешь.

Обратив внимание на ее поникший вид, Ахмед продолжал серьезным тоном:

— Любовь моя, пусть печаль исчезнет с твоего лица. Я вернусь к тебе, и мы больше не расстанемся.

«Пусть думает, что хочет», — с обидой и болью говорила себе Криста. Потому что, когда он вернется, если, конечно, это произойдет, он ее не найдет. Она проведет с ним эти последние бесценные ночи, но лишь для того, чтобы накопить воспоминания, которые будут утешать ее до конца жизни. Неужели Ахмед так и не понял, что она не может жить с человеком, в сердце которого ей отведено так мало места. Когда он отправит ее в Тунис, она сразу уедет в Англию и будет жить с теткой. Выйти замуж за Брайдана она уже не сможет, потому что любовь Ахмеда навсегда заставила ее утратить интерес к остальным мужчинам.

Вскоре появился Омар с сообщением о том, что все готово к отъезду, и Криста рассталась с Ахмедом. Он бросил на нее пылкий взгляд, в котором было страстное обещание, и ушел. С его уходом в душе Кристи образовалась пустота, которую ничто не могло заполнить. Вдруг ей показалось, что солнце померкло, и она задрожала, словно от холода. Душа сжалась от какого-то страшного предчувствия, и она вдруг подумала, что видит Ахмеда в последний раз.

11

Криста беспокойно металась на жестком тюфяке, то и дело просыпалась, потом долго лежала без сна, терзаемая дурными предчувствиями. Как обычно, Элисса делила с ней шатер, а все

мужчины спали под открытым небом рядом со своими верблюдами. Вот Элисса легко вздохнула во сне и перевернулась на другой бок. Может быть, ей снится Ахмед, может быть, она и во сне мечтает о свиданиях с ним? Интересно, отправится ли она к нему сегодня? — с печалью подумала Криста.

Вдруг все ее тело напряглось, и она подскочила на своем ложе. Подобно грому застучали сотни копыт, и сразу же раздались испуганные крики, вопли боли и отчаяния. Элисса тоже мгновенно проснулась и следом за Кристой бросилась к выходу из шатра. Откинув полог, Криста отшатнулась. Подобную картину можно было увидеть разве что в преисподней. Воины с ярко пылавшими факелами, с обнаженными ятаганами, верхом на боевых верблюдах носились по спящему лагерю, убивая всякого, кто попадался на их пути.

— Это янычары Абдуллы, — прошептала Элисса. Ее черные глаза округлились от ужаса.

Только немногие из туарегов успели подготовиться к бою и сражались с неистовой яростью, полностью оправдывая свою репутацию бесстрашных воинов. Но с того места, где стояла Криста, было видно, что силы слишком неравны и исход боя предрешен. Враги превышали туарегов численностью и к тому же застали их врасплох.

— Ахмед! Где Ахмед? — с тревогой спрашивала Криста, ища глазами возлюбленного в гуще боя.

— Вон он! — Элисса указала на высокую фигуру в белой одежде, запятнанной кровью.

Криста, застыв от ужаса, смотрела, как Ахмед бьется с двумя янычарами, которые уже начинают его теснить. Неподалеку Омар делал отчаянные попытки пробиться к нему на помощь, но ему самому приходилось отбиваться от двух противников одновременно. Криста беспомощно стояла и смотрела, как Ахмед постепенно теряет силы и отступает под натиском искусных воинов. Но вдруг она заметила ятаган в руке убитого туарега, который лежал неподалеку от шатра. Забыв о собственной безопасности, она бросилась к нему и, преодолевая отвращение, вынула ятаган из его руки. Только теперь она поняла, каким тяжелым было это оружие. Волоча его за собой по земле, Криста подбежала к Ахмеду и с трудом подняла саблю обеими руками над головой, намереваясь опустить ее на голову одного из янычар, сражавшихся с Ахмедом.

Но ее усилия пропали даром, потому что кто-то вдруг вырвал оружие из ее рук и обхватил железной хваткой сзади.

— Ястреб! — закричала она, вовремя вспомнив, что при людях Абдуллы нельзя произносить его настоящее имя.

Высокий человек, который без труда удерживал отчаянно сопротивляющуюся Кристу, замер и стал вглядываться в того, к кому она взывала. Хотя в темноте он не различал лица этого человека, белые одежды и манера держаться изобличали в нем предводителя — того, кто был ему нужен. Это был Пустынный Ястреб, виновник его унижения, человек, из-за которого он едва не расстался с жизнью. Но по своей великой милости Абдулла дал ему шанс искупить свою вину, и капитан Хаджи гнался за отрядом Пустынного Ястреба, не щадя ни себя, ни своих людей.

— Отставить! — приказал он, и сейчас же двое янычар, осаждавших Ахмеда, отскочили от него и вопросительно взглянули на командира.

— Это Пустынный Ястреб, тот, кого мы ищем. Абдулла приказал взять его живым. Он хочет сам

умертвить его — медленной смертью — в назидание другим разбойникам.

Несколько янычар бросились выполнять приказ, но замерли перед острием нацеленного на них ятагана.

— Брось оружие, Ястреб, — грубо приказал капитан. — Эта женщина у меня. Если ты станешь отбиваться, это не принесет ничего, кроме гибели вас обоих.

Ахмед узнал капитана Хаджи. Он точно так же выкрал Крису из-под носа капитана, как теперь делает тот. Можно было считать, что капитан восстановил справедливость.

— Ястреб, не делай глупостей, — продолжал капитан. — Мы не причиним вреда этой женщине. Ее вернут Абдулле, ее законному господину. А он будет счастлив узнать, что мы поймали неуловимого Пустынного Ястреба.

Не опуская сабли, Ахмед оценивал свои шансы. Можно сражаться, пока его не убьют, что, по всей вероятности, должно было случиться довольно быстро, а можно сложить оружие и отдаться на волю судьбы, которая еще может спасти и его, и Крису.

Мертвый он уже не сделает ничего, но, до тех пор пока в нем теплится дыхание, он может бороться. Правда, Ахмед не сомневался в том, что, как только Абдулла узнает, что Пустынный Ястреб — это его сводный брат, он тут же разделается с ним, чтобы обезопасить себя и своих наследников. Криста помогла ему сделать выбор.

— Сдавайся, Ястреб, я прошу тебя! Не дай им себя убить. Я люблю тебя!

— Ты даешь слово, что не причинишь вреда этой женщине? — голосом, полным отчаяния, спросил Ахмед.

— Даю, — пообещал Хаджи.

— А мои люди?

— Абдулле нужен только ты. Без жоака они ничто, ими можно управлять. Те, кто уцелел, будут оставлены в пустыне. Мы возьмем их верблюдов, оружие и припасы. Выживут они или погибнут — на то воля Аллаха.

Ахмед кивнул. На большее трудно было рассчитывать. Он знал, как выносливы туареги, и был уверен, что большинство из них выживет. Он бросил на землю ятаган. В следующее мгновение несколько янычар крепко держали его.

— Свяжите его и хорошенько сторожите, — приказал Хаджи. — За эту птицу нас ждет большая награда.

Хаджи с содроганием вспоминал безумную ярость, охватившую Абдуллу, когда он узнал, что его караван разгромлен Пустынным Ястребом, а новая наложница, стоившая ему целого состояния, похищена. Он визжал и изрыгал проклятия, пока не свалился на пол в припадке, и над ним долго хлопотал придворный лекарь. А потом он отправил армию под предводительством Хаджи в пустыню с приказом не возвращаться без ненавистного разбойника и наложницы-чужестранки.

Наконец Хаджи вспомнил о женщине, которую он держал за локти, и потащил ее к шатру, который странным образом устоял во время схватки. Но прежде чем он добрался до него, из

темноты возник один из его людей. Он тащил за собой рыдавшую Элиссу.

— Это женщина Пустынного Ястреба, капитан. Что нам с ней делать? — спросил он. По состоянию одежды Элиссы было видно, что он уже сделал с ней все, что ему хотелось.

Капитан Хаджи пожал плечами.

— Нам было приказано доставить в Константинопулю только чужестранку и Пустынного Ястреба. Отдай ее людям или оставь в пустыне. Мне все равно.

— Воины порадуются такому подарку, — ухмыльнулся янычар. — Мы долго гнались по пустыне за этим туарегским шейхом, а жаркий бой заставляет кровь в жилах вскипать. — Он повернулся и продолжал путь, не обращая внимания на вопли Элиссы.

— Нет! — закричала Криста, внезапно обретя дар речи. — Не трогайте! Она еще ребенок.

— Ребенок? — с циничной усмешкой проговорил Хаджи. — В Бискре бордели полны детьми вроде нее и даже младше. Не бойся, ничего с ней не сделается.

Остаток ночи Криста провела без сна, воображая все ужасы, через которые должна была пройти Элисса. Хотя девушка относилась к ней с явной неприязнью, такой судьбы Криста не пожелала бы и злейшему врагу. Но помочь ей она ничем не могла, и оставалось только благодарить бога за то, что ее саму подобная участь миновала. С еще большей болью думала она об Ахмеде. Его почти наверняка ждет мучительная смерть. Абдулла расправится с ним, как только узнает, что под маской разбойника скрывался его сводный брат, законный наследник бея. Судя по тому, что она слышала об Абдулле, это жестокий негодяй, одержимый стремлением к власти. Потом Криста невольно стала представлять себе, какое место она может занять в его гареме. Сможет ли она существовать там в относительном уединении или ей выпадет участь быть первой среди наложниц, что гораздо страшнее? Только перед рассветом усталость наконец взяла свое, и она забылась тревожным сном.

Ей показалось, что она проспала всего несколько минут, когда сон был грубо прерван слабыми всхлипываниями, которые раздавались совсем близко от шатра. Потом в шатер втолкнули Элиссу, и глаза Кресты расширились от ужаса: девушка была совершенно голой, ее прекрасное тело покрывали царапины и кровоподтеки, а лицо стало серым от боли. Она рухнула к ногам Кресты как подкошенная.

— О боже, Элисса, что они с тобой сделали?

Элисса взглянула на Кресту распухшими глазами. Ее бескровные губы зашевелились, горло судорожно дергалось, но она не могла издать ни единого звука.

— Молчи, — ласково остановила ее Криста. Она принесла кувшин с водой и сначала помогла девушке напиться. Потом промыла раны и царапины, алевшие по всему телу. Когда она увидела, что по ногам Элиссы струится кровь, по ее щекам потекли слезы.

— Господи, это, должно быть, было ужасно!

— Ужасно? — прохрипела Элисса. Она была на грани истерики. — Ты можешь представить себе что-нибудь ужаснее двадцати мужчин, которые побывали у тебя между ногами — и все это за два часа? Было бы больше, но они испугались, что я не доживу до следующей ночи и лишу их удовольствия. Каково бы тебе было на моем месте?

— Я бы этого не вынесла, Элисса, — прошептала Криста, с трудом проглотив комок, застрявший в горле. — Я уверена, что уже давно бы умерла. Ты удивительно стойкая женщина.

Видя, что у ЭлиССы совсем нет сил, Криста сама натянула на нее одежду и сказала:

— Ложись спать, Элисса. Я больше не позволю им мучить тебя.

Возразить что-либо у ЭлиССы не было сил, но в то же время она хорошо понимала, что Криста не в состоянии спасти ее от янычар. Она была рада провалиться в сон, похожий на беспомыслие, и хоть на время забыть обо всем, что с ней случилось. Пока она спала, Криста смотрела на ее измученное лицо и вновь и вновь восхищалась жизнестойкостью и выносливостью этой молоденькой девушки. Душа ее была полна сострадания к ЭлиССе, и в ту ночь она поклялась самой себе — хотя плохо представляла, как выполнить обещанное, — что никто из людей капитана Хаджи больше не прикоснется к ЭлиССе — ни на следующий день, ни во время долгого путешествия в Константинополь.

ЭлиССа проспала весь день, просыпаясь лишь на короткое время, когда Криста пыталась втолкнуть в нее хоть немного еды. Наступили сумерки. Несколько раньше капитан Хаджи сообщил Кристе, что они задержатся здесь еще на день, чтобы похоронить убитых и отдохнуть перед обратной дорогой. Во время этого разговора его взгляд упал на спящую ЭлиССу, но никаких чувств он при этом не проявил. Кристе показалось, что этот человек начисто лишен сострадания, и она испугалась. Когда Криста осмелилась спросить об Ахмеде, капитан холодно сообщил, что шейх жив и останется в живых до тех пор, пока Абдулла не решит его судьбу. Так что ничего утешительного Криста не узнала.

К вечеру ЭлиССа оправилась настолько, что встала и самостоятельно оделась. Передвигалась она с трудом, и было видно, что каждое движение причиняет ей сильную боль. Она не сводила расширенных глаз со входа в шатер, словно ждала, что вот-вот появится янычар, опрокинет ее на спину и снова начнет терзать ее несчастное тело. Она знала, что еще одной такой ночи ей не пережить.

И вот кто-то грубо рванул полог шатра, и внутрь ввалился тот же самый солдат, который первым овладел ЭлиССой накануне. Он устремил алчный взгляд на девушку и стал медленно к ней приближаться. У Кристы мелькнуло в голове, что он очень похож на распяленного похотью самца бабуина. ЭлиССа спряталась за Кристу, что было силы вцепилась в нее и зарыдала:

— Вы обещали, госпожа! Вы обещали, что не отдадите меня им. Я этого не вынесу.

— Они тебя не получат, — громко проговорила Криста. Ее глаза пылали решимостью, и она бесстрашно посмотрела на янычара.

— Прочь с дороги, — взревел янычар и грубо отшвырнул Кристу в сторону.

— Нет! Неужели в тебе нет ни капли жалости? Ни капли сострадания? Вы замучили девушку до полусмерти. Она умрет, если вы опять за нее возьметесь.

— Что ж, всем известно, что янычары нежностью не отличаются, — ухмыльнулся солдат. — И что они не любят, когда им отказывают. Идем, — приказал он ЭлиССе. — Наши не любят долго ждать. Не испытывай их терпения, а то тебе же будет хуже.

— Госпожа, госпожа, спасите меня! — отчаянно взмолилась ЭлиССа. В ее глазах, устремленных на Кристу, стоял невыразимый ужас.

— Не смейте ее трогать! — Криста решительно вздернула подбородок. Она не собиралась сдаваться и намеревалась спасти девушку любой ценой.

Не обращая внимания на ее яростный протест, янычар схватил Элиссу за руку и потащил из шатра. Бессильный гнев, переполнявший Кристу, вдруг нашел выход в диком крике, который был подобен воплю духа смерти и перебудил весь лагерь, включая капитана Хаджи. Тот со всех ног бросился к шатру.

— Что здесь происходит, Гарун? — заорал он, но, бросив мимолетный взгляд на Кристу и убедившись, что она цела и невредима, облегченно перевел дух.

— Да я и пальцем не тронул наложницу бея, капитан, — заявил солдат, бросив на Кристу взгляд, полный ненависти. — Мне нужна только эта девчонка. Мы хотим еще немного с ней позабавиться.

— Тогда из-за чего такой шум? Бери ее и уходи.

— Нет! — воскликнула Криста, бросаясь к Элиссе. — Твои люди едва не довели эту девушку до смерти. Она моя... моя служанка, и я требую, чтобы ее оставили в покое.

На какое-то мгновение капитан Хаджи смешался, но в конце концов пожал плечами и сказал:

— Я уже подарил ее своим людям и менять решения не собираюсь.

Гарун истолковал слова капитана как сигнал к действию и с торжествующей ухмылкой снова потащил Элиссу за собой. Сама Элисса тоже решила, что это окончательный ответ и ничто уже ей не поможет. Она перестала сопротивляться и, покорно опустив голову, пошла за янычаром. Она показалась Кристе похожей на ягненка, которого ведут на заклание.

— Капитан Хаджи, — проговорила Криста, вложив в голос всю твердость, па какую она была способна. Отчаяние и тревога за жизнь девушки обострили ее ум до предела, и ей вдруг пришла в голову спасительная мысль. — Если я стану любимой наложницей Абдуллы, а как ты сам понимаешь, именно так и случится, я заставлю его наказать тебя за оскорбление моей служанки. Я скажу, что только ты виноват в том, что совершили твои люди. Я добьюсь того, что тебя разжалуют и изгонят из Константины. Неужели ты не боишься рисковать тем, что приобрел тяжелым трудом? Прежде чем разрешать своим людям забавляться с Элиссой, следует хорошенько подумать, капитан.

Капитан Хаджи не был глупцом. Он понимал, что Абдулла не может остаться равнодушным к новой наложнице. Она пленит его красотой и смелостью, особенно если сама захочет занять высшее положение в его гареме. Было известно, что Абдулла высоко ценит блондинок, а эта вдобавок необычайно хороша собой и умна. Ее нерасположение могло дорого ему обойтись, и он предпочел бы иметь друга в ее лице, а не врага. Он хорошо знал, что судьбы многих людей решаются в гаремах, хотя его обитательницы никогда не покидают высоких стен.

— Ну, капитан, что ты решил? — настойчиво спросила Криста, придав голосу как можно больше твердости.

Эта твердость разрешила сомнения Хаджи.

— Отпусти девушку, Гарун, — приказал он. — Люди утолят свои желания в Бискре.

— Но, капитан, — злобно возразил янычар, — неужели ты возьмешь обратно свое слово? Эта

женщина шлюха, она привыкла к подобному обращению.

— Молчать! — рявкнул капитан. — Ты что, не слышал приказа? Я запрещаю трогать девушку. Ступай!

Когда солдат покинул шатер, капитан обернулся к Кристе и устремил на нее многозначительный взгляд.

— Когда придет твое время, вспомни обо мне, госпожа. Вспомни, что капитан Хаджи унизил своих воинов, чтобы исполнить твое желание. Смотри, не окажись неблагодарной, когда я попрошу награды.

Он ушел, и Криста бессильно опустилась на подушки. У нее дрожали руки и ноги, но в то же время она ощущала необыкновенный подъем. Она сумела спасти девушку.

— Госпожа, — воскликнула Элисса, обнимая ее колени, — чем мне отблагодарить тебя? Я старалась навредить тебе, а ты спасла мне жизнь. Прости меня.

Растроганная и смущенная, Криста ласково подняла девушку и посадила рядом с собой.

— Элисса, мне ничего не нужно, кроме твоей дружбы. Мы отправимся в Константинополь, и никто не знает, что с нами случится. Нам будет легче, если мы сможем найти поддержку друг в друге.

— Госпожа, я не заслуживаю твоей доброты. — Элисса залилась слезами раскаяния. — Я... я плохо поступила с тобой.

— Ты говоришь об Ахмеде? Я могу понять, что он не мог остаться равнодушным к тебе. Ты молода и прелестна. Какой мужчина устоит против этого?

— Такой мужчина, как Ахмед, госпожа. Он отверг меня, отослал прочь. Он хочет только тебя. Он любит тебя великой любовью, госпожа.

Лицо Кристи озарилось радостью.

— Ты... ты уверена? Или ты говоришь это только для того, чтобы отблагодарить меня?

— Нет, госпожа, это правда. Я лгала тебе, когда говорила, что Ахмед обладал мною. Мое сердце было полно ревности. Ведь он предпочел тебя.

Криста вдруг вспомнила ночь, когда она видела Элиссу в объятиях Ахмеда.

— Но я видела, как он нес тебя к себе в шатер.

— Между нами ничего не было, — со стыдом призналась Элисса и опустила голову. — Я придумала хитрый план, но ничего не получилось. Ахмед не захотел меня. Прости меня, госпожа.

— Я прощаю тебя, Элисса, — улыбнулась Криста и обняла девушку. — И пожалуйста, зови меня Кристой. Я была не права, сомневаясь в любви Ахмеда. Остается только надеяться, что еще не поздно. Неизвестно, как сложится наше будущее. Мы должны объединиться, Элисса, и, может быть, мы сумеем ему помочь избежать смерти от руки Абдуллы.

— Я буду служить тебе верой и правдой, Криста, — пылко проговорила Элисса. — И буду тебе другом. Я все сделаю, чтобы доказать тебе свою преданность.

Позже, лежа без сна, Криста думала о том, как несправедлива она была к Ахмеду. Если бы только можно было прийти к нему и рассказать, как она раскаивается в том, что сомневалась в его любви. Может быть, когда-нибудь придет день, и она докажет на деле, как сильно его любит. А пока этот день не настал, она должна верить в кismet, верить, что им суждено быть вместе.

12

Линареты и башни Константины четко вырисовывались на горизонте, хотя сам древний город находился еще в нескольких часах езды. Это была неприступная крепость, которую охраняли прорезанные бойницами стены высотой в тысячу футов. С трех сторон город ограждала река, текущая в глубоком ущелье, а с четвертой он соединялся с равниной лишь узким перешейком. Город уступами располагался на отлогом плато. Криста издалека видела нагромождение домов, многие из которых нависали над бездной ущелья, и казалось, они так ненадежно укреплены на камне, что порыв ветра без труда скинет их в пропасть. Удивительным казалось и то, что постамент, сложенный из рыхлого известняка, выдерживает такой груз, однако город стоял на нем уже много веков.

Этот поразительный город окружали возделанные поля, оливковые рощи, лесистые холмы. В Константинополе можно было попасть только через четыре арки в каменных стенах.

Под палящим африканским солнцем янычары капитана Хаджи вошли в город. Во главе отряда ехал сам капитан, следом за ним женщины в сопровождении четырех солдат. Ахмеда везли отдельно, и Криста не могла его видеть.

Она смотрела по сторонам и видела множество сияющих ослепительной белизной дворцов и храмов, которые, казалось, стояли на плечах друг у друга. По мере приближения к центральной части города улицы все круче уходили вверх, и вот наконец перед глазами Кристи оказался касбах, центральная площадь, на которой стоял дворец бея.

Еще раньше, когда они двигались по извилистым улочкам, Криста обратила внимание на то, как странно одеты некоторые люди. Элисса объяснила ей, что это дервиши, святые, которые живут только подаянием. А когда Криста указала на женщину в нелепо крошечных туфельках с высокими каблуками и в остроконечном головном уборе, похожем на бумажный колпак, с которого свисала белая шелковая вуаль, закрывавшая ее тело до пят, Элисса сказала, что эта женщина — еврейка и что евреев в Константинополе очень много.

Их провели через узкие боковые ворота дворца, и они оказались в залитом солнцем внутреннем дворе, вымощенном мрамором и засаженном лимонными и апельсиновыми деревьями и окруженном галереей с разноцветными колоннами. Криста подумала, что бей и его наложницы, должно быть, проводят здесь дневное время, пока не спадет жара. Высокие стены полностью защищали этот райский уголок от уличной пыли и шума. Узкая улочка, по которой они только что шли, гудела от шума, а здесь слышались только плеск фонтана и шелест листьев. Капитан Хаджи и солдаты куда-то исчезли, и женщины остались одни, полные неуверенности и страха перед будущим.

От одной из мраморных колонн отделилась гигантская мужская фигура. Его кожа была черной и блестящей, как полированное черное дерево, глаза напоминали узкие щелочки на заплывшем жиром лице. Жир душил его, и дыхание вырывалось из его груди хриплыми толчками, тело казалось состоявшим из нескольких валиков, уложенных друг на друга, которые колыхались и подрагивали при каждом его шаге. Его голову венчал огромный тюрбан, прибавлявший толстяку несколько дюймов. Нижнюю часть тела обтягивали невероятных

размеров широченные шальвары из блестящего шелка, а жирная грудь оставалась практически обнаженной. Он был босиком, но на поясе воинственно покачивался длинный ятаган.

Женщины прижались друг к другу, и Элисса проговорила изменившимся голосом:

— Это евнух, Криста. Он главный в гареме. Без единого слова он указал им на маленькую дверь. И та, и другая удивленно уставились на толстяка, не двигаясь с места. Тогда он с отвращением затряс головой и широко раскрыл рот. Там, где должен был быть язык, зияла пустота, и рот казался красной ямой, окруженной белоснежными острыми зубами.

— Боже! — вскрикнула Криста и прикрыла рот рукой, почувствовав приступ тошноты.

— Да спасет нас Аллах! — эхом отозвалась Элисса, отворачиваясь от омерзительного зрелища.

Немой двинулся к двери и указал на нее повелительным жестом. Кристе ничего не оставалось делать, как сжать маленькую дрожащую руку Элиссы и пойти за ним. Так, вдвоем, они вошли в гарем Абдуллы.

Они проходили залы с мраморными колоннами, покои, устланные персидскими коврами, где стены были украшены тончайшей резьбой, и наконец попали в купальню, похожую на ту, что Криста видела в серале Калима, только раза в два больше. Мраморные скамьи стояли вокруг бассейна с прозрачной голубой водой, но купальня была подозрительно пуста. Разумеется, в таком большом княжестве, как Константина, не могло быть недостатка в красивых женщинах, и Абдулла мог выбирать лучших из них, пришло в голову Кристе. Но гарем казался вымершим, здесь царил унылая тишина, не нарушаемая звонкими женскими голосами и смехом.

— Мне страшно, — прошептала Элисса, которая, как видно, ощущала то же самое. — Здесь что-то не так.

— И я думаю о том же, — согласилась Криста.

— Может, Абдулла из тех мужчин, которые не любят женщин? — с надеждой предположила Элисса. — Я слыхала, что такие бывают.

— Может быть, — с сомнением пробормотала Криста. Из разговоров янычар она знала, что Абдулла охотно наслаждается красивыми женщинами, хотя и относится к ним с презрением.

Евнух подвел их к скамье и жестами показал, что они должны сесть. Криста неохотно повиновалась. К ней уже возвращалась присущая ей храбрость, и любопытство пересиливало страх. Элисса тоже села, прижавшись к Кристе. Евнух повернулся и пошел в другой конец купальни. Шлепанье его гигантских босых ступней по мраморному полу казалось оглушительным.

Пока Криста и Элисса сидели в купальне, тревожно ожидая дальнейших событий, Ахмеда привели к Абдулле и грубо бросили к его ногам. Ахмед был вне себя от ярости, потому что он как жалкий преступник вошел во дворец, где родился и вырос, который по праву принадлежал ему, и он отчаянно старался разорвать путы плененного дикого зверя.

Его некогда белая одежда была вся перепачкана кровью и грязью, от нее остались одни лохмотья, но синий шарф, закрывавший лицо, по-прежнему был на месте. Все эти дни ему давали ровно столько еды и питья, чтобы он не умер от истощения, он потерял много сил и теперь, не отрывая взгляда от лица брата, с трудом поднялся на ноги. Абдулла смотрел на

человека, из-за которого он потерял столько денег, без тени жалости. Он кивнул головой, два дюжих янычара рывком подняли Ахмеда на ноги, и веревки больно врезались ему в руки.

— Значит, ты тот самый человек, который называет себя Пустынным Ястребом, — презрительно процедил сквозь зубы Абдулла. — Неужели ты надеялся, что твои преступления сойдут тебе с рук? У меня сильная армия, а у капитана Хаджи были особые причины искать тебя, как ищут воду в пустыне умирающие от жажды.

Глядя исподлобья на брата, Ахмед хранил молчание. Не дождавшись ответа, Абдулла продолжал:

— Я получил назад свою наложницу, а твои люди, без сомнения, погибли в пустыне. Что ты скажешь на это, Ястреб? Объясни, почему ты нападал только на наши караваны? Кто ты такой и чем я заслужил твою ненависть? Говори же! Я хочу услышать ответ, прежде чем приговорить тебя к пыткам и смерти.

— Абдулла! Неужели ты не узнаешь собственного брата? — воскликнул Ахмед и с новой силой забился в путах.

— Ахмед! — Абдулла сделал знак одному из янычаров, и тот сорвал повязку с лица пленника. — Барбаросса уверил меня в том, что ты погиб, но ты вернулся с того света, чтобы грабить меня и не давать покоя. Я щедро награжу капитана Хаджи за то, что он так хорошо мне послужил. Теперь у меня в руках не только ты, но и твоя женщина.

— Если ты причинишь зло Кристе, я...

— Ты... что? — На лице Абдуллы появилась жестокая усмешка. — Я еще не видел новой наложницы, но, уверяю тебя, теперь, когда я знаю, что она так много для тебя значит, наслаждение будет еще более острым. Скажи, Ахмед, ты хорошо обучил ее? Я хочу, чтобы она была нежной и покорной.

— Ублюдок! — вскипел Ахмед. — Я люблю Кристу и, если ты ее тронешь, задушу тебя собственными руками.

— Тронешь! Я не сделаю ей ничего плохого. Но я заставлю тебя смотреть, как я наслаждаюсь твоей женщиной. Ты не думаешь, что интересно будет сравнить, как она отвечает мне и как тебе?

— Отпусти ее, Абдулла. Делай со мной все, что тебе угодно, но ее отпусти.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, братец. Кроме того, я хочу на собственном опыте понять, чем она так хороша, почему так дорога тебе. Стоит ли она тех двух сотен дукатов, которые я за нее отдал?

— Послушай, Абдулла, я еще не умер, — угрожающе проговорил Ахмед. — Так или иначе, но тебе придется заплатить за грехи. Я не забыл, что ты сделал с моей матерью, и не забуду того, что ты собираешься сделать с Кристой.

— Ха! Твоя мать была девкой, неверной, которая обманом заставила отца сделать тебя наследником.

Ярость придала Ахмеду нечеловеческую силу. Он рывком разорвал путы на руках, бросился на Абдулла и свалил его с ног, но тут же один из стражников ударил его плашмя ятаганом, и

Ахмед рухнул, как поверженная статуя, потеряв сознание.

Абдулла с трудом поднялся на ноги.

— Уберите его, — приказал он. — Когда придет в себя, дайте ему десять ударов плетью. И пришлите ко мне Хаджи. Капитан испустил свою вину и заслуживает награды.

Криста с Элиссой долго сидели в одиночестве, изредка переговариваясь шепотом. Наконец из дальней двери в купальню проскользнула маленькая женщина в развевающейся джеббе. Некоторое время она молча смотрела на новеньких, а потом неслышной поступью приблизилась к скамье.

— Простите, миледи, — застенчиво улыбнулась она Кристе. — Бей Абдулла велел мне прислуживать вам.

Услышав этот тихий мягкий голос, Криста вздрогнула и круто обернулась. Ее глаза засияли от радости.

— Ленора! Как я рада тебя видеть!

— Ты знаешь эту женщину? — спросила Элисса, и в голосе ее зазвучали ревнивые нотки. Она с неудовольствием отметила, что незнакомка и Криста говорят на языке, которого она не понимает.

— Это Ленора, моя соотечественница, — объяснила Криста по-арабски. — Абдулла послал ее сопровождать меня на пути из Алжира. Но, когда на наш караван напали, мы невольно расстались. — Потом она обратилась к Аеноре: — Я так рада, что ты цела и невредима. Давай будем говорить по-арабски, чтобы Элисса, моя подруга, нас понимала.

Ленора поклонилась.

— Как пожелаете, госпожа.

— Ленора, прошу тебя, не кланяйся мне и называй просто Кристой. — Ленора снова улыбнулась, но промолчала. — Ты знаешь, что с нами случилось, Ленора?

— Я знаю только то, что слышала от других, — сказала Ленора с сожалением. — Абдулла приказал мне заняться тобой и твоей служанкой, прежде чем вы предстанете перед ним.

— А кто тот ужасный мужчина, который нас встретил и привел сюда? — осмелилась спросить Криста.

На лице Леноры появилась улыбка, от чего вокруг глаз и рта обозначились мелкие морщинки.

— Махмуд — главный евнух и смотритель гарема. Вид у него, конечно, устрашающий, но он не сделает ничего дурного, если вы будете послушны.

— Что... что случилось с его языком? — не удержалась от вопроса Криста. Ленора нахмурилась.

— Об этом я не могу говорить. Пожалуйста, больше не спрашивайте. — Лицо ее выражало такой испуг, что Криста с Элиссой смотрели на нее, открыв рот от удивления.

— Не бойся, с нами ты можешь говорить обо всем, — понизив голос, уговаривала ее Криста. —

Но если не хочешь говорить о Махмуде, то по крайней мере скажи, почему в гареме Абдуллы, кроме нас, никого нет. Судя по его размерам, здесь можно с удобством разместить несколько десятков женщин.

— Криста, я... — Серые глаза Леноры затуманились. Что она испытывала к своей соотечественнице? Жалость? Сочувствие? Как бы там ни было, это чувство развязало ей язык, и она торопливо заговорила приглушенным голосом, полным боли и тоски по минувшим дням: — Когда Селим столь внезапно покинул этот мир и Абдулла захватил власть, первое, что он сделал, — это приговорил к смерти мою хозяйку, леди Эмили.

— Леди Эмили?

— Мать принца Ахмеда, любимую наложницу бея Селима. Абдулла боялся леди Эмили. Она обладала большим влиянием, и он знал, что если она останется в живых, то будет помогать сыну. По его приказу ее схватили и сбросили с городской стены в реку. К счастью, ее младший сын Ясид успел бежать, иначе и его постигла бы та же участь. Всех женщин из гарема Селима распродали в публичные дома. Вы — первое приобретение Абдуллы. Несомненно, скоро за вами последуют и другие, потому что уже сейчас посланцы Абдуллы ездят повсюду в поисках красивых юных девиц.

— Но я не девица! — воскликнула Криста. То, что рассказала Ленора, не было для нее новостью, но напоминание о жестокости Абдуллы наполнило ее душу страхом.

— Может быть, но в глазах Абдуллы ты обладаешь другими достоинствами, не менее ценными, чем девицество. Как только ему о тебе рассказали, он сразу же пожелал завладеть тобой.

— Почему же? — с невольным любопытством спросила Криста.

— Потому что ты женщина, которая дорога его брату. По словам Рыжебородого, Ахмед готов был заплатить своей жизнью за твою свободу. Абдулла всегда завидовал брату. Он так ненавидит его, что жаждет завладеть всем, чем он обладал, или уничтожить то, чем он завладеть не в силах. Вот почему ты оказалась здесь. Вдобавок, ему стало известно, что ты необыкновенно хороша собой. Барбаросса так красочно описал тебя, что в Абдулле вспыхнуло желание. А теперь, когда в его руки попал Ахмед, он мечтает о том, что с твоей помощью заставит брата испытывать самые жестокие страдания. Ахмед будет знать, что Абдулла обладает тобой и может сделать с тобой все, что захочет.

— О боже! — простонала Криста, потрясенная услышанным. — Значит, Абдулла узнал, что Пустынный Ястреб и его брат Ахмед — один и тот же человек. Я так надеялась... Абдулла пытается его? Молю тебя, Ленора, расскажи все, что знаешь!

— Криста, я знаю совсем немного — только дворцовые сплетни. Мне известно только, что Абдулла узнал принца и заточил его где-то здесь, во дворце. Никому не известно, что именно он собирается сделать со своим сводным братом, но ясно, что Абдулла готовит ему страшную участь.

Криста молчала. По ее бледным щекам струились слезы. Неужели она никак не может помочь Ахмеду? А какое будущее уготовано ей самой? Неужели ей суждено стать игрушкой для Абдуллы, пока она не надоеет ему и он не продаст ее в публичный дом? Если ее ждет такая судьба, то лучше умереть вместе с Ахмедом. Сама мысль о том, что к ее телу будут прикасаться руки другого мужчины, была непереносимой.

— Не плачь, Криста, — утешала ее Элисса, неловко глядя по плечу. — Мы что-нибудь

придумаем. Должны придумать. — Но слова сочувствия были не в силах облегчить ее страданий. В глубине души она сознавала, что только чудо может избавить ее от страшного будущего.

Комната, которую отвели Кристе, оказалась светлой и просторной, но почти лишенной мебели. Там стоял лишь широкий диван, на котором возвышалась гора разноцветных шелковых подушек. На высоких сводчатых окнах, выходящих в тот самый прелестный внутренний дворик, через который проходили Криста с Элиссой, висели портьеры из пунцового шелка. На мраморном полу лежал роскошный ковер с изображениями птиц и цветов, а стены были покрыты изразцами бирюзового цвета с золотым узором. Если бы Криста не пребывала в состоянии такого смятения, комната могла бы показаться ей довольно красивой.

После разговора с Ленорой две умелые служанки раздели ее и искупали в бассейне, потом они тщательно натерли ее тело благовониями. Когда Криста потянулась за своей одеждой, то обнаружила, что ее уже унесли. Новый наряд состоял из широких сиреневых шелковых шальвар с поясом, вышитым золотой тесьмой, жемчугом и аметистами. Болеро более глубокого фиолетового оттенка было расшито бриллиантами. Оно едва прикрывало груди, оставляя обнаженными ложбинку между ними и живот. Длинные волосы Кристи только расчесали, не укладывая в прическу, и они окутывали ее плечи и спину серебристой фатой. Элиссе одели в такие же одежды, только с менее богатой отделкой. Потом их накормили и развели по предназначенным для них покоем. Элиссе предназначалась небольшая комнатка рядом с комнатой Кристи. Ленора, в голосе которой звучало искреннее сочувствие, посоветовала Кристе немного поспать, чтобы набраться сил перед встречей с Абдуллой. Но разве она могла уснуть, когда ей предстояло увидеть человека, который был для нее воплощением низости и жестокости?

Она уже устала от ожидания, когда Абдулла наконец потребовал ее к себе. За ней пришла не Ленора, а Махмуд, который скалил в безобразной ухмылке свой безъязыкий рот. Он сделал знак рукой, и Криста последовала за ним. Ее сердце билось так сильно, что каждый удар гулко отдавался в ушах. Она покорно шла по бесконечным коридорам, последний из которых привел в огромный зал, который, по всей видимости, служил спальней, убранной с истинно восточным великолепием. Криста никогда прежде не видала и даже не могла вообразить такой роскошной и вычурной мебели, такого обилия золота, драгоценного пурпурного бархата, ковров, каждый из которых мог считаться истинным произведением искусства. Она обернулась и увидела, что Махмуд таинственным образом исчез и за ее спиной находится лишь плотно прикрытая тяжелая дверь. Криста приоткрыла ее, но за ней оказался внушительного вида евнух, который стоял на страже, подобно каменному изваянию, широко расставив ноги и скрестив на необъятной ширины груди мясистые руки. Он молча втокнул ее обратно в зал и с грохотом закрыл за ней дверь.

— Спасения нет, — раздался насмешливый голос. — С каким нетерпением я ждал встречи с той, что пленила моего брата.

При звуке этого голоса Криста вздрогнула, обвела растерянным взглядом полутемный зал.

Абдулла шел к ней через огромную комнату странной, ковыляющей походкой, которая, как показалось Кристе, совсем не соответствовала общему облику этого человека. Первым ее впечатлением было, что этот молодой человек приятной наружности никак не может быть тем самым чудовищем, какого рисовало ей воображение на основании всего, что она о нем знала. И уж, конечно, он не мог быть хладнокровным убийцей. Абдулла был на год или два старше Ахмеда, примерно одного с ним роста, только не таким широкоплечим и мускулистым. Светлая кожа, темные волосы и правильные черты лица говорили о его чисто берберском

происхождении. Но во взгляде его непроницаемо-черных глаз читалось нечто, обличавшее его истинную натуру. Эти холодные, лишённые всякого выражения глаза бесстрастно рассматривали ее, как рассматривали бы неодушевленный предмет. А его губы — слишком тонкие и бесцветные — делали это лицо, которое на первый взгляд могло бы показаться необычайно красивым, почти отталкивающим.

— Почему ты молчишь? Ты меня боишься? — продолжал Абдулла нарочито ласковым тоном. — Я знаю, что ты бегло говоришь по-арабски, но если предпочитаешь французский, то я хорошо им владею.

— Сойдет и арабский, — неприязненно проговорила Криста.

— Придется заняться твоими манерами, — холодно улыбнулся Абдулла. — Итак, отныне ты будешь звать меня господин. — Он не стал приближаться к ней и остался стоять поодаль.

Криста ничего не ответила, решив, что лучше молчать, чем обнаружить свои истинные чувства и вызвать его гнев.

— Повернись кругом, — приказал Абдулла. — Медленно. Я хочу понять, из-за чего мой брат был готов рисковать жизнью.

Криста быстро повернулась на месте, упрямо вскинула голову. Черные глаза Абдуллы загорелись.

— Подойди, — сказал он, указывая прямо перед собой. Криста неохотно сделала несколько шагов и оказалась совсем рядом с самозванным беем.

Он коснулся ее волос, пропустил меж пальцев серебристые пряди, потом небрежно потрепал ее по щеке. Криста отшатнулась и увидела, как в его глазах вспыхнула ярость. Абдулла крепко взял ее за подбородок и заставил поднять голову.

— Не нравится мое прикосновение? Было приятнее, когда тебя трогал мой брат?

— Да! — воскликнула Криста, потеряв самообладание. — Ты отвратителен. Что ты сделал с Ахмедом?

— О, у английской розы острые шипы, — усмехнулся Абдулла, довольный тем, что ему удалось вывести ее из себя. Криста вспомнила, что несколько месяцев назад Ахмед произнес те же самые слова, и у нее больно сжалось сердце.

— Твой шейх пустыни еще жив, — продолжал Абдулла. — А как долго он останется в живых, зависит от тебя.

— Ты... ты мучаешь его?

— Я сказал: он жив, — загадочно ответил Абдулла. — Ты сильно его любишь?

— Больше жизни.

— А мой досточтимый брат испытывает к тебе те же чувства?

— У меня есть причины думать, что да.

— Прекрасно! — рассмеялся Абдулла. — Я много думал над тем, как заставить его страдать как

можно сильнее, и теперь я знаю, что ты мне в этом поможешь. Хотя у моего отца первенцем был я, его заставили предпочесть Ахмеда. Мать Ахмеда была простой наложницей, девкой, а моя — берберской принцессой, и все же отец назначил наследником ее отродье, а не меня. Теперь очередь Ахмеда страдать, как страдал я.

— И ты способен убить собственного брата?

— Разве я сказал, что убью его? То, что я задумал, для Ахмеда страшнее, чем смерть. Намного страшнее.

Продолжая говорить, Абдулла медленно кружил вокруг Кресты, и она снова заметила, что он сильно хромает. Озадаченная, она внимательнее посмотрела на его ноги, и у нее невольно вырвался возглас удивления.

— Ну вот, теперь ты сама видишь, — угрюмо усмехнулся Абдулла. — Разве брат не говорил тебе, что я калека?

— Я... я... прости меня, — с запинкой пробормотала Креста.

— Не извиняйся, — резко ответил Абдулла. — Я не нуждаюсь в жалости. Ни твоей, ни моего брата. Когда мать рожала меня, произошел несчастный случай, и вот из-за этого недостатка меня сочли не достойным стать наследником. Мое увечье стало проклятием моей жизни. Отец решил, что я недостаточно хорош, чтобы занять место правителя Константины.

То, что сказал Абдулла, было только полуправдой. Выбирая наследника, Селим думал не о физических качествах, а о характере будущего правителя. Конечно, то обстоятельство, что Ахмед был сыном его возлюбленной, сыграло свою роль, но, по правде говоря, Абдулла не оправдывал надежд отца. Еще ребенком он проявлял утонченную жестокость, которая выходила за рамки обычных мальчишеских проказ. Но Абдулла считал, что к нему несправедливы. Ему казалось, что его презирают из-за хромоты, и он долгие годы вынашивал планы, мечтая отобрать власть у младшего брата и унижить его.

Креста стояла с опущенной головой и отчаянно старалась взять себя в руки, чтобы не вызвать гнева человека, которого она теперь считала душевнобольным. «Успокойся, — твердила она себе, — не показывай своего страха. Ты должна жить. Жить в ожидании того дня, когда сумеешь избавиться от этого безумца».

— Мне сказали, что тебя зовут Креста Хортон. Ты была невинна, когда мой брат в первый раз овладел тобой?

Креста была настолько поражена этим бесцеремонным вопросом, что только беззвучно шевелила губами.

— Отвечай.

Наконец она кивнула:

— Да.

— Ты забыла что-то сказать.

Креста на мгновение заколебалась, потом, сделав над собой усилие, произнесла:

— Да, господин.

— Сними одежду.

— Что?

— Ты достаточно хорошо понимаешь арабский. Если ты немедленно не выполнишь мой приказ, я позову своих слуг. — Он улыбнулся гадкой улыбкой. — Тебе ведь приходилось слышать о бастинадо, правда? — Увидев, что Криста побледнела, он продолжил: — Вижу, что приходилось. Махмуд очень умело обращается с этим орудием. Позвать его?

— Нет... господин, — выдавила из себя Криста, стараясь не выдавать душившей ее бессильной ярости. Она сняла несложный наряд и осталась перед Абдуллой совершенно обнаженной, не считая серебристых волос, которые окутывали ее тело.

Абдулла неторопливо обошел вокруг нее своей шаркающей походкой. На его лице читалось явное удовлетворен и е.

— Ты очень красива, Криста Хортон, — с усилием произнес он, словно ему было трудно сдерживать себя. — Неудивительно, что Ахмед желал тебя. Скоро для меня тоже откроются врата блаженства, спрятанные между этими белыми бедрами, и я познаю наслаждение, которым так дорожил мой брат.

Потом он вдруг совершил нечто, поразившее Крису до глубины души. Он поднял одежду и протянул ей, велел одеться.

Она быстро натянула на себя одежду и с надеждой взглянула на дверь.

— Я могу идти... господин?

— А ты не хочешь увидеть своего любовника? Криста с подозрением взглянула на Абдуллу, потому что это предложение никак не вязалось с впечатлением, которое он на нее произвел.

— Ты позволишь мне увидеть Ахмеда?

— Если пожелаешь. Но только если ты выполнишь определенное... условие.

— Какое условие? — Она хорошо понимала, что Абдулла отнюдь не стремится доставить ей удовольствие, но была готова согласиться на многое, лишь бы хоть на миг увидеть Ахмеда.

— Ты увидишь его при условии, что не будешь пытаться говорить с ним или делать какие-нибудь знаки. Что бы я ни сказал или ни сделал, ты должна будешь с этим соглашаться. Нас будет сопровождать Махмуд. Он получил приказ убить Ахмеда на месте, как только ты попытаешься открыть рот.

— Как можно быть таким бессердечным! — воскликнула Криста. Она отдала бы все на свете за возможность залепить Абдулле пощечину, чтобы стереть с его красивого лица эту злорадную ухмылку.

— А ты не думаешь о том, каким бессердечием со стороны моего отца было невзлюбить ребенка только из-за того, что у его матери случились неудачные роды? Жизнь жестока. Как ты скоро сама убедишься, ничто не происходит так, как должно. Ты согласна на мои условия или тебе нет дела до моего брата? От тебя зависит жить ему или умереть.

— Будь ты проклят! Я люблю его, и я согласна на твои условия! — в ярости вскричала Криста, забыв о том, что она находится в полной власти безумца. Эта вспышка гнева дорого ей обошлась.

Абдулла наотмашь ударил ее по лицу. Удар был настолько сильным, что она рухнула к его ногам.

— Если бы ты не была нужна мне, чтобы заставить его страдать, я велел бы сбросить тебя со стены за оскорбление. Я еще накажу тебя, когда ты окажешься в моей постели. Но все по порядку. Сейчас мы пойдем навестить моего брата.

Вытерев тыльной стороной руки кровь, которая сочилась из уголка рта, Криста с трудом поднялась на ноги и пошла следом за Абдуллой, моля бога лишь о том, чтобы он сдержал слово и позволил ей увидеться с Ахмедом, даже если с ним нельзя будет говорить.

Абдулла шел впереди, за ним следовала Криста, а на несколько шагов сзади Махмуд. Они вышли из дворца, пересекли внутренний дворик — теперь темный и пустынный — и вошли в дверь, расположенную на его противоположной стороне, которая открывалась в длинный коридор, освещенный факелами, укрепленными на стенах. Наконец они остановились перед толстой дубовой дверью, закрытой снаружи на тяжелую щеколду. Махмуд поднял щеколду, и Криста, споткнувшись на пороге, шагнула внутрь темного помещения.

И тут же из темноты раздался голос:

— Если ты собираешься меня убить, то делай это побыстрее, а то крысы могут испортить тебе все удовольствие. Ты, наверное, сам знаешь, что они очень прожорливы. — Хотя голос звучал хрипло и сдавленно, в нем осталось немало от прежней надменной гордости, и Абдулла в ярости скрипнул зубами.

— Махмуд, светильник! — рявкнул он.

Вскоре помещение осветилось красноватым огнем светильника, и перед Кристой открылась картина, внушавшая ужас. Это была не маленькая тесная камера, какую она рисовала в своем воображении, но огромный зал с низкими сводами — совершенно пустой, не считая нескольких бамбуковых клеток. И в одной из этих клеток она увидела скрюченную фигуру Ахмеда, который не мог ни выпрямиться во весь рост, ни лечь на пол из-за размеров клетки. На нем была все та же запачканная кровью одежда, в которой она видела его в последний раз. Когда он слегка повернул голову, ей стали видны синяки и ссадины, покрывавшие его лицо, — следы жестоких побоев. О том же свидетельствовала и одежда, клочьями висевшая на спине. Невольный вздох ужаса, который она не смогла сдержать, привлек его внимание.

— Собачье отродье! — крикнул он брату, когда увидел Кристу, которая смотрела на него широко открытыми, полными ужаса глазами. — Зачем ты привел ее сюда?

— А я-то думал, ты будешь доволен, когда узнаешь, что о твоей женщине кто-то хорошо позаботился. Она великолепна, и наслаждение, которое она мне дает, поистине беспредельно. — На лице Абдуллы появилась подлая улыбка.

— Криста, он мучает тебя? — с тревогой воскликнул Ахмед. И хотя она и пыталась вложить все, что она чувствует, в свой взгляд и передать ему, она молчала, не смея нарушить жестокого уговора. — Криста, любовь моя, почему ты не отвечаешь? Что этот негодяй сделал с тобой?

Абдулла издал довольный смешок.

— Может быть, она просто сравнивает нас, и это сравнение не в твою пользу. Ты же знаешь, что я весьма сведущ в науке любви. Мы приятно провели время в спальне, и теперь я понимаю, почему тебя так влечет к этой женщине. Криста, подойди ко мне, — приказал он.

Криста медленно повиновалась. С трудом переставляя ставшие ватными ноги, она подошла к Абдулле. Когда он властным жестом откинул болеро, обнажив груди, с ее губ сорвался лишь бессвязный возглас. Абдулла стал лениво поглаживать ее грудь, все время наблюдая за выражением лица Ахмеда.

— Они очень хороши. Правда, Ахмед? Такие белые и мягкие. — Он сжал пальцами сосок и восхищенно рассмеялся, когда тот напрягся в ответ на прикосновение. — Ты видишь, как отвечает мне ее тело? А ведь я забавлялся с нею всего лишь несколько часов.

При виде Абдуллы, который, как хозяин, касался тела Кристи, Ахмед издал сдавленный стон, похожий на рычание раненого льва.

— Теперь ты знаешь, братец, каково желать чего-либо и не получать? Не правда ли, мучительно видеть, как кто-то берет то, что по праву принадлежит тебе? Я мог бы обладать твоей девкой прямо здесь, на этом полу, и она с радостью подчинилась бы мне, да только боюсь запачкать одежду. Когда-нибудь я приведу тебя к себе в спальню, чтобы ты мог посмотреть на нас. — Мрачный застеночек наполнился его визгливым смехом, в котором звучало настоящее безумие.

Ахмед вцепился что было сил в толстые прутья клетки, прижался к ним грудью.

— Криста, — умолял он, — почему ты не хочешь говорить со мной? Скажи, что он с тобой сделал?

Не в силах выносить полного муки взгляда его зеленых глаз, Криста опустила голову, и по ее бледным щекам потекли слезы.

— Твоя женщина хороша, брат мой, — продолжал Абдулла, — а ночь еще только начинается. Прости нас за ранний уход, но ты, должно быть, и сам видишь, что Криста горит нетерпением продолжить то, что мы начали днем. — Все это время он играл ее грудями, и Криста не смела оттолкнуть его руку, боясь за Ахмеда.

— Ради Аллаха, Абдулла, оставь ее! — вскричал Ахмед. При виде Кристи, подчинявшейся воле этого изверга, он отбросил гордость. — Отошли ее к родителям. Она выросла в родовитой семье и не привыкла иметь дело с такими, как ты.

— Она не прочь иметь со мной дело, Ахмед. — Змеиная улыбка изогнула тонкие губы Абдуллы. Он повернулся к двери. — Спокойной ночи, братец. Спокойной ночи и приятных снов. Уверен, что мои будут намного приятнее твоих.

Криста подняла голову, ее глаза сверкнули, как два сапфира. Она вложила в этот взгляд всю свою любовь.

— Криста! — раздался отчаянный крик Ахмеда, и он едва не стоил ему жизни, потому что Криста уже открыла рот, не в силах оставить без ответа его страстный призыв. Но краем глаза она заметила, что Махмуд быстрым движением потянул из ножен ятаган, и опомнилась. Она в ужасе отвернулась и быстро двинулась следом за Абдуллой. Полный муки крик Ахмеда еще долго звучал у нее в ушах.

Прикосновения к прекрасному телу Кристи под взглядом ненавистного брата разожгли сладострастие Абдуллы и жажду обладать своей новой наложницей, красавицей с серебристыми волосами. Он с нетерпением ждал того мгновения, когда окажется в своей спальне и наконец вкусит блаженства, которое может подарить такая роскошная женщина. Абдулла уже давно жалел о том, что так поспешно избавился от гарема бея Селима, но он слишком боялся любого напоминания о правлении своего отца, во времена которого так страдал. Он знал, что в недалеком будущем у него не будет недостатка в женщинах, способных удовлетворить его самые извращенные потребности, а пока же он довольствовался тем, что брал в постель всех служанок, привлекавших его взгляд. И вот сейчас впереди у него была ночь с гордой красавицей, которая находилась в его полной власти.

Криста знала, что ее ждет: Абдулла возьмет ее силой, а потом заставит выполнять все, чего потребует его извращенная натура. Не один раз, а всегда, когда он того захочет, и, судя по тому, что в его гареме нет других женщин, это будет происходить каждую ночь. Волна отвращения заставила ее содрогнуться, и она поняла, что, когда он прикоснется к ней, она не сможет покорно подчиняться ему и будет сопротивляться.

Абдулла провел рукой по длинным серебристым волосам, потом его рука замерла на ее груди. С минуту он ласкал нежную округлость, сжал сосок, потом его рука передвинулась ниже, задержалась на бедре, легла на мягкое возвышение между ногами. Криста пыталась отодвинуться от него, испытывая омерзение от его прикосновений. Но, когда Абдулла взял в рот ее сосок, одновременно просовывая руку в шальвары, она почувствовала, что отвращение ее достигает предела и она не может с ним справиться. Желудок болезненно сжался, и ее стошнило прямо на белоснежный халат Абдуллы и бесценный ковер, покрывавший пол. В тот же миг Абдулла с брезгливой гримасой оттолкнул ее от себя.

Криста не могла знать, что Абдулла смертельно боится любой болезни. Его мать страдала неизвестным разрушительным недугом, и он еще ребенком стал свидетелем того, как единственное существо, которое он любил, тает как свеча. На его глазах она из цветущей молодой женщины превратилась в дряхлую старуху и умерла в мучениях. Абдулла всегда гордился своей внешностью и считал, что за исключением хромоты он очень хорош собою. Удивительно, что Абдулла ни разу в жизни ничем не болел, но тем больше он опасался заразиться какой-нибудь опасной болезнью.

И теперь, когда он воочию увидел явные признаки неизвестного недуга у новой наложницы, вожделие, томившее его еще минуту назад, исчезло без следа, он не ощущал ничего, кроме всепоглощающего страха за себя.

— Сука! — пронзительно взвизгнул Абдулла. — Почему ты не сказала, что больна? Махмуд! Убери от меня эту женщину. Пусть Ленора ухаживает за ней, пока она не поправится. Вон! — завопил он.

Его крик был похож на вопли больного мозговой горячкой и изобличал настоящее безумие. Абдулла стал судорожно срывать с себя запачканную одежду, призывал слуг, отдавал приказы приготовить ему целебную ванну и окурить спальню очищающими воздух благовониями. В его глазах светились ярость и сверхъестественный ужас одновременно, и Криста мысленно поблагодарила бога, пославшего ей чудесное избавление — хотя бы временное.

13

К несказанной радости Кристи, ее не беспокоили целую неделю. Семь дней ей не угрожали домогательства Абдуллы, и она испытывала несказанное облегчение. Однако тревога за

Ахмеда не покидала ее. Она непрерывно думала о нем, перед ее глазами все время стояла одна и та же картина: Ахмед, каким она видела его в последний раз — заключенный в тесную клетку, где он не мог ни стоять, ни лежать, избитый, окровавленный, в разорванной грязной одежде, со спутанными волосами, затравленный и униженный. Как мало осталось в этом человеке от гордого, надменного шейха, который скакал по барханам на арабском жеребце — плоть от плоти той суровой земли, которую он считал принадлежавшей ему безраздельно.

Единственным утешением для Кристи служило то, что Элиссе было разрешено остаться при ней, и скоро обе женщины стали неразлучны. Они проводили дни и ночи вместе, строя фантастические планы спасения, хотя в глубине души каждая знала, что этим мечтам скорее всего не суждено сбыться.

В конце недели, к ужасу Кристи, которая молила бога о том, чтобы Абдулла забыл о ней навсегда, он напомнил о себе. Ленора сочувственно сообщила ей, что этой ночью Крису вновь должны привести в его опочивальню. Крису тщательно искупали, умастили тело благовониями и одели в халат из голубого, под цвет ее глаз, шелка. Она старалась казаться спокойной, но внутри у нее все кипело, а желудок неприятно сжимался. «Что будет, если у меня повторится приступ тошноты?» — гадала она. Но тут появился Махмуд, чтобы отвести ее к Абдулле, и его приход положил конец всем ее раздумьям.

Абдулла лежал, растянувшись на широком ложе, опираясь на шелковые подушки. Он был одет в белоснежный халат, запахнутый на груди. Складки покрывала искусно скрывали искаленную ногу, и сейчас его можно было принять за воплощение мужской красоты. Однако взгляд его оставался прежним — холодным и пустым, и это вселяло страх в любого, смотревшего в лицо бею.

— Мне доложили, что ты вполне здорова и твое тело не таит в себе заразы, — сказал Абдулла подозрительно ласковым тоном. — Ленора уверила меня, что ты просто слишком устала в дороге, потому я и не послал к тебе моего лекаря. Я дарю тебе свое прощение — ты из чужой страны и не привыкла к нашему климату. А теперь пришло время выполнить свое высокое предназначение — взойти ко мне на ложе. Я думаю, что Ахмед уже довел себя до безумия, воображая, как я наслаждаюсь твоим телом каждую ночь. Я решил сохранить ему жизнь. До тех пор, пока он не увидит твое округлившееся чрево, вынашивающее мое семя. Не важно, сколько времени на это понадобится.

Выражение ужаса на лице Кристи заставило его тонкие губы изогнуться в довольной усмешке.

— Ты негодяй и подлец, — проговорила Криста, с трудом шевеля непослушными губами.

Улыбка Абдуллы стала только шире.

— Может быть, но я могу быть добрым и нежным, когда захочу. Ты знаешь, что твои волосы похожи на золотую пряжу? — пробормотал он, пропуская сквозь пальцы шелковистые пряди. — Я умею обращаться с женщинами и могу доставить тебе большое удовольствие, если захочу. Но могу и взять тебя жестоко, безжалостно. Что бы ты предпочла?

— Не жди, что я стану подчиняться тебе, — предупредила Криста.

— Тогда приготовься к расплате, — ответил Абдулла и встал с ложа.

Несмотря на свою ущербность, он оказался удивительно сильным и подвижным. Он без труда оторвал Крису от пола и швырнул ее на подушки. В следующее мгновение он уже расстегнул халат, и она ощутила его горячую напряженную плоть, которая искала дорогу между ее

бедрами.

И снова произошло то же самое, что и в прошлый раз. Ее тело, которое трепетало от страсти, стоило к нему прикоснуться руке любимого, дало тот единственный ответ, на который оно было способно, когда ощущало прикосновение человека, не вызывавшего в ней ничего, кроме страха и отвращения.

От вопля Абдуллы у нее заложило уши.

— Потаскуха! Сука! Ты опять за свое! Махмуд! Забери отсюда эту дрянь. Пусть ее осмотрит мой личный лекарь, и, если она не больна, накажи ее бастинадо. Не меньше двадцати ударов. Я отучу ее брезговать мной, чего бы это ни стоило.

Набросив покрывало на обнаженное тело Кристи, Махмуд легко перекинул ее через плечо и отнес в отведенную ей комнату, где бросил на узкую кровать. Сразу же рядом оказалась Элисса. Она омыла ей лицо и принесла кисловатого питья, чтобы успокоить желудок.

— Что случилось, Криста? Ты так быстро вернулась. Абдулла... Он тебя... Что он с тобой сделал?

Криста только молча покачала головой. Она была как в тумане и не могла поверить, что все это произошло на самом деле. Она была убеждена, что единственное, что спасло ее от смерти, — это ненависть Абдуллы к брату и желание использовать ее как орудие изощренной пытки.

— О, Элисса. Это снова случилось со мной. Как только он касается меня, меня начинает тошнить. Абдулла пришел в дикую ярость. Может быть, я и вправду больна какой-то непонятной болезнью?

— Похоже, ты просто нашла единственный способ спастись от него, — успокоила ее Элисса, хотя сама она сильно встревожилась. Что теперь предпримет Абдулла? Ведь он уже дважды не получил желаемого.

— Абдулла пришлет своего врача, а потом меня накажут бастинадо. Двадцать ударов. — Она содрогнулась, и Элисса застонала от жалости.

Несколько минут спустя в комнату вошел лекарь и выпроводил Элиссу. Он оказался стариком, со спиной, согнутой от тяжести прожитых лет, и добрыми глазами. Сайд много лет был личным лекарем бей Селима, но Абдулла оставил его при себе, потому что тот слыл искуснейшим из всех врачей, великим целителем. По правде говоря, Сайд не питал большой любви к новому бейу, хотя и продолжал исправно исполнять свои обязанности. Он всей душой сочувствовал Ахмеду, которого знал с детства, и не раз просил Абдуллу позволить ему исцелить раны пленника, но Абдулла был слишком жесток. Не в силах выносить бездействия, Сайд подкупил стражника и проник в тюрьму. Он был потрясен состоянием Ахмеда, но что он мог сделать, чтобы облегчить его страдания? Он лишь промыл ему раны и оставил флакон с жидкостью, притупляющей боль.

Когда Сайд услышал о Кристе, его доброе сердце исполнилось жалости, и он стал придумывать, как помочь незащитной женщине. Он не боялся за свою жизнь, ибо был уже стар и привык к мысли о близкой смерти. Ему сказали, что, когда бей пытался обладать новой наложницей, случилось ужасное — и не один раз, — и передали приказ осмотреть Кристу. Он предпочел бы найти у новой наложницы признаки какой-нибудь болезни, чем видеть, как она страдает от жестокости Абдуллы.

Криста внимательно выслушала лекаря, который, присев на кровать рядом с ней, объяснил свою миссию, и послушно кивнула. Тем не менее, когда он приступил к осмотру, она напряглась и залилась краской стыда. Ее щеки продолжали пылать от смущения, когда он стал задавать вопросы, которые казались ей слишком интимными. Закончив осмотр, Сайд долго смотрел на нее, по-видимому, напряженно о чем-то размышляя.

— Твое состояние не внушает опасений, — наконец проговорил он. — Я не вижу никаких признаков серьезного недуга. Я почти уверен, что всему виной твое сильное отвращение к Абдулле, которое определенным образом действует на внутренние органы.

Криста содрогнулась, представив себе, что ее ждет, если Абдулла узнает о заключении врача.

— Да, я действительно ничего не могу с собой поделать, когда он касается меня, — упавшим голосом подтвердила она.

Сайд снова долго смотрел на нее изучающим взглядом и наконец решился.

— Я хочу, чтобы ты считала меня другом, — понизив голос, сказал он. — И мне кажется, я знаю способ спасти тебя от домогательств Абдуллы, если ты, конечно, этого хочешь.

Криста с подозрением взглянула ему в глаза.

— Но почему? Почему ты предлагаешь мне свою помощь?

— Потому что я любил и уважал бея Селима, будь он жив, он не позволил бы Абдулле издеваться над тобой. Ты любишь Ахмеда?

Криста медленно опустила голову.

— Всем сердцем.

— Ты была его наложницей?

Как ни странно, этот вопрос не оскорбил ее.

— Я... мы были любовниками.

— Так вот, то, что я предлагаю, может показаться тебе чудовищным, но если ты согласишься, то на время избавишься от домогательств Абдуллы.

— На время?

— На несколько месяцев, самое большее. Но возможно, за это время мне удастся убедить бея отослать тебя к родителям. Разумеется, они должны будут заплатить выкуп. Ты хочешь меня выслушать?

Криста понимала, что у нее нет выбора. Слова старого лекаря вселяли хоть какую-то, пусть слабую надежду. Лучше неизвестность, чем низменная похоть, горящая во взгляде Абдуллы, чем его омерзительные ласки. Наконец она сказала:

— Говори, Сайд. Я согласна на все, что может спасти меня и помочь Ахмеду.

— Ах, дитя мое, вряд ли то, что я предлагаю, облегчит судьбу Ахмеда. Но вреда ему это не причинит, это точно. Как ты, наверное, уже знаешь, Абдулла испытывает необъяснимый ужас

перед любой болезнью, какие бы формы она не принимала. Ты понимаешь меня?

Сосредоточенно сдвинув брови, Криста ответила:

— Думаю, что да. Ты хочешь сказать ему, что я больна какой-нибудь опасной болезнью?

— Все не так просто. Если я это сделаю, он может позвать другого врача, чтобы подтвердить мое заключение.

— Тогда что же?

— С твоего согласия я скажу ему, что ты беременна. — Он переждал, пока Криста освоится с этой мыслью, а потом продолжал: — Это обычное состояние для женщины, и у него не будет причины усомниться в моих словах.

— Но что будет, когда он поймет, что я не жду ребенка? Ведь увидеть это несложно.

— Когда я доложу ему о твоём состоянии, он наверняка некоторое время будет исходить злобой, но, зная его так, как знаю я, могу с уверенностью сказать, что это будет продолжаться недолго и Абдулла сумеет обратить случившееся себе на пользу. А еще я скажу ему, что ты одна из тех несчастных женщин, которые плохо переносят беременность и должны почти все время находиться в постели. Когда он услышит это, то сразу потеряет к тебе интерес, тем более что уже испытал на себе последствия твоего состояния. Поверь мне, он будет бегать от тебя как от чумы.

— А что будет, когда откроется правда? Что тогда? Неужели тебе не дорога жизнь?

Сайд пожал сутулыми плечами.

— Я старик, и жизнь моя близится к концу. К тому же, я надеюсь, что Абдулла согласится на мои уговоры и запросит за тебя выкуп. Вряд ли ему будет нужна женщина, которая носит под сердцем чужого ребенка. И если ты будешь постоянно в свободных одеждах, он ничего не заподозрит.

— А Ахмед? Разве я могу спасти себя и бросить его на произвол судьбы?

На изборожденном морщинами лице лекаря появилось выражение глубокого сочувствия.

— Я сделаю для принца все, что в моих силах, но не рассчитывай на чудо, дитя мое. В том, что касается Ахмеда, Абдулла непреклонен. Я достаточно хорошо знаю Ахмеда и представляю, на что он способен. Он будет стремиться отобрать тебя у брата, и ради него ты должна принять мой план.

Несколько долгих минут Криста боролась с мучительными сомнениями и наконец решилась:

— Я сделаю все, что ты предлагаешь, Сайд.

— Тогда ты должна обещать мне никому об этом не говорить, дитя мое. Эта тайна должна навеки остаться между нами.

— Но Элисса...

— Нет. Никому. Любая ошибка дорого нам обойдется. Ты согласна?

— Пусть так и будет, Сайд, — кивнула Криста.

— Что ты сказал, старик? — с потемневшим от гнева лицом кричал Абдулла. — Я велю разрезать тебя на куски, если ты солгал.

— Я говорю правду, повелитель, — отвечал Сайд, низко склонившись перед Абдуллой. — Я совершенно уверен, что твоя наложница беременна.

— Значит, эта потаскуха носит отродье моего брата. Как давно? — отрывисто спросил Абдулла.

— Насчет срока я не могу сказать наверняка, потому что она зачала всего несколько недель назад.

— Оставь меня! Я должен все обдумать, — хмуро приказал Абдулла. Возблагодарив Аллаха за то, что Абдулла так доверяет ему, Сайд, пятась, покинул зал.

Оставшись один, Абдулла стал мерить шагами персидский ковер и размышлять о том, каких действий требует от него новый поворот событий. Для человека, столь ученого, как Сайд, не составляло никакого труда избавить наложницу от ребенка. Но мудрое ли это решение? Он мог бы приговорить к смерти и ее, и Ахмеда. Но тогда удовольствие будет слишком быстротечным. Он надеялся с помощью Кристи продлить мучения Ахмеда, а не избавлять его от страданий, посылая легкую смерть.

И тут на него снизошло внезапное озарение, пришло неожиданное и блистательное решение. Почему бы не использовать эту беременность в собственных целях? Можно ли найти лучший способ усугубить муки брата?

— Твоя женщина уже, должно быть, понесла от меня, — с жестокой улыбкой говорил Абдулла. Прошло уже две недели с тех пор, как он последний раз спускался в подземелье к Ахмеду. — Я вспахивал ее лоно еженощно, иногда по несколько раз, и я знаю, что семя мое обладает могучей силой. Я уже прижил нескольких детей с наложницами нашего отца, прежде чем отослал их в публичные дома. Когда ее живот как следует округлится, я приведу ее показать тебе.

Ахмед взирал на брата с нескрываемой брезгливостью. Его по-прежнему морили голодом, но хотя бы перестали избивать. Он проводил много времени, истребляя крыс, которые иначе могли бы сожрать его заживо, но вынужденное безделье и мучительные раздумья уже довели его до грани безумия. Ахмед непрестанно думал о Кристе, воображение рисовало ему ужасные картины: опочивальня Абдуллы и Криста, покорно принимающая его ласки. Сломленная. Беременная. «Спаси ее Аллах! — молил он. — Как ты мог допустить, чтобы моя прекрасная возлюбленная терпела такие муки?»

— Ты ничего не хочешь сказать, Ахмед? — с наигранным удивлением продолжал Абдулла. — Или тебе больше нет дела до твоей девки?

— Мои чувства к Кристе неизменны, — сказал Ахмед, как мог спокойнее. — Когда-нибудь ты заплатишь сполна за свою подлость. Наш отец, наверное, переворачивается в гробнице, глядя на то, что ты творишь.

Абдулла захохотал, закинув голову, так что на глазах у него выступили слезы. Смахнув их белоснежным рукавом, он смерил взглядом Ахмеда, с удовлетворением отметив выражение бессильной ненависти на его лице, и насмешливо проговорил:

— Наш высокочтимый отец пребывает именно там, куда я его отправил собственными руками, а твоя шлюха-мать вскоре последовала за ним. — С этими словами он удалился, и крик Ахмеда, полный муки и отчаяния, еще долго тешил его низкую душу.

Эта сцена повторялась каждый день в последующие два месяца и постепенно лишала Ахмеда рассудка. Когда Абдулла чувствовал, что брат подходит к пределу, за которым человек уже перестает ощущать боль, он уходил, а на следующий день эта словесная пытка продолжалась.

Теперь, когда Абдулла знал о беременности Кристи, она жила в ожидании какого-нибудь страшного наказания, которое мог изобрести его жестокий ум. Но ничего не происходило, и в ее душе мелькнул свет надежды. Может быть, Сайд оказался прав, и Абдулла действительно потерял к ней интерес настолько, что не хочет ее видеть. Лекарь время от времени навещал ее, и она знала, что он упорно добивается ее освобождения. Он говорил, что ему уже почти удалось уговорить Абдуллу написать ее родителям и попросить выкуп.

Окруженная лаской и заботой Элиссы и Леноры, Криста ни в чем не нуждалась. Очевидно, Абдулла приказал ухаживать за ней как можно лучше. Ее хорошо кормили, купали, одевали и причесывали, и, по правде говоря, никогда еще она не была так хороша собой. Единственное, что ее печалило, это необходимость обманывать друзей, особенно Элиссу. Но она доверяла Сайду и боялась подвести его. Его план сработал, пока она находилась в безопасности.

Но надолго ли?

Ее собственное положение значительно улучшилось, но страх за любимого продолжал мучить ее с неослабевающей силой. Все, что она знала о нем, она узнавала от Леноры, которая, в свою очередь, черпала сведения из дворцовых сплетен. Ахмед был жив, его перевели из клетки в тесную камеру, но в ней, по крайней мере, можно было лежать и даже немного двигаться. На этом настоял Сайд. Он напугал Абдуллу, предупредив его, что в клетке пленник долго не протянет. Абдулла еще не наслаждался местью и не желал быстрой смерти Ахмеда, поэтому он скрепя сердце согласился предоставить Ахмеду более сносные условия существования.

И все-таки пришел день, когда Криста с содроганием увидела, что в дверях ее комнаты стоит Абдулла, устремив пронзительный взгляд на ее живот, скрытый свободной развевающейся одеждой.

— Лекарь сказал мне, что ты здорова, и плод, который ты носишь в своем чреве, быстро зреет, — презрительно скривившись, проговорил Абдулла.

Криста опустила голову.

— Могу я узнать, что ты собираешься со мной делать? — спросила она.

— Нет, не можешь. — Глаза Абдуллы бегали по ее телу, словно пытаясь проникнуть под халат. Наконец он не выдержал и приказал: — Разденься.

— Нет, ты не станешь этого делать! — съежилась от страха Криста. — Только не сейчас!

— Я больше не испытываю к тебе влечения, — процедил сквозь зубы Абдулла. Его лицо выразило глубочайшее отвращение. — Я предназначил тебя для другого. Для чего — ты узнаешь позже. А сейчас я только хочу увидеть собственными глазами, как в тебе растет ребенок моего брата. Разденься.

Хорошо зная, каким жестоким он может быть в гневе, и замирая от страха, что обман

раскроется, Криста медленно развязала тесемки халата, и он с шуршанием упал к ее ногам. Абдулла некоторое время внимательно разглядывал ее, потом недоверчиво нахмурился.

— Почему ты совсем не толстеешь? — недовольно спросил он. — Ты плохо ешь? Еда тебе не нравится? Я прикажу наказать слуг за то, что они не могут тебе угодить. Как может Ахмед поверить, что ты ждешь ребенка, если у тебя не растет живот?

— В нашей семье у всех женщин такая особенность, — нашлась Криста. — Мы долго сохраняем стройную фигуру, когда носим ребенка. Это становится заметно, только когда срок достаточно велик. — Она затаила дыхание, ожидая ответа Абдуллы, который обдумывал ее слова. Наконец он кивнул, по-видимому, решив ей поверить, и Криста перевела дух.

— Оденься, — отрывисто бросил он, словно вид ее обнаженного тела раздражал его. — В таком состоянии ты не возбуждаешь во мне желания. Как ты уже, наверное, знаешь, у меня теперь есть несколько женщин, которые моложе и красивее тебя. Они хорошо служат мне.

Это было правдой. В последние два месяца гарем Абдуллы пополнялся почти ежедневно — юными девственницами, которые горели желанием ублажить своего господина. Криста с Элиссой старались держаться особняком и сторонились новых обитательниц гарема. А те, хотя при виде Кристи их одолевало любопытство, были слишком молоды и не уверены в себе, чтобы задавать вопросы.

Криста с нетерпением ждала, когда Абдулла наконец покинет ее комнату, но он почему-то медлил. В его повадке что-то неуловимо изменилось, и она насторожилась. Ей совсем не нравился его взгляд, ставший вдруг фальшиво-участливым. Вдруг он проговорил:

— Ты хочешь снова увидеть Ахмеда?

Криста замерла, и каждый ее нерв задрожал, как туго натянутая струна.

— А ты позволишь мне? — наконец спросила она, стараясь не выдать волнения.

— Почему же нет! Ведь нам недолго осталось видеть Ахмеда. Скоро он нас покинет, и я не могу не позволить влюбленным попроситься. Ведь я совсем не так бессердечен, как ты обо мне думаешь. Но, разумеется, ты должна будешь выполнять то же условие, что и в прошлый раз. Ты будешь соглашаться со всем, что я говорю, и не произносить ни слова без моего приказа.

— Но это так жестоко! Как ты можешь этого требовать? — Криста так живо помнила полные горя глаза Ахмеда, умолявшие ее произнести хоть слово. Она никак не могла решить, что принесет им обоим больше страдания — безмолвное свидание, как в прошлый раз, или отказ от встречи. Но наконец она решилась. Она все-таки должна увидеть Ахмеда. Вдруг в ее памяти всплыла грозная фраза Абдуллы: «...Нам недолго осталось видеть Ахмеда, скоро он нас покинет», и она в ужасе воскликнула:

— Что означают твои слова о том, что Ахмед скоро нас покинет? Ты собираешься убить его?

— Всему свое время. Скоро ты узнаешь, что я собираюсь сделать с Ахмедом и что — с тобой. Ты согласна на мои условия? Как и прежде, Махмуд будет стоять рядом на случай, если ты нарушишь свое обещание.

Видеть Ахмеда и не говорить с ним, не иметь возможности его коснуться — казалось ей самой утонченной пыткой, но еще более невыносимым было не видеть его совсем. Она кивнула и угрюмо проговорила:

— Я согласна.

— Тогда пойдем, мне не терпится осуществить задуманное. — На его лице появилось такое довольное выражение, что сердце Кристи сжалось от страха. Нетрудно было догадаться, что мог задумать такой человек, как Абдулла, и, наверное, в его планах немалую роль должна была играть ее предполагаемая беременность.

И снова они прошли через внутренний дворик, миновали длинный коридор, освещенный факелами, но на этот раз Абдулла остановился перед другой дверью. Он окинул Кристу благосклонным взглядом.

— Я готов смягчить прежние условия. Чтобы достигнуть цели, я позволю тебе говорить. — Ее лицо осветилось нежданной радостью, но Абдулла тут же добавил: — Но только для того, чтобы ты подтверждала все, что я скажу.

— Какая мне в том польза? — не сдержала возмущения Криста. — Что бы я ни делала, ты все равно убьешь Ахмеда.

— Ты ошибаешься. Я не собираюсь его убивать. В конце концов, я вовсе не чудовище.

— Но ты сказал...

— Я сказал только, что Ахмед недолго пробудет с нами, но не говорил, что намереваюсь предать его смерти. Единственное, что может заставить меня переменить решение, — это твой отказ. Если ты откажешься подтверждать все, что бы я ни говорил, он умрет на твоих глазах.

— Почему я должна тебе верить?

— У тебя нет другого выбора.

— И если я выполню твое желание, ты пощадишь его?

— Да.

— Значит ли это, что ты вернешь ему свободу? — с надеждой спросила Криста. Глаза Абдуллы загорелись таким коварством, что холодок тревоги коснулся ее сердца. — Ты лжешь! Ты собираешься мучить его и сгноить в темнице. Я знаю Ахмеда как никто другой, и я уверена, что он предпочтет смерть тому, что ты для него готовишь.

— Через несколько минут вы оба узнаете, что я для вас готовлю, — холодно объявил Абдулла. — Но уверяю тебя, я не стану ни убивать, ни пытаться его, и уже, завтра он уедет отсюда.

Криста молча смотрела ему в глаза, пытаясь найти скрытый смысл в его словах. Если принять во внимание все обстоятельства, у нее действительно не было выбора и оставалось только подчиниться воле Абдуллы. Ахмед должен остаться в живых — во что бы то ни стало, на что бы ни пришлось ей согласиться. Наконец она наклонила голову, выражая согласие, и Абдулла дал знак отодвинуть щеколду на массивной двери. Раздался пронзительный скрип ржавых петель, дверь медленно распахнулась.

Ахмед сидел в углу камеры, с опущенной головой, скрестив руки на согнутых коленях. Когда дверь открылась, он вскинул голову и широко раскрыл отвыкшие от света глаза. Кристе показалось, что его глаза сверкают, как два изумруда, сверкают ненавистью и презрением.

— С чем ты пожаловал сегодня, Абдулла? — прозвучал его хриплый голос. — Какую новую пытку ты мне приготовил? Не проще ли покончить с этим раз и навсегда?

— И лишить себя величайшего удовольствия? — захохотал Абдулла. — Отказаться от мести?

В это мгновение Ахмед увидел Кристу, которая появилась из-за спины Абдуллы.

— Криста! Любовь моя! Неужели это ты? Какое счастье узнать, что ты жива! — Он с трудом поднялся на ноги.

— Ахмед! — Криста была готова броситься на встречу его протянутым рукам, но быстрый взгляд Абдуллы пригвоздил ее к месту.

— Я знал, что ты захочешь увидеть мою наложницу. В последний раз. Чтобы попрощаться с ней. — Абдулла величественным жестом указал на Кристу. — Я не хочу, чтобы вы считали меня бессердечным. Надо сказать, братец, я никогда не ожидал, что увижу, как тебя поставит на колени обыкновенная женщина. Ты всегда был таким недосыгаемым и надменным.

Из всей этой речи Ахмед уловил лишь слово «попрощаться». Неужели в сердце его брата проснулась жалость?

— Ты хочешь отправить Кристу домой? — спросил он с растущей надеждой. Но ответ Абдуллы грубо сбросил его с небес на землю.

— Как я могу расстаться с любимой наложницей? Которая с таким удовольствием выполняет свои обязанности. Которая уже растит в своем чреве мое семя.

— Нет! Ты лжешь! — в ярости вскричал Ахмед.

Вместо ответа Абдулла спокойно повернулся к Кристе, привлек ее к себе и обнял за плечи жестом собственника. Из горла Ахмеда вырвалось низкое рычание, похожее на львиный рык. Он бросился на Абдуллу, готовый вцепиться ему в глотку, но рывок короткой цепи, которой он был прикован, бросил его на колени. Он остался лежать на земле, тяжело дыша, в отчаянии молотя кулаками по грязному каменному полу.

— Криста, — его дрожащий голос был полон смертной муки, — любовь моя, скажи, что это не правда. Скажи, что он лжет.

— Ну, говори же, — приказал Абдулла, и его черные глаза сузились, а пальцы больно вцепились в ее плечо. — Облегчи страдания моего брата, утешь его в горе.

Криста молчала. Она была готова провалиться сквозь землю, сообразив, какую нечеловеческую пытку изобрел Абдулла для Ахмеда. Поистине жестокость этого человека была безгранична. Краем глаза она увидела, что Махмуд вопросительно смотрит на Абдуллу в ожидании знака. Опасность была так близка, что Криста отбросила все мысли, кроме одной: она должна подтвердить все, что угодно, лишь бы сохранить жизнь Ахмеду. Рана, которую ему нанесут ее слова, как бы ни была она болезненна, все же лучше, чем смерть.

— Это правда, Ахмед, — еле слышно прошептала она, но ее дрожащий голос, казалось, заполнил собой всю камеру.

— Громче, — рявкнул Абдулла.

— Бога ради, неужели в тебе нет ни капли жалости! — во весь голос прокричала Криста. — Это правда! Чего еще ты хочешь?

Вся кровь отхлынула от и без того бледного лица Ахмеда. Никогда ему не приходилось переживать такого поражения. Ему казалось, будто вся жизнь разом потеряла смысл. Но он ни в чем не винил Кристу, которая стала жертвой стечения обстоятельств и злой воли. Когда Ахмед заговорил, его голос был лишен всяких чувств, он испытывал лишь полное опустошение.

— Не отчаивайся, любовь моя. В том, что случилось, нет твоей вины. Когда-нибудь Абдулла заплатит за все зло, которое тебе причинил. Только убив меня, он сможет избежать возмездия. Но и тогда я восстану из могилы, чтобы отомстить за твою попорченную честь.

— Убить тебя? — самодовольно засмеялся Абдулла. — Как я уже говорил, я привел ее сюда, что бы ты мог с ней попрощаться. Но смерть — слишком легкое наказание. Зная твою любовь к свободе, я придумал для тебя наказание, по сравнению с которым смерть показалась бы тебе желанным избавлением.

Он с ненавистью посмотрел на поверженного врага.

— Завтра на рассвете капитан Хаджи в сопровождении полусотни янычар доставит тебя в Алжир, где продаст в рабство испанцам. Представь себе, братец, остаток жизни ты проведешь в цепях и будешь день и ночь гнуть спину на каком-нибудь руднике. Впрочем, не бойся, испанцы так обращаются со своими рабами, что только немногие из них живут больше года, так что, без сомнения, твои мучения долго не продлятся.

— Ублюдок! — Слово прозвучало как презрительный плевок. — Отродье дьявола. Неужели ты думаешь, что заставишь меня влачить жизнь раба? Можешь быть уверен, я убегу. И тогда жди меня, я вернусь сюда за Кристой.

— Ты только зря потратишь время, Ахмед, потому что Криста вряд ли согласится вернуться к тебе, даже если тебе каким-нибудь чудом удастся освободиться. Она не из тех женщин, которые бросают своих детей, а я буду хранить ее ребенка как зеницу ока.

Ахмед неуверенно взглянул на Кристу. Будет ли она любить ребенка Абдуллы? Ответом ему был приступ боли, внезапно пронзившей сердце. Конечно, будет, ведь это и ее ребенок тоже. И она никогда не сможет расстаться с ним.

— Женщина, скажи ему, — кивнул Абдулла Кристе.

Судорожно облизнув губы, Криста устремила на Ахмеда взгляд, полный тоски. Она не хотела ему лгать, но только ложью можно было спасти ему жизнь.

— Я... я не оставлю ребенка по своей воле, Ахмед. — Она не добавила, что скорее умрет, чем будет носить ребенка другого мужчины.

Снедаемый горем и ревностью, Ахмед медленно проговорил:

— Клянусь, я убегу из плена и приду за тобой, моя любовь. Верь мне, Я не оставлю ни тебя, ни твоего ребенка.

— Нет! — отчаянно закричала Криста. Возвращение могло означать для него только одно — смерть.

— Прислушайся к тому, что говорит женщина, Ахмед. Если даже представить себе, что случится чудо и тебе удастся вырваться из рук испанцев, то в Константиине тебя ждет только смерть. Криста будет в безопасности до тех пор, пока она будет доставлять мне удовольствие. Ее сына я, возможно, объявлю своим наследником. А если у нее родится дочь, то она получит достойное воспитание, чтобы в будущем согреть ложе знатного шейха.

От его гнусной лжи на бледных щеках Кристи вспыхнул яркий румянец, но — увы! — она не могла опровергнуть его слова.

— Криста — плодовитая женщина, — с ухмылкой продолжал Абдулла. — Я надеюсь, она будет рожать по одному ребенку в год. Когда ее красота поблекнет, мне она станет не нужна. Тогда она будет годна только для притонов в нижней части города. А может быть, я поддамся на уговоры и верну ей свободу.

— Ты надеешься, я когда-нибудь перестану о ней думать? — с презрением спросил Ахмед.

— Наоборот, я надеюсь, что не перестанешь, — спокойно ответил Абдулла. — Без этого моя месть была бы неполной. Я хочу, чтобы ты думал о ней постоянно, не зная ни минуты покоя. Я хочу, чтобы мысли о ней отравляли твое существование и пожирали твой разум, пока ты не сойдешь с ума. Я хочу, чтобы ты испытывал муки ада каждый раз, когда она будет приносить мне нового ребенка, как страдал я, когда отец оказывал предпочтение тебе.

Рассудок Ахмеда помутился, и он повис на цепи, выкрикивая нечленораздельные проклятия. Но Абдулла кивнул Махмуду, который ударом огромного кулака свалил его на пол. Криста сделала движение, чтобы броситься к нему, но Абдулла удержал ее.

— Если бы Махмуд не остановил его, он мог бы причинить себе вред, — бесстрастно заметил Абдулла, глядя на неподвижную фигуру, скорчившуюся на полу. — Быстрая смерть — это не то, что я задумал для своего брата. Я хочу, чтобы он жил долго, и жил в рабстве. Гордость и жажда жизни сначала будут поддерживать его, но мало-помалу дух его будет сломлен, останется лишь пустая оболочка прежнего человека, и он сам будет молить о смерти как о единственном избавлении.

— Нет! — с жаром воскликнула Криста. Ее глаза потемнели от боли и гнева. — Ты не знаешь Ахмеда, если думаешь, что можешь так просто его уничтожить.

— Ты ошибаешься, несравненная, — улыбнулся Абдулла, довольный своей хитростью. — Это ты виновата в его падении. В тот миг, когда я понял, что Ахмед любит тебя, все решилось само собой. Сломить его было лишь вопросом времени. Твое прекрасное тело стало самым совершенным орудием мести.

Позже, рассказав Элиссе все, что произошло, Криста поддалась охватившему ее отчаянию, и слезы ручьем хлынули по ее бледным щекам. Своей ложью она подтвердила слова Абдуллы и причинила Ахмеду такую боль, которой ему еще никогда не приходилось испытывать. Да, но если бы она сказала правду, ее возлюбленный был бы уже мертв. А так оставалась пусть даже призрачная надежда, что произойдет чудо, и он, может быть, найдет способ освободиться. Она молилась о том, чтобы ей удалось увидеть его еще раз! Она пустила бы в ход все свое умение убеждать, чтобы отговорить его от возвращения в Константиину, если случится невозможное и ему удастся убежать от испанцев.

Относительно своего собственного будущего Криста не строила никаких иллюзий. Оно будет именно таким, каким его описал Абдулла. Но Криста была из тех, кто сражается до

последнего. Она надеялась на счастливый случай, она так ждала его. Да, когда Абдулла будет меньше всего ожидать этого, она...

— Криста, ты спишь? — спросила Элисса, заглядывая в комнату.

— Нет, Элисса, не сплю, — уныло ответила Криста, вытирая руками мокрые щеки. — Я не могу спать. Не могу после того, как узнала, что приготовил для Ахмеда Абдулла. Не могу, потому что сама причинила ему невыносимую боль.

— Не надо плакать, Криста, ведь это может повредить ребенку.

Криста виновато покраснела. Что бы там ни говорил Сайд, но она не может больше притворяться перед своими друзьями, будто носит дитя Ахмеда. Это слишком тяжело.

— Элисса, я не могу больше обманывать тебя, — начала Криста свое признание, — я вовсе не беременна. Это была просто уловка, придуманная лекарем, чтобы Абдулла перестал домогаться меня. И она сработала. Но уже очень скоро Абдулла заподозрит обман... Если только Сайд не уговорит его взять за меня выкуп у моих родных.

Глаза Элиссы округлились от изумления.

— Я... Я и не подозревала... — пробормотала она. — Правда, мне казалось, что ты слишком стройна для своего положения. Ты думаешь, у Сайда что-нибудь получится?

— Я... я не знаю. Я только надеюсь на это. А пока нам придется продолжать обманывать Абдулла. Никто не должен ни в чем усомниться.

— Можешь на меня положиться, — заверила ее Элисса. — Давай надеяться на лучшее. Сайд — опытный и мудрый человек, и он, конечно, знает, что делает. А кроме того, — и тут она загадочно улыбнулась, — мне есть чем тебя порадовать.

Было ясно, что берберка едва сдерживает нетерпение, и Криста стала слушать подругу внимательнее.

— Ты узнала что-нибудь, Элисса? Что-нибудь об Ахмеди?

— Ну, не совсем, но... О, Криста, ты хочешь увидеть Ахмеда еще раз, прежде чем его увезут отсюда?

— Увидеть! Элисса, ты смеешься надо мной. Разве это возможно?

— Я подкупила стражу, — уклончиво сказала Элисса, опуская глаза и уставившись на носки своих туфель.

— Чем же? У тебя нет ничего ценного. И у меня тоже. Как же ты смогла... О! Нет, нет, только не это! — Слезы подступили к глазам Кристи, когда она внезапно поняла, какую жертву принесла Элисса ради нее.

— Дело уже сделано, Криста, — мягко сказала Элисса. — И это было не так уж плохо. Совсем не так, как когда янычары... — Ее голос сорвался. — Я приду за тобой после полуночи. В это время все во дворце спят и никто не заметит, как ты проскользнешь через внутренний дворик. Рашид будет ждать нас, но он ставит условие, что ты можешь пробыть с Ахмедом не дольше часа.

— Рашид?

— Это янычар, которого я... подкупила.

— Прости, Элисса.

— Но ведь я сказала, что это было не так уж и плохо, — коротко ответила Элисса. — А теперь отдохни. Я приду за тобой, когда наступит время.

Укутанная до бровей в темные одежды, Криста сделала шаг из тени, остановившись перед дверью, за которой начинался тюремный коридор. Они с Элиссой сумели избежать встречи с двумя стражниками, караулившими внутренний двор, но Кристе до сих пор не верилось, что ее мечта встретиться с Ахмедом наедине вот-вот осуществится. Хотя ложь была ей отвратительна, она все-таки приняла горькое решение не разубеждать Ахмеда в том, что носит ребенка Абдуллы. Если Ахмед узнает правду, ничто не сможет помешать ему вернуться в Константинопуль, но это будет означать для него верную смерть. Криста не сможет жить, зная, что она — единственная виновница его гибели. Элисса дорого заплатила за ее последнее свидание с возлюбленным, и Криста решила, что за этот короткий час она должна убедить Ахмеда забыть ее. Сама его жизнь зависела от этого.

Внезапно какая-то тень возникла перед нею, а по напряженным нервам ударил шепот Элиссы:

— Это Рашид. Он проводит тебя. Помни, у вас есть только один час.

Бросив на Элиссу многозначительный взгляд, Рашид открыл дверь, и Криста осторожно ступила внутрь. Щелчок вставшей на место щеколды отвлек Ахмеда от тяжелых дум. Лунный свет просачивался через единственное забранное решеткой окно высоко в стене, и в этом мягком свете камера казалась менее отвратительной, чем днем.

— Абдулла послал тебя сюда, чтобы помучить меня напоследок? — Его тусклый, лишенный всякого выражения голос болью пронзил сердце Кристи. — Это уже неважно. Он сделал все, что мог, осталось только убить меня. И я жду смерти с нетерпением.

— Ахмед, любимый, — прозвучал ее нежный голос. — Я пришла, чтобы увидиться с тобой в последний раз.

— Криста! — простонал он, внезапно поднявшись на ноги. — Как...

— Это устроила Элисса, — прошептала она, падая в его объятия.

— Элисса в Константинопуле, с тобой?

— Мы были вместе все это время. И я полюбила ее всей душой. Я благодарю бога за то, что она со мной.

Низкий звериный стон вырвался из его груди, когда он нашел ее губы и неистово сжал ее в объятиях. Его губы с томительной медлительностью скользили по ее губам. Этот долгий, нежный и сладкий поцелуй всколыхнул все чувства Кристи, и она ответила на него, зная, что это будет в последний раз. Она чувствовала, как неумолимо уходит время, и с каждой минутой все меньше и меньше остается им побыть вдвоем.

— У нас слишком мало времени, Ахмед. Пожалуйста, выслушай меня внимательно, — выдохнула она.

— Прежде чем ты начнешь говорить, я хочу, чтобы ты узнала, что я не обвиняю тебя в том, что... в том, что случилось с тобой, — перебил Ахмед. — Абдулла безумен. Он был жесток с тобой? Я не вы несусу, если...

— Он не причинил мне вреда, Ахмед. Это правда.

— Ты просто успокаиваешь меня, — покачал головой Ахмед. — Абдулла всегда отличался изощренной жестокостью. Но сейчас все это неважно. Я хочу тебя. Подари мне эту ночь, чтобы я мог унести с собой воспоминание, которое поддержит меня, пока мы будем в разлуке.

— Ахмед, я не желала бы ничего другого, если бы...

— Ты боишься, что это повредит ребенку? — Несмотря на то что напоминание о ребенке Абдуллы, которого она носила под сердцем, причиняло ему новые муки, Ахмед заставил себя смириться с неизбежным.

— Нет! — вскричала Криста, — Нет, не поэтому. Просто мне надо сказать тебе так много, а у нас так мало времени. Скоро нас разлучат — и может быть, навсегда.

— О, любовь моя, — прошептал Ахмед, — не сомневайся, я найду способ вернуться к тебе, и больше мы никогда не расстанемся. Нет таких препятствий, которые смогут помешать мне. Не трать драгоценные минуты на бесполезные слова. Дай мне излить на тебя свою любовь. Я тосковал по тебе все это время.

Он увлек ее на соломенное ложе, которое по распоряжению Сайда ежедневно меняли, и дрожащими руками стал раздевать ее. Он чувствовал себя как неопытный мальчишка, оставшийся наедине со своей первой женщиной. Лунный свет коснулся ее тела, посеребрил его, ее необыкновенные волосы мерцали в темноте. Ахмед положил руку на ее груди и стал нежно целовать соски, чувствуя, как они набухают и твердеют под его языком.

Его губы заскользили ниже, он на мгновение остановился, достигнув ее нежного живота. Она была по-прежнему стройна, и не верилось, что там, внутри, рос младенец. Он вздрогнул, ненависть к Абдулле была теперь так сильна, что едва не убила его. Его приводила в неистовство мысль о том, что его брат обладал женщиной, которую он, Ахмед, любил больше жизни.

Уловив его замешательство, Криста подумала, что он испытывает отвращение к ее телу, запятнанному изменой, и попыталась встать.

— Нет-нет, любовь моя, это мысль об Абдулле приводит меня в ярость. Как бы мне хотелось убить его за то, что он сделал с тобой.

Поборов неистовое желание открыть ему всю правду, Криста нашла его губы, утоляя его печаль поцелуем, и это сказало ему куда больше, чем любые слова. Его руки скользнули ниже, лаская изгибы ее бедер, перебирая светлые волосы между ними. Губы следовали за руками, оставляя огненный след на ее теле, воспаляя чувства, и его страсть рождала в ней ответную страсть. Потом его пальцы ощутили приветственную влагу ее лона и нашли пульсирующий бугорок. Криста напряглась и тихо вскрикнула, отвечая на это интимное прикосновение. Сжав ее бедра, он издал невнятный звук, отдаваясь страсти, его губы отыскивали вход, и его язык проник в него. Ее трепещущее тело, негромкие страстные стоны подгоняли его. Нежно и пылко он ласкал ее. И потом, когда наслаждение охватило ее до кончиков пальцев и все ее существо взорвалось в экстазе, Ахмед не прекратил движения, ожидая последней сладостной судороги.

— Ничего не изменилось, любовь моя, — прерывисто дыша, проговорил Ахмед, — Ты так чудесно отвечала мне. А Абдулла тоже заставлял тебя кричать от восторга, как я сейчас? — Он хотел знать это и одновременно проклинал себя за то, что выказал свою ревность. Зачем ему знать, как Криста вела себя с другим мужчиной? Зачем эта утонченная пытка?

— Ты единственный способен утолить мою страсть, Ахмед, — сказала Криста. — Только ты можешь вознести меня на небеса.

— Слава Аллаху! — прошептал он, приподнимая ее бедра и глубоко входя в нее.

Криста подалась к нему, их обнаженные тела слились. Он застонал, когда ее влажное жаркое лоно приняло его.

— Если я умру завтра, я умру счастливым, — задыхаясь, проговорил Ахмед, медленно выходя из нее, а потом снова соединяясь с нею.

Он не прекращал двигаться и шептал что-то, накрыв ее губы своими, касаясь языком ее зубов, наслаждаясь бархатной нежностью ее рта. Она почувствовала, как закружилась голова, когда яркое пламя желания переросло в ошеломляющий экстаз, и стон восторга сорвался с ее губ.

Внезапно Ахмед потерял контроль над собой и атаковал ее снова и снова, грубыми быстрыми толчками, рассудок и логика, настоящее и будущее — все это перестало существовать. Он почувствовал, как приближается пик, и сладострастная дрожь, предвестник завершения, пробежала по его телу. В тот же миг Криста снова оказалась на вершине, и ощущение было настолько пронзительным, что уже граничило с болью, и ей была сладостна эта боль.

Медленно возвращаясь к реальности, Криста с ужасом поняла, что ее время почти истекло, а она еще не сказала Ахмеду того, что собиралась. Она приоткрыла рот, чтобы заговорить, но Ахмед остановил ее ласковым поцелуем.

— Не теряй надежды, любимая. Не бойся ничего. Я вернусь за тобой.

— Нет, ты не должен делать этого! — Его лицо исказилось такой мукой что она поспешно добавила: — Я очень хочу этого, но ты никогда не должен возвращаться в Константинополь!

— Но почему ты так говоришь? Неужели ты думаешь, что я забуду тебя, если буду от тебя далеко?

— Тебя ждет рабство, жизнь, слишком невыносимая, чтобы еще думать обо мне. Абдулла не причинил мне вреда. И не причинит. Для этого нет причин. Обещай мне, Ахмед, что, даже если тебе удастся обрести свободу, ты никогда не вернешься в Константинополь.

— Ты сошла с ума! — в ужасе вскричал он. — Мысль о том, что наступит день, когда я избавлю тебя от Абдуллы, — это единственное, что дает мне силы жить.

В отчаянии сжав зубы, Криста яростно затрясла головой.

— Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы твоя смерть была на моей совести! Когда ты уйдешь отсюда, не оглядывайся назад. Так будет лучше. Ты должен выжить, любимый, и добраться до Англии, а там ты будешь в безопасности. Твой дед с радостью примет тебя, и ты начнешь жизнь сначала. Забудь меня, любимый. Даже если Абдулла смягчится когда-нибудь и отпустит меня на свободу, я вернусь в свою семью и выйду замуж за Брайана. — Она горячо произносила эти слова, но сама не верила в них.

Когда она замолчала, Ахмед медленно проговорил:

— Я не смогу жить без тебя. А ты? Ты сможешь меня забыть?

— Я никогда не забуду тебя. Я буду любить тебя вечно. Я отдаю тебе твою жизнь, разве ты не понимаешь этого? Если ты вернешься за мной, моя жертва будет напрасной. Живи своей жизнью, Ахмед, а я буду жить своей. Я освобождаю тебя от клятв, которые ты давал мне, говоря о нашем будущем. Если бы я была мудрее, я поняла бы с самого начала, что у нас не может быть общего будущего.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?! — гневно воскликнул Ахмед. — Ты в отчаянии, ты потеряла рассудок из-за того, что мой брат заставил тебя зачать ребенка!

— Да-да, — с готовностью согласилась Криста, хватаясь за соломинку, — Я не смогу оставить моего ребенка или моих детей, и неважно, кто их отец. Поэтому весь этот разговор бесполезен. Так обещай же мне, Ахмед. Если ты сумеешь убежать из плена, я хочу, чтобы ты думал только о себе и забыл, что я есть на свете.

Ахмед молчал.

— Ахмед, умоляю тебя, обещай мне это! Времени остается все меньше, а я хочу, чтобы мы еще раз любили друг друга, прежде чем мне придется уйти. Ну обещай же мне!

Она впала в такое неистовство, что Ахмед испугался и решил сделать вид, что согласен. Он чувствовал, как желание снова просыпается в нем, и уже не мог думать ни о чем другом. Криста уже была готова разрыдаться, когда он произнес:

— Хорошо, я обещаю.

Множество противоречивых чувств отразилось на ее лице, но самым сильным из них было облегчение.

Обхватив Кристу за талию, Ахмед поднял ее и медленно опустил на себя. Не стесняясь слез радости, она почувствовала внутри себя его горячую плоть, ее пальцы царапали кожу на его плечах, оставляя отметины любви. Ее прекрасные белые груди касались его губ, он поймал ртом набухающий острый сосок и стал жадно ласкать его, слушая, как страстные вздохи срываются с ее губ. Он хотел бы любить ее медленно, доводя раз за разом до самой вершины, но желание было сильнее его. И очень скоро оно захватило обоих и вознесло в мир, где не было никого, кроме них двоих.

И кроме Элиссы, чей приглушенный голос вернул их к горестной реальности:

— Криста, тебе пора уходить. Время истекло, и Рашиду придется плохо, если вас застигнут здесь.

— Иду, — ответила Криста, хватая свой халат. Она торопливо оделась, не осмеливаясь взглянуть на Ахмеда, потому что боялась не выдержать и открыть ему правду. Стоит ему только заподозрить, что она не беременна, и ни бог, ни дьявол не удержат его от возвращения в Константинополь, если он вырвется на свободу. А какое-то неведомое чувство подсказывало ей, что он сумеет освободиться.

Она пристально смотрела на него, стараясь запомнить навсегда черты его мужественного лица, линии его мускулистого тела, надеясь, что этого хватит ей на остаток жизни, но уже

зная, что это не так.

— Криста, — снова прозвучал в ночной тишине взволнованный голос Элиссы. — Пожалуйста, поторопись!

Бросившись в объятия Ахмеда, она еще на мгновение прижалась к нему. Их поцелуй длился, казалось, целую вечность.

— Помни свое обещание, любимый, — выдохнула она, с трудом отрываясь от его губ.

Потом Криста исчезла, оставив ему лишь воспоминание об этой ночи любви и ее запах, который он еще долго ощущал в своей темнице. Выскользнув за дверь, Криста уже не услышала последних слов Ахмеда:

— Я забуду тебя только в тот день, когда придет моя смерть! Нет, даже тогда память о тебе пребудет со мною в вечности. Мы еще встретимся, любимая. Это кismet.

Охваченная тоской, Криста неподвижно лежала на постели. Попрощавшись с Ахмедом, она беспрепятственно добралась до своей комнаты. Время до рассвета она провела без сна, и теперь, когда алая заря пламенела на востоке, она инстинктивно ощущала, что любимого уже нет здесь. Она чувствовала, что потеряла его, и боль была так сильна, будто ей в сердце вонзили нож. Все, что ей осталось, — это память о его любви. Даже верной Элиссе не удалось поддержать ее дух, слабеющий с каждым мгновением.

Когда, почти неделю спустя, Абдулла вдруг вызвал ее в свои покои, Криту охватил страх, ужаснее которого ей не доводилось испытывать ничего в жизни. Узнал ли бей о ее тайне? Обречена ли она на мучительную смерть вдали от всех, кого она любит? Готовясь к худшему, Криста облачилась в ниспадающие крупными складками одежды и последовала за Махмудом в зал, где произошла их первая встреча с Абдуллой. Расправив хрупкие плечи, она шагнула в него, и стук ее сердца заглушил звук закрывающейся за ней двери.

Абдуллы нигде не было видно, и это подбодрило ее. Она думала, что одна в этом зале, пока стройный, высокий мужчина, одетый в европейское платье, не шагнул в него из внутреннего дворика, где он, очевидно, ожидал ее. За его спиной ярко сияло солнце, и это мешало рассмотреть черты лица, но он медленно приближался, теперь он уже не был просто силуэтом, и она вдруг узнала его.

— Брайан! Господи, неужели это ты?

— Криста! Слава создателю, я нашел тебя! — воскликнул Брайан Кент. Взгляд его карих глаз мгновенно охватил ее скрытую под одеждой фигуру.

Она прекрасней, чем когда бы то ни было, отметил он про себя, но что-то в ней неуловимо изменилось. Она будто расцвела, и ее красота стала почти совершенной.

Бирюзовые, ниспадающие складками одежды отливали серебром, распущенные волосы бледным золотом окутывали ее стройный стан, и Брайан был ошеломлен. «Интересно, бей уже сделал ее женщиной? — подумал он с горечью. — Почему бы и нет, возможность у него была». Смотреть на нее — значило желать ее, а бей производил впечатление мужчины с весьма развитым аппетитом, из тех, кто легко и часто пользуется женским телом. А Криста была его пленницей долгие месяцы... Брайан с сожалением решил, что она скорее всего уже не девственница.

— Брайан, как ты узнал, где меня искать? — спросила Криста, бросаясь к нему. Видеть Брайана здесь, где она больше всего нуждалась в нем, — это было похоже на чудо, ниспосланное в ответ на ее молитвы. Она была так счастлива, что видит знакомое лицо, лицо человека из ее прежней жизни, что дрожала от радости, смеялась и плакала одновременно.

— А разве ты не знала? — удивленно спросил Брайан. — Неужели Абдулла-бей ничего не говорил тебе о том, что ведет переговоры с твоим отцом об освобождении? Выкуп, назначенный за тебя, был весьма велик, и твоему отцу понадобилось немало времени, чтобы собрать его.

— Н-нет... Я и понятия не имела, — запинаясь, пробормотала Криста и ухватилась за Брайана, что бы удержаться на ногах. Все это было настоящим потрясением. «Должно быть, это и есть результат хлопот Сайда», — с радостью подумала она. Она всегда будет молиться за этого доброго и милосердного человека.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросил Брайан. — Не причинил ли тебе бей какого-нибудь вреда? Он поклялся, что ты здорова и невредима.

— Все в порядке, Брайан. Абдулла жестокий человек, но он не причинил мне физического вреда, — уверила его Криста, внезапно ощутив, каким оценивающим взглядом он окидывает ее. — Где мой отец? Почему он не приехал за мной сам? Он не болен? — с тревогой спросила она.

— С твоим отцом все хорошо, Криста, — быстро ответил Брайан. — Но вот твоя мать больна. Она слегла, узнав, что тебя похитили, и твоему отцу пришлось бы оставить ее на попечении слуг, чтобы приехать сюда. Но я предложил съездить вместо него. Он разрывался между долгом по отношению к твоей матери и желанием поехать в Константинополь для переговоров с Абдуллой. В конце концов я настоял, что его важнейший долг — остаться с женой, и он согласился, хотя и неохотно.

Криста принялась тихонько всхлипывать, когда он говорил о ее родителях, и Брайан неловко похлопал ее по плечу.

— А что случилось с мамой, Брайан? Ты знаешь?

— Мне говорили, что у нее начался приступ, когда до нас дошла весть о твоём исчезновении. Твой отец говорил, что это разбило ей сердце. Мы уже не надеялись увидеть тебя снова, тем более живую и невредимую. Она стала медленно поправляться только после того, как прибыли известия от Абдуллы-бея. Когда я в последний раз видел ее, ей было намного лучше, хотя она все еще слаба и нуждается в отдыхе.

— Слава богу, — порывисто вздохнула Криста. — Так я могу уехать отсюда с тобой?

— Да, мы уезжаем утром.

— Нет! — с жаром воскликнула Криста. Ей было невыносимо провести под кровом Абдуллы хотя бы одну лишнюю минуту. — Нет! Я хочу уехать сейчас!

Брайан был озадачен этой неистовой вспышкой. Единственное, чем он мог ее объяснить, так это тем, что ее душа до предела истерзана постыдным опытом, полученным за время вынужденного заключения в гареме Абдуллы. Означает ли это, что бей, надо признать, по-мужски привлекательный, изнасиловал ее? Большинство женщин с настолько нежными чувствами, как у нее, сошли бы с ума, а может, и покончили бы с собой от подобного

оскорбления. Да, но он проделал долгий путь по жаркой пустыне из Туниса. Брайан рассчитывал отдохнуть день или два, к тому же Абдулла великодушно предложил ему одну из своих наложниц для отдыха и улады. Однако теперь, глядя в пылающее лицо Кристи, он решил отказаться от удовольствия и выполнить ее желание.

— Хорошо, Криста, — уступил он, скрыв свое разочарование. — Выкуп уже передан, и, значит, бею все равно, когда мы уедем. Иди собирайся, я подожду тебя здесь.

Благодарно улыбнувшись ему, Криста двинулась к двери, потом вдруг остановилась, пораженная какой-то новой мыслью, и снова повернулась к Брайану.

— Я не могу уехать без Элиссы.

— Что еще за Элисса? — В его голосе прозвучало плохо скрытое раздражение.

— Моя служанка. Нет, моя подруга. Она не нужна Абдулле, а я не хочу бросать ее, — заупрямилась Криста.

— Послушай, дорогая, — мягко сказал Брайан, изо всех сил стараясь сдерживаться. — Неужели тебе недостаточно того, что ты покидаешь это ужасное место? Это ведь большая редкость, если женщина живой покидает гарем. Так что тебе до этой Элиссы? Мы найдем тебе другую служанку.

— Нет, я не хочу расставаться с Элиссой, Брайан. Никакая другая служанка не заменит мне ее. — Решимость засветилась в ее глазах, она упрямо вздернула подбородок. Брайан пробормотал проклятие и с досадой покачал головой. По выражению лица Кристи он видел, что она будет настаивать на своем решении взять с собой эту женщину и отговорить ее не удастся. Он припомнил теперь, что если у нее и был какой-нибудь недостаток, так это ее несокрушимое стремление к независимости и целеустремленность.

— Ну ладно, Криста, будь по-твоему, — не охотно уступил он. — Я поговорю с Абдуллой. Если дело обстоит так, как ты говоришь, он скорее всего отпустит Элиссу.

— Спасибо, Брайан, — ласково сказала Криста и поспешила на женскую половину дворца, окутанная бирюзой и серебром.

Элисса очень обрадовалась и за Криту, и за себя. Как раз тогда, когда все казалось совсем безнадежным, Аллах послал им избавление.

— Мы поедem в Тунис, Криста? — возбужденно спросила она, укладывая их немногочисленные пожитки.

Криста помолчала, задумавшись. Наконец она ответила:

— Брайан не сказал мне, но я думаю, что именно так и будет.

— Кто же все-таки этот человек, Криста? — полюбопытствовала Элисса.

— Мой жених, — объяснила Криста. — Он приехал вместо отца для переговоров с Абдуллой.

— Ты хочешь сказать, что выйдешь за него замуж? Но я думала... То есть... А как же Ахмед? Ведь вы любите друг друга.

— Я буду всегда любить Ахмеда, но нам не суждено быть вместе, — печально сказала

Криста. — Я... Я освободила его от клятв, принесенных мне.

Он должен выжить, и я надеюсь и молюсь, что дальше он станет жить без меня.

— Ты храбрая женщина, Криста, но жизнь ведь не так проста. Сможешь ли ты забыть Ахмеда?

— Никогда! И если бы я знала, что меня освободят, я бы не заставила его приносить такие клятвы. Но теперь слишком поздно. Теперь остается только молиться, чтобы он смог убежать от испанцев и вернуться в Англию, где он будет в безопасности.

— А как же ты? Я знаю, как велика твоя любовь к нему.

— Я? Не знаю. Я не могу себе представить жизни без Ахмеда. Но, если нам предопределено быть вместе, провидение не оставит нас. — Прекрасные слова, но верила ли им она сама?

С великой радостью покидая Константину, Криста жалела лишь о том, что оставляет Ленору. Она успела привязаться, к этой доброй женщине, так же как и Элисса. Ленора очень обрадовалась, узнав о счастливом повороте в судьбе Кристи, но Криста заметила тень печали, промелькнувшую по ее лицу из-за того, что сама она оставалась невольницей. Но теперь Ленора была неразрывно связана с гаремом, ухаживая за множеством молодых женщин, которых приобрел Абдулла.

Когда их небольшой багаж был упакован в плетеные сундуки, Ленора проводила Кристу и Элиссу в зал, где их ожидал Брайан. Она со слезами простилась с молодыми женщинами и уже готовилась уходить, когда до нее долетели слова Кристи:

— Мы едем в Тунис, Брайан?

Его ответ заставил Ленору замешкаться у двери и прислушаться.

— Нет, дорогая. Поразмыслив, мы с твоим отцом решили, что лучше всего будет увезти тебя в Англию немедленно. Он, да и я тоже, хорошо понимаем, что эта часть света будет слишком настойчиво напоминать о том, что тебе пришлось пережить. Мы двинемся с караваном в Алжир, где я куплю места на первом же корабле, идущем в Англию. Потом тебе придется немного пожить у тетушки, пока не приедет твоя семья.

— Родители решили покинуть Тунис?

— Это необходимо для здоровья твоей матушки, а кроме того, поговаривают о том, что твой отец получит высокий дипломатический пост в Лондоне. А как только уладятся мои дела в Тунисе, я тоже вернусь в Лондон, и мы сможем наконец пожениться. Я ожидаю отпуска, а с помощью твоего отца надеюсь найти место поближе к дому. Как ты на это смотришь?

Впервые Брайан упомянул об их помолвке, а ведь Криста надеялась, что он не захочет жениться на ней после всего, что произошло. Пораженная, она уставилась на него, утратив дар речи.

— Я возвращаю тебе твое слово, Брайан, — наконец вымолвила она. — Я пойму, если ты не захочешь жениться на мне. — Она не добавила, что не может выйти за него замуж.

— Криста, случилось что-то, о чем ты не рассказала мне? — спросил Брайан, уверенный в том, что сейчас самое время обсудить подробности ее пребывания в гареме Абдуллы. — Не бойся, я все пойму.

— Нет, ничего. — Она отнюдь не собиралась открывать ему душу и рассказывать об Ахмеде и их взаимной любви. Ахмед был слишком ей дорог, чтобы она могла поделиться с женихом своими чувствами. Может, потом, когда пройдет время... — Я думаю, отец прав. Я лучше поеду в Англию. Это испытание было чересчур тяжелым, и чем дальше я буду от этих варварских стран, тем лучше.

— Я был уверен, что ты согласишься. Все готово, чтобы отправиться в Алжир. Я только должен договориться с купцом, к каравану которого мы присоединимся. Теперь я рядом с тобой, и все будет хорошо.

Отчужденное выражение лица Кристи должно было бы заставить Брайана задуматься о ее подлинных чувствах, но этого не произошло. Этот человек был необычайно себялюбив и твердо верил, что Криста мечтает выйти за него замуж, поскольку, как он полагал, она обесчещена захватившими ее пиратами. А даже если это и не так, ею наверняка овладел Абдулла. В глубине души Брайан считал, что Кристе очень повезло, раз он оказался настолько благородным, чтобы закрыть глаза на ее прошлое. Девственница или нет, но она была по-прежнему восхитительна, по-прежнему желанна, а теперь еще и посвящена в искусство любви и обучена доставить мужчине удовольствие в постели. Не говоря уж о более чем неплохом приданом, которое Брайан намеревался использовать для своего продвижения по службе. Помимо всего прочего, ее отец будет так благодарен ему за женитьбу на дочери с подпорченной репутацией, что всегда будет чувствовать себя его должником. Сэр Уэсли из тех, к чьим словам прислушивается сам король, а вовремя замолвленное слово могло бы обеспечить будущность Брайана в дипломатическом корпусе.

Криста пристально смотрела на Брайана, мысли ее мешались. А смотреть на него было довольно приятно: рыжеватые волосы, карие глаза, широкие плечи. Но в ее глазах никто не мог сравниться с Ахмедом. Улыбка Брайана почему-то казалась ей фальшивой, хотя, может быть, то было просто плодом ее воображения — ведь он так искренне говорил об их браке. Но как она могла выйти замуж за кого бы то ни было, кроме возлюбленного? Они с Брайаном могли бы неплохо ладить, но в их браке недоставало бы тепла и любви.

— А ты и вправду все еще хочешь жениться на мне? — задала она вопрос, давая ему последний шанс для отступления.

— Ну конечно же, — пылко откликнулся Брайан. Может быть, излишне пылко. — Криста, не имеет значения, если ты не... то есть... Проклятие! Дорогая, я знаю, о чем ты думала. Я и сам не без греха.

Криста невольно прикусила губу. Без сомнения, он полагает, что пираты изнасиловали ее, и, к его чести, готов закрыть на это глаза.

— Я подумаю, Брайан, но все равно я не уверена, что нам стоит пожениться.

— Ерунда, — оборвал Брайан. — Не надо ни чего сейчас говорить. Через несколько месяцев я буду в Лондоне, и твои родители тоже. Мы поженимся, как и собирались. А потом отправимся в Италию или во Францию. — Тема воодушевила его. Он ненавидел варварские страны и подозревал, что в этом они с Кристой единомышленны.

Видя, что Криста молчит, Брайан быстро сменил тему:

— Абдулла позволил нам отправиться немедленно. И, как ты и предполагала, разрешил Элиссе уехать с нами.

Прослушав их разговор до конца, Ленора бесшумно прокралась в свою крошечную каморку, быстро уложила небогатые пожитки и покинула гарем через дверь во внутреннем дворе. Будучи простой служанкой, она пользовалась свободой передвижения и могла приходить и уходить когда угодно, и поэтому никто не остановил ее и не спросил ни о чем. Она дождалась в укромном углу, пока Криста, Брайан и Элисса не покинули дворец, потом незаметно последовала за ними, держась на достаточном расстоянии, чтобы затеряться в толпе на узких улицах.

Вскоре они достигли внешних стен древнего города, и Брайан тут же стал торговаться с тем купцом, к каравану которого по предварительному договору собирался присоединиться их маленький отряд. Ленора воспользовалась тем, что Брайан отвлекся, и подошла к Кристе, которая ожидала окончания переговоров в тени оливы.

— Миледи, — негромко произнесла она по-английски.

Сначала Криста не могла понять, кто заговорил с ней, потому что чадра скрывала все лицо Леноры, кроме глаз. Наконец она узнала голос.

— Ленора! Что ты здесь делаешь?

— Я хочу уехать с вами, миледи. Я хочу снова увидеть Англию. Я однажды приезжала туда с леди Эмили, матерью Ахмеда. Но тогда я добровольно вернулась, потому что не могла расстаться с госпожой, которую очень любила. Но теперь она умерла, и меня ничто не удерживает здесь.

— А Абдулла? — испуганно спросила Криста. — Конечно же, он пошлет своих янычар за тобой, как только обнаружит, что тебя нет во дворце. Он сразу поймет, куда ты сбежала.

— Этого не будет. Разве вы не понимаете, что он думает, что вы отправились в Тунис? А я случай но услышала, что вы направляетесь в Алжир. Пройдет много времени, пока кто-нибудь заметит, что меня нет, и если Абдулла пошлет погоню, он пошлет ее в Тунис. Тем временем мы будем на полпути к Алжиру.

— Пусть она едет с нами, Криста, — взмолилась Элисса, которая очень любила старую женщину.

— Ну хорошо, хорошо, — Криста улыбалась, довольная возможностью насолить Абдулле. — Я не питаю теплых чувств к Абдулле и с радостью помогу еще одному человеку избавиться от его тирании.

— А как же Брайан? — спросила Элисса. — Он согласится?

— Нет. Скорее всего он ужасно рассердится.

Но как только он договорится с купцом, я что-нибудь придумаю и все улажу. Спрячем Ленору, пока все не устроится.

— Возьмите это, миледи, — настойчиво попросила Ленора, вкладывая Кристе в руку тяжелый мешочек с монетами. — Леди Эмили была очень щедра, а я сберегла почти все, что она давала мне. Купец потребует плату. Отдайте ему, сколько нужно. Вы не пожалеете, что взяли меня. Я буду служить вам до конца своих дней верой и правдой.

Золото решило все проблемы, и Ленора присоединилась к каравану. Брайан, как и

предполагала Криста, был очень раздосадован тем, что его провели три женщины. Но к тому времени это уже стало свершившимся фактом и пытаться протестовать было бессмысленно.

Судьба была к ним благосклонна: готовый к отплытию английский шлюп «Отважный путешественник» стоял на якоре в заливе, когда они спустя несколько недель добрались до Алжира. Брайану хватило времени только на то, чтобы поцеловать Кристу в щеку и пообещать, что через несколько месяцев, а может, и раньше, он приедет к ней.

Охваченная самыми противоречивыми чувствами при расставании с краем, где ей столько всего пришлось пережить, она поднялась по трапу и скрылась в своей каюте.

15

За две недели до поспешного отъезда Кристи из Константины леди Уиллоу быстрым шагом шла по набережной. Запах гнили и отвратительные картины порта возмущали ее нежную натуру. Как она ненавидела Алжир и как счастлива была бы покинуть эту варварскую страну! После того как на шхуну напали пираты и Марк, по всей вероятности, погиб, упав за борт, она продолжила свое путешествие в Алжир. Слава богу, два французских корабля отогнали корсаров, которые оставили «Милого друга» в достаточно хорошем состоянии, чтобы тот смог кое-как дотащиться до порта. В Алжире она узнала, что Марк не погиб, что он был тяжело ранен, но подобран и доставлен в Алжир для выздоровления. Ей мало что удалось узнать кроме этого и оставалось лишь гадать, что произошло с ним потом.

Следом за Уиллоу тащился туземный носильщик, который вел осла, нагруженного ее неподъемным багажом. Прямо перед ними в гавани стоял на якоре английский фрегат «Львиное сердце». Она ускорила шаг.

— Черт бы побрал Роберта за то, что он настоял, чтобы я приехала в эту проклятую страну, — пробормотала она чуть слышно. — И черт бы побрал его за то, что он умер и бросил меня на произвол судьбы.

Роберт Лэнгтри умер от крупозного воспаления легких. Он стал испытывать недомогание сразу по прибытии в Алжир, но думал, что это всего лишь сильная простуда. Однако «простуда» все не проходила, и Роберт наконец обратился к берберскому лекарю, который определил, что у него последняя стадия чахотки. К этому времени Уиллоу уже находилась на пути в Алжир, и несколько следующих месяцев она провела возле Роберта, наблюдая, как он медленно угасает. Так как болезнь вызывала у нее чувство естественного отвращения, она проводила с больным мужем как можно меньше времени, найдя себе друзей среди английских и французских колонистов в тех кварталах Алжира, где жили иностранцы.

Звон цепей прервал ее размышления, и леди Уиллоу обратила внимание на спотыкающуюся походку какого-то злополучного бедняги, скованного по рукам и ногам, которому суждено было влачить жалкую жизнь раба на борту одного из потрепанных испанских грузовых суденышек, бросивших якорь в бухте. Уиллоу посторонилась, пропуская небольшую процессию. Краем глаза она заметила, что четыре человека из этой группы были солдатами, а между ними шел, спотыкаясь, как тяжело больной, закованный в тяжелые кандалы мужчина. Время от времени один из солдат со злостью подталкивал его сзади кончиком ятагана, подгоняя несчастного.

Уиллоу взглянула на раба повнимательнее и вдруг подумала, что он, должно быть, некогда был статным мужчиной и если бы был в другом состоянии, то, безусловно, обладал бы всеми атрибутами щедро одаренного природой молодого самца. Настроившись на фривольный лад,

она пристально оглядела его с ног до головы.

Он был одет в свободные шальвары, и его нагой торс приобрел бронзовый цвет под лучами безжалостного солнца. Он был бос и постоянно спотыкался, так как тяжелые цепи сковывали его кровоточащие колени, уже стертые до мяса кандалами. Руки его были сцеплены впереди тем же способом. Шею несчастного раба сжимал ошейник, цепь от которого держал идущий впереди всех офицер.

«Интересно, что же сделал этот человек, чтобы заслужить столь жестокое обращение, — рассеянно подумала Уиллоу. — Может, это опасный преступник?»

Она с любопытством скользнула взглядом вверх, к его опущенному лицу, черты которого были погружены в тень. Вдруг она замерла в изумлении, не веря своим глазам. Этот человек смутно напоминал ей кого-то. Его длинные нечесанные волосы по-прежнему были густы и красивы. Ввалившиеся щеки были небриты, и их бледность создавала резкий контраст с обожженным солнцем телом. Даже равнодушному взгляду Уиллоу было ясно, что раб безнадежно болен. Время от времени тихий стон срывался с его бескровных губ и на вспыхивающем нездоровым румянцем лице выступал пот. Как бы подтверждая ее догадку, его тело вдруг начала сотрясать сильная дрожь. Он выпрямился, и Уиллоу невольно вскрикнула, когда он поднял глаза, исполненные боли, и устремил на нее невидящий взгляд.

Ужас и изумление отразились на ее лице, когда она неуверенно окликнула его:

— Марк!

Несмотря на то что он исхудал, был явно болен и страдал от последствий жестокого обращения, она не могла ошибиться. Эти изумрудно-зеленые глаза нельзя было не узнать. Что же случилось с ним за прошедшие месяцы и привело к такому страшному испытанию? Мысли вихрем проносились у нее в голове. Он был лишь тенью того мужчины, которого она так близко знала когда-то в Англии и с которым рассталась всего лишь полгода назад. Хотя Уиллоу вряд ли могла бы претендовать на медаль за храбрость или прославиться добрыми делами, ничто не могло бы заставить ее покинуть Марка Кэррингтона и обречь его на жизнь в рабстве. Здоровье его, казалось, было в таком состоянии, что она боялась, он погибнет, если ему немедленно не будет оказана необходимая помощь. А испанцев уж никак нельзя было назвать ангелами милосердия.

Подгоняемый своими мучителями Марк тащился, низко склонив голову, взгляд его был диким и блуждающим, казалось, он не сознает, что с ним происходит. Даже когда раздался крик Уиллоу, он не поднял головы.

— Стой! — закричала Уиллоу, вспомнив одно из немногих арабских слов, которые она удосужилась выучить.

Оглянувшись через плечо, капитан Хаджи недовольно воззрился на рыжеволосую иностранку с бесстыдно открытым лицом. Любопытство заставило его задержать шаг, и он остановился, чтобы узнать, что ей нужно.

— Вы хотели что-то мне сказать, леди? — спросил он по-английски, запинаясь на каждом слове. Очень давно, когда Селим нанял англичанина для обучения янычаров современному военному делу, он немного выучил этот язык.

— Куда вы ведете этого человека? — спросила Уиллоу, благодаря судьбу за то, что этот туземец говорил на ее языке.

— Этот человек — раб, и его судьба вас не касается.

— Я знаю его, — возразила Уиллоу, указывая на Марка. — Скажите мне, чем он заслужил такое обращение.

— Этот раб Ахмед, враг Абдуллы, великого бейя Константины. Его судьба — служить на испанской галере. Мой господин осудил его, а я лишь выполняю его повеление.

— Нет! — страстно возразила Уиллоу. — Неужели вы не видите, что он смертельно болен? Посмотрите на него, он не выдержит и недели, прикованный к веслам. Очевидно, он перенес страшные лишения и теперь нуждается в уходе.

— До его здоровья мне нет никакого дела, леди, — сухо проронил Хаджи. — Приказ ясен, и я должен выполнить его или отвечать за неповиновение. Абдулле и не нужно, чтобы этот раб долго жил. — И он дал знак своим людям продолжать путь.

— Подождите! — крикнула Уиллоу в отчаянии. Не то чтобы она была героиней от природы или отличалась великим милосердием, но что-то в глубине ее существа не могло смириться с тем, что Марк Кэррингтон умрет позорной смертью на борту испанской галеры. — Продайте его мне. Я заплачу вам вдвое больше, чем предложили испанцы.

Капитан Хаджи смерил Уиллоу взглядом с головы до ног и стал напряженно думать. Представлялась замечательная возможность прикарманить небольшое состояние и одновременно выполнить свой долг перед Абдуллой.

— Абдулла разгневан на этого раба и хочет отправить его подальше от алжирской земли, — стал туманно объяснять он, но в его словах прозвучал вполне ясный намек. Он не мог заключить сделку, пока леди не поймет, что от нее требуется.

Уиллоу была догадливой особой.

— Я отплываю в Англию с вечерним приливом, — сообщила она.

— Не знаю, леди, — неуверенно произнес Хаджи, демонстрируя притворную озабоченность. — Что до меня, так я бы не прочь, но... — Он с сомнением посмотрел на своих товарищей. — Нужно и их принимать в расчет. Нам не жить, если бей Абдулла узнает, что мы нарушили его приказ.

Уиллоу насмешливо фыркнула. Этот человек явно был неглуп.

— Я немедленно доставлю вашего пленника на борт «Львиного сердца», и скоро он будет далеко отсюда. И, — многозначительно добавила она, — я заплачу вам втрое больше, чем стоит раб на галерах. И вы сможете поделиться со своими людьми.

Хаджи сделал вид, что задумался, осторожно взвешивая ответ. Если он примет щедрое предложение этой леди, то без труда сможет поймать одного из нищих, обитающих на берегу, продать его вместо Ахмеда, взять расписку от капитана испанской галеры, чтобы Абдулла ничего не заподозрил, а часть полученных от леди денег отдать своим людям, купив их молчание. Свою долю он потратит с умом: здесь есть одна девочка, ей не больше тринадцати лет, которую он выследил на рынке и хотел купить у отца. Его стареющая жена, изможденная непрерывными родами, больше не вызывала в нем влечения. Вторая жена, помоложе, могла бы не только облегчить тяжкую участь первой жены, но служить большой утехой своему господину.

— Вы обещаете, что увезете его далеко от Алжира, леди?

— Да, — поспешно ответила Уиллоу, не сводя глаз с Марка, чтобы увидеть, понял ли тот, что его ждет чудесное освобождение. Но он смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, плечи его безвольно поникли, и он покачивался, еле держась на ногах. Уиллоу боялась, что он находится на грани обморока, и была недалеко от истины.

— Я согласен, леди, на сумму втрое больше той, которую обычно дают за здорового раба. — Хаджи сделал ударение на слове «здорового» и назвал сумму, которую хотел получить за Марка.

У Уиллоу перехватило дыхание от изумления, но она разумно удержалась от возражений. Она без колебаний сама пошла бы просить милостыню, лишь бы Марк был свободен.

Дав знак носильщику, который терпеливо ждал ее рядом с багажом, Уиллоу велела ему снять небольшой, украшенный кованым орнаментом сундук со спины осла и поставить рядом с ней. Отперев сундучок ключом, она вынула оттуда увесистый мешочек, отсчитала золотые дукаты и высыпала их в подставленные ладони Хаджи.

Когда требуемая сумма перекечевала в его кошелек, Хаджи быстро снял кандалы с запястий, ног и шеи Марка, а когда они упали на землю, швырнул их своим людям. Опасаясь, что Уиллоу передумает, Хаджи поспешно кивнул, прощаясь с ней. Потом он прорычал приказ, и янычары мгновенно исчезли.

Почувствовав, что он освободился от тяжести кандалов и боли, которая постоянно сопровождала его в течение многих дней, Марк вытянул перед собой дрожащие руки и, казалось, был не в состоянии осознать, что с ним произошло.

— Марк! — воскликнула Уиллоу, и на глаза ее навернулись слезы. — Неужели ты не узнаешь меня? Я Уиллоу, и ты теперь свободен! Слышишь? Свободен! Я отвезу тебя домой, в Англию.

Слабый проблеск понимания мелькнул в его наполненных болью глазах, но тут же исчез, уступив место отсутствующему выражению, от которого разрывалось сердце Уиллоу. Как она трепетно ждала, что он узнает ее, но разум его находился во власти сильнейшей лихорадки. Марк пошатнулся и упал бы, если бы Уиллоу не кинулась к нему и не подхватила его, обвив руками изможденное тело. Он оказался все же слишком тяжелым, и она едва не упала. В отчаянии оглядывалась она вокруг в поисках помощи.

Увидев носильщика, который все еще держал под уздцы осла, Уиллоу взмолилась:

— Помоги!

Однако носильщик испуганно отказался, не желая прикасаться к больному, который к тому же обезумел от лихорадки. В странах, где лихорадка часто несет смерть, подобный страх вполне оправдан.

— Трус! — презрительно скривилась Уиллоу, поняв, что она не получит помощи ни от него, ни от прохожих, которые обходили их стороной. Она с тоской обратила взор на «Львиное сердце» — корабль стоял на якоре недалеко от берега, — прикидывая, сможет ли оставить Марка одного, чтобы обратиться за помощью к команде английского судна. «Конечно, так и надо сделать, — с надеждой подумала она. — В сердцах англичан есть место сочувствию к соотечественнику, нуждающемуся в помощи».

Наконец, когда она почти обессилела, сгибаясь под тяжестью безвольно повисшего тела, рядом раздался мужской голос:

— Могу я чем-нибудь помочь вам, леди? Уиллоу едва не расплакалась от облегчения. Этот человек говорил по-английски несравненно лучше капитана янычар, но, согласно местному обычаю, был до глаз закутан в бурнус.

— Мой друг болен, и я должна доставить его на борт «Львиного сердца», а никто из прохожих не хочет мне помочь, — объяснила Уиллоу.

— Я донесу его, леди, — произнес мужчина, осторожно поднимая Марка, словно тот ничего не весил. Только тут Уиллоу заметила, что мужчина был огромного роста, и на мгновение ее охватил страх, который тут же отступил при виде того, как бережно он нес Марка.

— Поторопитесь, — умоляюще проговорила Уиллоу, делая знак носильщику следовать за ними. — Я надеюсь, мне удастся без особого труда уговорить капитана взять моего друга на борт.

Омар кивнул, впервые за все время знакомства испытывая благодарность к бывшей возлюбленной Ахмеда. Он с неприязнью относился к Уиллоу Лэнгтри, считая ее пустой и легкомысленной особой, стремящейся лишь к богатству и развлечениям.

Однако именно ей и никому другому удалось спасти Ахмеда от участи, которая была страшнее смерти.

Оставленный янычарами Абдуллы умирать в пустыне, Омар принял вызов судьбы и победил. Без пищи, воды и оружия он с кучкой своих соплеменников ухитрился выжить и продержаться довольно долгое время, пока караван, идущий из Беца, спас их. Добрый еврейский торговец помог истощенным людям восстановить силы и в конце концов доставил их в Бискру. Спустя несколько недель полностью оправившийся Омар отправился в Константину, надеясь узнать что-нибудь о судьбе Ахмеда, Кристи и Элиссы.

Случайно в таверне он встретил янычара по имени Рашид, которому было поручено охранять важного пленника. После того как Омар угостил Рашида выпивкой, тот признался, что поддался чарам темноглазой красавицы, позволив за это ее хозяйке провести час с возлюбленным, которого на следующий день должны были отправить в Алжир служить на испанских галерах. Омар пришел в ужас. Принц Ахмед станет рабом! Этого нельзя было допустить.

Он знал, что Ахмед предпочтет смерть жизни под игом рабства. Рашид сообщил ему по секрету, что Абдулла жестоко избил Ахмеда перед тем, как отправить его в Алжир в сопровождении капитана Хаджи. Но о Кристе и о своей дочери Омар не смог узнать ничего.

Омару пришлось провести несколько дней в тревожном ожидании, пока ему не удалось купить верблюда и припасы, тогда он последовал за своим принцем в Алжир.

Он любил Ахмеда как сына и даже не допускал мысли о том, чтобы покинуть его. Он страстно надеялся прибыть в Алжир вовремя, узнать название испанского корабля, на который продали Ахмеда, и освободить его. Не давая себе отдыха в пути, он передвигался быстрее капитана Хаджи и приехал в Алжир всего на день позже. Опасаясь, что уже опоздал, Омар сразу бросился в гавань, чтобы найти испанские суда, стоявшие на якоре. Судьбе было угодно, чтобы он неожиданно наткнулся на леди Уиллоу Лэнгтри, которая в совершенно несвойственной леди манере торговалась с капитаном Хаджи.

Омар не сразу узнал Ахмеда, понуро стоявшего рядом, согнувшегося под тяжестью кандалов и похожего скорее на нищего, чем на гордого отпрыска знатного рода, а узнав, держался в стороне до тех пор, пока сделка не была совершена. Лишь увидев, что пленник стал собственностью Уиллоу, Омар обнаружил свое присутствие и предложил ей свою помощь.

Подняв Ахмеда на руки, Омар был потрясен бледностью и невероятной худобой своего господина. Ребра выпирали из-под кожи, а лицо принца, казалось, состояло из плоскостей и углов. Омар неслышно выругался, проклиная Абдуллу за его жестокость и капитана Хаджи за то, что у того не хватило милосердия создать пленнику мало-мальски приемлемые условия на пути из Константины в Алжир.

— Это хорошо, что вы увозите его в Англию, госпожа, — вслух сказал Омар, чем привел в смятение Уиллоу.

«Кто он?» — удивилась она, чувствуя, что его голос знаком ей. Но прежде чем она задала свой вопрос вслух, они уже стояли на трапе «Львиного сердца» перед разгневанным капитаном.

— Леди Уиллоу, — приветствовал он ее ледяным тоном, уставившись на бесчувственное тело, которое нес на руках огромный араб. — Что это значит?

Глубоко вздохнув, Уиллоу пустилась в объяснения, надеясь смягчить капитана. Было совершенно необходимо заставить его понять, что жизнь Марка в опасности.

— Капитан Декстер, этот человек — Марк Кэррингтон, будущий герцог Мальборо. Я только что нашла его закованным в кандалы. Его ввели в рабство на испанский корабль. Слава богу, янычар, конвоирующий его, оказался необычайно жадным, иначе мне не удалось бы спасти нашего соотечественника.

— Великий боже! — воскликнул капитан Декстер в величайшем изумлении. — Как это могло случиться с человеком, занимающим такое положение, как Кэррингтон? Только представьте себе, англичанин, проданный в рабство! — Внезапно в его глазах мелькнула тревога. — Вы точно уверены, что это он, леди Уиллоу?

— Абсолютно, — заявила Уиллоу с такой убежденностью, что капитан не осмелился возразить. — Мы с Марком Кэррингтоном были... хорошо знакомы в Англии.

От Декстера не укрылось ее мимолетное замешательство.

— Я принимаю ваши слова на веру, леди Уиллоу. Что с ним? Кажется, он болен.

— У него лихорадка, и он, очевидно, измучен плохим обращением и лишениями. Несколько недель покоя и соответствующий уход совершенно изменят его состояние.

— Лихорадка? — повторил Декстер. — Мне очень жаль, леди Уиллоу, но я должен думать о пассажирах и о команде. Я просто не могу допустить, чтобы этот человек принес заразу на мой корабль, какой бы высокий титул он ни носил.

У Уиллоу упало сердце, но, к ее чести, она нашла в себе силы для борьбы.

— Капитан Декстер, мой свекор обладает большим влиянием в Англии. Он пэр и пользуется дружбой короля. Если вы откажете Марку Кэррингтону в помощи, боюсь, ваша карьера сильно пострадает. У вас есть жена и дети, если я не ошибаюсь? — вкрадчивым тоном спросила она. — И конечно же, вам придется иметь дело с герцогом Мальборо. Как, вы думаете, он отнесется к

тому, что вы оставили его внука умирать на чужбине?

У капитана Декстера хватило порядочности покраснеть. Конечно, в первую очередь он должен заботиться о пассажирах и о команде, независимо от того, какие ему грозят последствия, однако в данных обстоятельствах он очень хотел найти компромисс.

— Кэррингтон может подняться на борт только при условии, что корабельный врач осмотрит его и подтвердит, что его болезнь не заразна.

Уиллоу коротко кивнула, мечтая лишь о том, чтобы Марку оказали помощь.

— Пошлите врача в мою каюту. Он может осмотреть Марка там. — Подав знак Омару следовать за ней, Уиллоу поспешила мимо оторопевшего капитана, не оставив ему времени на возражения.

Омар осторожно положил Ахмеда на кровать в просторной каюте Уиллоу. Он хотел бы подождать и послушать, что скажет врач, но Уиллоу сунула ему в руку монету и указала на дверь. Ему не оставалось ничего другого, как выйти, но он не собирался покидать корабль. Вместо этого Омар разыскал первого помощника капитана.

Через некоторое время доктор Стэнли торопливо прошел в каюту, властным кивком велел Уиллоу удалиться и приступил к осмотру больного. Он работал быстро и уверенно, только один раз открыв дверь и приказав принести холодной воды и полотенца, а спустя короткое время попросил принести горячей воды. Лишь через час он устало вышел из каюты, тихонько прикрыв дверь и опуская закатанные рукава.

— Ну что? — резко спросил капитан Декстер. — Это заразно?

— Похоже, у Кэррингтона малярия, — сухо сообщил доктор. — У него довольно тяжелый приступ, и условия, в которых он находился в течение последнего времени, мало способствовали улучшению его состояния. Он не заразен и поправится, но для этого нужно время и хороший уход. А теперь прошу меня извинить, у меня перед отплытием есть и другие обязанности.

— Подождите, доктор! — умоляюще произнесла Уиллоу. — Какой уход ему нужен? Он даже не узнает меня и не произнес ни одного слова. Как скоро он придет в себя?

Видя искреннюю обеспокоенность Уиллоу, доктор Стэнли несколько смягчился.

— Давайте ему как можно больше жидкости, леди Уиллоу, а когда поднимется температура, делайте обтирания холодной водой. Я пришлю хинную настойку, которая значительно облегчит его состояние, но, кроме этого, ему нужен покой и хорошее питание. Держу пари, через несколько дней он встанет на ноги и будет до конца жизни благодарен вам за ваше своевременное вмешательство. Если бы не вы, он наверняка бы умер.

— Слова доктора Стэнли для меня достаточно, — сказал капитан Декстер. — Я распоряжусь приготовить Кэррингтону другую каюту.

— В этом нет необходимости, — возразила Уиллоу. — В моей каюте достаточно места.

— Леди Уиллоу! — воскликнул ошеломленный капитан. — Это в высшей степени непристойно. Подумайте о своей репутации. Вы только что овдовели и пребывание мужчины в вашей каюте недопустимо.

— И тем не менее Марк будет находиться в моей каюте, — с вызовом возразила Уиллоу. — Вы слышали, врач сказал, что он нуждается в постоянном уходе. И поскольку я охотно обеспечу ему этот уход, никому не должно быть дела до мотивов моих поступков и до моей репутации.

Подчиняясь ее логике, капитан Декстер вынужден был согласиться, хотя у него не было недостатка в рабочей силе в этом рейсе, и он имел возможность выделить одного стюарда на роль сиделки у постели английского лорда. Лицо его выражало явное неодобрение, но он промолчал.

— Криста!

Тревожный крик Марка разбудил Уиллоу, которая спала на складной койке, любезно предоставленной в ее распоряжение.

Он выкрикивал имя этой женщины уже не в первый раз. Уиллоу поморщилась, неудовольствие явно проступило на ее красивом лице. В последний раз она видела Кристу Хортон во время нападения на их судно пиратов. Как Марк нашел ее? И где? Пока Марк не придет в себя, ей оставалось только гадать об этом.

К чести Уиллоу, она показала себя опытной сиделкой и самоотверженно ухаживала за Марком, насильно кормила и поила его, даже тогда, когда в бреду он отвергал ее нежные заботы. Спустя два дня, когда доктор Стэнли заглянул проведать своего пациента, по его довольному виду Уиллоу поняла, что ее усилия не пропали даром. Врач принес еще хинной настойки и пообещал зайти снова.

Марк открыл глаза и сквозь завесу голубоватого тумана увидел перед собой неясные очертания. К его пересохшим губам поднесли чашку, и он жадно и с благодарностью припал к ней. Содержимое расплескалось, он закашлялся, затем поморщился, оттолкнул остаток горького питья.

— Выпей все, дорогой, доктор сказал, что это вылечит тебя от лихорадки.

— Криста? — спросил Марк, проклиная туман, застилающий глаза.

— Это Уиллоу, Марк. Уиллоу Лэнгтри.

— Уиллоу? — Прошло несколько минут, прежде чем он совместил в своем сознании имя и его обладательницу. К этому времени он смог сосредоточить взгляд и различил лицо, с участием склонившееся над ним. — Где я?

— На борту «Львиного сердца», на пути в Англию, — ответила Уиллоу.

Оглядевшись по сторонам, Марк смог увидеть тесное помещение и узнал корабельную каюту. Негромкий плеск и поскрипывание снастей — звуки, столь обычные для плывущего корабля, — свидетельствовали о том, что Уиллоу говорит правду.

— Как я здесь оказался? — спросил он, напрягая память.

— Ты ничего не помнишь?

Марк отрицательно покачал головой.

— Ты достаточно окреп, чтобы выслушать? — Уиллоу старалась не замечать, что руки у него

дрожали и глаза все еще лихорадочно блестели.

— Расскажи мне, — умоляюще сказал Марк. — Мне будет спокойнее, если я узнаю, что со мной произошло.

Как могла кратко Уиллоу рассказала, как нашла его и в каком он был состоянии. Под конец она описала, как отчаянно торговалась за его свободу и как убедила капитана разрешить взять его на корабль.

— Я обязан тебе жизнью, — хрипло прошептал Марк, внезапно увидев Уиллоу в другом свете. — Чем я могу расплатиться с тобой? Ты получишь назад свои деньги, но это недостаточная награда за спасенную жизнь. — Смертельная усталость навалилась на него прежде, чем он услышал ответ Уиллоу, и сон сморил его.

— Я найду способ, мой милый, — нежно произнесла Уиллоу, сжимая его исхудалые пальцы. — В действительности единственная награда, которая меня устроит, — это стать леди Мальборо.

С этого дня Марк начал поправляться. На следующий день он рассказал Уиллоу, каким образом Абдулла взял его в плен, потом посадил в тюрьму и в конце концов отправил в Алжир и обрек на жизнь раба в испанских колониях. Он не упомянул о Кристе: боль от утраты была еще свежа, пережитое смятение еще не улеглось. Уиллоу рассказала ему подробности о смерти своего мужа, о том, почему она оказалась в гавани в день, когда нашла его.

— Скоро ты будешь в Англии, у себя дома, милый, — заключила Уиллоу. — Забудь Константину, забудь Абдуллу. Твой дед будет счастлив вновь увидеть тебя.

— Забыть Абдуллу? Никогда! После того, что он сделал с моими родителями? Не знаю когда, не знаю как, но я отправлю его в ад.

В то время как он говорил с таким жаром, мысли его возвращались к Кристе, и он подсчитывал, сколько времени займет у него восстановление сил, чтобы вернуться в Константину и спасти женщину, которую он любит.

Вдруг он вспомнил поспешное обещание, которое дал Кристе, обещание, которое он и не собирался выполнять. Пусть возвращение на родину может привести его к смерти, это лучше, чем оставить Кристу рабыней такого человека, как Абдулла. Но эти мысли он хранил про себя, ничем не выдав Уиллоу свою любовь к Кристе, как и свое намерение вернуться в Алжир.

На следующий день лихорадка оставила Марка и больше не возвращалась. Он потихоньку начал передвигаться по каюте, стараясь восстановить свои силы. Однако болезнь и долгие дни неволи в сочетании с побоями и другими лишениями заставили Марка признать, что его выздоровление займет гораздо больше времени, чем он предполагал вначале.

Незадолго до того, как «Львиное сердце» подошел на расстояние прямой видимости к берегам Англии, произошло событие, которое заметно подняло настроение Марка. Доктор предложил ему совершать небольшие прогулки на свежем воздухе, и Марк с удовольствием согласился, с легким сердцем покинув душную каюту и не в меру горячую заботу Уиллоу. Аллах свидетель, он обязан ей жизнью, однако теперь, когда он начал выздоравливать, его раздражало ее постоянное присутствие и назойливое ухаживание. Все же он не мог вслух выразить свое неудовольствие, так как его долг перед ней был слишком велик.

К радости Марка, прогулки принесли ему больше пользы, чем любые лекарства. Однажды, случайно взглянув на такелаж, он машинально отметил про себя, что один из матросов,

работавших на вантах, кажется ему смутно знакомым. Его огромное тело, обнаженное до пояса, поражало силой, а двигался он с ловкостью, неожиданной для человека его комплекции. Марк стоял, наблюдая, как матрос спустился на палубу, ловко, с грацией кошки, спрыгнув с высоты нескольких футов. Когда он повернулся к Марку, лицо его озарилось радостью. И та же радость осветила лицо Марка, который не смел поверить собственным глазам.

— Омар! — воскликнул Марк, когда гигант, покачиваясь, приблизился к нему походкой заправского морского волка. — Хвала Аллаху! Ты не можешь себе представить, как я рад видеть тебя живым и здоровым!

— Наверное, так же, как и я при виде тебя, — ответил Омар с широкой улыбкой. — Хотя ты еще слишком бледен и худ, но я вижу, что ты поправишься. Аллах внял моим молитвам. Судя по всему, госпожа Уиллоу хорошо о тебе заботится.

— Если бы Уиллоу не появилась так вовремя, я бы погиб, — признал Марк. — Но скажи мне, как ты очутился на борту «Львиного сердца»?

Омар рассказал Марку о той небольшой роли, которую он сыграл в спасении жизни Марка, и о своем горячем желании быть рядом со своим принцем.

— Я спросил у первого попавшегося матроса и узнал, что на корабле осталось свободным место матроса. Я тут же попросил разрешения занять его. Единственное, чего я хотел, — это быть рядом, чтобы защищать тебя и выполнять волю твоего отца.

— Благодарю, друг мой, — искренне произнес Марк. — Ты действительно хочешь вернуться со мной в Англию? А как же твое племя?

— Армия Абдуллы почти полностью стерла мое племя с лица земли. Те, кто выжил, присоединились к другому клану, и я им больше не нужен. Ты мой принц, и судьба моя — быть рядом с тобой. Я дал твоему отцу слово и, пока я тебе нужен, не покину тебя.

— Я не достоин такой преданности, Омар, — произнес Марк, чувствуя, как предательская влага навертывается на глаза. — Мы поговорим еще, когда будет время. Мне много нужно сказать тебе.

— Подожди, принц Ахмед, а что случилось с Кристой? И с Элиссой? Ты ничего о них не сказал.

Выражение невыносимой боли исказило лицо Марка, и Омар пожалел, что задал этот вопрос.

— Я... не знаю, Омар. Об этом тоже поговорим после. Если тебе будет от этого легче, знай, что обе женщины были живы и здоровы, когда я в последний раз видел их. Пусть Аллах простит мне мои слова, но лучше бы Криста умерла. — И, ничего больше не объясняя, он повернулся и ушел, оставив растерянного Омара обдумывать эти слова.

16

Пребывая в раздражении под гнетом ограничений и неудобств, которые она терпела из-за болезни Марка, Уиллоу страстно хотела разделить с ним ложе, однако она отдавала себе отчет в том, что он слишком слаб физически, чтобы удовлетворить требования ее тела. Каждую ночь она ложилась в свою одинокую складную койку, мечтая о том, что будет, когда он вновь обретет прежнюю силу и здоровье. Уиллоу живо воскрешала в памяти, каким ласковым и нежным любовником он был, как стремился дать ей столько же наслаждения, сколько получал сам. Она удовлетворенно улыбалась в темноте, думая о том, как неизмерим его долг перед ней.

Мужчина с таким понятием о чести, каким отличался Марк, конечно же, сделает все, чтобы вернуть этот долг.

Марк хорошо осознавал, сколь многим обязан Уиллоу. Еще больше его убедил в этом разговор двух матросов, которые обсуждали его пребывание в каюте Уиллоу, на котором она настояла.

— Я слышал, как врач сказал капитану, что если леди Уиллоу хочет погубить свою репутацию — это ее личное дело, — сообщил один из матросов.

— Теперь, когда Кэррингтон почти выздоровел, он, наверное, попросит себе отдельную каюту, — сказал другой. — Я думаю, он еще слишком слаб, чтобы доставить ей удовольствие.

Первый матрос многозначительно ухмыльнулся:

— Как ты думаешь, он женится на ней? Я слышал, эта Лэнгтри богатая вдовушка.

Они прошли мимо, оставив Марку пищу для размышлений.

До этого разговора он не задумывался над последствиями того, что они с Уиллоу делят одну каюту. Марк отдавал себе отчет в том, что в первые дни путешествия он нуждался в постоянном уходе и был очень признателен Уиллоу за ее заботу. Но ему даже в голову не приходило, насколько его присутствие в ее каюте компрометирует Уиллоу теперь, когда он уже на ногах. А сейчас, когда Англия уже была совсем рядом, было бы совершенно нелепо просить капитана предоставить ему другую каюту. Но, если это спасет репутацию Уиллоу, он сделает это немедленно.

Марк никогда не думал о том, чтобы жениться на Уиллоу. Несмотря на то что Криста, возможно, была потеряна для него навсегда, одна мысль о том, что он может провести всю жизнь с другой женщиной, вызывала у него отвращение.

Все еще бледный после изнурительной болезни, Марк спускался по трапу на землю Англии рядом с Уиллоу, цепко держащей его под руку с видом собственницы. Хотя прошло всего каких-нибудь полгода с тех пор, как он покинул эти берега, он вспоминал те счастливые дни, что провел со своим любимым дедом, так, будто это было давным-давно. С внезапной тревогой Марк вдруг подумал о том, как провел эти полгода старый герцог, здоровье которого было далеко не в лучшем состоянии, когда они расстались. По правде говоря, он ожидал встречи с нетерпением. Единственное, о чем он сожалел, это о том, что его брат Ясид все еще не объявился. Брат всегда отличался отвагой и находчивостью, и Марк надеялся, что он нашел приют в местах, недостижимых для Абдуллы.

— Марк, неужели тебе так необходимо сразу ехать в поместье Мальборо? — капризно надула губки Уиллоу. — Останься со мной в Лондоне, в моем городском доме. Я хочу быть для тебя большим, чем просто сиделкой, милый. Я уверена, что в Лондоне можно поправиться с тем же успехом, что и в деревне. — Она все еще дулась на Марка за то, что он попросил переселить его в другую каюту, как только смог обходиться без посторонней помощи.

Марк без труда разгадал скрытый смысл слов Уиллоу.

— Я хочу поскорее увидеть деда, Уиллоу. Кроме того, пройдет еще немало времени, прежде чем я восстановлю силы, а необходимость быть привязанной к больному, боюсь, наскучила тебе уже до слез.

— Не забывай меня, Марк, — смиренно умоляла она.

— Забыть тебя? Моего ангела-хранителя? Это невозможно, — поддразнил ее Марк, и в глазах его появились насмешливые искорки, совсем как в прежние времена. — Правда, Уиллоу, — посерьезнев, сказал он. — Ты была мне больше чем другом. Ты сделала для меня больше, чем я имел право ожидать. Если я смогу что-нибудь сделать для тебя — только скажи. И конечно же, я тебя не забуду. Когда я вернусь в Лондон, ты об этом узнаешь первая. Можешь быть уверена.

На мгновение умиrotворенная, Уиллоу улыбнулась ему ослепительной улыбкой. Она мыслила достаточно здраво и понимала, что ему действительно нужно время, чтобы оправиться от болезни, а она совсем не собиралась похоронить себя в деревне после скуки Алжира. Кроме того, ей надо было устроить некоторые дела. Она должна была нанести визит родственникам мужа, лишившимся сына, и у нее недоставало смелости идти против светских приличий, несмотря на то что она не слишком любила семейство Лэнгтри. Другой причиной необходимости встречи с родителями мужа были дела, связанные с наследством Роберта. Она хотела полной уверенности в том, что получит все, что ей причитается.

Выкуп, который она заплатила за освобождение Марка, почти разорил ее, и хотя Марк обещал вернуть ей деньги, как только получит их от своего деда, жажда роскоши была в Уиллоу так же неукротима, как и ее аппетиты в постели. Глубоко в душе она лелеяла мечту стать герцогиней Мальборо, но пока это не свершится или, по крайней мере, пока она вновь не разделит ложе с Марком, она считала себя вправе развлекаться, как ей нравится.

Страсть, которую Уиллоу вложила в прощальный поцелуй, не осталась незамеченной Марком, но он рассудил, что это не такая уж большая плата за ее столь своевременную помощь и неустанную заботу. С чувством облегчения он проводил ее до особняка семейства Лэнгтри и стал ждать Омара, который должен был присоединиться к нему. Они собирались вместе отправиться в поместье его деда, прочь от шума и суеты Лондона. Сам старый герцог все реже и реже покидал свое родовое гнездо.

Марк и не предполагал, что его там ожидало.

Криста спустилась по трапу на родную землю в сопровождении Леноры и Элиссy. Слезы выступили на глазах Леноры. Она совсем забыла любимую Англию, ее зеленые холмы и леса.

Когда они оказались на столичных улицах, черные глаза Элиссy округлились от изумления. Большой шумный город и его жители так были не похожи на то, что с детства окружало ее. Все куда-то спешили, походка была совсем иная, чем у людей ее страны, где обычно господствовало сонное спокойствие. Еще больше ее поражали женщины, которые бесстыдно ходили по улицам с открытыми лицами. Криста убедила ее, что здесь это считается приличным, и хотя молодая берберка последовала примеру своей подруги, но чувствовала себя так, будто совершает что-то непристойное.

Криста уже уловила в холодном осеннем ветре веяние зимы и поплотнее закуталась в плащ, чтобы унять дрожь. При этом она заметила, что Элисса и Ленора поступили точно так же. У нее было немного денег, которые дал ей в дорогу Брайан, она наняла экипаж и дала вознице адрес своей тетки. «Интересно, — подумала она, — ждет меня тетушка или она упадет в обморок при виде трех путешественниц, у которых нет даже приличной одежды». Единственным утешением было кредитное письмо, которое написал Брайан на ее имя. Он был человеком предусмотрительным и хотел, чтобы она смогла купить все необходимое по приезду в Англию, не обременяя тетушку.

Наконец экипаж свернул на улицу, где жила тетя Мэри. Криста не могла дожидаться мгновения, когда она увидит эту замечательную женщину, которая была ей почти так же

дорога, как и родители. По мере того как они приближались к дому, внимание Кристи все больше привлекало необычное оживление перед фешенебельным особняком, принадлежавшим ее тетушке. Она заметила дорожную карету, доверху нагруженную багажом, которая стояла на улице прямо перед парадным входом, но, как она ни старалась, ей не удалось узнать герб на ее дверце. Прежде чем Криста успела выйти из экипажа, мужчина и женщина спустились по мраморным ступеням и направились к ожидающей их карете. Они так спешили, что, по-видимому, не заметили Кристу, которая выглядывала из окна экипажа, ошеломленная и озадаченная происходящим.

— Тетушка Мэри! — окликнула Криста невысокую женщину, которой помогал сесть в карету представительный мужчина с начинающими сесть волосами.

Повернувшись на ее голос, Мэри Стюарт удивленно вскрикнула, и если бы мужчина, следовавший за ней, не поддержал ее за талию, она бы упала.

— Криста? Боже милостивый, как ты здесь оказалась? Ведь ты должна быть в Тунисе!

Потрясение ее было так велико, что она почти забыла, что только что куда-то торопилась.

— Я... Я вернулась, тетушка Мэри, в надежде, что вы меня примете, — в нерешительности проговорила Криста. — Отец писал вам?

— Дорогое дитя, здесь тебе всегда рады, — с искренним чувством ответила тетя Мэри. — Но мы не имели никаких вестей от Уэсли со дня твоего отъезда из Лондона. С тех пор прошла целая вечность. Что-нибудь случилось?

Теперь тетя Мэри стояла перед Кристой, а ее спутник тоже был рядом с выражением недоумения на благообразном лице.

— Мэри, — мягко напомнил он, — нам пора, иначе наш корабль отплывет без нас.

— Вы уезжаете? — спросила Криста потерянно.

— Дорогая моя, — протянула Мэри в нерешительности. — Если бы я знала, что ты приедешь... Видишь ли, за те долгие месяцы, что тебя не было, в моей жизни многое изменилось. Я встретила Чарльза. — Она нежно улыбнулась мужчине, стоявшему рядом. — И мы влюбились друг в друга с первого взгляда. Принимая во внимание наш возраст... в общем, мы решили пожениться немедленно. Чарльз везет меня в Испанию и Италию, чтобы провести там медовый месяц, а вообще мы предполагаем провести за границей год или даже больше.

— Я сэр Чарльз Уайтлоу, — представился мужчина, широко улыбаясь и прерывая взволнованные излияния Мэри. — Наш роман и женитьба действительно налетели на нас как ураган. Ваша тетушка похитила мое сердце, как только я в первый раз увидел ее. Я уже несколько лет вдовец, и у меня нет детей, которые скрасили бы мое одиночество.

— Да, — кивнула Мэри, не сводя влюбленного взгляда с мужа. Она никогда не была замужем и считала, что ее время давно ушло, но тут встретила Чарльза. — Чарльз редко посещал приемы и жил в основном в своем поместье в Кенте. Должно быть, сама судьба привела его на бал к Джорданам, где мы встретились.

— Я так рада за вас, тетушка, — проговорила Криста, смахивая слезу. — И за вас тоже, сэр Чарльз. Теперь вы отправляетесь в самое прекрасное путешествие в вашей жизни.

— Совершенно верно, — подтвердил сэр Чарльз, вдруг вспомнив, что им надо спешить. — Если мы не поторопимся, любовь моя, — обратился он к Мэри, — мы опоздаем. Хотя, может быть, из-за приезда племянницы ты захочешь отказаться от путешествия.

Его разочарование было настолько явным, что Криста поспешила успокоить его:

— Нет, вы не должны менять из-за меня свои планы. Пожалуйста, не портите свой медовый месяц.

На мгновение Мэри охватило сомнение, но тут Чарльз заметил:

— Разве вы забыли, Мэри, что этот дом принадлежит теперь вашей племяннице?

— Как! — воскликнула Криста в недоумении.

— О господи, — простонала Мэри. — Со всей этой спешкой я совершенно потеряла голову! Теперь я буду жить вместе с Чарльзом в его поместье в Кенте, а во время визитов в Лондон мы будем останавливаться в его городском особняке. Поэтому мы решили записать этот дом на твое имя, Криста, — торопливо объяснила тетушка. — Тебе надо будет обратиться к моему поверенному, он знает все подробности. Я также назначила тебя своей наследницей.

— Меня? О тетушка, ты так великодушна! — воскликнула Криста, растроганная и взволнованная до глубины души. — Чем мне отблагодарить вас!

— Приезжайте к нам в Кент, — широко улыбнулся Чарльз, отвечая за супругу.

— С удовольствием, — смеясь, ответила Криста, которой сразу понравился этот пожилой аристократ.

— Но... это нехорошо с моей стороны оставлять тебя здесь одну, — вдруг забеспокоилась Мэри. — И о чем я только думаю? Тебе нужна экономка, да и всех своих слуг я отпустила. О господи! — сокрушалась она, с беспомощным выражением глядя на Чарльза.

Криста улыбнулась, открыла дверь своего экипажа и сделала знак Элиссе и Леноре следовать за ней.

— Как видите, я приехала не одна. Ленора, — она указала на старшую женщину, — очень подходит на роль экономки, а Элисса, — тут она обняла девушку, — моя горничная и подруга. Втроем мы прекрасно проживем до тех пор, пока не приедет моя семья.

Мэри с надеждой посмотрела на Чарльза:

— Как ты думаешь, мы можем уехать со спокойной душой? — Она так мечтала о том, что проведет целый год с Чарльзом за границей.

Чарльз испытующим взглядом окинул Кристу, затем ее спутницу. Видимо, вполне удовлетворенный увиденным, он сказал:

— На вид Криста вполне самостоятельная молодая женщина. Если твой брат не побоялся отправить ее в путешествие с Ленорой и Элиссой, то мы по меньшей мере можем продолжить эту традицию. Дом уже принадлежит Кристе, и она может делать с ним, что хочет. Я не вижу ничего дурного в том, что мы не станем нарушать наши планы. Когда приезжают ваши родители, дорогая? — обратился он к Кристе. — Судя по вашим словам, уже скоро.

— Да, уже совсем скоро. На самом деле, они скорее всего сейчас в пути. — Она мудро решила воздержаться от упоминания о болезни матери, так как тетушка всегда все принимала слишком близко к сердцу. — Отцу предложили пост в Англии, а я... я хотела приехать заранее.

— А как твое замужество? — вмешалась Мэри. — Я думала, вы с Брайаном должны венчаться в Тунисе.

— Так как папа внезапно получил новое назначение, мы отложили свадьбу на неопределенный срок, — ответила Криста. — Все будет хорошо, тетушка Мэри, правда. Я очень прошу тебя не менять своих планов. Я вполне способна сама о себе позаботиться.

— Ну хорошо... Если ты так уверена... — нерешительно проговорила Мэри, все еще не решаясь оставить племянницу.

— Совершенно уверена, — твердо повторила Криста.

— Извини, любовь моя, но нам пора, — прервал сэр Чарльз, начиная проявлять нетерпение.

Тетя Мэри горячо сжала Кристу в объятиях.

— Если бы я только знала, — снова и снова повторяла она, разрываясь между родственным долгом и любовью к мужу. Затем она была в буквальном смысле оторвана от Кристы Чарльзом и поспешила к ожидающей их карете, едва успев сунуть ключи от дома в руку племянницы.

— Дорогая, у меня открыты счета во многих магазинах Лондона, — крикнул Чарльз через плечо. — Я буду себя спокойнее чувствовать, увезя вашу тетушку, если вы все свои расходы запишете на мой счет. Не отказывайте себе ни в чем! Перемените все в доме, наймите слуг, делайте, что вам захочется! — Затем он помог Мэри сесть в карету, и вскоре они понеслись по улице, рискуя свернуть шею, а тетушка все высовывалась из окна и посылала Кристе воздушные поцелуи.

— Неисповедимы дороги судьбы, — загадочно произнесла Элисса, глядя на опустевший дом, принадлежащий теперь Кристе.

Криста падала с ног от усталости. Путешествие было долгим и утомительным, наполненным тревогой об Ахмеде. К концу, пути на нее навалилось полное изнеможение и чувство безысходной тоски.

— Ты устала, — безапелляционно заявила Ленора и повела Кристу к центральному входу. За время путешествия ей рассказали правду относительно беременности Кристы, и хотя она была разочарована тем, что ребенка не будет, продолжала вести себя с ней, как наседка, опекающая своих цыплят. — В доме наверняка нечего есть, так что я схожу на рынок, пока Элисса начнет устраиваться.

После долгих разговоров было решено пока не нанимать других слуг. Поскольку в доме жила только Криста, Ленора взяла на себя обязанности по кухне, а Элисса — работу по дому. Ели они на кухне, а вечерами тихонько сидели, вспоминая свои приключения, пока Криста не пришла к мысли, что жизнь в постоянных воспоминаниях о прошлом не пойдет им на пользу.

Они купили одежду в кредит и заполнили кладовую едой. Что касается Кристы, то она покидала дом только для того, чтобы посетить тетушкиного нотариуса, который дал ей подписать бумаги, делавшие ее законной наследницей тетушки и владелицей дома. Она решила посвятить время, оставшееся до приезда родителей, исцелению душевных ран.

Поскольку Ленора говорила по-английски, она часто ходила за покупками, а Элисса обычно проводила долгие часы с Кристой, пытаясь отвлечь ее от печальных дум. Однако, к ее большому огорчению, эта задача оказалась почти невыполнимой.

По ночам Кристу преследовали кошмары, а днем она непрерывно представляла себе Ахмеда, изнаывающего в шахте рудника или на галере, избитого, окровавленного, испытывающего нечеловеческие мучения. Жив ли он? А может, ему чудом удалось бежать? Если так, она страстно молила, чтобы данное ей обещание помешало ему вернуться в Константинополь в несбыточной надежде спасти ее от Абдуллы.

Неделя тянулась за неделей, и наконец Криста получила письмо от отца. Отъезд ее родных снова откладывался из-за незначительного ухудшения состояния матери, однако они надеялись покинуть Тунис в ближайшее время. Он рассчитывал, что с тетушкой Мэри Криста не будет чувствовать себя одинокой, и с нетерпением ждал встречи. Там же были письма от брата и сестры, и Криста не могла сдержать рыданий при воспоминании об их дорогих лицах и невинных детских шалостях. А еще в конверт было вложено письмо от Брайана. В нем он вновь обещал скорую встречу и объявление о помолвке.

По правде говоря, о Брайане Криста почти не вспоминала, слишком поглощена была она мыслями об Ахмеде, об их трагической разлуке. Для другого мужчины в ее сердце не было места. Как наваждение возникал перед ней образ любимого. Ночью ей вдруг казалось, что он рядом, что снова дарит ей наслаждение, она перебирала в памяти мельчайшие подробности их свиданий и задыхалась от неуголенной страсти, разбуженной этими воспоминаниями. Но сладкие грезы улетали прочь, и горькие рыдания Кристи будили Элиссу, спавшую в соседней комнате. Она приходила к Кристе, пытаясь утешить ее ласковыми словами, поила теплым молоком, сидела рядом, сжимая горячие руки Кристи, пока та наконец не засыпала.

А затем в один прекрасный день произошло событие, которое Кристе так хотелось если не предотвратить, то, по крайней мере, отдалить. На пороге ее дома стоял Брайан Кент. Криста не ожидала увидеть его так скоро. Почему-то она ждала, что родители приедут первыми.

— Рад видеть тебя, дорогая! — воскликнул Брайан с энтузиазмом, который показался Кристе несколько наигранным.

Оценивающим взглядом он окинул ее стройную фигуру, думая о том, как она прекрасна, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на ее долю. Он уже почти забыл, что именно ее соблазнительная красота привлекла его к Кристе в начале их знакомства. Как приятно, должно быть, обладать такой женщиной. И он отстраненно подумал о том, каким тонкостям любви научили ее на Востоке, и о том, завела ли она любовника после своего возвращения в Лондон. Эта последняя мысль заставила его нахмуриться. Он мог бы посмотреть сквозь пальцы на то, что ее телом пользовались против ее воли, но любовник — это совсем другое дело. Этому он не потерпит. Он достаточно легко может выяснить, ходят ли о ней какие-нибудь сплетни, побывав в клубах, куда он обычно заходил, чтобы выпить или сыграть в карты.

— Брайан! — начала Криста и почувствовала, что у нее дрожат колени. — Я не ожидала тебя так скоро.

— Я же говорил тебе, что не задержусь с приездом, — ответил он.

— Да, говорил, — кивнула Криста, чувствуя себя совершенно беспомощной и не находя нужных слов. Затем она неохотно пригласила его в гостиную, вспыхнув, когда он уселся на диван, тесно придвинувшись к ней.

Брайан улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок, и Криста вспомнила, почему она приняла его предложение несколько месяцев назад. Любая женщина нашла бы Брайана весьма привлекательным.

— Между прочим, нареченный заслуживает более теплого приема, — нежно поддразнил он ее, и это снова вызвало в ее душе отдаленный отзвук тех чувств, что она когда-то к нему испытывала. Поэтому она улыбнулась и легко поцеловала его в щеку.

Однако Брайан хотел большего. Она уже не была застенчивой девушкой, с нежными чувствами которой нужно было считаться. Без сомнения, она приобрела богатый опыт и теперь, когда ее чувственность проснулась, желала получить от него все, что он мог ей предложить. Придвинувшись к ней еще ближе, он грубо схватил ее, с силой притянув к себе, впился в ее губы, пытаясь проникнуть языком во влажное тепло ее рта. Слишком ошеломленная, чтобы сопротивляться, Криста не шевелилась, пока не почувствовала, как его руки скользнули вниз и сжали ее ягодицы. Только тогда она с силой оттолкнула его от себя.

Брайан отпустил ее и устремил на Кристу испытующий взгляд прищуренных глаз. Он не ожидал от нее такого отпора. Ведь это было бы только справедливо, если бы она согласилась подарить жениху то, что другие взяли силой! И что ему теперь делать? Извиниться? Или подчинить ее своей воле, чтобы она полностью осознала, что он хорошо осведомлен о ее изменившемся положении? Брайан уже остановился на последнем, но тут вспомнил о сэре Уэсли и о его отношении к дочери, которое не могло измениться, что бы с ней ни случилось. Чтобы его карьера сложилась удачно, Брайан нуждался в благосклонности сэра Уэсли, и если для этого нужно ублажать его дочь — что ж, он будет ее ублажать... Пока они благополучно не поженятся. И тогда он покажет на деле, что намерен взять все, что она может ему дать.

— Прости, Криста, — неискренне извинился он. — Разлука была такой долгой, и когда я увидел тебя — такую... такую красивую и желанную, я просто не смог с собой совладать. Ты ведь знаешь, обрученные имеют право на поцелуи и ласки.

Криста стояла, устремив на него враждебный взгляд, готовая дать волю своему гневу, но тут он произнес:

— У меня есть для тебя новости.

— Новости? — Теперь он полностью завладел ее вниманием.

— Твои родные успеют приехать в Лондон к нашей свадьбе. Врач наконец разрешил твоей матушке ехать, и скоро они прибудут в Англию. Я пообещал, что дождусь их приезда, чтобы они могли присутствовать на свадебной церемонии. Хотя после такой долгой разлуки ждать нелегко, я пошел на это. Я хочу, чтобы это было торжественным событием в нашей жизни, Криста. Твоя тетушка может нам помочь в его подготовке.

Криста вспыхнула. Она умышленно не сообщила ему о том, что тетушка Мэри уехала в свадебное путешествие в тот самый день, когда она приехала в Лондон.

— Тетушки Мэри нет в Англии, — сказала она. Не было смысла скрывать от Брайана то, что он так или иначе узнает сам.

— Как? И ты живешь здесь одна?

— Конечно же, нет, — поспешила заверить жениха Криста. — Со мной здесь Ленора и Элисса.

— Я уверен, твой отец не отправил бы тебя с таким легким сердцем в Англию, если бы знал, что ты будешь здесь предоставлена сама себе.

— Поэтому я и не сообщила им об этом в письмах, — призналась Криста. Она регулярно писала письма своей семье, с тех пор как вернулась в Лондон.

Брайан нахмурился:

— Теперь, когда я здесь, я позабочусь о тебе.

А когда мы поженимся, ты будешь под надежной защитой.

Криста с трудом подавила желание рассмеяться ему в лицо. Она прекрасно прожила все это время без помощи Брайана. Она уже не ребенок, нуждающийся в защите. В течение последних месяцев она испытала столько, сколько другим не дано испытать за всю жизнь. Совершенно очевидно, что она способна сама о себе позаботиться.

— Брайан, — взволнованно заговорила Криста. Ей вдруг показалось, что она должна немедленно сообщить жениху о том, что любит другого. — Прежде чем ты будешь строить планы на будущее, я должна тебе кое-что сказать. Предупреждаю, что тебе это не понравится.

Брайан всегда гордился своей проницательностью, и ему казалось, что он точно знает, на что намекает Криста. Неужели она не понимает, что он хорошо представляет себе, что сделали с ней пираты и Абдулла? Он должен как-нибудь убедить ее в том, что это не имеет значения. Сэр Уэсли уже имел с ним долгий разговор о суровых испытаниях, которые пришлось пережить его дочери, и они оба пришли к выводу, что она не могла остаться нетронутой. Скрывая отвращение, Брайан заверил сэра Уэсли, что для него это не имеет большого значения. Свадьба состоится в назначенный срок. Исполненный благодарности сэр Уэсли пообещал Брайану поговорить с самим королем о многообещающих способностях Брайана, заверив его под конец, что тот достигнет вершины своей карьеры в кратчайшие сроки. Брайан считал, что недалек тот день, когда он наконец обретет власть и богатство, которых всегда так домогался.

— Тебе нет нужды ничего рассказывать мне, дорогая, — ответил он Кристе.

— Так ты все знаешь?

— Как я могу не знать? Я достаточно долго жил в странах с варварскими обычаями, чтобы понимать, что случается с молодыми красивыми женщинами, попавшими в руки корсаров и проданными в рабство. Я не могу поверить, что ты избежала насилия со стороны этих негодяев, но если каким-то чудом это и случилось, то уж бей-то тебя не пожалел. Но я согласен закрыть глаза на то, что ты уже не девственница, — великодушно сообщил он. — Теперь, когда недоразумение улажено, не будем больше вспоминать об этом.

Криста была так потрясена услышанным, что на мгновение потеряла дар речи. Ну конечно же, Брайан был уверен, что ее изнасиловали! Ее отец и мать пребывали в том же заблуждении. Действительно, она уже не была девственницей, но она по доброй воле отдала свою невинность задолго до того, как на шхуну напали пираты. Настало время развеять заблуждения Брайана.

— Ты не понимаешь, Брайан, — терпеливо пояснила Криста. — Я не люблю тебя. У меня есть... или, скорее, был другой мужчина.

Лицо Брайана вспыхнуло от возмущения.

— Другой мужчина! Абдулла? Нет, конечно, не он!

— Нет, не Абдулла. Я полюбила человека, которого встретила на борту «Милого друга». — Не было необходимости называть Брайану имя Марка или вдаваться в подробности их знакомства.

— И где же он, этот мужчина, которого ты любишь? Почему вы не вместе? По всей вероятности, этот человек не любит тебя, потому что иначе он был бы с тобой.

— Его продали в рабство, так же как и меня, и сейчас он находится в испанских колониях.

— В таком случае он для тебя все равно что умер, — заверил ее Брайан. — Кроме того, он может отнестись к случившемуся с тобой не с таким пониманием, как я. Большинство мужчин стремятся взять в жены невинную девушку.

— Я сама с радостью подарила свою невинность любимому, — с вызовом сказала Криста.

— Что? — В глазах его от ярости поплыл красный туман. — Ты сделала это, когда еще была обручена со мной? — Брайан брызгал слюной от злобы, скинув с себя личину нежного, заботливого жениха.

Криста кивнула, надеясь, что наконец заставила его отказаться от своих намерений, но, когда он заговорил, убедилась в обратном.

— Твой любовник наверняка умрет в рабстве. Сама знаешь, от испанцев мало кому удастся сбежать. Я пока еще твой жених, и, как только мы поженимся, ты будешь принадлежать только мне. Мы поженимся, как и хотел твой отец. А теперь я должен идти. Я поспешил к тебе и даже не успел привести себя в порядок с дороги. Я зайду к тебе завтра. Мы нужны друг другу, дорогая. С твоей сомнительной репутацией ты вряд ли скоро найдешь мужа, если у тебя хватит глупости отвергнуть меня.

Криста оторопело смотрела вслед удаляющемуся Брайану. Казалось, он уже все распланировал заранее. Несмотря на ее признание в том, что она любит другого и принесла ему в дар свою невинность, Брайан твердо настаивал на их браке. Неужели ее родители так хотят этого брака? Или они беспокоятся о ее репутации и боятся, что никто, кроме Брайана, не попросит ее руки? А может, уныло подумала она, нужно сдержать данное ему слово и стать его женой? Возможно, это не самый худший выход, по крайней мере, она не будет тяжким бременем для родителей.

Несмотря на то что она любила Ахмеда всем сердцем, Криста понимала, что у нее практически нет надежды увидеть его вновь. Она просила его — нет, умоляла — забыть ее навсегда и продолжать жизнь без нее. Хватит ли у нее смелости последовать собственному совету?

Бесшумно, словно привидение, рядом возникла Элисса.

— Ты намерена выйти замуж за этого человека? — Она с участием заглянула в лицо подруги.

— Я не знаю, — ответила Криста задумчиво. — Кажется, у меня действительно только один путь.

— А это правильный путь? Может, Ахмед...

— Я научилась жить с мыслью, что никогда больше не увижу Ахмеда. Если он сможет бежать из рабства — а я уверена, что сможет, — он, по всей вероятности, вернется в Константинополь и

свергнет Абдуллу. Его кисмет — быть правителем Константины. Мне нет места в его жизни, между нами лежит непреодолимая пропасть.

Заметив, что Элисса нахмурилась, она внимательно посмотрела на берберку и спросила:

— Тебе не нравится Брайан, правда? Элисса пожала плечами, не глядя ей в глаза.

У нее не было никаких оснований для того, чтобы делать выводы об этом человеке.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Криста. Я думаю только о тебе.

— Ты и Ленора теперь часть моей жизни. Вы останетесь со мной, что бы ни случилось, — проговорила Криста, надеясь успокоить ее.

— Я знаю, — ответила Элисса, — и все же я в недоумении...

— Хватит, Элисса, — сердито оборвала ее Криста, ощутив внезапную усталость от этого разговора. — У меня есть время для того, чтобы принять решение. Может, спокойно поразмыслив, Брайан придет к выводу, что ему не стоит связывать свою жизнь с моей, хотя мои родители рассчитывают на наш брак и мне очень не хочется огорчать их. В последнее время я пренебрегала дочерними обязанностями.

Неохотно подчинившись, Элисса повернулась и вышла из комнаты, мысленно молясь о том, чтобы Криста не совершила опрометчивого шага. Потому что в Брайане Кенте было что-то, что ей не нравилось и вызывало недоверие.

17

Криста медленно поворачивалась перед высоким зеркалом, тщательно изучая свое лицо и фигуру. Она чувствовала себя постаревшей на несколько лет, но зеркало говорило, что ее внешность почти не изменилась, разве только стала более женственной. Ее округлые груди гордо поднимались из декольте, и в сравнении с ними талия казалась очень тонкой. Стройные бедра и длинные красивые ноги завершали картину.

Как ни старалась, она не могла отыскать недостатков ни в одежде, ни в прическе. В честь торжественного события ее белокурые волосы были искусно зачесаны наверх и рассыпались локонами на затылке. Платье, законченное только сегодня самым дорогим лондонским портным, было сшито из бледно-сиреневого шелка. Гофрированные нижние юбки бледно-розового и глубокого фиолетового тонов создавали изысканное сочетание цветов в тех местах, где они были присобраны и закреплены с помощью крошечных букетиков фиалок. Ее гладкие плечи были обнажены и поражали белизной кожи. Хотя Криста и решила, что она выглядит почти как всегда, в действительности она никогда еще не была так ослепительно красива и соблазнительна.

Когда две недели назад Брайан сообщил ей, что получил приглашение на бал, который давал сэр Питер Трентон в честь нового герцога Мальборо, Криста от волнения потеряла дар речи. Она слышала, что старый герцог умер вскоре после того, как Марк покинул Англию, и гадала, кто же будет наследником теперь, когда внук был для него потерян. Очевидно, нашелся другой родственник, который унаследует титул и владения, решила она.

Вначале Криста наотрез отказалась идти на бал с Брайаном — слишком живы и болезненны были воспоминания о приеме у тех же Трентонов полгода назад, когда она впервые встретила своего берберского принца и отдала ему сердце. Однако Брайан обхаживал и уламывал ее до

тех пор, пока она в конце концов не согласилась. По словам Брайана, он встретил сэра Питера в своем клубе и попытался получить приглашение, несмотря на то что они вращались в разных кругах. Ему помогло то, что он как бы невзначай обронил, что помолвлен с Кристой Хортон. Брайану нравилось представлять себе широкие возможности, открывающиеся перед ним в связи с женитьбой на дочери сэра Уэсли. Он был уверен, что станет его зятем, если убедит Кристу, что брак с ним — это единственный путь, открытый для нее теперь, когда она побывала в руках пиратов и в гареме шейха.

Чтобы сделать Брайану одолжение, а также немного развеяться, Криста решила пойти на этот бал. Она нанесла визит к портному, в результате чего на свет появилось платье, которое было на ней сейчас. После возвращения в Англию она вела такой замкнутый образ жизни, что предстоявшее появление в обществе вызывало в ней приятное волнение. В конце концов, никто не знает, что случилось с ней в Алжире. Если только... Нет, она не хочет даже думать об этом...

После ее возвращения она никого не видела, кроме Элиссы и Леноры, пока две недели назад не появился Брайан. Они с ним неплохо ладили, и единственное, что ее раздражало, — это то, что Брайан время от времени заикался о свадьбе и позволял себе маленькие вольности, несмотря на протесты с ее стороны.

Размышления ее были прерваны звоном колокольчика и громкими голосами у двери, возвещавшими о том, что прибыл Брайан. Криста бросила последний взгляд на свое отражение в зеркале, повернулась и неторопливо вышла из комнаты. Брайан ждал у подножия лестницы и заметно изменился в лице, когда его взгляд упал на молочную белизну округлых плеч над глубоким декольте платья.

— Ты само совершенство, — потрясенно сказал он, взяв ее руку и целуя кончики пальцев. Потом он нежно коснулся языком ее ладони, и Криста передернула плечами и отняла руку, сама удивившись тому отвращению, которое вызвало в ней его прикосновение.

Брайан, казалось, был заморожен нежным румянцем, разлившимся по ее высоким скулам, гордой посадкой головы, белизной стройной шеи. Глядя на эту ослепительную красавицу, Брайан спрашивал себя, неужели он должен ждать долгие дни до свадьбы, чтобы овладеть ею. В конце концов, она же не невинная девушка. Может, она все же позволит... Приятные мысли были внезапно прерваны Элиссой, которая вошла в вестибюль, неся новый пурпурный бархатный плащ Кристи. До сих пор Брайан почти не обращал внимания на горничную, отметив только, что она довольно недурна собой. Однако в новом платье, сшитом специально для нее с учетом ее яркой экзотической внешности, с длинными черными волосами, свободно падающими до хрупкой талии, она стала необычайно привлекательной. Брайан внезапно понял, что перед ним не просто хорошенькая девушка, а редкая красавица, способная воспламенить кровь любого мужчины. Непрошенные темные мысли копошились в дальних уголках его сознания. «Наверняка у Элиссы в Англии нет никого, кто мог бы защитить ее, кроме Кристи», — коварно размышлял он. Конечно же, молодая и красивая девушка может стать жертвой бесовского человека, если Криста уволит ее, когда выйдет замуж. Разве не будет Элисса бесконечно благодарна ему, если он разрешит ей остаться с Кристой после свадьбы? Возможно, настолько благодарна, что разделит с ним постель.

— ...всего на одну минуту, — услышал он голос Кристи, неохотно отрываясь от грез.

— Что ты сказала? — рассеянно переспросил он.

— Я сказала, что забыла наверху одну вещь и должна сходить за ней, — повторила Криста, удивленная его отсутствующим видом.

— Поторопись, милая. — Брайан ласково улыбнулся и проводил ее взглядом. Заметив, что Элисса собирается уйти, он схватил ее за руку. — Я хотел бы сказать тебе несколько слов, Элисса, — доверительно заговорил он с испуганной девушкой.

— Да, сэр, — ответила Элисса по-английски. Благодаря усилиям Кристи теперь она могла свободно объясняться на этом языке. Она стояла перед Брайаном и думала о том, что чем больше она узнает этого человека, тем меньше он ей нравится, хотя она не могла бы объяснить почему. Но, заметив, каким похотливым становится его взгляд, какая двусмысленная усмешка искривляет губы, она поняла, что ее неприязнь имеет вполне реальную причину.

— Сколько тебе лет, Элисса?

— Шестнадцать, сэр, — ответила она с опаской.

— Такая молоденькая? А знаешь, ты очень красивая.

Элисса нахмурилась, соображая, что именно у Брайана на уме. И скоро это стало ясно.

— Я надеюсь, что ты отблагодаришь меня, если я позволю тебе остаться с Кристой после нашей свадьбы. Она, кажется, сильно привязана к тебе, и я согласен доставить ей это удовольствие, но только до тех пор, пока мне это будет нравиться. Или, — уточнил он, — до тех пор, пока ты будешь нравиться мне.

Делая вид, что не понимает, о чем речь, Элисса приняла невинный вид и ответила:

— Я постараюсь, сэр.

— Я уверен, что твои старания не пропадут даром.

Брайан так сильно сжал ее руку, что Элисса поморщилась от боли.

— Не строй из себя святую невинность, милочка, — предупредил он. — Ты ведь не глупа. У тебя взгляд чаровницы, а твои глаза выдают, что ты знаешь намного больше, чем кажется. Ты постарайся мне понравиться, милочка, очень постарайся.

Элисса побледнела как полотно. Все было гораздо хуже, чем она предполагала. Ей стало совершенно ясно, что задумал Брайан Кент и что ждет Кристу, если она выйдет за него. Слава богу, Криста еще не дала окончательного согласия и, если приложить некоторые усилия, никогда его не даст.

— Я вижу, ты испугалась, — заметил Брайан с отвратительным смешком. — Честно говоря, я удивлен, что такую... опытную особу можно чем-нибудь смутить. Я намереваюсь как можно скорее сделать Кристу матерью, а потом мне понадобится твое восхитительное тело. Ты убедишься, что я умею быть благодарным.

Прежде чем Элисса успела ответить, сверху послышались шаги Кристи. Элисса поспешно вырвалась из его рук. Когда Брайан обратил чарующую улыбку к Кристе, она ускользнула, спрашивая себя, представляет ли себе Криста, как отвратителен этот человек.

Роскошное празднество, которое устроил сэр Питер Трентон, собрало весь цвет английской аристократии. Ходили слухи, что ожидают появления самого короля. Первые полчаса или около того Криста спокойно прохаживалась по залу, опираясь на руку Брайана, приветствуя друзей своей тетушки и тех людей, с которыми познакомилась в свой предыдущий приезд в

Лондон, а также старых друзей отца. Когда она представляла им Брайана, тот тут же спешил сообщить, что обручен с Кристой. Его хвастливый тон и отношение к ней как к своей собственности раздражали Кристу, однако она не хотела устраивать сцен и молча терпела, даже не поправляя его. Кроме того, она еще не решила для себя эту дилемму. Если родители хотели, чтобы она вышла замуж за Брайана, она, возможно, должна считаться с их желанием. История с ее похищением принесла им столько горя, что она чувствовала, как они будут рады, если ее жизнь наконец будет устроена.

Спустя некоторое время Криста присела возле зеркала в дамской комнате, отрешенно разглядывая свое отражение, словно удивляясь тому, что она здесь оказалась да еще в компании Брайана, человека, которого она не любит. Вдруг до ее слуха донесся обрывок разговора между двумя дамами, которые выходили из комнаты.

— Говорят, объявление об их помолвке — это чистая формальность, и они поженятся в конце лета, — говорила стройная блондинка.

— Я поверю в это только тогда, когда увижу собственными глазами, — отвечала пышная брюнетка. — Это невероятно!

— Они были неразлучны в последнее время, — с завистью вздохнула блондинка. — Он такой красивый и загадочный!

— Ходят слухи, что она спасла ему жизнь, и он не смог остаться неблагодарным, — заметила брюнетка.

— И он настолько благодарен, что даже женится на ней? — Блондинка недвусмысленно повела глазами. — Думаю, он мог бы обойтись и без женитьбы.

Они со смехом вышли, поселив в душе Кристы какое-то странное предчувствие, хотя она понятия не имела, о ком шла речь.

Марк стоял в углу роскошного зала, и лицо его выражало скуку. Леди Уиллоу Лэнгтри, в великолепном малиновом наряде, который должен бы был составлять кричащий диссонанс с ее рыжими волосами, но в действительности выгодно оттенял их, стояла, крепко вцепившись в его руку. Загар сошел с его лица, Марк казался бледным, но лишь очень немногие знали, чему он обязан этой бледностью. Никто, кроме ближайших друзей, не знал ни о том, что Марк был на волосок от смерти, ни о том, что его спасла Уиллоу. Однако пока он в течение долгих месяцев приходил в себя, Уиллоу рассказала по секрету нескольким знакомым о том, как Марк Кэррингтон чудом избежал пожизненного рабства, попутно приукрасив свою роль в его удивительном освобождении. При этом она не упускала случая намекнуть, что новый герцог скоро сделает ее своей герцогиней. А скуку нагонял на нового герцога Мальборо назойливый молодой человек, который только что был ему представлен. Он был явно не знатного происхождения, однако, по-видимому, имел высокопоставленных друзей и невесту-аристократку, с которой герцогу предстояло познакомиться. У него не было ни малейшего желания делать это: Марк не сомневался, что девица окажется так же скучна, как и ее жених.

— Разрешите представить ее вам, ваша светлость? — проговорил Брайан, заметив Кристу, входившую в зал.

Имя Брайана Кента в момент знакомства показалось Марку смутно знакомым. Машинально он от метил, что жениха Кристы тоже звали Брайан, но, насколько он помнил, его фамилия никогда не упоминалась. А Брайан — имя довольно распространенное.

Выздоровление Марка после малярии заняло почти всю зиму. Вернувшись в Англию и узнав, что его любимый дед умер, он надолго впал в тоску. Однако сюрприз, ожидавший его в Мальборо-хаусе, сгладил горе, которое причинила ему смерть деда. Даже сейчас он не смог сдержать улыбки при воспоминании о своем потрясении...

— Марк, милый, — вывела его из задумчивости Уиллоу, — мистер Кент спрашивал у тебя позволения представить свою невесту.

Марк почувствовал ее присутствие задолго до того, как увидел Кристу. Какая-то сила, которой он не мог не подчиниться, заставила его взглянуть в противоположный конец зала. Этого не могло быть наяву! Марк прикрыл глаза. Как же глубока была его тоска по Кристе, если она явилась ему в то время, как была за тысячи миль отсюда!

Действительно, уже не первый раз память о Кристе целиком завладевала его душой и он видел ее, но никогда еще ее образ не был таким ярким и живым. И если это сон, он хотел бы никогда не просыпаться.

Густые ресницы затрепетали, как нежные крылья бабочки, когда Криста в радостном изумлении подняла на него глаза. Ахмед! Здесь! Но это невозможно! Невидимые нити потянули ее, и она как во сне приблизилась к нему, не чувствуя под собой ног. Горло ее судорожно сжималось, как будто ей не хватало дыхания, и одна только мысль владела ею: неужели великая любовь вызвала из мрачной бездны его дух?

Нет! Это красивое лицо, гордое и бледное, эти высокие скулы и чувственные, четко очерченные губы принадлежали человеку из плоти и крови. Эти манящие зеленые глаза под темными выразительными бровями и тонкий орлиный нос... Она видела лицо любимого.

Криста, забыв обо всем на свете, не смогла сдержать крика радости. Окружающие удивленно взглянули на нее и расступились, но она не замечала никого, кроме Ахмеда. Нет, Марка, потому что перед ней стоял не принц пустыни, а герцог Мальборо.

Внезапно они оказались всего в нескольких дюймах друг от друга. Она почувствовала, что сердце ее разрывается от счастья, и невольно протянула руки к любимому — как оказалось, только для того, чтобы ими тут же завладел Брайан. Он неверно понял ее движение и решил, что любовь, которой дышало все ее существо, относится к нему.

— Вот и моя невеста, ваша светлость, — широко улыбнулся Брайан, обнимая Кристу за талию. — Дорогая, это...

— Марк, — выдохнула Криста, назвав имя, которое ему дала его мать. Она чувствовала себя так, будто выбиралась из-под тяжелого гнета воспоминаний навстречу ослепительному свету реальности.

— Криста, — произнес Марк, и столько нежности было в его голосе, что Уиллоу задохнулась от ревности.

— Вы знаете друг друга? — спросил Брайан, охваченный внезапным подозрением.

— Даже слишком хорошо, — язвительно заметила Уиллоу вполголоса.

— Мы... Мы встречались на борту «Милого друга», — с запинкой пролепетала Криста, тщетно пытаясь совладать с собой.

— Тогда вы знаете о том... — нерешительно продолжал Брайан. Он надеялся сохранить в секрете постыдное прошлое Кристи, так как не хотел, чтобы что-то помешало его карьере.

— Мы оба знаем. — Уиллоу не смогла сдержать злобную радость, — Я видела, как Крису волокли на пиратский корабль. Видите ли, я тоже была пассажиркой той шхуны. И если вы меня спросите, могу ответить, что Криста не слишком сопротивлялась.

— Уиллоу, — резко оборвал ее Марк, бросив на нее предостерегающий взгляд. — Я хорошо знаком с мисс Хортон, мистер Кент. Вы говорите, она ваша невеста? Действительно, она как-то упоминала о вас в разговоре.

Уиллоу иронически фыркнула, однако промолчала, опасаясь гнева Марка. Она пыталась вообразить, через какие оскорбления пришлось пройти Кристе, прежде чем она вернулась в Англию, и от всей души сожалела, что эта женщина, которая стала ей поперек дороги, не осталась в Алжире навсегда. Она не могла не заметить, как загорелись глаза Марка, когда он увидел приближавшуюся Крису, и сердце у нее сжалось. Уиллоу вспомнила, как он относился когда-то к ней самой. Единственным ее утешением было то, что разбойники наверняка надругались над Кристой, и теперь она вряд ли была достойна герцога. «Ничто, — поклялась Уиллоу самой себе, — ничто на свете не должно помешать моим планам выйти замуж за Марка и стать герцогиней».

— Пойдем, Марк, мне хочется танцевать, — капризно протянула она, схватив его за руку.

Раздосадованный Марк не сумел отказаться, что было бы величайшей невежливостью, и последовал за Уиллоу на середину зала. У него было так много вопросов, на которые он хотел получить ответ от Кристи, и сам он столько хотел ей сказать! Как она очутилась в Англии? Почему Абдулла отпустил ее? Невольно взгляд его спустился на ее живот, и ему стало интересно, что случилось с ребенком Абдуллы.

Чувствуя, что все мысли у нее в голове смешались, Криста поняла, что должна отойти от человека, чье присутствие приводило ее в смятение, иначе она полностью потеряет самообладание в присутствии Брайана и невесты Марка. Теперь Криста поняла, о ком говорили те две дамы. Уиллоу и Марк или были уже помолвлены, или должны были в скором времени объявить о помолвке. Теперь она не может вмешиваться в его жизнь. Все переменялось. Их жизненные пути разошлись.

Криста хотела уединиться, прийти в себя от того сильнейшего эмоционального потрясения, которое только что испытала. Голосом, в котором звучали истерические нотки, она произнесла:

— Я тоже хочу потанцевать, Брайан. В конце концов, это мой первый бал за полгода.

При этих словах Кристи все его подозрения моментально улеглись. Брайан улыбнулся:

— Конечно, милая. Не стоит злоупотреблять вниманием лорда Мальборо. Давай потанцуем.

Марк танцевал с таким сосредоточенным видом, что Уиллоу почувствовала себя оскорбленной.

— Отчего ты такой мрачный? — с обидой спросила она. — Ты потерял голову из-за этой потаскушки! Да за это время все пираты на берберском побережье успели поразвлечься с ней!

— Как ты можешь так говорить, Уиллоу, ведь ты ничего не знаешь, — резко ответил Марк, и голос его дрогнул от негодования. — Ты представления не имеешь о том, через что прошла

Криста, и у тебя нет никакого права говорить о ней в таком тоне. Где же твое сострадание?

Попав в ловушку своих собственных слов, Уиллоу занервничала. Она вдруг осознала, что по-прежнему должна опасаться Кристи Хортон, несмотря на помолвку соперницы с Брайаном Кентом.

— Прости меня, любовь моя, — ласково извинилась она, хотя внутри вся кипела от ненависти и презрения к этой женщине, во власти которой было лишить ее всего, чего желало ее сердце. — Давай танцевать. Мне хочется наслаждаться твоими объятиями.

При этих словах Марк еще больше помрачнел, так как за прошедшее время Уиллоу пыталась использовать любую возможность, чтобы затащить его к себе в постель. Пока ему удалось устоять, однако только Аллаху известно, как долго он еще сможет сопротивляться этому настойчивому обольщению. Ведь он был всего лишь мужчина, и к тому же был лишен женской ласки с тех пор, как в последний раз любил Кристу в Константинополе.

Эти последние недели были для Марка сущим адом. Чувствуя прилив сил после долгого и медленного выздоровления, он отправился в Лондон, чтобы нанять корабль, который доставил бы его в Алжир, прекрасно понимая, что это может стоить ему жизни. Даже после того, как он со всех сторон обдумал поспешное обещание, которое дал Кристе в минуту слабости, Марк не пришел к окончательному решению. И все же в Лондоне его держало лишь желание человека, который был ему дорог.

Марк не мог не признать, что Уиллоу смягчала горечь одиночества и боль, которую он испытал, потеряв Кристу. Однако он знал, что она терпеливо ждет от него предложения, время от времени намекая на свои надежды стать герцогиней. Но как он мог вступить в брак с другой, когда его прекрасная сирена с синими глазами и волосами цвета серебряной пряжи владела его сердцем? Даже если Криста была потеряна для него навек, он не собирался жениться на Уиллоу, пусть даже был обязан ей жизнью. Как спасти Кристу из гарема Абдуллы — вот что целиком занимало его мысли и сердце все это время. А теперь, каким-то чудом, Криста оказалась так близко, что он мог бы обнять ее.

Не в силах придумать подходящий предлог, чтобы избавиться от цепких ручек Уиллоу, Марк продолжал кружить ее по танцевальному залу, поглядывая по сторонам и стараясь отыскать свою чудом появившуюся любимую в толпе танцующих. Если Брайану Кенту можно верить — а он не имел оснований не верить ему, — Криста скоро станет его женой. Как она может выносить такого человека? — искренне удивился Марк и вдруг вспомнил, что она не могла знать, что сам он жив, обрел свободу и отплыл в Лондон. Конечно, она полагала, что никогда больше не увидит его, и хотела только как-то устроить свою жизнь после всех злоключений. Но теперь Кристе нет необходимости связывать судьбу с Брайаном Кентом. И к концу вечера Марк был полон решимости потребовать то, что принадлежит ему.

Криста потеряла Марка из виду, как только оказалась в гуще танцующих, и была вынуждена сосредоточить свое внимание на Брайане, который терзал ее вопросами о знакомстве с герцогом Мальборо. Надеясь, что ее краткие ответы усыпят подозрительность Брайана, Криста кое-как поддерживала разговор. Внезапно она почувствовала, что силы ее на исходе — пережитое волнение давало о себе знать. Поэтому, когда танец закончился, она сделала вид, что ей хочется пить, и попросила Брайана принести ей стакан пунша, зная, что у стола с закусками толпится много народу и она успеет выскользнуть за дверь, чтобы хоть немного подышать воздухом и успокоиться.

Утомленный навязчивостью Уиллоу, Марк воспрял лишь тогда, когда увидел красивого юношу,

который пробивался к нему сквозь толпу.

— Аллен, — восторженно приветствовал его Марк. — Боюсь, я еще недостаточно окреп для танцев, а Уиллоу хочется повеселиться. Не пригласишь ли ты ее, пока я немного отдохну?

Аллен бросил на Марка вопросительный взгляд, но тот незаметно подмигнул ему, надеясь, что его знак будет правильно расценен. Аллен решил, что Марку, по всей вероятности, просто надоела непрерывная трескотня Уиллоу и он решил дать себе передышку.

В действительности же Марк увидел, как Криста вышла из зала одна, и сторал от желания последовать за ней. Им о многом надо было поговорить, многим поделиться. Он надеялся, что Аллен понял его намек и на некоторое время отвлечет Уиллоу.

Прежде чем отворить дверь в ночь, он остановил Питера Трентона и, испытывая неловкость, попросил его любым способом задержать Брайана Кента по крайней мере на час.

Он нашел Кристу перед входом в лабиринт. Она задумчиво вглядывалась во тьму, как будто вспоминала их первую встречу и первый поцелуй. Уже тогда он знал, что это кисмет.

Марк подошел так бесшумно, что Криста не слышала его шагов и очнулась, только когда сильные руки сомкнулись вокруг нее, прижали к крепкому стройному телу. Он нежно коснулся губами ее шеи, вдыхая особый аромат, присущий только ей, который тут же наполнил желанием все его существо. Так было всегда, когда они были вместе, и их страсть была безграничной и всепоглощающей.

— Криста, любовь моя, — прошептал Марк в нежную раковину ее маленького уха. — Не знаю, благодаря какому чуду ты снова со мной, но я больше никогда не буду сетовать на судьбу. Кисмет соединил нас.

Как только она почувствовала прикосновение, она поняла, что это руки Марка обнимают ее, это его губы касаются ее шеи. Криста слишком часто лежала в его объятиях, чтобы не узнать его запах — возбуждающий и терпкий. Медленно она повернулась в его объятиях, их взгляды встретились при свете сияющей луны, и Криста почувствовала, что утопает в омуте его изумрудных глаз.

— Ахмед... Марк... я...

Слова замерли у нее на устах, когда его губы скользнули вниз и сомкнулись с ее губами в требовательном поцелуе, который, казалось, длился целую вечность, вызвав в памяти сладостные ощущения, которые она испытала в его объятиях. То, что они испытывали, переполняло их тела и достигало самой глубины души. Это был мужчина, который сделал ее женщиной, который был ее наставником в науке любви, научил ее, как давать и получать наслаждение.

Его ласки были утонченной пыткой, его близость и запах сводили ее с ума, и на какой-то миг ощущение реальности покинуло Кристу. Ничто не имело значения, только сознание того, что она вновь в объятиях Марка и что она не хочет ничего другого.

— Криста, любовь моя, нам надо поговорить, — сказал он, неохотно прерывая поцелуй. — Идем.

Взяв ее за руку, Марк увлек ее в лабиринт, где им никто не мог помешать. Ничего не видя, она шла за ним, пока они не оказались у скамьи и он не усадил ее рядом с собой. Криста прерывисто дышала и могла лишь смотреть в эти зеленые глаза, которые навсегда пленили ее

своей дерзкой и влекущей силой.

— Марк... — Его имя казалось ей сладким на вкус.

— Криста, любовь моя, как я боялся за тебя, какую испытывал боль. Одна только мысль, что Абдулла будет обладать тобой, женщиной, ожидающей ребенка, который должен бы быть моим, доводила меня до отчаяния.

Внезапно Марк осознал, что заговорил о ребенке, и его взгляд скользнул вниз, к плоскому животу Кристи. По его расчетам, она должна была уже заметно располнеть.

— Что случилось с ребенком? Ты его потеряла?

Криста поняла, что пришло время сказать всю правду.

— Никакого ребенка нет, Марк, и никогда не было. Всю эту историю с беременностью придумал лекарь Сайд, чтобы оградить меня от Абдуллы.

Марк в замешательстве нахмурился:

— Я не понимаю. Ты хочешь сказать, что Абдулла никогда... что ты не... Как подобное могло произойти? Это совсем не похоже на Абдуллу.

— Я постараюсь объяснить, — медленно произнесла Криста. — На самом деле все очень просто. Каждый раз, когда Абдулла пытался овладеть мной, я была в таком ужасе, что... меня тошнило.

— Тебя тошнило в присутствии Абдуллы? — Марк засмеялся, так как хорошо знал, какое отвращение испытывал Абдулла к любому проявлению болезни. — Удивительно! Не иначе Аллах указал тебе этот способ защиты.

— Возможно, — согласилась Криста. — Когда это случилось несколько раз, Абдулла велел Сайду осмотреть меня. Сайд — добрый человек, и он не любит твоего брата. Когда он предложил мне способ, как избавиться от домогательств Абдуллы, я тут же согласилась. Он сказал Абдулле, что я беременна, и поскольку бей так и не обладал мною, он решил, что ребенок может быть только твоим. Абдулла пришел в бешенство, особенно когда Сайд сказал ему, что беременность будет тяжелая и приступы тошноты могут продолжаться довольно долго. Как и предполагал лекарь, твой брат полностью потерял ко мне интерес.

Марк задумался.

— Почему ты не сказала мне все это, когда мы виделись в последний раз? Почему намеренно солгала мне?

— Сначала я вынуждена была подчиниться Абдулле. Он угрожал убить тебя, если я откажусь подтвердить все, что он говорил тебе. Мне было легче нанести тебе обиду, чем стать причиной твоей смерти.

— Однако ты продолжала лгать и позже, когда мы были наедине, — упрекнул ее Марк.

— У меня не было выбора. В то время я не могла даже надеяться, что Абдулла согласится освободить меня за выкуп. Если бы я знала, я бы сказала тебе правду. Пойми же, пожалуйста, — с мольбой произнесла Криста, — я боялась, что ты вернешься в Константинопулю,

если будешь знать правду. Мне слишком дорога твоя жизнь, чтобы рисковать ею. Вернуться в Константинопулю для тебя было бы равносильно самоубийству. Я знала, что Абдулла со временем обнаружит, что я не беременна, а я скорее бы покончила с собой, чем добровольно отдалась ему. Именно поэтому я вырвала у тебя обещание жить без меня и теперь вижу, что ты последовал моему совету.

«Можно ли верить слухам о том, что Марк и Уиллоу обручены?» — спрашивала себя Криста. Судя по всему, Марк действительно решил начать новую жизнь, жизнь без нее. Она прикрыла глаза от внезапного приступа боли, вызванного этой мыслью.

— Мне нет жизни без тебя, — произнес Марк дрогнувшим голосом. — И я никогда не собирался выполнять обещание, которое тебе дал. Но расскажи мне, что произошло после того, как я покинул Константинопулю с янычарами?

— Как только Абдулла избавился от тебя, я стала ему не нужна. От меня не было никакой пользы. Я ведь была только орудием мести в его руках.

— А к этому времени его гарем был заполнен девушками, многие из которых были моложе и красивее меня. К тому же он больше не испытывал ко мне влечения, так как думал, что я ношу ребенка. Слава богу, Сайд убедил его написать моему отцу и запросить выкуп.

— Твой отец приехал за тобой в Константинопулю? Он повез тебя в Тунис, прежде чем вернуться в Англию?

— Нет, отец оставался в Тунисе. Матушка была больна, и он послал вместо себя Брайана. И я прямоком отправилась в Англию.

— Значит, Брайан все это время был здесь, в Лондоне? С тобой? — заключил Марк, и губы его сжались в тонкую линию.

— Нет, — ответила Криста. — Отец хотел, чтобы я оставила эти варварские края и вместе с ними свои грустные воспоминания как можно скорее. Брайан отвез меня в Алжир, где я села на корабль, а сам вернулся в Тунис. Он только недавно приехал в Лондон.

— И ты скоро выйдешь замуж за своего жениха?

— Мои родители надеются на это.

— Нет! Я не допущу этого! — горячо воскликнул Марк. — Мы созданы друг для друга.

Криста вспыхнула. Опровергнуть его слова она не могла и вместо этого сказала:

— Теперь ты расскажи, как тебе удалось сбежать от испанцев и каким образом ты добрался до Англии.

— Своим освобождением и жизнью я обязан Уиллоу, — ответил Марк и принялся рассказывать историю о том, как Уиллоу обнаружила его, больного и обезумевшего, и как она купила ему свободу. — У меня была малярия, и она, не прибегая к чужой по мощи, выходила меня. Уиллоу привезла меня в Англию, а потом я несколько месяцев выздоравливал и приходил в себя. Я никогда не смогу расплатиться с ней за то, что она для меня сделала.

Услышав это, Криста с грустью осознала, какими крепкими путами привязала к себе Марка Уиллоу. Такими крепкими, что они скорее всего нерасторжимы.

— Говорят... Ходят слухи, что ты обручен с Уиллоу, — осторожно заметила она.

— Возможно, но не я их источник, можешь поверить. — Взгляд Марка прожигал ее насквозь. — Ты должна понимать, что подобные слухи распространяет сама Уиллоу. Прежде чем начинать новый период в своей жизни, я хотел вернуться в Константиноу.

— В Константиноу? — Криста была потрясена. — Зная, что это может стоить тебе жизни?

— Да. Я не могу жить, зная, что страной правит этот негодяй. Мысль о том, что Абдулла распоряжается всем, что по праву принадлежит мне, причиняет мне страшную боль. Он разрушил все, что я любил и что мне было дорого, и я хочу заставить его заплатить за зло, которое он сотворил.

При мысли, что Марк был готов рисковать жизнью ради нее, сердце Кристи радостно затрепетало.

— Я очень рада, что ты не поехал в Константиноу, — призналась она. — Забудь Абдулла. Твоя жизнь теперь здесь, в Англии.

— Ты не права, Криста. Когда-нибудь я вернусь туда. Клянусь всем, что у меня есть святого, Абдулла не избежит кары за смерть моих родителей и все то зло, которое причинил. Потому что теперь я знаю: это он повинен в смерти не только матери, но и отца.

У Кристи упало сердце. Пока Марк стремится к мести, у них нет будущего. Ей была невыносима мысль потерять его теперь, когда он вновь появился в ее жизни. Она должна найти способ переубедить его.

— Если ты так хочешь этого, Марк, я желаю тебе удачи, — печально произнесла она.

— Ты говоришь так, как будто мы видимся в последний раз, — резко ответил Марк.

— Твой путь лежит в стороне от моего, — прерывающимся голосом проговорила она. — Возможно, он ведет к Уиллоу, которой ты обязан жизнью. А мое будущее... с Брайаном, — солгала она. — Мы должны скоро пожениться.

— Нет! — возразил Марк. — Мы созданы друг для друга. Уиллоу понимает, что благодарность — это единственное, что я к ней испытываю. Она знает, что я ее не люблю. А как насчет тебя? Можешь ли ты честно сказать, что любишь Брайана?

— Мне он нравится, — покривила душой Криста. — Наш брак был решенным делом задолго до того, как я встретила тебя. Мои родители очень хотят этого, и... я чувствую себя обязанной выполнить их волю.

— К черту обязанности! — прорычал Марк, помрачнев. — Ты моя! И если у тебя на этот счет есть какие-либо сомнения, я заставлю тебя забыть о них.

18

Гнев и смятение охватили Марка. Он взял Кристу за подбородок, запрокинул ее голову, пронзительным взглядом проник в самую глубину ее голубых глаз. И в следующее мгновение он впился ей в губы требовательным поцелуем, который тут же воспламенил ее. В безнадежной попытке не поддаваться чувствам она прерывисто дышала, в то время как он терзал ее губы, властно пытаясь разжать их языком. Сквозь тонкий шелк платья она чувствовала, как в нем

поднимается неукротимое желание, и он все крепче сжимал ее в объятиях.

— Прекрасная сирена, станешь ли ты теперь отрицать, что мы созданы друг для друга? Аллах свел нас, и ничто другое не имеет значения.

— Теперь... теперь все по-другому, Марк, — настойчиво возразила Криста. — Многое изменилось. И мы стали другими. Теперь ты должен принимать в расчет Уиллоу. Твой долг перед ней не так-то легко сбросить со счетов. А как быть с Брайаном?

— К черту Уиллоу! — вспыхнул Марк, давая волю своему гневу. — Ты моя, и я возьму тебя, и пусть Уиллоу с Брайаном убираются к черту!

Марк с силой рванул вниз ее глубоко вырезанный корсаж и, прежде чем она успела возразить, высвободил ее груди. Прохладный ночной ветерок коснулся их, и против воли Кристи соски ее набухли в ответ на его желание. Он тихо засмеялся, когда их розовые бутоны затвердели, обрели почти болезненную чувствительность. «Она сама страсть, — с гордостью подумал он, — моя нежная, дикая лань, единственная в мире женщина, которая мне нужна». По мере того как его руки все жарче ласкали ее трепещущую, налившуюся грудь, сладкая истома подымалась в ней, пока наконец жаркое пламя не разлилось по незащитному телу, угрожая поглотить все ее существо. И тут она ощутила, как он горячими губами обхватил ее сосок и стал ласкать его языком, слегка прикусывая. Внезапно страсть охватила Кристу с такой силой, что она вцепилась в плечи Марка, чтобы не погибнуть в этом водовороте.

— Нет, Марк, нет! Не здесь! — умоляюще простонала она, опасаясь, что Уиллоу, или Брайан, или кто-нибудь из гостей в любой момент могут наткнуться на них. Но он остался глух к ее мольбам. Его рука скользнула вниз, он поднял подол ее платья, и она ощутила его горячие пальцы на своем бедре. Затем они нашли влажную плоть, и Криста задохнулась от чувственного порыва, вызванного его прикосновением. Его нежные ласки привели ее в исступление, и слова протеста замерли у нее на устах, когда он своими волшебными пальцами стал ласкать ее пульсирующую плоть.

— Я хочу дать тебе наслаждение, любовь моя, — нежно прошептал ей Марк. — Не отстраняйся от меня. Я испытываю блаженство, доставляя тебе удовольствие.

Его пальцы возобновили неистовый танец, входя и выходя из нее, и утонченная ласка вызывала в ней ощущение небывалого восторга. Стон сладкой боли, сорвавшийся с ее губ, был прерван поцелуем Марка, и она замерла, дрожа от страсти. Ее восторг отразился во взгляде Марка, и он начал торопливо стягивать панталоны, дрожа от нетерпения. Он еще крепче прижал ее к себе, и Криста ощутила его плоть, готовую ворваться в ее изнывающее от желания лоно.

Но его намерениям не суждено было воплотиться. Послышался легкий шум. Кто-то шел по дорожке, камешки шуршали под чьими-то ногами, и они, вздрогнув, разомкнули объятия.

— Марк, ты где? — услышали они раздраженный голос.

— Черт! — шепотом выругался Марк, отстраняясь от Кристи и торопливо приводя свою одежду в некое подобие порядка. Потом он принялся помогать Кристе.

— Марк, — недовольно повторила Уиллоу, — я знаю, что ты здесь, хотя Аллен всеми силами пытался убедить меня в обратном. Ты один?

— Придется ответить, — со вздохом сказала Криста. — Надеюсь, у тебя есть правдоподобное объяснение для... Уиллоу?

— Я ничего не должен ей объяснять, — раздраженно отрезал Марк.

Еще немного — и он бы овладел женщиной, обладать которой так жаждал, женщиной, о которой так долго мечтал. И вот эта драгоценная надежда рассыпалась в прах, и не осталось ничего, кроме неутоленного желания. Криста принадлежит ему, черт побери, и если для того, чтобы она поняла, что жизнь с Брайаном Кентом не ее кismet, нужно насилие — он готов его совершить. Подхватив Кристу под локоть, Марк двинулся по лабиринту, уверенно ориентируясь в поворотах. Лицо его еще горело от подавленной страсти, страсти, утолить которую могла только Криста. Когда они достигли выхода, Криста увидела, что Уиллоу не одна. Рядом с ней стоял красивый юноша, который смотрел на Кристу с таким выражением, словно увидел привидение.

— Извини, Марк, — юноша пожал плечами. — Я пытался, но...

— Все в порядке, Аллен. — Марк похлопал его по плечу. Повернувшись к Кристе и игнорируя злобный взгляд Уиллоу, которая узнала в женщине, завладевшей Марком, Кристу, он произнес: — Криста, это мой брат Аллен. Аллен — мисс Криста Хортон.

— Ясид! — ахнула Криста, расширив глаза от изумления. — Я думала...

— Аллен, — вежливо поправил ее юноша. — Моя мать выбрала для меня это имя. Конечно, вы не могли знать, что я прибыл в Англию почти в то же время, когда Марк уехал. Герцог был еще жив.

— Признаюсь, я испытал шок, когда на пороге моего дома меня встретил Аллен, — вмешался Марк, любовь которого к брату была написана на его лице. — Я боялся, что больше никогда не увижу его.

— Но каким же образом?..

— Пусть Аллен вам сам все расскажет, — нетерпеливо вмешалась в разговор Уиллоу, которая не понимала, о чем речь, и начинала чувствовать себя лишней. — Я за весь вечер почти не видела Марка, и поскольку он все-таки мой кавалер, то я намерена полностью завладеть им на оставшееся время.

Марк недовольно поморщился, однако позволил Уиллоу взять себя под руку и направился с ней к дому. Безусловно, было бы вопиющим неприличием с его стороны игнорировать даму, которую он сам пригласил на бал, и правила хорошего тона требовали, чтобы он оставался с ней до конца вечера. Обернувшись, он бросил Кристе извиняющийся взгляд, в котором она прочла обещание, что их следующая встреча будет более приятной.

— Проводи Кристу в дом, — попросил он брата. Криста смотрела, как Марк под руку со своей спасительницей идет к приветливо освещенному дому. До нее донесся жалобный голос Уиллоу:

— Чем ты занимался с этой женщиной в лабиринте? Поскольку все вокруг знают, что она собой представляет, я бы на ее месте не осмелилась показаться в свете!

Резких слов Марка Криста не расслышала, однако после его фразы Уиллоу умолкла. Даже при неясном свете луны Аллен заметил, как щеки Кристи покрыл густой румянец, и его охватило желание свернуть изящную шейку Уиллоу. Конечно же, он знал все о Кристе и Марке, так как за время болезни брата он проводил у его изголовья долгие часы, вновь и вновь слушая трагическую историю их любви.

— Не обращайтесь внимания на Уиллоу, Криста, — попытался он успокоить ее, и голос его был полон сочувствия. — Она столь же порочна, сколь ревнива. Я точно знаю, что вы — единственная женщина, которую любит мой брат.

— А вы... вы все о нас знаете?

— Не тревожьтесь. Мы с Марком очень близки. За время его долгой болезни он все мне рассказал. Я все знаю.

Криста опустила голову, не в силах посмотреть Аллену в глаза, зеленые глаза, которые были так похожи на глаза Марка. Он вообще был поразительно похож на брата. Высокий, стройный, как струна, с гордым профилем. Только более темные волосы да юный вид отличали его от Марка.

— Криста, не нужно стыдиться чувств, которые вы испытываете к моему брату. Не отрекайтесь от этой любви.

— Вы не понимаете, Аллен, — вздохнула Криста. — Я хотела лишь объяснить Марку, что мы оба сильно изменились. В нашей жизни многое произошло, и нам приходится считаться с чувствами других. Марк... Он обязан Уиллоу жизнью, и она надеется... стать его женой.

— Марк сам сказал вам, что он связан с Уиллоу обязательствами? — спросил Аллен.

— Не совсем так, — уклончиво ответила Криста, — но ведь все кругом только и говорят об этом. Это же очевидно, что они должны быть вместе.

— Мне или Марку — нет. Мой брат любит вас. Говорил он вам, что мне пришлось силой удерживать его от возвращения в Константинополи, когда он физически был еще слишком слаб? Рассказывал он вам, как я отговаривал его от борьбы с Абдуллой, победить в которой у него не было шансов?

— Значит, вы знаете и о том, что Абдулла держал меня в плену...

— Да, Марк рассказал мне все. Все, — повторил он с ударением.

— О! — простонала Криста. Значит, Марк рассказал и о ее предполагаемой беременности! Не удивительно, что Аллен отговаривал брата, когда тот хотел броситься спасать женщину, которая была наложницей Абдуллы. Криста уже совсем было собралась сообщить ему всю правду, но в последний момент решила предоставить это Марку и сменила тему: — Расскажите, как вы оказались в Лондоне, Аллен. Как вам удалось бежать из Константинополи?

— Великий визирь узнал о заговоре Абдуллы, стремившегося захватить власть, и сообщил мне об этом. В то время меня не было в Константинополи — я охотился с туарегами. Выслушав гонца, я сразу же вернулся в город, надеясь спасти мать, но было уже поздно. Абдулла успел расправиться с ней. — Голос юноши дрогнул от волнения, и Криста сочувственно положила руку ему на плечо. Справившись с собой, Аллен продолжал: — Я знал, что без Марка ничего не смогу сделать и только погибну, поэтому я сбежал из Константинополи, пока еще было время, надеясь, что Марк еще в Англии. Но, очевидно, послание великого визиря опередило меня, так как по приезде я узнал, что его уже там нет. Благодарение судьбе, герцога я застал еще в живых. Вскоре он умер, завещав свой титул и владения Марку.

— И вы все это время оставались в Англии? — спросила Криста.

— Я не знал, где искать Марка, но понимал, что, если буду оставаться на месте, он тем или иным способом найдет меня или даст знать, где мы сможем встретиться. Великий визирь, конечно, знал, куда я отправился, но его убили вскоре после того, как я покинул Алжир. Абдулла боялся видеть людей, которые напоминали ему о правлении отца.

К этому времени они подошли к дому, и на пороге их настиг шум бала. И Брайан.

— Где ты была, Криста? — с неудовольствием спросил он, окидывая Аллена враждебным взглядом. — Я искал тебя повсюду.

— Нет причин для беспокойства, Брайан, я всего лишь вышла подышать воздухом, — спокойно ответила Криста. — Брат герцога любезно согласился составить мне компанию. Ты знаком с лордом Алленом?

Брайан с подобострастной улыбкой повернулся к юноше, стоявшему рядом с его невестой.

— Не имел счастья. Рад познакомиться с вами, милорд. Брайан Кент, жених мисс Хортон. — Аллен слегка склонил голову, удивляясь про себя, как Криста могла связать свою судьбу с таким неприятным напыщенным человеком.

— Мистер Кент, мисс Хортон, рад был с вами познакомиться. — Взгляд его зеленых глаз, казалось, пронизывал Кристу насквозь, и в нем ясно читалось мнение Аллена о ее женихе.

Весь оставшийся вечер Криста провела как в тумане — танцевала, улыбалась, поддерживала разговор, время от времени бросая взгляд на Марка и Уиллоу, которые вели себя как близкие друзья. Или как любовники. Затем внезапно перед ними возник Аллен и пригласил Брайана в библиотеку выпить чего-нибудь покрепче, чем пунш. Глаза Брайана вспыхнули от гордости — ведь единственный брат герцога оказал ему такую честь, — и он с готовностью согласился, оставив Кристу и даже не оглянувшись. В тот момент, когда они скрылись за дверью, крепкие руки подхватили Кристу и увлекли ее в толпу танцующих. Подняв глаза, она увидела Марка, который с лукавой улыбкой смотрел на нее сверху вниз.

— Что это за интриги? — спросила она, едва скрывая радость.

— Жених не любит тебя, Криста, — решительно заявил Марк. — Я обратил внимание, как он ушел. Ему и в голову не пришло, что тебе может это быть неприятно. Ты нужна ему только для того, что бы обеспечить его карьеру. — Марк гордился своей способностью определить характер человека и умением узнать влюбленного, если он видел его. Брайан Кент никоим образом не был похож на человека, по терявшего голову от любви.

— Откуда ты можешь знать? — ответила Криста сухо. Хотя она и не могла отрицать справедливости его слов, было бы слишком больно признать, что Брайан не питал к ней истинного чувства.

— И ты не любишь его, — невозмутимо продолжал Марк.

— Марк, ну пожалуйста, не пытайся навязывать мне свою волю. Я тебе не пара. В Лондоне ходят слухи о моем прошлом, и меня могут в любой момент перестать принимать в приличных домах. Я недостойна тебя. А кроме того, в один прекрасный день ты вернешься в Константинополь и...

— Если ты станешь моей женой, Криста, то, может быть, тебе удастся убедить меня остаться в Англии, — прервал ее Марк.

Криста была ошеломлена.

— Я тебе не верю, Марк. Ты не успокоишься, пока не отомстишь Абдулле и не вернешь себе власть.

— Возможно, — с виноватым видом ответил Марк. — Но если я стану беем, то изменю закон, чтобы ты могла стать моей женой.

— Если бы это было возможно, твой отец давно бы уже сделал это для твоей матери, — невесело усмехнулась Криста.

— Отец был приверженцем старых традиций, а я бы провел реформы, если бы у меня была власть. Я хочу тебя, Криста, и я добьюсь тебя. И пусть Брайан убирается к черту!

Хотя он говорил, понизив голос, последние его слова были услышаны Уиллоу, которая умудрилась заставить кавалера, с которым она танцевала, не удалятся слишком далеко от интересующей ее пары. Марк и Криста были так заняты друг другом, что не заметили Уиллоу и не увидели злорадного выражения, которое появилось на ее лице. Опытная интриганка, Уиллоу легко могла придумать способ закрыть Кристе доступ в светское общество, а заодно и устроить грандиозный скандал. А когда Криста станет отверженной, Марк наконец поймет, что такая жена ему не подходит.

Злобно усмехнувшись, она прошептала что-то на ухо своему партнеру, известному сплетнику, который бросил на Кристу ошеломленный взгляд, а затем наклонился, боясь упустить хоть слово из такой многообещающей истории.

— Пожалуйста, Марк, не смотри на меня так, — умоляюще сказала Криста. — Люди начинают обращать на нас внимание.

Бросив взгляд по сторонам, Марк заметил, что они действительно стали центром внимания. Даже те, кто стоял вдоль стен, проявляли к ним необычайный интерес.

— Не обращай внимания, — сказал он, надеясь, что Криста не видит Уиллоу, окруженную группой гостей, которые с явным интересом слушали, что она им рассказывает. Неужели Уиллоу говорит что-то о Кристе, о том, что с ней случилось в Константине?

Ведь он велел ей держать язык за зубами. Марк тут же постарался отвлечь внимание Кристи:
— Где ты остановилась?

— Я живу в доме, который раньше принадлежал моей тетушке, — ответила Криста. — Она вышла замуж и оставила дом мне. Тетя Мэри отправилась со своим мужем в свадебное путешествие.

— И ты живешь там одна? Только со слугами? — Марк ощутил жгучую ревность, подумав, что Брайан Кент имеет возможность свободно бывать у Кристи.

— Со мной Элисса и Ленора.

— Ленора? Неужели та самая Ленора, что прислуживала моей матери? — Криста кивнула. — И Элисса? Ты привезла с собой эту маленькую негодяйку в Лондон?

Криста возмутилась;

— Она сильно изменилась, Марк. Она совсем не такая, какой ты ее знал. Я уже говорила тебе, мы подружались. Эта девушка так много перенесла, с тех пор как ты видел ее в последний раз, и она сделала мне много добра.

Марк с сомнением покачал головой, но ради Кристи он готов был смириться и принять Элиссу как некую неизбежность.

— Омар будет рад услышать, что Элисса жива и в безопасности. Хоть он иногда был слишком суровым отцом, но судьба Элиссы его очень беспокоит.

— Омар здесь, с тобой?

— Он нашел меня в Алжире, когда Уиллоу вы купила меня. Ему удалось поступить матросом на тот же корабль, и Омар прибыл в Англию вместе с нами. Он не захотел бросить меня.

Внезапно музыка смолкла, и они вышли из круга танцующих, ловя на себе любопытные взгляды. Поскольку Брайана нигде не было видно, Криста торопливо извинилась и направилась в дамскую комнату, заметив, как Уиллоу поспешила к Марку. Прихорашиваясь перед зеркалом и поправляя прическу, Криста не обращала внимания на увешанных драгоценностями перезрелых матрон, которые зашли следом за ней и теперь бросали на нее беззастенчивые взгляды, почти не скрывая презрения.

— Я даже представить себе не могла, что сэр Питер может пригласить такую женщину на прием в честь герцога Мальборо, — прошипела одна из них, кивнув в сторону Кристи.

— Подумать только! По своей воле стать общей наложницей корсаров! — возмущались они, как будто Кристи не было в комнате. — О чем только думает сэр Питер! А этот ее жених? Что это за мужчина, который собирается связать свою жизнь с женщиной, репутация которой запятнана! Интересно, сколько пиратов она пропустила через себя?

— Кто-то должен поговорить с его светлостью. Я видела, как он смотрел на нее, когда они танцевали. Если бы он знал, кто она такая, то, я уверена, сделал бы все, чтобы не иметь ничего общего с женщиной, пользующейся такой дурной славой.

Завершив туалет, матроны надменно выплыли из комнаты. Проходя мимо оторопевшей Кристи, они брезгливо поджали губы.

— О господи! — разрыдалась Криста, закрыв лицо руками. — Кто мог это сделать?

Ответ пришел сам собой. Только Уиллоу могла распусть о ней эти грязные слухи. Снедаемая ревностью, она до такой степени искажила истину, что от репутации Кристи остались одни лишь рваные лоскутки. С одним желанием — спрятаться от всех, остаться одной — Криста выбежала из дамской комнаты и бросилась искать Брайана, с болью ловя на себе насмешливые взгляды и слыша вслед уничтожающие реплики. Вдох облегчения вырвался у нее, когда она увидела, как Брайан в блаженном неведении входит в зал вместе с Алленом. Бросившись к нему, она умоляюще произнесла:

— Брайан, я хочу уйти. Прямо сейчас. Прошу тебя!

— Уйти? Сейчас? — тупо повторил Брайан. — Но мне так весело.

— Ну пожалуйста, Брайан! Я плохо себя чувствую.

— В таком случае, дорогая, конечно, идем, — неохотно уступил Брайан.

Аллен с удивлением наблюдал эту сцену, а затем пошел искать Марка. Судя по всему, поспешный отъезд Кристи был вызван каким-то происшествием, и он был намерен выяснить, каким именно.

Несмотря на поздний час, Криста была еще в постели и не находила в себе ни сил, ни желания встать и начать новый день. Вчерашний вечер был сплошным кошмаром. Конечно, найти Марка живым и здоровым — это было чудо, но когда она узнала, что Уиллоу так прочно вошла в его жизнь, это повергло ее в пучину отчаяния. Зная, как ревнива Уиллоу, она должна была догадаться, что эта женщина без колебаний отомстит сопернице при первой же возможности. Если Уиллоу поставила перед собой задачу опорочить и унижить ее в глазах общества и Марка, она блистательно с ней справилась.

— Криста, тебе нездоровится? — Криста была так поглощена своими страданиями, что не слышала, как вошла Элисса. — Это на тебя совсем не похоже — так долго лежать в постели. Я слышала, как ты вернулась вчера, было еще совсем не поздно. Ты хорошо повеселилась?

— Если бы ты только знала, — простонала Криста вспомнив злобные высказывания двух матрон.

— Что случилось? Брайан...

— Брайан здесь ни при чем, Элисса. Присядь, дорогая. А то ты не устоишь на ногах, когда я тебе все расскажу.

Она приподнялась, дав Элиссе возможность взбить подушки, потом берберка села рядом.

— Ахмед жив и здоров. Он в Англии.

— Принц Ахмед жив? — от такой вести Элисса засияла от восторга. — Как ты об этом узнала? Не ужели, — догадалась она, — ты встретила с ним на балу? Так новый герцог Мальборо — это Ахмед?

— Совершенно верно, — подтвердила Криста с невеселой усмешкой. — Можешь представить себе мое состояние, когда я столкнулась с ним лицом к лицу вчера вечером.

— Я думаю, он испытал такое же потрясение, — улыбнулась Элисса. — Тебе удалось поговорить с ним наедине?

— Да, — кивнула Криста. — Видишь ли, одна леди успела выкупить Ахмеда на волю, прежде чем его продали испанцам. Леди, с которой он был давно знаком. Вообще-то она была его любовницей. Ахмед был очень болен, и она привезла его в Англию.

— О-о-о... — протянула Элисса, явно не зная, что сказать. — Ахмед знает правду? О том, что ты не была беременна.

— Теперь его зовут Марк, и я, конечно же, все ему рассказала. К счастью, он все понял и не стал меня упрекать. Но это уже не имеет значения. Я попросила, чтобы он устраивал свою жизнь без меня. Женщине с такой репутацией нет места в его будущем.

— Криста, о чем ты говоришь? Это же просто смешно!

— Я тебе еще не все рассказала.

— Не все?

— Уиллоу Лэнгтри — та женщина, которая выкупила Марка, — была на борту «Милого друга», когда Рыжебородый напал на судно. Она ничего не знает о том, что произошло после того, как он взял меня в плен, и все же распространяет обо мне грязные сплетни. На балу она всем рассказывала, что я... что я добровольно отдавалась пиратам. Разумеется, это вранье, но новость распространилась как пожар, и я в одно мгновение оказалась изгоем. Все смотрели на меня с презрением и отвращением. Если Уиллоу надеялась так меня унижить, чтобы Марк сам отказался от меня, она добилась успеха. Трудно было бы придумать более действенный и быстрый способ меня устранить.

— Какая мерзкая женщина, — с отвращением скривилась Элисса. — Но я думаю, у Ахмеда хватит ума не обращать внимания на злые женские языки. Он ведь знает о том, что с тобой случилось, всю правду.

— Теперь он герцог, Элисса. Связь со мной повредит его репутации, и ему будет закрыт доступ в высшее общество. Даже Аллен понимает всю сложность положения.

— Аллен?

— Да, ты ведь не знаешь! Брат Марка Ясид тоже в Англии. Теперь он носит имя Аллен. Он приехал почти одновременно с отъездом Марка. Я знаю, Марк был счастлив, узнав, что его брат жив и находится в безопасности. Его очень беспокоила его судьба. Я хочу, чтобы ты знала еще кое-что, Элисса, — улыбнулась Криста, и в глазах ее засверкали веселые искорки. — Омар здесь, с Марком.

— Мой отец? Он жив и тоже в Англии? — радостно воскликнула Элисса. — Я была почти уверена, что он погиб, когда люди Абдуллы бросили его в пустыне.

— Твой отец не из тех, кого легко уничтожить, — заметила Криста, представив огромную фигуру этого человека, который столько раз доказывал свою преданность Марку.

— Я должна немедленно все рассказать Леноре об Ахмеди — я хотела сказать, Марке — и об отце.

Она тоже будет очень рада. — Внезапно ей пришла в голову отрезвляющая мысль, и она нахмурилась: — И что ты теперь намерена делать, Криста? Я говорю о Брайане. Он ведь надеется, что свадьба скоро состоится.

— Не знаю, — задумчиво произнесла Криста. — Мне нужно время подумать. Я бы сделала все ради спокойствия моих родителей, но...

— А ты сама? Разве твое счастье не в счет?

— Мои желания не имеют большого значения, — покачала головой Криста.

— Марк любит тебя, я знаю.

— И я его люблю, но слишком многое произошло с тех пор, как мы расстались, многое, с чем не обходимо считаться. Как долго он пробудет в Англии? Ведь он всей душой стремится в Константинополь сражаться с Абдуллой. Я боюсь, Элисса. Боюсь следовать велению сердца. Но

если я снова потеряю его, это меня убьет.

19

Криста не особенно удивилась, увидев утром Марка в своем доме. Гораздо больше ее поразило то, что вместе с Марком приехал его младший брат. На лице Марка застыло выражение непреклонности, словно он был готов дать отпор каждому, кто осмелился бы его остановить.

— Марк, что ты здесь делаешь?

— Я же сказал тебе вчера, что нам нужно поговорить. — Когда Криста перевела взгляд на Аллена, Марк добавил: — Аллен проводит Элиссе к ее отцу. Будь добра, позови ее.

— А почему Омар сам не приехал сюда вместе с тобой? — с подозрением спросила Криста.

Марк улыбнулся. На смуглом лице сверкнул ряд белоснежных зубов.

— Я не хотел, чтобы нам мешали. Ленора тоже поедет с ними. Ты позовешь их или мне позвать?

Криста возмутилась:

— Это все-таки мой дом, и я...

— Элисса! — крикнул Марк. — Ленора! Криста взглянула на Аллена, ожидая поддержки, но тот только рассмеялся и пожал плечами.

Элисса появилась почти мгновенно.

— Принц Ахмед, — приветствовала она его не много сдержанно, помня о той ночи, когда так старалась соблазнить его.

— Я вижу, что Криста очень любит тебя, Элисса. Поэтому ты можешь называть меня Марком. В Англии я ношу это имя, — довольно холодно ответил ей Марк. Было ясно, что он не испытывает к Элиссе слишком нежных чувств. — Это мой брат, Аллен. Он здесь для того, чтобы отвезти тебя к твоему отцу. Вас будет сопровождать Ленора.

Всю жизнь Элиссе учили беспрекословно повиноваться воле мужчины, поэтому ей даже не пришло в голову усомниться в том, что Марк имеет право здесь распоряжаться. Она только согласно кивнула. Бросив на Аллена робкий взгляд сквозь завесу густых черных ресниц, она вдруг залилась румянцем и подумала, что младший брат Марка не менее красив, чем он сам. Резкие черты смуглого лица и яркие зеленые глаза пленили ее, и с этого мгновения ее сердце было навсегда отдано молодому человеку.

Аллен был почти так же взволнован, как и Элисса. Он решил, что после Кристи Элисса самое изысканное создание, какое он когда-либо видел. У нее были тонкие черты лица, а губы — полные и яркие. Высокие, красиво очерченные скулы придавали ее экзотической внешности налет таинственности. Гладкая шелковистая кожа тепло мерцала золотистыми полутонами, а грива волнистых темных волос спускалась до тонкой талии, которая плавно переходила в округлые бедра. Аллен не мог оторвать заблестевших глаз от ее высокой пышной груди и думал, что эта девушка похожа на прелестный редкий цветок. Но Криста и Марк были так поглощены друг другом, что даже не обратили внимания на явный интерес Аллена к красавице берберке.

— Элисса, ты можешь никуда не ехать, если не хочешь, — с раздражением бросила Криста. — Ты не прислуга, чтобы тебе приказывали.

— Но я очень хочу повидаться с отцом, — нежным голоском проговорила Элисса, кокетливо поглядывая на Аллена. — И возьму с собой Ленору.

В этот миг появилась и сама Ленора, которая на ходу вытирала руки о передник.

— Меня звали? — деловито спросила она, и тут ее взгляд упал на гостей. Она ахнула от радости и бросилась обнимать сначала Марка, а потом младшего брата. Пока дети росли, она помогала леди Эмили воспитывать их и была очень к ним привязана. Но вдруг она вспомнила, что перед ней не мальчики, а взрослые мужчины, и смущенно отпрянула.

Но ни Марк, ни Аллен, казалось, ничуть не возражали против столь бурного проявления чувств, потому что оба хорошо помнили, как была предана Ленора их матери и как любила их самих. Когда Марк попросил ее сопровождать Элиссу к отцу, она сразу же согласилась, что повергло Кристу в еще большее замешательство. Но протестовать не имело никакого смысла, потому что Аллен уже проводил обеих женщин до двери и, коротко попрощавшись с Кристой, бросил многозначительный взгляд на брата, заставивший Кристу густо покраснеть. Понять смысл этого взгляда было нетрудно. Уже через минуту Криста осталась с Марком наедине.

Оглядевшись по сторонам, Марк схватил Кристу за руку и, не давая ей времени опомниться, увлек в гостиную, плотно прикрыв за собой дверь. Он испытующе взглянул на нее и спросил:

— Почему ты вчера так внезапно ушла?

Криста вскинула голову.

— Ты сам должен знать, что я не могла слышать все те гадости, которые обо мне говорили. Как ты думаешь, кто стал источником сплетен? Наверняка не Брайан, потому что он больше всего на свете боится, чтобы о моем прошлом стало хоть что-нибудь известно. Может быть, это твоих рук дело?

— Что? Криста, что ты такое говоришь? Ты же знаешь, что я не мог так поступить! — воскликнул ошеломленный Марк.

— Есть еще только один человек, который знает о том, что случилось со мной на борту шхуны.

— Уж не думаешь ли ты, что Уиллоу... О, я вижу, что именно о ней ты и думаешь. Не может быть, чтобы она на такое пошла. Я могу представить себе, что эта женщина способна на многое, когда что-то идет не так, как ей хочется, но распространять сплетни о тебе — это слишком низко.

— Уиллоу способна на все, лишь бы добиться своего. Ты же не станешь отрицать, что она ждет, что ты женишься на ней.

Марк замялся, не зная, что ответить.

— Должен признаться, что эта мысль приходила мне в голову, но я никогда серьезно не...

— Ты, может быть, и нет, а вот Уиллоу вполне серьезна в своем желании сделаться герцогиней Мальборо.

— Криста, я обязан Уиллоу жизнью и не могу отбросить ее в сторону как ненужную вещь, которая выполнила свое предназначение и больше не нужна. Кроме того, этот разговор ни к чему нас не приведет. Я пришел сюда, чтобы говорить не об Уиллоу, а о нас.

— Марк, неужели ты не понимаешь, что о «нас» не может быть и речи? Наши жизненные пути разошлись, и им уже не соединиться. Уиллоу мечтает выйти за тебя замуж, и я не вижу причин, по которым ее следовало бы лишать подобной чести.

— Но, Криста, я люблю тебя, а не ее. Неужели ты так быстро забыла, как хорошо нам было вместе? Мне не нужна никакая другая женщина, кроме тебя.

— Я... я все помню, — выдохнула Криста, невольно поддаваясь очарованию этих мерцающих зеленых глазах, которые пронзали ее душу и заставляли трепетать тело.

— А может, ты нуждаешься в напоминании? — резким тоном спросил Марк, начинавший терять терпение и выходить из себя из-за ее непонятного упрямства.

Он слегка коснулся пальцами локона на ее щеке, провел ими по ее дрожащим губам. Вся ее твердость исчезла, словно листья, унесенные осенним ветром, когда она почувствовала прикосновения любимых рук, от которых по всему ее телу разливались горячие волны. Его руки, скользившие по ее шее, открытым плечам, груди, пылали тем же жаром страсти, которая неумолимо нарастала в них обоих, несмотря на все попытки Кристи противиться нахлынувшим чувствам. Марк рывком притянул ее к себе, почти грубо, сцепил руки у нее за спиной и вкрадчиво прошептал ей в ухо:

— Прекрасная сирена, ты вызываешь во мне нестерпимое желание.

Спрятав лицо у него на груди, вдыхая его знакомый запах, Криста снова осознала, что она создана только для него и ни для кого другого. Отбросив бессмысленные попытки сопротивляться зову страсти, она обвила руками его шею. Его руки скользнули по ее спине, спустились ниже, крепко прижали ее бедра, и она ощутила его твердую плоть, которая лучше всяких слов говорила о силе его желания.

— У меня не было женщины с тех пор, как мы в последний раз любили друг друга в моей камере в Константине, — сказал Марк.

Криста слегка отстранилась от него, пораженная этим признанием. Неужели это правда? Не может быть! Разве может мужчина с таким темпераментом устоять перед страстной настойчивостью такой женщины, как Уиллоу?

— А как же Уиллоу? — вырвалось у нее. Марк отрицательно покачал головой.

— Сначала я был очень болен и слаб, а потом... Я не смог. Ради Аллаха, Криста, как я мог возжелать другую женщину, уже познав радость твоей любви? Мне никто не был нужен, хотя возможностей было достаточно.

— И все же ты женился бы на Уиллоу, если бы не появилась я и не вмешалась в твою жизнь, — не уверенно проговорила Криста.

— Не думаю, что это бы случилось. Скорее всего, если бы ты не появилась, я просто остался бы холостяком и передал бы Аллену право продолжить род Мальборо.

Считая, что они зря тратят время на ненужные разговоры, Марк крепко сжал ее в объятиях, и

у Кристи прервалось дыхание, когда он поймал ее губы и очертил их контур самым кончиком языка. Все мысли вылетели у нее из головы, и она жадно ответила на его поцелуй, приоткрыв губы и открыв дорогу его трепещущему языку.

Поцелуй еще длился, а его ловкие пальцы уже трудились над крючками и тесемками, с нежным нетерпением освобождая ее от сложного туалета, который наконец с легким шорохом упал к ее ногам. Томимая желанием скорее соединиться с ним, Криста помогала ему освободиться от одежды, и блаженный восторг охватил ее, когда пальцы коснулись его гладкой кожи. В следующее мгновение они уже лежали на мягком ковре, устилавшем пол, слившись в одно целое. С возбуждающей медлительностью его губы скользили ниже и ниже, оставляя влажный след на щеке, нежном подбородке, белой шее, затем задержались на соске, и его язык стал медленно ласкать набухший, словно готовый раскрыться бутон. Эта жаркая томительная ласка посылала дрожь возбуждения по всему ее телу.

Руки Кристи узнавали очертания его тела, каждый напряженный и трепещущий мускул, отвечавший на ее прикосновение. Она удивилась, когда Марк поймал ее руки и отвел их в стороны.

— Моя прекрасная сирена, если ты не перестанешь это делать, я могу потерять власть над собой. Я слишком долго был без женщины, а мне хотелось бы доставить тебе радость, — с легкой улыбкой объяснил он.

Прежде чем она успела понять намерения Марка, его губы нашли бархатистую щель между бедер. Его губы и язык проникали все глубже и глубже, жаркое пламя охватило ее, лоно увлажнилось, и необычайно острое ощущение стало растекаться по всему телу от той крошечной точки, которую ласкали его губы. Он искусно действовал то языком, то пальцами, чтобы продлить и усилить наслаждение, и так продолжалось до тех пор, пока ее голова не стала метаться по коврику, а с губ не сорвался хриплый стон близкого завершения. Тогда Марк приподнял руками ее ягодицы, и тут же огненный вихрь экстаза подхватил ее и унес за облака.

Она медленно возвращалась к действительности, испытывая ощущение, словно ее тело было рассеяно в пространстве по миллионам кусочков, а теперь они постепенно собирались воедино, и наконец она увидела Марка, который с любовью смотрел ей в глаза.

— Обожаю смотреть на твое лицо в миг наслаждения, — прошептал он и нежно поцеловал ее в мочку уха. — Но мое счастье будет полным только тогда, когда я проникну внутрь тебя. Тогда мы отправимся в рай вместе.

Криста вскрикнула, когда его набухшая плоть ворвалась в ее истекавшее влагой лоно, погрузившись в него, как входит кинжал в ножны. Марк застонал в страстном желании полного слияния, единения двух тел, предназначенных друг для друга самим Аллахом. Он все крепче прижимал ее тело к своему и ускорял движения, чувствуя, как волны наслаждения поднимаются от низа живота все выше и выше. Он овладевал Кристой с таким жаром, что это разжигало ее собственную страсть, как пламя охватывает предметы, грозя превратить их в золу. В какой-то миг Кристе показалось, что она сейчас умрет, но она лишь взлетела на высочайшую вершину блаженства, а в следующее мгновение Марк вскрикнул, догоняя ее. — И после всего, что сейчас произошло, ты еще смеешь не верить в кismet? Не веришь, что нам назначено судьбой быть вместе? — прошептал Марк, прерывисто дыша. — Разве Брайан Кент может дать тебе то, что даю я?

Криста молча покачала головой. Возразить было нечего, да она и не собиралась возражать.

Вдруг ее глаза удивленно расширились. Она почувствовала, как внутри ее его плоть вздрагивает, возвращается к жизни, растет.

— Марк, неужели ты еще... Я имею виду, что...

— Тебя удивляет, что я снова хочу тебя? — нежно улыбнулся он. — Я так давно не был с тобой, любовь моя, а ты еще прекраснее, чем я себе представлял. Твое тело совершенно во всем. — Он властным жестом провел рукой по изгибам ее тела, которое; отвечало ему легкой дрожью пробуждающегося желания. — Я люблю твою белоснежную грудь. Твои ноги так длинные и стройны. Твою талию я могу обхватить руками. Ты прекрасна, любовь моя, и я хочу тебя. Подари мне себя.

— Разве у меня есть выбор? — мягко улыбнулась Криста.

— Криста, я больше не хочу слышать о твоём браке с Брайаном Кентом, — твердо сказал Марк, когда они оба, уже одетые, сидели на диване в гостиной.

Криста сложила руки на коленях и кивнула.

— Да, я думаю, что у меня все равно ничего бы не вышло. Я не смогла бы позволить ему...

— Я понял, любовь моя, — заверил ее Марк и улыбнулся довольной улыбкой.

— Но, Марк, я недостаточно хороша для тебя, — упрямо твердила Криста. — Разве ты не слышал, что обо мне говорят? Эти сплетни распространяются со скоростью лесного пожара. Ты герцог и...

— Криста, позволь мне уладить все это самому. Только скажи Брайану, что не выйдешь за него, а остальное я беру на себя.

— Но есть еще Абдулла, — нерешительно проговорила Криста. — Ты согласен остаться в Англии? Забыть о мести? Или ты по-прежнему будешь стремиться в Константинополь, где тебя ждет смерть?

На его лице появилось выражение решимости, а взгляд стал твердым как сталь. Твердым и отсутствующим, словно он уже был где-то далеко-далеко. Потом так же быстро он вернулся к ней:

— Я не покину тебя надолго, любовь моя. Неужели ты так боишься, неужели совсем не веришь мне? Но я никогда не смогу забыть того, что сделал Абдулла с моими родителями, того, что он хотел сделать с тобой. Я не стремлюсь к власти, но мне не будет покоя, если я не отомщу Абдулле. И, Аллах свидетель, ему не уйти от моей мести.

Криста с жадностью смотрела на его лицо. Ее гордый принц. Хотела бы она, чтобы он был другим? «Нет!» — пришло к ней внезапное откровение. Но она должна добиться, чтобы он пообещал забыть о прошлом и смотреть только в будущее.

Она открыла было рот, чтобы облечь свою мысль в слова, но в это мгновение открылась входная дверь и послышались возбужденные голоса. Это означало, что вернулись Элисса и Ленора. Почувствовав, что Криста собиралась сказать что-то важное, Марк сказал:

— Потом. — И сразу вслед за этим прозвучал робкий стук в дверь гостиной.

— Он замечательный! — возбужденно воскликнула Элисса, как только за мужчинами закрылась дверь.

— Кто? — рассеянно поинтересовалась Криста, все мысли которой были поглощены Марком. — Твой отец?

— Да нет же, — рассмеялась Элисса, — хотя он тоже довольно милый. Я говорю об Аллене. Он такой же красивый, как и его старший брат. — Она тяжело вздохнула.

Криста наконец очнулась от грез и с доброй насмешкой взглянула на девушку.

— Ты говоришь о нем с таким обожанием, что я обо всем догадалась. Ты отдала свое сердце этому юноше.

Черные глаза ЭлиССы радостно заблестели.

— Криста, что произошло между тобой и Марком? Все уладилось?

— Я... Более или менее, — неопределенно сказала Криста, залившись румянцем до корней волос. — У нас было так мало времени.

— Мало времени! Да нас не было несколько часов... О! — Элисса лукаво рассмеялась. — Тогда, я думаю, вы действительно все уладили. А как же Брайан?

Я не могу выйти замуж за Брайана. Даже если мы с Марком расстанемся, я никогда не буду женой ни Брайана, ни кого-либо другого.

— Я так рада, — призналась Элисса. — Брайан Кент не для тебя. — Подумав, она решила не рассказывать Кристе о том, что Брайан Кент вел себя как человек без чести и совести. — Как ты думаешь, Марк собирается вернуться в Константи́ну? Аллен твердо уверен, что ему лучше не покидать Англию.

— Вот и я уверена в том же, — тяжело вздохнула Криста.

— Черт побери, Уиллоу, я не хочу тебя оскорбить, но ты же знаешь, как я отношусь к Кристе. — Марк стоял перед леди Уиллоу в ее пышно обставленной гостиной и с раздражением теребил шнур сонетки.

— Как можно, Марк, — укоризненно проговорила Уиллоу. — Криста совершенно не пара тебе. Ее репутация погублена навеки, и женитьба на ней была бы подобна самоубийству. Кроме того, — небрежно добавила она, — ты передо мной в долгу. Если бы не я, тебя давно съели бы рыбы.

Марк вспыхнул. Он и так ни на минуту не забывал, чем обязан Уиллоу, и был готов предложить ей все, что угодно, кроме брака. Наконец он собрался с духом и твердо произнес:

— Уиллоу, у нас с тобой ничего не получится. Я не люблю тебя и никогда даже не заикался о браке. Если я случайно сказал что-либо подобное, пока находился в бреду, то ты сама понимаешь, что это не в счет. Проси у меня что хочешь, только не это.

— Но мне от тебя нужно только это, дорогой, — обольстительно улыбнулась Уиллоу. — Я думаю, ты просто забыл, как хорошо нам было вместе. Были дни, когда ты был счастлив делить со мной постель. Если ты дашь мне возможность, мы можем вернуть это волшебное время.

Говоря это, Уиллоу придвигалась все ближе к Марку, пока ее пышная грудь не коснулась его груди. Озадаченная тем, что не чувствует никакой ответной реакции с его стороны, она прижалась к нему всем телом. Ни один из ее любовников не был так искусен в амурных забавах, как Марк, и она решила не останавливаться ни перед чем, чтобы снова завоевать его. В конце концов, после всего, что она для него сделала, Уиллоу была вправе ожидать большего, нежели простая благодарность.

— Прости меня, Уиллоу, — сказал Марк, решительно отодвигаясь от нее. — Я не предам Кристу и не откажусь от нее. Ни ради тебя, ни ради кого угодно другого. Я найду способ заплатить тебе свой долг, но забудь о браке.

— А что думает об этом жених Кристи? — с коварной усмешкой спросила Уиллоу. — Он знает о ваших отношениях? Думаешь, он так легко от нее откажется?

— Он не любит ее, — решительно возразил Марк. — Она нужна ему только для того, чтобы ее отец помог его продвижению по службе.

— Итак, ты хочешь сказать мне «прощай»?

— Я всегда буду тебе другом, Уиллоу.

— Я знаю, — презрительно фыркнула рыжеволосая вдовушка. — И если мне что-нибудь понадобится, я всегда могу обратиться к тебе. Так ведь? Благодарю покорно, но именно в том, чего я действительно хочу, ты мне отказываешь. Уходи, Марк. И не возвращайся до тех пор, пока не поймешь, какую ошибку ты совершил. Я буду ждать тебя.

Поняв, что все его старания достигнуть согласия со своей спасительницей окончились полным крахом, Марк пожал плечами и вышел. Теперь он даже не мог вспомнить, какое удовольствие получал когда-то от ее соблазнительного тела.

Оставшись одна, Уиллоу в порыве гнева схватила первый попавшийся под руку предмет — бесценную хрустальную вазу — и швырнула ее в закрывшуюся дверь. По ковру сверкающим дождем разлетелись мелкие осколки. Ощувив некоторое облегчение, она принялась лихорадочно придумывать способы отомстить женщине, которую Марк предпочел ей.

Уиллоу вспоминала те долгие дни и ночи в море, когда она ухаживала за Марком, сражаясь с лихорадкой, угрожавшей его жизни, вспоминала бессвязные слова, которые он произносил в бреду. И вдруг ее осенило, эти слова сложились в ясную картину, картину настолько невероятную, что сердце Уиллоу екнуло от восторга. Теперь она знала, как уничтожить эту томную блондинку, укравшую у нее единственного мужчину, который мог сделать ее счастливой.

В тот же день, ближе к вечеру Уиллоу стояла лицом к лицу с Кристой в гостиной, куда ее проводила Элисса.

— Рада видеть вас, Уиллоу, — сдержанно приветствовала ее Криста. — Элисса сказала, что вы хотите поговорить со мной.

— Не стройте из себя святую невинность, Криста. — Уиллоу возмущенно встряхнула огненно-рыжими волосами. — Ты слишком высоко метишь, моя дорогая. Поймать в свои сети герцога — это слишком хорошая добыча для дочери простого чиновника. Стоило Марку появиться, как ты тут же дала отставку Брайану Кенту. Тебе мало того, что ты и так успела достаточно ему навредить?

Криста вспыхнула от негодования, возмущенная наглым тоном нежданной гостьи.

— Я не причинила Марку никакого вреда! Я люблю его, и, как вам уже должно быть известно, он тоже меня любит.

— Ха! Любит! Ты просто околдовала его. Почему ты не осталась в Константине? Ведь в гареме шейха твое истинное место. Разве тебе не по душе было ублажать Абдуллу? А сколько корсаров побывало в твоей постели, прежде чем они продали тебя бею?

— Что? Откуда вам известно про Абдуллу? — встрепелась Криста. — Что сказал вам Марк?

— Не забывай о том, что я дни и ночи сидела у постели Марка, и то, о чем он не говорил в момент просветления, я узнавала из его бреда. А ты привезла в Англию ребенка бея? — невинно спросила Уиллоу.

— Вы... вы ошибаетесь, — едва смогла выговорить Криста, окончательно упав духом.

— Что-то в доме не слышно детского голоса, — язвительно продолжала Уиллоу. — Если ты будешь упорствовать в своем стремлении стать женой герцога Мальборо, весь Лондон узнает о том, что ты не только была девкой у берберских пиратов, но и наложницей бея Константины. Тебя изгонят из общества, и, если Марк окажется настолько глуп, что женится на тебе, та же участь ждет и его. — Уиллоу перевела дух, ожидая, пока ее слова достигнут цели, и Криста воспользовалась паузой.

— Никакого ребенка нет, — сказала она и, не дождавшись ответа Уиллоу, продолжала: — И ни когда не было. Это длинная история, Уиллоу, и мне не хотелось бы вас утомлять. Скажу только, что у меня не было ребенка ни от Абдуллы, ни от кого-либо другого.

— Я тебе не верю, — презрительно бросила Уиллоу. — И никто не поверит. Наверное, ты бросила ребенка в Константине. Или он умер. Но я убеждена, как, впрочем, и Марк, в том, что у тебя был ребенок от Абдуллы. Подумай, что будет с Марком, когда до него дойдут сплетни, и что будет с твоими родителями.

У Кристи упало сердце. Способна ли Уиллоу на такую подлость? Ответ напрашивался сам собой: конечно, способна. Особенно если в награду она надеется получить Марка. А что будет, если пренебречь ее угрозами?

— Ну что? — злорадно спросила Уиллоу. — А кроме всего прочего, Марк в неоплатном долгу передо мной и заплатить этот долг для него дело чести. Я имею на него очень большое влияние, сознает он это или нет. Пока его долг не оплачен, я могу делать с ним все, что захочу.

— Я знаю, что Марк обязан вам жизнью, но он не ваша собственность. Неужели вы думаете, что он будет спокойно смотреть, как вы распространяете обо мне грязные слухи? Все, что вы говорили, — ложь.

— Ложь? Не думаю. — Уиллоу улыбнулась с фальшивым сочувствием. — Разве ты не была рабыней Абдуллы? Разве не жила в его гареме?

Криста вспыхнула. Она не могла опровергнуть эти обвинения.

— Что вы хотите от меня, Уиллоу? — в отчаянии вскричала она. — Да, я была рабыней Абдуллы! Да, я жила в его гареме! Но он ни разу не обладал мной, и у меня не было от него ребенка. Боже, как вы жестоки!

Уиллоу пренебрежительно рассмеялась, ничуть не задетая ее словами.

— Может быть, я жестока, но вдобавок я очень практична и хорошо знаю, чего хочу. Я просто создана для роли герцогини. — Казалось, Уиллоу не много убавила свой воинственный пыл и слегка смягчилась. Во всяком случае, теперь она больше напоминала леди, чем рыночную торговку. — Я хочу, чтобы вы сказали Марку, что не любите его, а потом уехали. Вы можете выходить замуж за Кента, делать все, что вам заблагорассудится, только исчезните из нашей жизни.

— А если я откажусь? — с вызовом сказала Криста.

— Тогда весь Лондон будет вас презирать и потешаться над вами. Ваш позор станет известен всем, и вы не сможете появляться на людях. О Марке не беспокойтесь. Я знаю, как его утешить.

— Вы сошли с ума! Я не сделаю этого. Марк не даст вам опозорить меня. — Криста подумала, что, если она позволит Уиллоу запугать себя, она предаст любовь Марка. После всего, что ей пришлось пережить, она имеет право быть счастливой.

— Как мне убедить вас в том, что, как бы Марк ни относился к вам, я всегда буду занимать в его сердце первое место? — спросила Уиллоу, выведенная из себя упорством Кресты.

— Все это пустые слова, — спокойно произнесла Криста, решительно вздернув подбородок.

— Нет, я могу это доказать, — в запальчивости воскликнула Уиллоу. — И если мне это удастся, Марк будет моим.

Криста колебалась. Что ей делать? Конечно, Уиллоу блефует. Никто не может значить для Марка больше, чем женщина, которую он любит. Но что, если... Что, если Уиллоу права? Как она сможет идти с ним по жизни, сознавая, что самое главное для него — его долг перед Уиллоу? Если бы Криста могла предвидеть, что ложь, сочиненная Саидом, будет иметь такие далеко идущие последствия, она никогда не согласилась бы на его предложение.

— Если вы докажете мне, что по той или иной причине вы значите для Марка больше, чем я, я... я обещаю подумать.

— Это все, о чем я прошу, — с облегчением улыбнулась Уиллоу. — Не трудитесь меня провожать. Я найду дорогу. — Она скользнула мимо Кресты, прошуршав шелком и обдав ее удушливым запахом жасмина.

Разговор с Брайаном состоялся на следующий день. Он оказался нелегким. К этому времени Брайан уже знал сплетни, которые ползли по городу благодаря Уиллоу. Он уже сомневался в том, что ему стоит жениться на девушке со столь запятанным прошлым. Это вряд ли способствовало бы его карьере, и даже всего влияния сэра Уэсли Хортонна могло оказаться недостаточно, чтобы как-то сгладить сомнительную репутацию его дочери. Брайан все еще пребывал в сомнении, не зная, что выбор предстоит делать не ему. Криста твердо решила, что он не будет ее мужем ни при каких обстоятельствах.

— Мне жаль, Брайан, но я не люблю тебя, — сказала она, надеясь, что удар не окажется слишком сильным для него. Она могла бы не беспокоиться, потому что Брайан испытал лишь облегчение, услышав ее отказ, хотя его гордость была уязвлена тем, что не он первым разорвал помолвку. — Я выхожу замуж за другого.

— Что? — Брайан был поражен. — Кто он? Когда все это произошло?

— Я... Это герцог Мальборо. Я всегда любила его. Это он тот человек, о котором я тебе говорила. Но я думаю, что, даже если бы мы с Марком не встретились вновь, я все равно не вышла бы за тебя замуж.

— Герцог Мальборо! А я думал, что вы просто знакомые.

— Мы больше, чем знакомые, и больше, чем друзья. Мы были любовниками, — призналась Криста, краснея. — А теперь он сделал мне предложение, и я его приняла.

— И все это случилось за два дня? — пробормотал ошеломленный Брайан.

— Брайан, я не хочу вдаваться в подробности, но это случилось гораздо раньше.

— Если бы я был герцогом, ты относилась бы ко мне по-другому, — с обидой проговорил Брайан.

— Брайан, это нечестно! — Его слова глубоко уязвили Кристу. — Я люблю Марка, а не его титул. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Судьба старалась разъединить нас, но вот мы снова вместе.

— Ну что ж, дорогая, должен признаться, что я не очень-то огорчен, — мстительно произнес Брайан. — Я и сам решил разорвать нашу помолвку. Я не собираюсь жениться на публичной девке. Ясно, что герцог был лишь одним из твоих многочисленных любовников, не говоря уж о бее. Я слишком высоко себя ценю, чтобы брать порченный товар.

Криста задыхнулась от гнева:

— Как ты смеешь? Ты же утверждал, что любишь меня!

— Я это утверждал только ради своей выгоды, в надежде, что твой отец поможет моему продвижению по службе, — с оскорбительной усмешкой ответил Брайан. — А теперь я не возьму тебя, даже если ты будешь об этом умолять.

— Убирайся, Брайан! — приказала Криста ледяным тоном. После столкновения с Уиллоу терпеть оскорбления еще и от Брайана было невыносимо.

— Ухожу, дорогая, ухожу, — улыбнулся он, надевая шляпу. — Но если твой герцог вдруг бросит тебя, узнав о твоём... э-э... богатом прошлом, то не жди, что я к тебе вернусь. Разве что... — цинично добавил он, — разве что в придачу к тебе пойдет твоя крошка-горничная. Мне не придется скучать, если вы обе будете делить со мной постель.

— Убирайся, будь ты проклят! Ты подлец! — во весь голос закричала Криста. Только теперь она осознала истинную сущность своего бывшего жениха.

Брайан отвесил ей шутовской поклон и удалился с видом победителя.

Криста как подкошенная рухнула в кресло. Она благодарила судьбу за то, что та не позволила ей связать жизнь с Брайаном Кентом. Как она могла так ошибаться в людях? Если бы ее родители могли видеть истинное лицо Брайана, они никогда не стали бы настаивать на помолвке.

Потом она опять вспомнила Уиллоу и ее неожиданный визит, и страх охватил Кристу с новой

силой. Что задумала эта коварная женщина? Криста пыталась убедить себя, что у Уиллоу ничего не получится. Марк любит ее. Она должна ему верить.

20

Марка задержали неотложные дела, касавшиеся поместья деда, поэтому он приехал к Кристе только поздно вечером, уже после того, как у нее побывали сначала Уиллоу, а потом Брайан. И хотя весь день он провел в напряженных делах, мысли о Кристе не покидали его ни на минуту. Он вспоминал ее глаза, запах, прикосновения. Он любил ее! Никогда еще он не испытывал столь сильных чувств, более того, он даже никогда не представлял себе, что можно так любить. Один только вид ее прекрасного лица, сияющих глаз наполнял счастьем его душу.

— Марк! О Марк! — воскликнула Криста, бросаясь к нему в объятия, — Я так рада, что ты приехал.

Ему была приятна такая горячая встреча.

— Я думал, что этот день никогда не кончится. Бесконечные встречи с юристами, бесчисленные бумаги, которые нужно было подписывать. И все это, когда мне хотелось только одного — держать тебя в объятиях и обладать тобой снова и снова. Только теперь я понимаю, какой пыткой была жизнь без тебя.

— И для меня тоже, любовь моя, — взволнованно призналась Криста. — Эти два последних дня все во мне перевернуло.

— Ты сказала Брайану?

Криста кивнула.

— И как он это воспринял? Она поморщилась.

— Мне кажется, сердца это ему не разбило. Марк с любопытством взглянул на нее и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Марк, забудь о Брайане. Я не хочу о нем говорить. Достаточно того, что этот человек навсегда вычеркнут из моей жизни. Скоро приедут мои родители, я им все объясню, и, уверена, они будут на моей стороне.

— Где Элисса? — поинтересовался Марк, оглядываясь по сторонам.

— Отправилась на прогулку с Алленом, — улыбнулась Криста. — Твой брат, кажется, не на шутку ею увлекся.

— Надеюсь, он понимает, что делает, — проронил Марк. — А Ленора?

— Я думаю, уже в постели.

— Это значит, что мы одни, Криста. Я хочу тебя. Я весь день ждал этого часа.

Ответом ему были ее глаза, в которых вспыхнуло пламя страсти. Она разгладила тонким пальцем морщины на лбу, резкие складки, идущие от носа к уголкам рта, от которых ямочка на подбородке казалась заметнее. Густые волнистые волосы обрамляли его лицо, а длинные ресницы придавали особую глубину изумрудно-зеленым глазам, которые сейчас горели

желанием. Она хотела его так же, как он ее, и слова им были не нужны.

— Не смотри на меня так, прекрасная сирена, иначе я поддаюсь искушению и овладею тобой прямо здесь, на полу, — жарко шепнул Марк, прижимая ее к своему сильному телу. Она словно таяла в его объятиях, а когда он поймал ее губы губами, по телу Кристи разлилось знакомое тепло. Она слышала гулкие и частые удары его сердца, ощущала его руки, и тягучая сладкая боль, возникшая внизу живота, стала нарастать, распространяться, пока она не почувствовала, как тяжелеет, набухает и пульсирует самая сокровенная часть тела.

— Идем, любимый, — проговорила она в ответ, не слыша своих слов, потому что их заглушало биение ее собственного сердца. Криста крепко сжала его руку, собираясь подняться в свою спальню, не боясь Леноры, которая не осудила бы ее, случайно обнаружив Марка с ней рядом.

Внезапно раздался отчаянный звон колокольчика, и Марк издал невнятный возглас, в котором смешались боль неудовлетворенного желания и ярость, вызванная тем, что кто-то посмел ему помешать.

— Это Элисса? — недовольно спросил он Кристу.

— Нет, не думаю, у Элиссы есть ключ. — Звон не стихал, и Криста двинулась к двери.

— Не отвечай, — шепнул Марк, внезапно похолодев от дурного предчувствия.

Что-то в его голосе заставило Кристу остановиться, но тут она узнала голос, который раздавался за дверью.

— Марк! Криста! Я знаю, что вы там. Прошу вас, откройте дверь. У меня неотложное дело.

— Уиллоу, — простонал Марк. — Какого черта ей здесь нужно?

— Марк, прошу тебя! Мне нужна твоя помощь! По-видимому, она правильно выбрала слово, по тому что Марк немедленно откликнулся.

— Впусти ее, Криста. Должно быть, она попала в беду, раз появилась здесь.

Криста, донельзя раздосадованная вторжением Уиллоу, повиновалась. Не успела дверь открыться, как Уиллоу пулей влетела внутрь, бросилась к Марку и повисла на нем, делая вид, что вот-вот упадет в обморок. Выругавшись про себя, Марк послал Кристе извиняющийся взгляд и бережно поддержал Уиллоу.

— В чем дело? Что произошло, Уиллоу?

— Я в отчаянном положении и нуждаюсь в твоей помощи.

— В это время суток? Откуда ты узнала, где меня искать?

— Я пошла к тебе, и Омар, после того как я добрый час его уламывала, наконец сказал, где ты.

— Хорошо, хорошо. Что же такое могло случиться, что тебе пришлось меня выслеживать?

— Мы не могли бы поговорить наедине? — попросила Уиллоу, неприязненно покосившись на Кристу.

— У меня нет секретов от Кристи, — вежливо, но твердо возразил Марк.

Уиллоу пожала плечами.

— Ну что ж, как тебе будет угодно. Помнишь, я рассказывала тебе, что отец Роберта пытается лишить меня права на наследство сына? — Марк кивнул. — Этот подлец собирается повернуть дело таким образом: поскольку Роберт не имеет наследника, то его состояние и владения в Корнуолле, которые оставил ему дед, должны перейти к младшему брату Роберта. Марк, мне так нужна эта земля. Все, что я имею, это доход с нее, и без него я буду разорена. Лэнгтри всегда меня ненавидели и теперь пытаются оставить без гроша.

— И чем я могу тебе помочь?

— Марк, у меня нет никого, кто мог бы поддержать меня в трудную минуту, кроме тебя. Никого, кто мог бы за меня заступиться. Сегодня я получила известие, что на этой неделе в Корнуолле состоится слушание дела. Если ты мне не поможешь, я потеряю все. Если помнишь, в том, что это произошло, есть доля и твоей вины.

Марк невольно нахмурил брови. Он признавал, что обвинение Уиллоу имеет под собой основания. Лэнгтри возненавидели Уиллоу, когда узнали о ее связи с Марком во время отсутствия мужа.

— Уиллоу, я совсем не разбираюсь в законах. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ты должен поехать со мной в Корнуолл и помочь мне выиграть дело.

— Я знаком с одним опытным адвокатом, который как раз живет в Корнуолле. Мы вместе учились в школе. Я напишу ему, и ты...

— Нет! — воскликнула Уиллоу, глядя на него умоляющими глазами. — Это не то, что мне нужно. Я нуждаюсь в твоей поддержке, Марк. Неужели ты так скоро забыл, что я для тебя сделала?

Криста была вне себя от гнева. Только Уиллоу могло прийти в голову взывать к чувству вины, чтобы добиться сочувствия. Криста сразу заподозрила обман, потому что знала: эта женщина — одержимая, она не остановится ни перед чем, чтобы добиться своей цели. Неужели Уиллоу не понимает, что Марк не настолько наивен, чтобы поддаться на ее уловку? Или настолько? Ответ на этот вопрос она получила немедленно, и он ее ошеломил.

— Когда ты едешь, Уиллоу? — спросил Марк.

— Сейчас! Сию минуту! Нельзя терять времени. Корнуолл так далеко от Лондона.

— Подожди в карете, — приказал Марк. Голос его звучал холодно и отчужденно. — Я хочу поговорить с Кристой наедине.

— Конечно, — легко согласилась Уиллоу, которая в душе торжествовала победу. — Мне очень жаль, что все это случилось так не вовремя. — Хотя слова ее выражали сожаление, глаза сияли от радости.

— Ничего страшного, Уиллоу. Только подожди меня на улице, прошу тебя. — Как только за Уиллоу закрылась дверь, Марк бросился к Кристе и прижал ее к себе. — Я не мог отказать ей, любовь моя. Если бы не Уиллоу, мы сейчас не были бы вместе.

— Марк, прошу тебя, не уезжай, — умоляюще прошептала она, поднимая на него глаза,

полные слез. — Я не верю Уиллоу. Она готова на все, только бы разлучить нас. — Криста намеренно не стала рассказывать ему о разговоре с Уиллоу, так как хотела, чтобы ничто не могло повлиять на его решение, кроме любви к ней.

— Ты наверняка сама понимаешь, до чего мне не хочется ехать, но у меня нет выбора. Когда долг перед Уиллоу перестанет висеть надо мной как дамоклов меч, я освобожусь от нее. Тебе нечего бояться, любовь моя. Когда я вернусь, мы тут же поженимся. Быть вместе — наш кismet.

— Марк, я прошу тебя» нет, умоляю тебя не уезжать. Давай покончим с разлуками раз и навсегда.

— Я должен ехать, — твердо сказал Марк, изо всех сил стараясь не поддаться ее мольбам. Он разрывался между долгом и любовью, и долг победил.

— Помочь в трудную минуту — это самое меньшее, что он должен сделать для Уиллоу. А что касается Кристи, то у них вся жизнь впереди. — Я вернусь сразу, как только смогу, любовь моя. Ты будешь меня ждать?

— Я... наверное. — Криста с болью и страхом вспомнила, как уверена была Уиллоу в чувствах Марка, и свое собственное опрометчивое обещание отпустить его, если рыжеволосой красавице удастся переманить его на свою сторону. И вот Уиллоу уже через несколько часов доказала свою правоту, доказала, кому на самом деле верен Марк.

— Я знаю, ты сердисься, любовь моя, но... Дверь открылась, и Уиллоу нетерпеливо окликнула Марка:

— Что случилось? Почему ты так долго? Марк, у которого уже лопалось терпение, скороговоркой сказал Кристе:

— Неделя, от силы две, и я вернусь. Аллен пока за тобой присмотрит. — Потом он исчез, успев запечатлеть на ее губах страстный поцелуй, от которого у нее перехватило дыхание и задрожало все внутри.

— Не беспокойтесь о Марке, я о нем позабочусь, — бросила ей через плечо Уиллоу.

— Именно это ты и сделаешь, — с горечью пробормотала Криста, захлопывая за ними дверь.

Экипаж тронулся, и никто уже не видел, как она в изнеможении прислонилась к косяку, и не слышал ее душераздирающих рыданий.

Во время отсутствия Марка Аллен стал таким частым гостем в доме Кристи, что она поняла — его связывает с Элиссой нечто большее, чем простая симпатия. Поэтому она не удивилась, когда Элисса, застенчиво потупив взор, сообщила ей, что она рассказала Аллену все о своем прошлом, а он сказал, что будет любить ее, несмотря ни на что. Криста не знала, обрадует ли Марка такой поворот событий, но Аллен был уже достаточно взрослым человеком, чтобы самому принимать жизненно важные решения.

Как будто специально для того, чтобы осложнить положение, Ленора призналась, что питает нежные чувства к Омару, К чему это все приведет, Криста не имела ни малейшего представления, тем более что ее собственные отношения с Марком были далеко не простыми. Сама того не желая, она то и дело вызывала в памяти все, что говорила Уиллоу, и ее слова нравились Кристе все меньше и меньше. Она не сомневалась в любви Марка, но начинала

сомневаться в его преданности, а это ставило под угрозу их будущее. Что за жизнь их ждет, если Уиллоу и ее притязания на Марка будут постоянным источником взаимного недовольства и обид? И ее сомнения лишь укрепились, когда Аллен сообщил, что возвращение Марка откладывается на неопределенное время и по неизвестным причинам. А сам Марк ей не писал.

«После отъезда Марка вся жизнь словно разваливается по частям», — отстранение думала Криста, сидя напротив маленького близорукого человечка, который нервно тербил в руках шляпу. Это был Сайлас Фэргейт, поверенный тети Мэри. У Кристи по щекам катились крупные слезы, и она была не в силах вытереть их.

— Простите меня, мисс Хортон, за то, что я принес такую вест и стал как бы невольным виновником вашего горя, — сочувственно говорил поверенный. — Но поскольку вы являетесь единственной наследницей вашей тетушки, я чувствую себя обязанным ознакомить вас с обстоятельствами ее трагической кончины.

— Вы говорили, несчастный случай, — всхлипнула Криста.

— Да, в Италии. Их коляска перевернулась на узкой горной дороге и свалилась в пропасть. Трагично, поистине трагично, — покачал головой мистер Фэргейт.

— Но разве у тети было какое-нибудь состояние? — спросила озадаченная Криста. — Она, конечно, не бедствовала и жила в достатке, но богатой ее бы никто не назвал. Вы, кажется, сказали, что она назначила меня наследницей. Я не понимаю...

— Сейчас я все объясню, мисс Хортон, — проговорил законник, оживившись и вернувшись к деловому тону. — Видите ли, сэр Чарльз, муж вашей тетки, умер на несколько дней раньше, чем она. Собственно говоря, кончина постигла его прямо на месте, в то время как ваша тетушка прожила еще некоторое время, прежде чем скончалась от ран. Так вот, согласно воле сэра Чарльза после смерти все его имущество — движимое и недвижимое — переходит к его жене, то есть вашей тетушке, а та, в свою очередь, объявила наследницей вас. Поскольку сэр Чарльз умер первым, все получаете вы.

— Но как же другие наследники сэра Чарльза? — Криста не верила своим ушам.

— Их нет. Несколько лет назад эпидемия инфлюэнцы выкосила почти все это семейство, за исключением сэра Чарльза. У него не осталось даже отдаленных родственников. Поэтому вы, дитя мое, становитесь обладательницей значительного состояния благодаря вашей тетушке, да упокоит господь ее душу.

— Мне ничего не нужно... Лучше бы тетушка была жива...

— Наши жизни в руках божьих, — вздохнул поверенный. — Здесь у меня документы, в которых перечисляется все, чем вы теперь владеете, — деньги, вложения, земли и поместья. Даже замок в южной Франции, который вам, может быть, когда-нибудь захочется посетить.

Криста невидящим взором уставилась на бумагу, заполненную словами, которые казались ей лишенными всякого смысла.

— Я ознакомлюсь с этим потом, — проговорила она, — когда немного успокоюсь.

— Как пожелаете, мисс Хортон, — сказал Фэргейт. — Я буду счастлив быть вам полезным и впредь. Ваша тетушка доверила мне вести все ее дела, и я с удовольствием буду продолжать служить ее племяннице.

— Да, прошу вас, мистер Фэргейт. Я знаю, что тетя полностью на вас полагалась. Я напишу вам, когда сочту возможным. А сейчас мне слишком тяжело, я так любила тетю.

— Понимаю. — Мистер Фэргейт опустил голову. — Да, еще одно. Ваш отец извещен о случившемся, и, судя по всему, он скоро будет в Англии.

— Я также послал ему полный список ваших владений, чтобы он мог помогать вам в делах, когда приедет.

— Спасибо, мистер Фэргейт. Вы сделали все, что могли, и я очень ценю вашу доброту.

Запершись у себя в комнате, Криста безутешно рыдала, оплакивая безвременную и бессмысленную смерть тетки. Только сейчас она осознала, как любила ее эта добрая женщина. Больше всего Криста жалела о том, что тете. Мэри было суждено так недолго прожить с человеком, которого она полюбила, хотя эти несколько месяцев, должно быть, были самыми счастливыми в их жизни.

На следующий день на Кристу обрушился новый удар. Она получила записку от Уиллоу Лэнгтри, которую та послала с кучером из Корнуолла. Записка была очень короткой и недвусмысленной. В ней говорилось: «Марк останется со мной и пробудет здесь ровно столько, сколько я захочу. Какие еще доказательства вам нужны? Если вы не покинете Лондон, как обещали, до нашего возвращения, я позабочусь о том, чтобы ни один человек в обществе вас не принимал».

Подписи не было, но Криста в ней и не нуждалась.

Скомкав записку, она в порыве бессильной ярости швырнула ее в дверь. Чем дальше, тем больше Криста осознавала, насколько крепки узы, связывающие Марка и Уиллоу, — более крепки, чем узы любви к ней.

Когда тем же вечером Аллен зашел проведать Элиссу, Криста прямо спросила его:

— У вас есть вести от Марка?

Аллен смутился. Он негодовал на брата за то, что тот уехал с Уиллоу и заставил страдать Кристу. Даже за то короткое время, что Аллен был знаком с Уиллоу, он сумел разглядеть ее истинную сущность. Ему было совершенно ясно, что Уиллоу откровенно охотится за Марком, а тот не в силах противостоять ее напору, несмотря на всю его любовь к Кристе.

— Ничего не было, кроме того последнего письма, где говорилось о том, что отъезд откладывается.

Криста прикусила губу чуть не до крови.

— Я... я надеюсь, он скоро вернется.

— Послушайте, Криста. Марк вас очень любит, — горячо заявил юноша, — Его долг по отношению к Уиллоу никак не влияет на чувства, которые он испытывает к вам.

— Хотелось бы этому верить, — с грустной улыбкой проронила Криста, — но каждый новый день поселяет в моей душе новые сомнения.

— Криста, я уверен...

— Нет, Аллен, не надо искать ему оправданий. Я знаю, что Марк любит меня, но я не так глупа, чтобы недооценивать власть, которую имеет над ним Уиллоу. Пока Уиллоу будет вмешиваться в нашу жизнь, мы не сможем быть счастливы. Я знаю, она хочет расстроить наш брак, и, кажется, у нее это получится.

— Уиллоу вам угрожала? — недоверчиво спросил Аллен.

Криста была избавлена от необходимости отвечать, потому что в комнате появилась Элисса, и внимание Аллена тут же переключилось на нее. Криста воспользовалась случаем и тихонько выскользнула из комнаты. Ей надо было как следует все обдумать.

Брайан выжидательно остановился на пороге, протянув руку к шнуру колокольчика. В другой руке у него было зажато письмо. Когда он наконец решился позвонить, то Криста сама открыла ему дверь, что его несколько удивило. «Боже, как она хороша!» — подумал он, не в силах оторвать взгляда от ее груди, которая вздымалась при каждом вздохе. Он проклинал свою опрометчивость, которая дала ей возможность улизнуть от него, — особенно сильно он жалел об этом теперь, когда, как ему стало известно, Криста неожиданно унаследовала огромное состояние. Если еще есть шанс снова заполучить ее, то этим шансом надо непременно воспользоваться.

— Что ты здесь делаешь, Брайан? — ледяным тоном спросила Криста. Она не забыла нанесенного ей оскорбления и не собиралась его прощать.

— Я получил с дипломатической почтой письмо от твоего отца и, поскольку оно адресовано также и мне, решил вручить его тебе сам. — Не дожидаясь приглашения, он проскользнул в дверь и закрыл ее за собой.

— И ты прочел его? — негодуяще воскликнула Криста, выхватывая у него письмо.

— Конечно, ведь на конверте стоит мое имя. Твой отец все еще думает, что мы поженимся.

Криста быстро пробежала глазами по строчкам.

— Они уже знают о смерти тети Мэри и сейчас находятся в южной Франции. Когда они добрались до Марселя, матери снова стало хуже, поэтому они решили отправиться в замок, который я получила в наследство от сэра Чарльза, вместо того чтобы рисковать ее здоровьем и ехать через всю Францию, а потом плыть через Пролив.

— Я знаю, — самодовольно улыбнулся Брайан. — Твои родители хотят, чтобы мы приехали к ним в замок и бракосочетание состоялось там.

— Я немедленно им напишу и все объясню, — разочарованно проговорила Криста. — Какая жалость, что они задерживаются, я с таким нетерпением ждала встречи.

— А что герцог? Его что-то давненько не видно в Лондоне. Ты так быстро ему надоела? Поговаривают, что он сбежал в Корнуолл с Уиллоу Лэнгтри.

«Конечно, — с горечью подумала Криста, — Уиллоу нашла способ представить все это окружающим как побег двух влюбленных. Она так быстро утщила Марка, что он вряд ли успел посвятить кого-нибудь в свои чувства к Кристе Хортон».

— Марк поехал с ней в качестве сопровождающего. Речь идет о делах, и ни о чем другом, — резко ответила она, оскорбленная его насмешливым тоном. — Тебе есть что еще сказать? —

нетерпеливо поинтересовалась Криста. — Если нет, то я хотела бы, чтобы ты покинул мой дом.

Брайан, прищурившись, внимательно изучал ее лицо, снова думая о том, что слишком поспешно отказался от нее. Очевидно, в последнее время Криста сильно упала в глазах герцога, раз он сбежал от нее с восхитительной Уиллоу Лэнгтри.

— Ты собираешься поехать к родителям во Францию? — спросил он, неохотно двинувшись к двери.

— Не знаю... возможно, — замялась она.

— Если соберешься, дай мне знать, — с важным видом сказал Брайан. — Я с удовольствием помогу тебе с отъездом через дипломатический корпус.

— Хорошо, Брайан, возможно, я так и сделаю, — холодно ответила Криста.

Она казалась настолько неприступной, отчужденной и уверенной в себе, что Брайан не выдержал.

— Криста, я так хочу, чтобы ты меня простила за все, что я тебе тогда наговорил. Я был в ярости, и ты должна признать, у меня были на то причины. Ведь ты с самого начала могла сказать мне, что не любишь меня, но вместо этого ты позволяла мне надеяться. Я был готов закрыть глаза на все и жениться на тебе, несмотря ни на что. Дорогая, скажи, что ты прощаешь меня, — попросил он с покаянной улыбкой.

Криста устало вздохнула.

— Хорошо, Брайан.

Только бы он поскорее ушел, чтобы она могла спокойно прочесть письмо.

— И ты дашь мне знать, если потребуется моя помощь?

— Да-да, конечно. А теперь, пожалуйста, оставь меня одну. Я так устала.

Брайан еще постоял немного за дверью, радуясь своему невероятному везению. Кажется, еще не все потеряно. Как приятно было бы завладеть таким богатством и получить все блага, которые оно дает. Каждую ночь видеть Кристу в своей постели тоже не так уж плохо, если только постараться забыть обо всех тех мужчинах, которые держали ее в объятиях. А еще эта маленькая плутовка Элисса...

Прошло еще две недели, а от Марка по-прежнему не было ни слова. В результате долгих и тяжелых раздумий Криста пришла к ужасному выводу, что она никогда не будет значить для него столько, сколько значит Уиллоу. Неужели он не нашел бы времени послать хоть одну весточку о себе за столько времени, если бы действительно любил ее? И чем больше она размышляла о причинах его молчания, тем яснее они становились. Итак, Уиллоу выиграла и получит то, что хотела. Внезапно Криста поняла, что она будет делать, особенно если оправдаются ее некоторые подозрения.

Всю прошлую неделю ее каждое утро сильно тошнило. И не только это — не пришли месячные. Обеспокоенная, она поделилась этим с Элиссой, и та подтвердила, что ложь, которую когда-то Криста придумала для защиты от Абдуллы, стала реальностью. Теперь она действительно носила под сердцем ребенка — ребенка Ахмеда, зачатого примерно шесть недель назад, когда

они были близки в первый раз после разлуки.

Время шло, и она все больше убеждалась в том, что не нужна Марку. Оставался лишь один выход. Она должна поехать во Францию к своей семье. Получив письмо от родителей, она намеревалась поехать с Марком, чтобы представить его семье, но теперь она решила ехать одна.

Подумав хорошенько, она решила принять предложение Брайана и поручить ему устроить отъезд. Согласно ее желанию, он заказал три каюты для женщин на борту «Короля Генриха» и втайне торжествовал победу, потому что Криста больше не упоминала имени герцога. Если бы Криста узнала, что Брайан заказал каюту на этом корабле и для себя, она бы очень рассердилась, но он лишь назвал день и время отплытия и попросил разрешения проводить ее.

Узнав о том, что Криста ждет ребенка, Элисса завизжала от восторга, а Ленора была рада не меньше, хотя выражала свои чувства более сдержанно. Она не могла дождаться того дня, когда будет нянчить внука леди Эмили. Но, когда Криста сообщила, что собирается во Францию, они в один голос стали уговаривать ее, чтобы она дождалась возвращения Марка. Но Криста упрямо стояла на своем и твердила только о том, что Марка нет уже полтора месяца и за все это время он не дал о себе знать. Кроме того, она очень хотела увидеться с родными и волновалась из-за здоровья матери. Она предложила обеим женщинам остаться в Англии, если они не хотят сопровождать ее, но они пришли в негодование. Хотя Элисса была безумно влюблена в Аллена, она не могла забыть того, что сделала для нее Криста. Ленора тоже ни за что не рассталась бы с ней, и поэтому начались утомительные сборы в дорогу.

Марк летел верхом на взмыленной лошади по предместьям Лондона с такой скоростью, что каждую секунду рисковал свернуть себе шею. Одежда его была заляпана грязью, а подбородок небрит и покрыт темной щетиной. Омар мчался за ним следом, чуть отстав. Накануне Марк получил от Аллена тревожное письмо, которое заставило его немедленно пуститься в путь. Аллен обвинял старшего брата в том, что тот пренебрег всем, что ему дорого, ради женщины, которая пользуется его порядочностью для того, чтобы держать его при себе.

Письмо отравило душу Марка учительной тревогой. Он несколько раз писал Кристе и ни разу не получил ответа. Уиллоу уверяла его, что ее кучер, передавая письмо для Кресты, ждал ответа и, не получив его, возвращался домой, как ему и было приказано.

«Если бы только это чертово слушание дела Уиллоу не откладывалось столько раз», — ругался он про себя. Ему даже не раз приходило в голову, что кто-то словно нарочно оттягивает начало процесса. Первое разочарование постигло его, когда он узнал, что его друг адвокат, на которого он так рассчитывал, уехал, отойдя от дел, во Францию. Ему пришлось найти другого, и, по правде говоря, этот человек чем-то ему не нравился. Хотя он, казалось бы, делал все как надо, Марк ему не доверял. На вопросы Марка о причине проволочек, сводящих его с ума, адвокат, пряча глаза, объяснял все неудачным стечением обстоятельств.

В душе он клял и Уиллоу за то, что она все время пыталась его соблазнить. Чтобы хоть немного отдохнуть от нее, он переехал из ее дома в деревенскую гостиницу, но она все равно постоянно требовала внимания и ежедневно, иногда по нескольку раз, напоминала ему о том, что она спасла ему жизнь и взамен ждала никак не меньше, ибо для нее лишиться состояния было равносильно смерти.

В сотый раз Марк задавал себе один и тот же вопрос: почему Криста не отвечала на его письма? Судя по всему, она даже не говорила Аллену, что Марк ей писал. Когда он получил последнее письмо Аллена, то не знал, что и думать, но сам тон письма заставил его срочно

мчаться в Лондон, послав Уиллоу к черту. Он пришел к выводу, что за эти полтора месяца расплатился с ней сполна.

По мере приближения к дому, беспокойство Марка все росло. Что с Кристой? Письмо Аллена и разозлило, и встревожило его. Почему он писал в таких резких выражениях? Почему Криста не отвечала на его письма? Скоро, скоро он получит ответ на все эти вопросы. Скоро он сожмет в объятиях ее хрупкую фигурку и скажет, как ее любит. Неужели она может сомневаться в его любви? Чуть не падая от усталости, он осадил лошадь у парадного подъезда своего лондонского дома, и почти одновременно с этим открылась дверь.

— Марк, как я рад, что ты приехал! — воскликнул Аллен. Он сразу заметил небритое лицо, воспаленные глаза и грязную одежду брата. — У тебя такой вид, словно ты несколько дней не спал и не менял одежды. Значит, ты принял мое письмо всерьез.

— Ты прав, — проворчал Марк. — Я действительно не спал и не переодевался. Мы останавливались только для того, чтобы поменять лошадей и набить чем попало седельные сумки. Что здесь происходит, Аллен? Ты знаешь, почему Криста не отвечала на мои письма?

— Ты разве ей писал?

— Конечно, и не один раз.

— Она ни словом не упоминала об этом, — задумчиво протянул Аллен. — Но она каждый день спрашивала, не получал ли я каких-нибудь вестей от тебя. Может, она не получала твоих писем?

— Я отдавал их Уиллоу, а она вручала своему кучеру. Он производит впечатление вполне надежного человека.

Аллен промолчал, взглянув на своего поразительно наивного брата с большим удивлением.

— А ты куда собираешься? — спросил Марк, обратив внимание на элегантный костюм Аллена.

— Повидать Элиссу, — со смущенной улыбкой ответил юноша.

— Подожди, пока я искупаюсь, побреюсь и переоденусь, и мы отправимся туда вместе. Так нам будет легче во всем разобраться.

— Прекрасно, — согласился Аллен и вошел в дом за братом и Омаром. — Да, я забыл спросить. Как продвигается дело Уиллоу? Что-то оно затянулось.

Марк с отвращением пожал плечами.

— Оно стоит на месте. Но я ничего не могу для нее сделать, кроме как непрерывно держать за руку и утешать. Я оставил ее в надежных руках и уверен, что все обернется как нельзя лучше, когда наконец закончатся эти проклятые проволоочки.

— А что сказала Уиллоу по поводу твоего отъезда? — продолжал расспросы Аллен.

— Она так визжала, что чертям было тошно. Обвиняла меня в том, что я ее предал. Но мне кажется, я уже столько от нее натерпелся, что ничего ей больше не должен. Я хочу посвятить свою жизнь Кристе.

— Ну вот, наконец-то ты снова станешь самим собой.

Через час их коляска, которой правил измученный усталостью Омар, описала широкий полукруг перед домом Кристи. Марк с Алленом направились к парадной двери, а Омар — к заднему входу, ведущему в кухню, где в это время дня обычно можно было найти Ленору. Подойдя к двери, Марк и Аллен едва не столкнулись с Брайаном Кентом, тоже решившим нанести визит Кристе.

— Кого я вижу? Ваша светлость? — дерзко проговорил Брайан. — Подумать только! Никак не ожидал встретить вас здесь.

У Марка удивленно поднялись брови.

— Могу сказать вам то же самое, Кент. Я думал, что Криста рассказала вам о наших отношениях. Вам нечего больше делать в этом доме.

— Я слышал, вы ездили в Корнуолл с леди Уиллоу, — многозначительно заметил Брайан, спокойно пропустив мимо ушей слова Марка.

— Но, как видите, я вернулся, — холодно процедил сквозь зубы Марк. — Какое вам дело до Кристи? — Его глаза сверкнули, как две зеленоватые льдинки, и Брайан невольно сделал шаг назад. — Ну? — нетерпеливо прикрикнул Марк.

У Брайана судорожно дернулся кадык.

— Я пришел сообщить Кристе, что все приготовления к нашему отъезду во Францию закончены.

— Что? — одновременно воскликнули оба брата. Аллен повернулся к Марку:

— Брат, я ничего об этом не знаю. Этот человек несомненно лжет. С какой бы стати Криста поехала с ним во Францию?

— Да, действительно, — пробормотал Марк, прилагая все усилия к тому, чтобы подавить вспышку неистовой ярости. — Надеюсь, скоро я все узнаю сам. Аллен, проследи, чтобы мистер Кент благополучно добрался до своего клуба.

— Я не уйду без... — начал было Брайан, но слова застряли у него в горле. Марк Кэррингтон стал так похож на ястреба, готового кинуться на свою жертву, что Брайан решил поскорее уносить ноги.

21

Услышав оглушительный звон колокольчика, Элисса бросилась к двери, надеясь, что это пришел Аллен. Как бы она ни скучала по человеку, которого полюбила всем сердцем, но сейчас ей надлежало быть с Кристой, которая в ней так нуждалась. К тому же в глубине души Элисса осознавала, что недостаточно хороша для Аллена, его знатное происхождение не позволяло ей строить планы относительно счастливого совместного будущего, как он ни убеждал ее в обратном. Уж слишком различно их положение в обществе. Лучше было расстаться с ним прямо сейчас, ведь чем дольше длится их знакомство, тем труднее будет прекратить его, когда наступит время расставания. Охваченная этими тоскливыми мыслями, Элисса отворила дверь и, к своему крайнему удивлению, увидела, что это не Аллен, а его брат Марк.

— Наконец-то вы вернулись! Слава Аллаху! Криста будет так счастлива.

Марк взглянул на стоявшую перед ним маленькую изящную девушку более дружелюбно, чем обычно. За это время она стала хорошей подругой Кристе, а брат, как видно, был совершенно ею очарован.

— Где Криста? — спросил Марк, входя в дом. Нервно сжимая пальцы и поглядывая в сторону лестницы, Элисса ответила:

— Я пойду сообщу ей. Она... она отдыхает, — и уже повернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — остановил ее Марк, и по голосу было понятно, что возражений он не потерпит. — Я сам.

Элисса застыла на месте и лишь испуганно следила, как он медленно поднимался по ступеням. Она знала, что Кристе весь день нездоровилось, ее почти все время тошнило, и ей очень не хотелось, чтобы Марк застал Кристу в таком состоянии. Помимо того, было неизвестно, захочет ли Криста сказать Марку, что ждет ребенка.

Не зная, как выбраться из затруднительного положения, она окликнула Марка:

— И все же позвольте мне предупредить ее.

Взгляд Марка был полон ярости.

— А что, есть некая причина, по которой я не могу войти к ней?

— Нет, конечно, — растерялась Элисса.

— Тогда я предлагаю тебе остаться на месте и ждать Аллена. Он должен появиться с минуты на минуту, — заявил Марк, продолжая подниматься по лестнице. — Где комната Кристи?

Предпринять что-либо было уже невозможно, и Элисса покорно ответила:

— Первая дверь налево.

Марк некоторое время стоял, раздумывая, постучать ли прежде или войти без стука. И все же, следуя правилам приличия, он легонько постучал.

— Входи, Элисса, — отозвалась Криста, думая, что та принесла ей ужин, и одна только мысль об еде вызвала очередной приступ тошноты.

Доносившиеся из комнаты звуки встревожили Марка, а то, что предстало его глазам, когда он вошел, заставило замереть от неожиданности. Бледная и обессиленная Криста лежала на постели, свесившись над ночным горшком, и ее тело сотрясалось от судорог, сводивших желудок.

— Любовь моя, ты больна! Так вот почему ты не отвечала на мои письма. Если бы я знал, то тотчас бы вернулся. Аллен ничего мне не сказал о твоём состоянии.

Криста с трудом обрела голос.

— Но я не получала никаких писем, Марк, иначе бы я непременно ответила. Почему тебя так долго не было? — спросила она с укором.

— Тут какое-то недоразумение, дорогая. Я писал тебе. Как давно ты болеешь? Ты показывалась

врачу?

— Это просто небольшое недомогание, — объяснила Криста. — Ничего серьезного, врач мне не нужен.

Марк смотрел на нее недоверчивым взглядом, но не находил основания не верить ее словам. Он осторожно уселся на край постели, вглядываясь в ее бледное лицо, но тут вспомнил Брайана Кента и его заявление, что тот вместе с Кристой уезжает из Англии.

— Похоже, я вернулся как раз вовремя. Что за глупости я слышал насчет твоего отъезда во Францию в обществе Кента? Не понимаю, как тебе могло прийти в голову что-либо подобное, Криста. Ведь ты же обещала ждать меня.

— И как долго я должна была ждать? — запальчиво ответила Криста.

— В письмах я все объяснил.

— Но я не получала писем.

— Ты должна была их получать. Уиллоу уверяла меня, что ее кучер доставляет их лично тебе.

— Уиллоу! — насмешливо фыркнула Криста. — И когда ты только поймешь, какова она на самом деле? Она делает все возможное, чтобы разлучить нас.

Марк нахмурился.

— Я допускаю, что Уиллоу — натура чересчур властная, но тебе нечего ее бояться. Она знает, что я люблю только тебя. Она... — Он запнулся, сообразив наконец, что Уиллоу действительно вела нечестную игру и не отправляла его писем Кристе. — Забудь об Уиллоу, дорогая. Это не имеет значения.

Расскажи мне лучше о Брайане Кенте. Правда ли, что ты собиралась уехать с ним?

Кристе показалось, что Марк склонен выгораживать Уиллоу, оправдывая все ее выходки.

— Ты можешь думать, что хочешь, только я не собиралась ехать с Брайаном, — раздраженно заметила она. Почему она должна вдаваться в объяснения, если он отказывается обсуждать поведение Уиллоу?

— А вот Брайан считает по-другому.

— Значит, он ошибается. Брайан только взялся устроить наш отъезд. Мои родители живут во Франции в замке сэра Чарльза, который отныне принадлежит мне. Матушка больна и останется там до тех пор, пока не поправится настолько, чтобы выдержать переезд в Англию.

— У тебя во Франции собственный замок? Криста рассказала ему о трагической гибели своей тетки в Италии и солидном наследстве, которое внезапно получила.

— Почему ты не могла дожидаться меня? Я охотно сопровождал бы тебя во Францию. — В голосе Марка звучало осуждение. — Тогда бы тебе не пришлось обращаться за помощью к Кенту. — Снедаемый ревностью, он вел себя грубее, чем хотел. Только он один вправе помогать ей, а не какой-то там Брайан Кент.

— У меня не было уверенности, что ты вообще вернешься, — сказала Криста.

— Но мои письма... Ладно, не будем об этом. Теперь я здесь, и мы можем поехать вместе. Я горю желанием познакомиться с твоими родителями. Мне очень жаль, что твоя мать больна... и с тетей случилась такая беда, — высказал он несколько запоздалое сочувствие.

— Марк, видишь ли... — Но Криста не смогла продолжить фразы, она изменилась в лице и поспешно наклонилась над ночным горшком.

— Криста, я немедленно иду за врачом!

— Не надо, Марк. Я не хотела говорить тебе до тех пор, пока не буду уверена, что Уиллоу не настроила тебя против меня. Тебя не было так долго... Я уже начала сомневаться, действительно ли ты любишь меня.

— О чем ты говоришь, Криста? Ты сама себе не отдаешь отчета. Как ты могла сомневаться в моей любви? И все-таки надо чем-то облегчить твои страдания. Я сейчас же привезу врача...

— Я жду ребенка, Марк. Это ясно и без врача.

— Ты ждешь ребенка? — Марк ощутил бурную радость, но она вскоре улетучилась от ужасной мысли, которая угрожающе шевельнулась и стала сверлить его мозг. Если Криста вынашивает его ребенка, то почему она решила уехать с Брайаном Кентом? Не думая, что совершает огромную ошибку, он высказал свои сомнения вслух. — А это мой ребенок? Или между тобой и Кентом что-то было?

— Боже мой, Марк, что ты говоришь! Я была права, ты больше не любишь меня. Если бы любил меня по-прежнему, такая мысль никогда не пришла бы тебе в голову. Уходи, оставь меня. Я не нуждаюсь ни в тебе, ни в твоей помощи. Я вполне способна вырастить ребенка одна.

— Криста, я должен знать. Почему ты собиралась бежать с Кентом, если ждешь ребенка от меня?

— Ты не слышал, что я сказала? Не имеет значения, что ты думаешь на этот счет. Нравится это тебе или нет, но я еду во Францию. Одна. Не с Брайаном и тем более не с тобой. А ты отправляйся к Уиллоу. Мне ты не веришь, зато ей доверяешь безгранично. Благодаря своей тете Мэри я достаточно богата и смогу остаться независимой. Никакой мужчина мне не нужен, чтобы только усложнять жизнь.

Терпению Марка пришел конец.

— Как я понял, ты отказываешься сказать, кто отец ребенка. Может быть, ты уже знала, что беременна, когда мы были близки? — «Почему я говорю такие ужасные вещи?» — думал он, все больше теряя контроль над собой. Ведь предупреждал же Аллен, что однажды его горячность все погубит.

— Убирайся к черту! — крикнула Криста, испытывая желание спрыгнуть с постели и задушить Марка. Чувствуя, что у нее вот-вот начнется истерика, она откинулась на подушки и часто и тяжело дышала, упорно избегая взгляда Марка и не глядя на него, словно его не было в комнате.

Марк с трудом сдерживался. Что нашло на эту маленькую фурию? Единственное, чего он хотел добиться, — это услышать, что ребенок, которого она носит в себе, — от него. Неужели он слишком многого требует? В глубине души он понимал, насколько нелепа мысль, что Криста могла изменить ему с мужчиной, подобным Кенту. Однако его подозрения привели ее в ярость,

а ее отказ сказать правду, в свою очередь, вывел его из себя. Он сознавал, что всему виной его необузданная ревность, но уже ничего нельзя было изменить.

Марк встал, желая успокоить ее, но все в нем так и кипело. Вид у нее был такой болезненный, что он ощутил жалость и раскаяние. Но сказал лишь:

— Я уйду, Криста.

Ответа не последовало. Она словно не слышала.

— Проклятие! До тех пор, пока ты не скажешь правду, нам не о чем больше разговаривать. Предупреждаю тебя: не спеши уезжать из Лондона. Я найду тебя даже на краю света, — бросил он через плечо перед тем, как покинуть комнату.

— Марк, что произошло? — воскликнул вошедший Аллен, когда Марк едва не сбил его с ног.

— Спроси Кристу, — бросил тот на ходу, явно не желая ничего обсуждать.

Элисса посмотрела вслед уходящему Марку, перевела взгляд на приотворенную дверь в комнату Кристи. Она пыталась представить себе, что между ними произошло. Отчего Марк так разгневан? Он не хочет ребенка? Тогда Криста, должно быть, в отчаянии.

— Кристе нужна моя помощь, — сказала она, проскальзывая мимо Аллена в комнату подруги.

— Но что все это значит, Элисса? Почему Марк пришел в такое неистовство?

Аллен последовал за Элиссой, но, войдя в комнату, оцепенел: лежащая на постели Криста была скорее тенью прежней цветущей женщины.

— Ради Аллаха, что Марк с тобой сделал? — воскликнул он, потрясенный.

Марк вылетел из дома в состоянии, близком к умопомрачению. Он злился на себя за то, что не смог совладать с приступом ревности, и на Кристу, которая словно нарочно старалась вывести его из равновесия. Конечно, его необузданная ярость со временем утихнет, но до тех пор он опасен и для себя, и для Кристи. Он хотел найти место, где можно было побыть одному и успокоиться. Проклятие, почему Криста оказалась столь упряма, ведь он хотел от нее всего лишь простого ответа. А сейчас он страстно желал одного — выпить, нет, черт подери, напиться как следует!

Марк с удовлетворением отметил, что Омар не следует за ним в коляске: когда он вышел из дома, уже стемнело, и его было трудно разглядеть. Как раз сейчас он меньше всего нуждался в постоянной опеке Омара. Не имея определенной цели, он все дальше удалялся от фешенебельного района в те злачные места Лондона, где люди, случалось, исчезали навсегда.

Звуки буйного веселья, доносившиеся из подозрительного вида питейного заведения, привлекли его внимание, и вскоре он очутился в ярко освещенном помещении, где все оживало лишь с наступлением темноты. Марку не случалось прежде посещать подобные убогие кабаки, однако обстановка вполне соответствовала его душевному состоянию, сомнения вызывало лишь то, что он будет слишком выделяться в толпе завсегдатаев.

Перебирая монеты в кармане, Марк ждал, когда бойкая молодая девица наконец подойдет к нему. Ни разу еще такой красивый и модно одетый мужчина не заходил в «Паленого гуся», и девица безудержно строила ему глазки и подчеркнуто демонстрировала чрезвычайно глубокий

вырез лифа платья. Состоятельные люди редко заглядывали в подобные подозрительные заведения, да и то из соображений безопасности наведывались в трущобы вдвоем, а то и вчетвером.

— Что пожелаете, сэр? — обратилась к нему она, — Меня зовут Софи, и я буду счастлива угодить вам чем только смогу. — Во всех ее повадках сквозил нескромный намек.

Марк вывалил на стол пригоршню монет.

— Возьми себе одну, Софи, а на остальные приноси мне спиртное до тех пор, пока я не остановлю тебя.

Широко раскрыв рот, Софи глядела на грудку монет.

— Да вы, похоже, не в своем уме, сэр. На это можно пить целую неделю.

— Возможно, я действительно сошел с ума, Софи, — криво улыбнувшись, подтвердил Марк. — Только постарайся найти что-нибудь получше, чем та отравка, которую твой хозяин называет бренди. Ты поняла?

— Разумеется, сэр, — подтвердила Софи, локоны так и подпрыгивали на ее белых плечах и почти обнаженной груди. — Если вам будет угодно что-либо еще, только дайте знать.

Спустя некоторое время она вернулась с покрытой пылью бутылкой и мутно-грязным стаканом. Она потопталась около стола несколько минут, ожидая, что Марк уделит ей хоть немного внимания, но, не дождавшись даже благосклонного взгляда, пожала плечами и направилась к более общительному посетителю.

Узнав от Кристи о более чем странном поведении Марка, Аллен почти сразу же бросился вслед за братом, но тот уже скрылся в сгущавшемся тумане.

— Проклятие! — выругался он, вглядываясь в темноту улицы. Куда его могла понести нелегкая? Вернувшись в дом, Аллен нашел Омара, мирно беседующего на кухне с Ленорой, и попытался вкратце объяснить, что произошло.

— Ты знаешь привычки брата лучше меня, Омар.

Куда в таком настроении мог направиться Марк? — спросил он обеспокоенно.

— Куда-нибудь, где можно напиться, не привлекая к себе внимания, — задумчиво ответил Омар.

— Подобных мест полно в таком большом городе, как Лондон, — со вздохом заметил Аллен. — Ну что ж, Омар, нам надо отправляться на его поиски. Я ведь не раз предостерегал брата, что его горячность может оказаться губительной.

Хотя Аллен и Омар почти всю ночь провели в поисках Марка, им так и не удалось его обнаружить. Измотанные до предела, они вернулись домой, чтобы отдохнуть хоть несколько часов и на следующий день продолжить поиски.

Но на следующий день их усилия также ни к чему не привели. Аллен уже начал предполагать самое худшее.

Марк пил, а состояние опьянения все не наступало, лишь тяжелее становилось на душе, когда

он вспоминал нелепое объяснение с Кристой. Чем больше он думал о том, что произошло, тем больше ненавидел себя за глупое поведение. Все его сомнения развеялись как дым. Только он мог быть отцом будущего ребенка Кристи.

Неужели он хочет, чтобы его ребенка называли незаконнорожденным? Какое отвратительное слово! Нет, пока он жив, никто не посмеет назвать так его дитя. И других детей, которые могут появиться у него с Кристой. Как только его гнев утих, Марк готов был отправиться к ней просить прощения. Раз она ждет от него ребенка, то непременно должна тотчас же согласиться выйти за него замуж. Если бы они остались в Константине, Криста считалась бы его наложницей — такими были отношения между его матерью и отцом. Но Марк так долго прожил в Англии, что воспринял европейские обычаи, и потому был готов сделать все возможное, чтобы Криста стала его женой и их дети носили его имя.

Чем больше Марк пил, тем мрачнее становились его размышления. Услужливая Софи беспрестанно поставляла ему все новые порции бренди. Время от времени он заставлял себя съесть что-нибудь, но аппетита не было, и он предпочитал бороться с состоянием крайней безнадежности, опустошая бутылку за бутылкой.

Кому-то могло показаться странным, что хорошо одетый мужчина час за часом сидит в одиночестве, время от времени поднося к губам грязный стакан, но никто не обращал на него особого внимания — люди обычно и приходили сюда за тем, чтобы заливать свое горе вином. К середине следующего дня Марк дошел до крайней точки насыщения, он утратил всякую способность соображать и был не способен проглотить больше ни глотка. Когда Марк уже не мог поднять голову от стола, он с благодарностью принял помощь Софи, которая за оставшиеся деньги предоставила ему комнатку, находящуюся позади кухни.

Кое-как добравшись до омерзительной комнатки, он тяжело рухнул на кровать в почти бессознательном состоянии. Прислушиваясь к его пьяному бормотанию, Софи все гадала, какие призраки из прошлого бередают его душу. Она не удивлялась, когда себя доводили до такого состояния простолюдины, завсегда и кабака. Они прибежали к выпивке, чтобы хоть на час забыть о тяготах повседневной жизни. Но сейчас перед ней явно был человек из высшего общества и к тому же богатый. Из его пьяного бреда мало что можно было понять. Наконец, недоуменно пожав плечами, Софи на цыпочках вышла из комнаты, хотя подобная предосторожность была явно ни к чему — даже если бы рядом проскакал кавалерийский отряд, это вряд ли разбудило бы постояльца.

Продолжительное отсутствие Марка лишь разжигало обиду в душе Кристи. У него не было никакой причины так недостойно вести себя, негодовала она. Она-то была уверена, что он вскоре вернется, полный раскаяния, умоляющий о прощении. Где же он? У Уиллоу его не было, Аллен это уже выяснил. Он и Омар обыскали почти весь город. Марк обладал горячим и вспыльчивым нравом, но столь явное безрассудство было не в его характере, и она уже стала серьезно подумывать о том, что с ним случилось несчастье.

После трех дней неизвестности и ожидания терпению Кристи пришел конец. Почему ее должна тревожить его судьба, если он, как видно, ничуть не беспокоится ни о ней, ни о ребенке? Ввиду сложившихся обстоятельств ее первоначальный план отправиться во Францию к родителям казался ей все более привлекательным. Если Марк когда-нибудь о ней вспомнит, то Аллен знает, где ее найти. Когда она сообщила Аллену о своем намерении, тот решительно воспротивился.

— Криста, я уверен, что брату не понравится, если ты уедешь. Подожди еще немного. Ведь ты

ждешь от него ребенка, я уверен, он скоро одумается.

— Тебе известно, где меня найти, а мне не терпится увидеть родителей. Они ждут моего приезда. Я объяснила все это Марку, но он не захотел понять. Как он мог так оскорбить меня своим недоверием?

— Конечно же, Марк поступил очень глупо, но при его характере он не может терпеть мысли о том, что рядом с тобой мог находиться другой мужчина. А твой отказ сказать ему правду лишь еще больше все усложнил. Он слишком вспыльчив, но затем довольно скоро приходит в чувство.

— А пока он не придет в чувство, я должна сидеть и ждать, как покорная жена, — съязвила Криста. — Но мы не женаты, и теперь об этом, вероятно, даже не может быть и речи. Завтра я уезжаю во Францию, а Марк пусть поступает, как ему заблагорассудится.

Аллен смотрел вслед стремительно уходившей Кристе и сожалел, что ему не удалось переубедить ее. Досаду вызывало и неблагоразумие брата, которое могло привести лишь к тому, что он мог потерять любимую женщину, которая к тому же ждет от него ребенка. В комнату вошла Элисса, и Аллен несколько воспрял духом. В его душе зрело истинное чувство к красавице берберке, чувство, которого он никогда прежде не испытывал. Но Аллен был мудрее своего вспыльчивого брата. Он твердо решил во что бы то ни стало завоевать Элиссу.

Хотя Аллен пробыл в Англии уже несколько месяцев, местные нравы и обычаи оставались ему чуждыми. В глубине души он тосковал по безбрежным песчаным просторам, яркому голубому небу, пурпурным закатам Африки. Там он носился на своем арабском жеребце по барханам, охотился с друзьями-туарегами. В смуглой Элиссе с ее знойной красотой его привлекало как раз то, что он любил и потерял. Девушка окончательно пленила его сердце.

— Что с тобой, Аллен? — спросила Элисса, заметив его странный пристальный взгляд, — Тебе удалось уговорить Кристу остаться в Лондоне?

— Эта леди, как видно, хочет сама распоряжаться своей жизнью, — с сожалением ответил Аллен, хотя втайне он восхищался стойкостью Кристи. — Похоже, по силе характера она не уступит брату. Если они все же поженятся, в будущей семейной жизни их ожидает множество бурь.

Элисса улыбнулась, вспомнив, как храбро защищала ее Криста от янычар Абдуллы. Если бы не вмешательство Кристи, ей бы наверняка грозила смерть.

— Да, Криста все равно поступит так, как она решила.

Взгляд Аллена потеплел.

— Но я... я не хочу, чтобы ты уезжала. Я буду очень скучать по тебе. Пусть Криста едет, если ей так хочется, а ты останься со мной. Я буду заботиться о тебе.

Сердце Элиссы переполнилось радостью, ее темные глаза затуманились. Нет сомнения, что Аллен любит ее, наверное, он собирается сделать ее своей любовницей. Если так, она не станет противиться, ведь она не ровня ему и не может рассчитывать на замужество. Она не хотела расставаться с ним и была готова согласиться на любые отношения.

— Я не могу сейчас покинуть Кристу. — Сожаление звучало в голосе Элиссы. — Я ей очень обязана и сохраню свою преданность. Если она решила ехать во Францию, я должна

сопровождать ее.

— Я думаю, ты догадываешься, как нужна мне. Я так легко от тебя не отступлюсь. Как только Марк вернется, я приеду к тебе во Францию. А тогда, тогда я задам тебе один вопрос.

Он притянул ее к себе и крепко обнял, чувствуя, как в нем растет желание. Его губы припали к ее рту. Хотя ее много раз целовали прежде, этот обжигающий поцелуй был совсем другим. Ей хотелось, чтобы это продолжалось вечно, хотя она немного боялась ответить на его страсть. Но скоро страх исчез, она чувствовала лишь, что ее неудержимо и властно влечет к нему и не хотела противиться этому чувству. Неожиданно Аллен резким движением оттолкнул девушку. Элисса пошатнулась от неожиданности, но сильные руки поддержали ее.

— Если я сейчас не остановлюсь, то возьму тебя прямо здесь, на полу, — сдавленно прошептал он, пытаясь сохранить самообладание. — Ты так прекрасна, ты создана, чтобы искушать мужчину. Скоро, Элисса, очень скоро ты станешь моей. Ты будешь любить меня?

Элисса с нежностью глядела в его зеленые глаза, ей так хотелось сказать, что она безумно любит его, больше всего на свете. Но жизнь научила ее быть осторожной.

— Ни один мужчина не вызывал во мне таких чувств, как ты, Аллен.

По всей видимости, ее ответ удовлетворил его, он ласково обнял Элиссу за плечи.

— Я должен идти, дорогая. Быть может, мне удастся найти Марка до вашего с Кристой отъезда. Если же меня постигнет неудача, я скоро приеду за тобой во Францию. Мой брат может, если ему угодно, разбить свою жизнь, но мою жизнь не разобьет никто.

Элисса долго смотрела ему вслед сияющими от счастья глазами.

Вещи Кристи уже были упакованы, а сама она тоже была готова к отъезду, когда наемный экипаж остановился у дома. Кучер, ворча, сражался с багажом, а женщины, шурша юбками, усаживались в экипаж. В последнюю минуту Элисса, не удержавшись, выглянула в окошко. Она не теряла надежды, что Аллен все же успеет проститься с ней. Ленора тоже казалась разочарованной, не видя Омара.

Добравшись до порта, Криста с удивлением и досадой обнаружила, что Брайан Кент уже поджидает ее на борту парусника «Король Генрих». С некоторым беспокойством он наблюдал за их прибытием.

— Брайан, что ты здесь делаешь? — спросила Криста раздраженно.

Слишком трусливый, чтобы открыто игнорировать предупреждения Марка держаться от Кристи подальше, он все же рискнул появиться сегодня в надежде, что Криста будет тверда в своем решении покинуть Лондон и отправиться к родителям без герцога. К тому же по городу ходил слух, что герцог таинственно исчез несколько дней назад. Если между Кристой и ее любовником что-то произошло, он может воспользоваться их разрывом.

— Я буду вашим спутником, — объяснил Брайан, не желая раскрывать карты раньше времени. — Мой отпуск кончился, и я еду в Марсель, а оттуда в Тунис. Ты, наверное, забыла, что мне приходится зарабатывать на жизнь самому. Не каждому на голову сваливается богатство.

Кристу возмутил его намек, но она промолчала.

— Ты едешь одна? — продолжал Брайан, не отводя глаз от причала.

— Как ты можешь видеть, со мной Элисса и Ленора, — раздраженно бросила она.

— А где же герцог?

— Он опаздывает.

Брайан понимающе ухмыльнулся. Опаздывает! Как бы не так! Возможно, не все еще потеряно. Во время плавания у него будет возможность уверить Кристу, что на Марка нельзя полагаться и что он, Брайан, для нее более подходящая пара, нежели ветреный герцог.

— Пойдем, дорогая, — сказал он, уверенно взяв ее под руку. — Позволь мне проводить тебя в каюту.

Прошло так много времени, что Аллен потерял всякую надежду найти Марка живым и здоровым, вдобавок до того, как Криста покинет английскую землю. Если бы Марк подвернулся сейчас ему под руку, он бы охотно придушил его за все многочисленные неприятности, случившиеся в последние дни. Но все чаще приходила ему в голову мысль, что с братом произошла какая-то беда, помешавшая ему вернуться.

В день отъезда Кристи Аллен и Омар обследовали один из значных районов Лондона, где им не удалось еще побывать. Они решили разделить, Омар пошел в одну сторону, а Аллен в другую. Вскоре Аллен оказался у «Паленого гуся».

Внутри было темно, место выглядело довольно мрачным, и странно было предположить, что брат отважился бы заглянуть в такое отвратительное заведение, даже будучи в тоске и желая напиться с горя. Аллен уже собрался уйти, но его окликнула Софи, которая вышла на воздух, пользуясь дневным затишьем.

— Желаете что-нибудь выпить, сэр? — предложила она, оценивая внешность прохожего. По-видимому, он может оказаться столь же щедрым, как и тот, который несколько дней назад забрел в кабак.

— Нет-нет, — отказался Аллен, но после некоторого раздумья переменял свои намерения. Почему бы не зайти? Ему действительно хотелось пить, к тому же возможно, что эта полногрудая особа видела Марка. Он вошел внутрь, и Софи подвела его к не большому столику в совершенно пустом помещении, куда обычные посетители в это время дня не заглядывали.

— Эль, — заказал Аллен и проводил взглядом удаляющуюся Софи. Ее крутые бедра раскачивались из стороны в сторону, а юбка соблазнительно шуршала. Вскоре девушка вернулась и поставила перед ним наполненную до краев кружку.

Софи потопталась возле него несколько минут, внимательно приглядываясь. Почему-то новый клиент напоминал ей джентльмена, мирно спавшего в комнатке за кухней. Аллен же был настолько погружен в свои мысли, что не сразу заметил ее странное поведение. Но вот он наконец увидел ее испытующий взгляд, вопрошающие карие глаза и чрезвычайно удивился.

— Простите, сэр, — запинаясь, произнесла Софи. — Я не хотела бы показаться вам невоспитанной, но не так часто случается, чтобы два настоящих джентльмена наведались в «Паленого гуся» в течение недели. — В смущении она отвернулась, готовая бежать прочь.

Аллена чрезвычайно заинтересовали ее слова. Крепко ухватив за руку, он остановил Софи.

— Так ты говоришь, здесь был другой джентльмен? Как он выглядел? — Аллен был так возбужден, что с силой сжал запястье девушки.

— Пожалуйста, отпустите, сударь, вы делаете мне больно, — захныкала испуганная Софи.

— Прошу прощения, — извинился он, ослабив хватку. — Я вовсе не хотел напугать тебя. Как тебя зовут?

— Софи, сэр, — ответила дрожащая девушка, которая никак не могла понять, что так взволновало молодого человека.

— Так вот, Софи, я жду разъяснений и хорошо за них заплачу.

— Я охотно помогу вам, если смогу, — согласилась Софи, нервно теребя край передника.

— Ты упомянула о другом джентльмене, побывавшем здесь некоторое время назад. — Аллен ободряюще улыбнулся, и розовые щеки Софи окрасил румянец. — Опиши мне его. Когда ты видела его в последний раз? Знаешь ли, куда он пошел?

Марк застонал, медленно пробуждаясь от забытья. Ему казалось, что голова его вот-вот лопнет, как воздушный шар, во рту он ощущал отвратительный вкус. Одиноким луч света, проникший сквозь грязное оконное стекло, дал ему возможность составить представление о незнакомом месте, где он оказался. Приподнявшись, он обхватил раскалывающуюся голову руками. Куда его занесло?

Все вокруг него плыло и кружилось, а когда наконец прибрело реальные очертания, он с отвращением оглядел грязное жилище, служившее ему спальней. Постель, на которой он лежал, представляла собой соломенный тюфяк, брошенный на убогий топчан, застеленный серой простыней из грубоватой ткани, и зияющее прорехами шерстяное одеяло. Кривобокая тумбочка со сломанной ножкой и приземистый комод довершали обстановку.

Осторожно переступая и спотыкаясь на каждом шагу, Марк добрался до комода и облегченно вздохнул: кувшин был наполнен холодной водой. Он нашел грязный стакан, наполнил его водой и жадно припал к нему пересохшим ртом. Выпрямившись, Марк почувствовал себя почти человеком — почти, но не совсем.

Передвигаясь все так же медленно и осторожно, он снова добрался до постели, сел и попытался сосредоточиться, чтобы вновь обрести ясность мыслей. С трудом восстановив события последних дней, он выругал себя за невероятную глупость. Все, что у него было, он потерял по своей вине. Он должен стать отцом! Женщина, которую он любит, ждет ребенка — его ребенка! А как он воспринял эту радостную новость? Пришел в ярость и убежал, а потом напился до бесчувствия. Криста должна презирать его. А что, если, несмотря на случившееся, она продолжает любить его? Простит ли она ему недостойное поведение?

Только одна мысль сверлила его мозг. Необходимо немедленно идти к ней и просить прощения. За эти дни — кстати, сколько их было? — он полностью осознал все происшедшее с ним с тех пор, как Абдулла убил его родителей. Все терзавшие душу Марка призраки прошлого покинули его, оставалось только настоящее. Первое, что нужно сделать, — это срочно жениться на Кристе и заявить свои права на ребенка.

Марк кое-как поднялся и, пошатываясь на подгибавшихся ногах, попытался привести в некоторый порядок свою испачканную и измятую одежду. Нужно было поблагодарить Софи за комнату и щедро вознаградить ее. Она предоставила ему надежный приют, где он отоспался

после безудержного пьянства, а не выставила на улицу, где его могли обокрасть и даже убить. Пригладив рукой спутанные волосы, он взялся за дверную ручку.

22

Ален вскочил на ноги, опрокинув стул.

— Как? Мой брат здесь? Слава Аллаху! Почему ты не сказала мне раньше?

Софи лишь в изумлении таращила на него глаза. Если верить молодому человеку — а причины сомневаться у нее не было, — зеленоглазые джентльмены состояли в кровном родстве.

— Простите, сэр, но я понятия не имела, пока вы не стали спрашивать. Он напился почти до бесчувствия, и я отвела его в комнату рядом с кухней. Там вы его и найдете. Он, должно быть, до сих пор спит как убитый.

— Спасибо за хорошие вести, Софи! — воскликнул Аллен и чмокнул девушку в щеку, к великому ее удовольствию. Потом он принялся шарить по карманам, выкладывая ей на ладонь все найденные монеты. В сумме они составили небольшое состояние, еще ни разу в жизни она не видела так много денег. Это го было вполне достаточно, чтобы уйти из «Паленого гуся» и вернуться в маленький городок, где она родилась. Там жил юноша, нет, теперь уже мужчина, который некогда испытывал к ней нежные чувства...

Рассыпаясь в благодарностях, Софи поспешила спрятать монеты в карман из опасения, что Аллен может раздумать, а потом указала пальцем на узкую дверь, едва заметную в глубине зала.

Аллен потянул за дверную ручку в тот самый момент, когда Марк открывал дверь с другой стороны, и тот упал к нему на грудь.

— Аллен! — вскричал Марк, цепляясь за пошатнувшегося брата. — Что ты делаешь в этом аду?

— О том же я хотел бы спросить тебя, — сердито ответил Аллен. — Вид у тебя просто ужасный, — добавил он, окинув критическим взором давно не бритый подбородок брата и растрепанную одежду. — Ты согласен сейчас же отправиться к Кристе? — Его тон явно выражал неодобрение и заставил Марка смутиться.

— Более чем согласен, Аллен. Я очень надеюсь, что Криста простит меня, я вел себя как ревнивый дурак. Я люблю эту женщину больше жизни. Особенно теперь, когда она вынашивает мое дитя. Я попрошу ее выйти за меня замуж, и мне хотелось бы, чтобы ты был на нашей свадьбе шафером.

— Это счастливое событие вряд ли будет иметь место, если мы не поторопимся, — прозвучал злоеший ответ.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Марк.

— Криста, Элисса и Ленора через час отплывают во Францию. Она разочаровалась в тебе, Марк, и, честно признаюсь, я ее не порицаю за это.

— Через час, — растерянно повторил Марк. Но вот слова Аллена проникли в одурманенный алкоголем мозг, и он встрепенулся: — Нет!

— Боюсь, что да, брат, и, если мы не поспешим, будет слишком поздно.

Призыв Аллена оказал магическое действие. Марк окончательно пришел в себя.

— Скорее! Я буду последним глупцом, если позволю Кристе уехать. Я не могу ее потерять. Но первым делом я хочу вознаградить девушку, которая здесь прислуживает.

— Я уже позаботился об этом, — сказал Аллен, подталкивая Марка к выходу. — Если не ошибаюсь, она сейчас спешит прочь отсюда. Очень надеюсь, что ее ждет лучшая жизнь.

Омар встретил их неподалеку от «Паленого гуся» и вскрикнул от радости, увидев Марка — пусть потрепанного, но невредимого. Ему вкратце рассказали о случившемся, и все трое помчались в порт, который, к счастью, был недалеко.

Тяжело дыша от быстрого бега, они вскоре добрались до Темзы. Наведя справки, они направились к месту, где должен был стоять на якоре «Король Генрих». Но он уже отошел от причала, развернутые паруса медленно наполнялись свежим ветром. Матросы в белой форменной одежде сновали по кораблю и не обращали внимания на Марка, который отчаянно вопил и размахивал руками. Судно отходило от берега все дальше и дальше.

— Нет! — в отчаянии воскликнул он. — Я не допущу этого!

Аллен решил, что Марк сошел с ума, когда, вскинув руки, он нырнул в воду. Невозможно было предвидеть такого поступка, поэтому он не смог ему помешать. Описав плавную дугу, Марк вошел в темную воду, а когда брызги осели, стало видно, как он быстро плывет в направлении «Короля Генриха».

Ошеломленные Аллен и Омар переглянулись, кивнули, словно придя к обоюдному согласию, и так же бесстрашно, как Марк, бросились в реку и поплыли вслед за удалявшимся кораблем.

— Вы такие же глупцы, как и я, — заметил Марк, когда все трое повисли, уцепившись за борт.

Аллен молча согласился и лишь улыбался, очень довольный, неожиданным приключением, Омар же кивал головой и задыхался от смеха. Внезапно сверху послышались голоса, несколько матросов, перегнувшись через поручень, с изумлением смотрели на них. После нескольких неудачных попыток все трое были подняты на палубу. Марк очутился там первым, за ним последовал Аллен, а потом Омар. С них ручьями текла вода, а они лишь глупо улыбались, пытаясь хоть немного отжать свою одежду.

— Что вы себе позволяете? — проревел дородный мужчина, одетый в белоснежный мундир с ярко сияющими золотыми пуговицами.

— Я хочу попасть в Марсель, а эти двое — мои спутники, — заявил Марк с апломбом, удивительным для насквозь промокшего и стоящего в луже воды человека.

— Вы сошли с ума, молодой человек. Это не пассажирское судно. «Король Генрих» — королевский пакетбот, совершающий рейсы государственной важности. Вы будете немедленно отправлены на берег на баркасе. Никогда в жизни не видел, чтобы на корабль садились столь странным образом.

Зычным голосом он отдал приказ, который немедленно кинулись выполнять члены команды. Через считанные секунды паруса были свернуты, корабль, вздрагивая, замер на месте, вода мягко билась о его корпус, палуба слегка покачивалась.

— Капитан, — взмолился Марк, — в вашей власти позволить мне остаться на борту судна. Я не только возмещу все убытки, но и щедро вознагражу вас.

— Мальборо, а как вы здесь оказались?

Марк повернулся к появившемуся на палубе Брайану Кенту и ощутил, как в сердце закипает злоба.

— Вы знаете этого человека, мистер Кент? — с удивлением спросил капитан Эштон.

Чувствуя себя очень неуютно под испепеляющим взглядом Марка, Брайан, запинаясь, пояснил:

— Это Марк Кэррингтон, герцог Мальборо. А те двое — его брат и слуга.

— Герцог Мальборо! — Если бы только Брайан знал заранее, насколько благоприятным окажется его представление для Марка, он скорей бы откусил себе язык, чем произнес эти слова. Капитан Эштон не мог не слышать о герцоге Мальборо.

— Кто бы мог подумать? Ваш дед был другом короля, не так ли?

— Привилегия, которой продолжаю пользоваться и я, — находчиво солгал Марк. Хотя он изредка встречался с королем, тот не питал к нему такой симпатии, как к деду.

— В таком случае, — заявил Эштон, всегда преклонявшийся перед родовой знатью, — принимая во внимание ваше высокое положение, я смогу разместить на вверенном мне корабле всю вашу компанию.

— Это невозможно! — запротестовал Брайан, осознав свою промашку. — Я требую, чтобы вы высадили этих людей на берег.

— Вы требуете? — насмешливо повторил Марк, угрожающе глядя на совершенно расстроенного Брайана. — А ведь я вам советовал держаться от Кристи подальше. Вы вынуждаете меня прибегнуть к насилию, но уверяю, мне это вовсе не по душе.

— Я не понимаю, что здесь происходит, ваша светлость, — сухо заметил капитан Эштон, — но корабль продолжит свой путь. Похоже, это ваше частное дело, и я оставляю вас, господа, выяснять отношения между собой.

Он отдал несколько распоряжений, и матросы, собравшиеся вокруг и с интересом наблюдавшие за происходящим, бросились врассыпную выполнять свои обязанности. Паруса были вновь подняты и лишь ждали первого порыва ветра.

— Так что вы делаете на борту «Короля Генри ха», Кент? — спросил Марк со скрытой угрозой.

— До меня дошел слух, что вы исчезли и что ваш брат очень волнуется по этому поводу, — начал осторожно объяснять Брайан. — Я решил, что ваши планы относительно Кристи изменились. Не можете же вы винить человека за то, что он просто-напросто занял освободившееся место. Криста красива и богата. Если у вас нет намерения на ней жениться, почему бы мне не воспользоваться этим и не жениться на ней самому? Если подпорченный товар хорош для герцога, то и мне он сгодится.

Дерзость Брайана возмутила Аллена и внушила беспокойство. Он хорошо знал брата, знал, к

каким разрушительным последствиям приводит подчас его необузданный гнев.

— Мне кажется, вы уже достаточно сказали, Кент, — почти не разжимая губ, произнес Марк.

Но Брайан, который плохо представлял себе характер соперника, заносчиво продолжал:

— Вы могли бы поблагодарить меня, что я собираюсь избавить вас от Кристи. Вам, конечно, известно, что она прошла огонь и воду. Никто не знает, сколько мужчин держали ее в объятиях. Разумеется, женщина, обладающая столь плачевным опытом, вряд ли заслуживает герцогской короны. Мне кажется, леди Уиллоу гораздо больше вам подходит. — Брайан не знал, что, как только он произнес первое слово, его участь была решена.

— А что думает Криста о вашем великодушном предложении? — со зловещим спокойствием поинтересовался Марк.

— Ну, она, конечно, немного поломается, но потом согласится. Ей надо выйти замуж, а меня как-никак выбрали ее родители. Если бы вы ей не подвернулись, мы уже были бы женаты, а может, уже имели бы ребенка. Ее репутация настолько пострадала, что других предложений ждать не приходится.

Перед глазами Марка поплыли красные круги, и он бросился на Брайана. Не ожидавший стремительной атаки, Брайан отлетел назад и тяжело рухнул на палубу. В следующее мгновение Марк уже стоял рядом и ждал, пока он поднимется на ноги.

— Криста слишком хороша для таких, как ты, убудок, — зловеще проговорил Марк, и в воздухе замелькали его кулаки.

Брайан был почти того же роста, что и Марк, но, привыкший к бездеятельности, стал легкой добычей для Марка с его стальными мускулами и отточенными движениями. Ошеломленный Брайан едва сумел отразить два-три точных удара Марка, не говоря уж о том, чтобы самому нанести удар. Когда Аллен увидел, что угрожает Брайану, он кивнул Омару, и они вдвоем попытались оттащить Марка.

— Довольно, брат, он свое получил, — умоляюще говорил Аллен Марку, который никак не хотел отступать.

Задыхающийся, покрытый ссадинами, Брайан с трудом дотащился до леера и повис на нем всей тяжестью тела. Но Марк решил не останавливаться на полпути. Он мощным рывком вернул себе свободу и снова бросился на врага. Брайан издал вопль ужаса, ощутив, что его тело взмывает в воздух.

Все это произошло так быстро, что ни Аллен, ни Омар не успели помешать Марку. Все, что им оставалось, это беспомощно смотреть, как Брайан с громким плеском падает в воду и скрывается в ней.

Капитан Эштон, который услышал отчаянный крик и громкий всплеск, оказался на месте происшествия в тот самый момент, когда голова Брайана показалась на поверхности.

— Что здесь происходит, ваша светлость? — потребовал он ответа, донельзя рассерженный подобным поворотом событий. — Что случилось с мистером Кентом?

— Мистер Кент внезапно переменил решение. Он вспомнил о важных делах, требующих его присутствия в Лондоне, и покинул борт вашего судна, — от души забавляясь, ответил Марк. —

Вон, посмотрите, — он указал вниз, — мистер Кент уже нашел себе другое. — В это время Брайана поднимали на борт рыбацкой шхуны.

По-видимому, купание не причинило Брайану особого вреда. Он стоял на палубе шхуны, пытаясь отжать воду из одежды, грозя кулаком «Королю Генриху» и время от времени в бешенстве топая ногами.

— Все это крайне неприятно, — выразил свое недовольство капитан Эштон. На вверенном ему судне никогда не случалось ничего подобного. Только титул Марка и его дружба с королем удерживали капитана от того, чтобы отдать приказ арестовать его. Но поскольку серьезный урон был нанесен только гордости Брайана, капитан решил закрыть глаза на самоуправство герцога. По правде говоря, он и сам был не в восторге от мистера Кента.

— Вы получите должное вознаграждение за все отступления от распорядка, капитан, — пообещал Марк в надежде смягчить сердце капитана. — Как только мы доберемся до Марселя, в мое распоряжение поступит значительная сумма, и я оплачу проезд и возмещу убытки, которые мы вам нанесли.

Заметно утешившись, капитан кивнул.

— На «Короле Генрихе» мало пассажирских кают, и то они уже все заняты. Мою собственную я уступил леди, но думаю, офицеры не откажутся слегка потесниться. Подождите здесь, пока я не сделаю необходимые распоряжения.

Криста была одна у себя в каюте, расположенной на носу и имевшей второй выход на палубу, откуда можно было любоваться бескрайним морским простором. Там она и стояла, с горечью размышляя о неудавшейся жизни, о бесчисленных ударах судьбы. Она не слышала, как открылась дверь каюты, как не слышала и легких шагов, приглушенных к тому же толстым ковром.

Когда ее обхватили за талию сильные руки, она задохнулась от негодования.

— Брайан, как ты смеешь...

Но руки сжались крепче, так, что ей стало трудно дышать. Она круто повернулась, и ее испуганные глаза окунулись в изумрудно-зеленую бездну.

— Сожалею, что вынужден тебя разочаровать, — сказал Марк, — но твой друг больше не является пассажиром «Короля Генриха».

— Больше не... — Она засмеялась. — Что ты с ним сделал? Выбросил за борт?

— Совершенно верно, — ухмыльнулся Марк, ослабляя объятия. — Тебе его жаль, Криста? Он не имеет права красть то, что принадлежит мне. Ты моя, Криста.

— Твоя, Марк? А я действительно твоя? Или я нужна тебе только тогда, когда ничего от тебя не требую? — презрительно проговорила Криста.

— Ты имеешь полное право сердиться, любовь моя, но согласись, ты сама подтолкнула меня к тому, что я сделал. Почему ты покидаешь Лондон, когда я так просил тебя остаться?

— Ты думал, что я буду дожидаться, пока ты не придешь в чувство? Я знала, что ты вернешься, как только поймешь, что никто, кроме тебя, не может быть отцом моего ребенка, но никак не

думала, что ты исчезнешь так надолго. Я стала подозревать, что ты вернулся к Уиллоу. И вот тогда я решила, что ты мне не нужен, так же как не нужен ни один другой мужчина. Я достаточно богата, чтобы вырастить ребенка без посторонней помощи.

— Ты уверена, что я тебе не нужен, любовь моя? — Он посмотрел ей в глаза смелым и открытым взглядом. — И ты думаешь, я позволю, чтобы меня лишили моего ребенка?

Ее сердце подпрыгнуло от радости, и ее охватило страстное желание прижаться к нему. Но она ни за что не даст ему почувствовать, что всегда готова упасть в его объятия, как бы он себя ни вел.

— Если бы тебе было дело до ребенка, ты обрадовался бы, вместо того чтобы выражать сомнение, — прозвучал ее горький упрек.

— Прости меня за это, Криста, прости. Но ради Аллаха, попытайся понять мои чувства. Что я знал? Я знал, что ты беременна и что едешь куда-то с Кентом. Если бы ребенок был моим, такая мысль не пришла бы тебе в голову. Меня охватил такой гнев, что я побоялся оставаться с тобой в одной комнате. Мне нужно было как-то выплеснуть ярость, и вот я забрел в какой-то кабак и напился.

Я пил и проклинал свою необузданную ревность. Я больно тебя обидел и молился о том, чтобы ты простила меня. Но на меня навалилось все разом — бессмысленная смерть родителей, предательство Абдуллы, изгнание, — и мне стало так больно, что я ничего не мог с собой поделаться — оставалось лишь искать забвения на дне бутылки. Я очнулся только сегодня, когда меня нашел Аллен. И, к своему ужасу, я узнал, что через час ты уезжаешь во Францию.

— Марк, я чувствую такое опустошение, — с тоской проговорила Криста. — Я не знаю, смогу ли простить тебя, я не уверена даже, что я... что я тебя хочу. — Она говорила неправду, но Марк был слишком уверен в ее любви. Она хотела, чтобы он тоже почувствовал боль, чтобы им тоже овладело сомнение, которое так истерзало ее душу.

— О нет, прекрасная сирена. Ты меня хочешь. Хочешь так же, как я хочу тебя, — пробормотал он в ответ. Марк словно обнял ее взглядом, и его охватило тепло, как от глотка бренди. С томительной медлительностью он приблизил губы к ее губам. Его поцелуй был полон необузданной страсти и нетерпения. Он настойчиво раздвинул ее губы губами, а его язык с силой вошел во влажное тепло ее рта, затрепетал, получив ответ, который она пыталась сдержать, но не смогла. Поцелуй длился и длился. Когда она уже испугалась, что потеряет сознание, он оторвался от нее и заглянул ей в глаза. Они замерли в ожидании, столь же полном манящего обещания, как теплый, напоенный ароматами ветер, который дул с моря. Когда их глаза встретились, весь гнев Кристи исчез, переродившись в желание, жажду, утолить которую мог только этот человек. Ее тянуло упасть в его жаркие объятия и остаться там навсегда.

Проворные пальцы Марка нашли тесемки на спине ее платья, и как по волшебству оно упало, обнажив гладкие плечи и верхнюю часть сливочно-белых груди. Легким движением он дернул шнурок, стягивающий ворот сорочки, и в следующее мгновение она уже летела в сторону.

При виде этого бесконечно соблазнительного, совершенного тела Марк застонал, положил руки на прекрасные фарфоровые полусферы, увенчанные кораллами, и поднес их ко рту, поцеловал сначала один сосок, потом другой. Неудовлетворенный столь скудной пищей, снедаемый желанием видеть обнаженным ее тело целиком, ощутить вкус каждой его частички, он быстро освободил ее от остатков одежды и скинул свою.

Марк стоял перед ней, гордый своей наготой, а она, затаив дыхание, созерцала эту ожившую статую — воплощение мужской силы и красоты. Ее взгляд медленно перемещался от широких плеч к узкой талии, мускулистым бедрам. Густая поросль курчавых волос покрывала его грудь, спускаясь узкой лентой к чреслам, где она снова расширялась, образуя покров, из которого вздымалась напряженная мужская плоть, в которой пульсировала жизнь.

Он радостно и гордо улыбнулся, поймав ее благоговейный взгляд. Привстав на цыпочки, вытянувшись как струна и выгнув спину так, что ее соски касались его груди, она всем телом тянулась к нему, как самое совершенное воплощение грез. Его взгляд влекло к золотистому треугольнику между ее бедрами, как ночную бабочку влечет пламя свечи.

Марк поднял ее на руки и бережно положил на середину широкой постели, встал рядом на колени. С нежным стоном прижался губами к ее губам. Вдруг он прервал поцелуй, но лишь для того, чтобы припасть губами к манящим округлостям, он играл ими, дразня ее, и в этой чувственной игре участвовали его руки, губы и язык, который ласкал сосок сильными, нежными движениями.

Криста тоже тихонько застонала, когда его губы поползли ниже, оставляя блестящий, влажный и жаркий след на плоском пока еще животе, изгибе талии и округлых бедрах. Она ахнула, когда ощутила, как его трепещущий язык проникает во влажную глубину лона. Когда он нежно притронулся к ее ногам, она, повинувшись безмолвному приказу, послушно развела их в стороны. Одно упоительное ощущение следовало за другим, пока они не слились воедино, заставляя ее стонать и извиваться всем телом. А потом она уже летела ввысь, минуя луну, прямо к звездам. Разума не стало, все ее существо растворилось в сильнейшем взрыве эмоций.

Еще не придя в себя, она почувствовала, что Марк нависает над ней и снова целует ее в губы, безжалостно вырывая из состояния блаженного умиротворения и ввергая в новый вихрь страсти.

Неистовая вспышка желания пронзила ее, и она обхватила его ягодицы, что было силы прижимая к себе, пока наконец не ощутила на себе всю тяжесть его тела.

Искусно сдерживая собственную страсть, Марк медленно и терпеливо вел ее дорогой наслаждения — так медленно, что она стала молить о завершении.

— Подожди, любовь моя, — прошептал он, вновь покрывая поцелуями ее трепещущее тело.

Но Криста больше не могла выдержать и минуты этой сладкой пытки. Ее рука непроизвольно сжала его упругую плоть, направляя ее, и в тот же миг произошло то, чего она так жаждала, — полное слияние двух тел, словно растворившихся одно в другом.

— Марк, я люблю тебя, — вскрикнула она, когда мир сдвинулся с места, все ускоряя вращение.

— Ты моя, прекрасная сирена, — простонал Марк в ответ. — Не вздумай снова покидать меня.

В тот же миг он почувствовал содрогания ее хрупкого тела, которые словно отпустили туго натянутую в нем пружину. Последнее мощное движение, и он замер, оглушенный обрушившейся на него лавиной невысказанных ощущений.

23

Воссоединившиеся возлюбленные заснули на смятой постели обнаженными, не размыкая переплетенных рук и ног. Марк проснулся первым — примерно через час. Открыв глаза, он

стал смотреть на Кристу, ощущая нежность, которой еще не испытывал никогда в жизни, Криста была не только женщиной, которую он любил, она была женщиной, которая носила его ребенка, что делало ее еще более драгоценной в его глазах. Его заботливый взгляд переместился на ее живот, и он вдруг испугался, что его страстные объятия и ласки могли повредить ребенку.

Ее тело все еще было таким хрупким, что казалось удивительным, как в нем может расти ребенок. Марк осторожно положил ладонь на едва заметную выпуклость, испытывая невероятную радость при мысли, что будет отцом. Сын или дочь — все равно, только бы Криста благополучно разрешилась от бремени.

Глаза Кристи внезапно открылись, она с удивлением увидела Марка, который глядел на нее со странным выражением, которое было сродни благоговейному восторгу, в то время как его рука нежно гладила ту часть ее тела, где возрастало его семя. Она облизнула пересохшие губы и сказала:

— Когда ты в тот день ушел от меня в таком состоянии, я подумала... то есть мне показалось...

— Что я не хочу ребенка? — закончил за нее Марк. — Конечно, а что еще ты могла подумать, когда я не помнил себя от ревности. Но, надеюсь, я все достаточно хорошо объяснил? Я знаю, что это мой ребенок, и счастливее меня нет человека на свете.

Хотя его слова обрадовали Кристу и в значительной степени разрешили ее сомнения, она снова глубоко задумалась. Ей вдруг пришло в голову, что Марк ни словом не обмолвился о браке. Собирается ли он держать ее при себе в качестве любовницы? Но Марк не замечал перемены в ее настроении — он с радостной улыбкой продолжал гладить ее живот, пока внезапный стук в дверь не прервал его приятных грез.

— Кто там? — спросила Криста, не удержавшись от улыбки при виде разочарованного лица Марка.

— Это Элисса. Аллен просил передать, что нашел для Марка какую-то одежду. Он ждет брата в каюте первого помощника.

— Одежду? Интересно, где это он сумел отыскать одежду, которая была бы мне впору? — удивился Марк. — Наверняка не у капитана, который ниже меня на добрых шесть дюймов.

— Мне кажется, мистер Кент оставил целый сундук с одеждой. Он покинул корабль так неожиданно, что не успел позаботиться о багаже, — со смехом ответила Элисса.

— Аллен тоже здесь? — изумилась Криста. — Как же вы оказались на корабле? Я стояла на палубе, пока не подняли трап, и никого не видела. — Вдруг она вспомнила, что одежда Марка была совершенно мокрой, когда он появился в ее каюте. — Марк! Не может быть! Неужели вы с Алленом добирались вплавь по Темзе?

— Любовь моя, не только мы с Алленом, но и Омар тоже. Вот теперь ты наконец поймешь, на что я способен ради того, что мне принадлежит.

— Марк, ты сумасшедший, но я тебя все равно люблю.

Со счастливой улыбкой он повернулся к двери и позвал Элиссу:

— Скажи Аллену, что я сейчас приду. А потом сообщи капитану, что мы поднимемся на палубу,

как только я переоденусь.

Озадаченная Криста спросила:

— Что ты собираешься делать, Марк? Что ты задумал?

Просияв торжествующей улыбкой, Марк ответил:

— Я велел Леноре помочь тебе одеться. Выбери самое красивое платье.

— О чем ты говоришь? Зачем мне надевать самое красивое платье?

— Ты же хочешь быть красивой в день нашей свадьбы? Разве нет? Я уговорил капитана Эштона провести церемонию. Поторопись, дорогая. Я жду не дождусь, когда ты станешь моей по закону.

— Ты... ты хочешь на мне жениться? Прямо сейчас?

— Разумеется. Я всегда хотел на тебе жениться. Никто и никогда не назовет моего ребенка незаконнорожденным.

Одетая в переливающийся голубой шелк, от чего глаза ее казались еще ярче, Криста стояла рядом с Марком, на котором прекрасно сидела одежда Брайана. Пепельные волосы Кристи сверкали, как начищенное серебро, освещенное солнцем. Вокруг них стояли Аллен, Элисса, Омар, Ленора и почти вся команда «Короля Генриха». Облаченный в парадную форму капитан Эштон, держа в руках молитвенник, прочел простые слова, которые соединили их навеки.

Если кто-то и нашел странным, что счастливая пара так спешила сочетаться браком, что не захотела ждать до Марсея, виду не показал никто. И причиной тому было не только высокое положение Марка, но и явная радость, которая светилась в глазах влюбленных. С той минуты, когда на корабле при столь необычных обстоятельствах появился герцог Мальборо, все находилось в приподнятом состоянии духа, а брачная церемония стала кульминацией этого необычного, полного удивительных событий дня.

Когда Марк наклонился и поцеловал зардевшуюся невесту, раздались приветственные возгласы, потому что это было не обычное стыдливое прикосновение к губам, а полновесный страстный поцелуй, который длился добрую минуту. Когда Марк неохотно оторвался от жены, настала очередь капитана, и тот смущенно запечатлел на щеке Кристи быстрый поцелуй. Аллен оказался не столь застенчивым и, покосившись на брата, воспользовался случаем и поцеловал ее в губы. Потом Марк и Криста возглавили торжественную процессию, направившуюся в салон, где уже был накрыт праздничный стол.

Только когда стемнело, новобрачным удалось уединиться в своей каюте. На протяжении всего ужина Марк проявлял к своей молодой жене почти неприличный интерес, что вызывало смешки и перешептывание. Поэтому никто не удивился, когда он внезапно встал, схватил Кристу за руку и, не вдаваясь в объяснения, увел ее за собой.

Оставшись наконец наедине с человеком, которого она любила и которого никогда не ожидала увидеть своим мужем, Криста вдруг почувствовала странное смущение. Она неловко теребила непослушными пальцами пуговицы на платье, пока Марк не пришел ей на помощь.

— Позволь я помогу тебе, любовь моя, — нежно проговорил он, отводя ее руки. — До Марсея я с радостью буду исполнять обязанности твоей горничной. Я так ждал этого дня, что не хочу

тебя ни с кем делить.

Подчинившись его умелым рукам, лиф платья упал, и ее груди наполнили его ладони. Каюта освещалась лишь светильником, свисавшим с потолка, и лунным светом, который проникал сквозь высокие иллюминаторы, превращая волосы Кристи в живое серебро.

— Я люблю тебя, — прошептал Марк, и его теплое дыхание коснулось ее щеки. — Я полюбил тебя с той самой минуты, когда впервые увидел. Нет женщины, прекраснее тебя.

— Я тоже люблю тебя, — ответила Криста, чувствуя, как хорошо знакомая дрожь желания охватывает тело. В полутьме ее глаза казались огромными, темными, загадочными, манящими. — И буду любить, пока смерть не разлучит нас.

Медленно и нежно они раздевали друг друга, каждое прикосновение, каждая ласка волновала, будто это была их самая первая ночь. Он бережно пустил ее на постель.

— Я так хочу быть с тобой, что желание причиняет мне боль, — хрипло простонал он.

Его пальцы нашли бархат бедер и ощутили влагу, выступившую из ее лона. Она почувствовала, как они проникли внутрь, и каждое их движение порождало пылкий ответ ее тела. Он ласкал ее соски языком и губами, а ее бедра ощущали жар и твердость напряженной мужской плоти.

— Ты сводишь меня с ума, прекрасная сирена, — задыхаясь, проговорил Марк. — Ни одна женщина не может сравниться с тобой.

Их тела сплетались, они ласкали друг друга, пока не исчезло все, кроме пламени желания, которое разгоралось все ярче, ибо питалось чужой страстью.

Он приподнял бедра Кристи и одним точным движением заполнил ее собою, ощутил жар и трепет ее лона. Их соединение было недолгим и бурным, подобным грозе над морем. Он обладал ее телом с неистовством, диким восторгом, все нараставшим, пока наконец не прозвучал последний сокрушительный взрыв.

Потом они заснули, но лишь на короткое время, потому что неутолимая жажда обладания друг другом снова и снова соединяла их тела. И только когда солнце уже стояло высоко над горизонтом, голод выгнал их из смятой постели.

Несколько дней спустя к искренней радости Кристи капитан Эштон снова председательствовал на церемонии бракосочетания, причем свадьба была двойной — Ленора выходила замуж за Омара, а Элисса — за Аллена. До конца своей жизни капитан рассказывал за столом об этом удивительном плавании, которое так отличалось от обычных скучных рейсов между Лондоном и Марселем.

Замок в южной Франции, находившийся неподалеку от деревни Миарама, лежал всего в полусутках езды от Марселя. Пока Марк делал распоряжения в банке, чтобы расплатиться с капитаном Эштоном и запастись наличными деньгами, Аллен нанял карету для женщин, верховых лошадей для мужчин и повозку для багажа. Перед тем как покинуть Марсель, они посетили несколько лучших магазинов и приобрели новую одежду.

Едва они выехали из города, Крису охватило сильное беспокойство. Она немного боялась встречи с родителями, поскольку собиралась представить им в качестве зятя совсем не того человека, которого они ожидали увидеть.

Когда они добрались до места, на замок уже упали сумерки. Волнения Кристи оказались напрасными — более горячего приема трудно было ожидать. Когда смолкли приветственные восклицания, Криста узнала, что болезнь матери отступает, благодаря умеренному климату южной Франции. Когда она со слезами на глазах целовала дочь, Криста заметила, что от болезни осталась лишь легкая слабость. Невысокая и хрупкая леди Хортон обладала сильным характером, который она передала дочери.

Когда Криста бросилась в объятия своего еще очень красивого отца, его лицо озарилось широкой улыбкой, смягчившей его строгие черты. Сэр Уэсли с величайшей нежностью относился к своей семье, и никто не знал это лучше Кристи. Он обнял дочь сильными руками и крепко прижал к себе.

Младшие брат и сестра Кристи не желали оставаться в стороне и усиленно требовали внимания к себе. Уилл, которому недавно исполнилось двенадцать, был долговязым подростком, который, казалось, состоял лишь из конечностей и углов. Обнимая любимую сестру, он не смог удержаться от радостного вопля. Восемилетняя Кора с ее длинными белокурыми локонами и веселыми голубыми глазами была очень похожа на Кристу. Она приветствовала сестру несколько более сдержанно, хотя радовалась ничуть не меньше, чем Уилл.

Освободившись из объятий близких, Криста повернулась к своим спутникам, стоящим чуть поодаль, на которых ее родители взирали с вежливым ожиданием. Криста по очереди представила своих друзей, намеренно оставив Марка напоследок. Она взяла его за руку и торжественно произнесла:

— Матушка, отец, позвольте представить вам моего мужа герцога Мальборо.

— Твоего... твоего мужа! — удивленно воскликнул сэр Уэсли. — Как это может быть? А что произошло с Брайаном Кентом? Где он? Я думал, что ваш брак — дело решенное.

— О, Криста, — вторила ему леди Хортон. — Что ты наделала?

— Я ничего не наделала, кроме того, что вышла замуж за человека, которого люблю, — объяснила Криста. Взгляд, который она при этом бросила на Марка, был так красноречив, что сэр Уэсли и его жена лишь растерянно переглянулись.

Марк не мог не заметить, что сэр Уэсли не спешил признавать его, предпочитая не выносить суждения до тех пор, пока он не ознакомится более подробно с обстоятельствами этого поспешного брака. Рука, которую протянул Марк, была принята вежливо, но прохладно. Марк надеялся, что лед растает, когда Криста все объяснит по порядку.

— Вы должны узнать все подробности, и мы с Марком будем рады рассеять ваши сомнения, но потом, когда наши гости будут устроены.

Сэр Уэсли кивнул в знак согласия и, продолжая посматривать на Марка с явным сомнением, повел гостей по длинным коридорам огромного замка, построенного два столетия назад и окруженного лесистыми холмами и плодородными долинами.

— Криста, когда Брайан вернулся в Тунис после того, как тебя освободили, он намекал на то, что ты... что... э-э... пираты и Абдулла... — Леди Хортон беспомощно умолкла. Все наконец разошлись по своим комнатам, оставив Кристу и Марка наедине с супругами Хортон.

Криста уже объяснила, как она познакомилась с Марком, и рассказала обо всем, что случилось

с ней за этот год.

— Брайан ошибался, мама, — мягко возразила она. — Меня никто не тронул... в этом смысле. Я уже говорила вам, что Марк — принц Ахмед, законный наследник покойного бея Константины. Я была нужна Абдулле только как орудие мести. Он хотел с моей помощью сделать страдания Ахмеда невыносимыми. — Она надеялась, что это сильно упрощенное объяснение все же удовлетворит ее родителей. — Я должна вам сказать кое-что еще. Я жду ребенка от Марка.

— Все это совершенно немыслимо, — не выдержал сэр Уэсли. — Мы с матерью старались воспитать тебя честной девушкой. А теперь ты сначала говоришь, что вышла замуж всего несколько дней назад на корабле, а потом объявляешь, что ждешь ребенка. Ты представляешь, что о тебе должны подумать? Неудивительно, что Брайан от тебя отказался. Ради бога, скажи, что на тебя нашло?

Хотя слова неодобрения относились к дочери, его обвиняющий взгляд был устремлен на Марка. Было ясно, что сэр Уэсли винит новоприобретенного зятя в том, что тот сбил его дочь с пути истинного.

— Во всем вините меня, — вмешался Марк, вставая на защиту Кристи. — Боюсь, я проявил из лишнюю настойчивость.

Сэр Уэсли издал нечленораздельный звук, а лицо его побагровело. Хотя он был женат уже много лет, он еще хорошо помнил, что значит быть молодым и пылким.

— Я больше всего радуюсь тому, что ты снова с нами, — сказала леди Хортон дочери. — И, кажется, ты очень счастлива с герцогом.

— Я люблю вашу дочь, миледи, — произнес Марк, глядя ей в глаза. — Криста и ребенок значат для меня больше, чем сама жизнь. Я надеюсь, что вы с сэром Уэсли скоро поймете это и захотите принять меня в свою семью.

— С радостью, — улыбнулась леди Алиса. — Все, чего мы хотим, — это чтобы наша дочь была счастлива. Не правда ли, Уэсли? — добавила она, незаметно толкая его локтем в бок.

Сэр Уэсли вздрогнул, бросил на жену негодующий взгляд и закивал головой, выражая великодушное согласие.

— Конечно, конечно. Если Криста счастлива, то и я доволен. Выбор всегда был за ней. Добро пожаловать в нашу семью, ваша светлость... то есть Марк.

— Не могу поверить, что скоро стану бабушкой. Даже сэр Уэсли улыбнулся при упоминании о положении Кристи. А что касается Марка, то Криста, безусловно, сделала блестящую партию. Сэру Уэсли нравился Брайан, но он слишком любил дочь, чтобы принуждать ее выйти замуж за человека, к которому она не питает склонности.

— Отец, я так тебя люблю! — воскликнула Криста, бросаясь в его объятия. — И тебя тоже, дорогая. — Она крепко поцеловала мать. — Не сомневайтесь, я действительно счастлива. Пока Марк со мной, мне ничто не страшно. Он — моя жизнь.

Несколько месяцев, проведенных в замке, были самым счастливым временем в жизни Кристи. Она снова обрела своих родных, рядом с ней были ее Друзья и, самое главное, Марк. Они устраивали пикники, путешествовали по окрестностям, осматривали достопримечательности Марсея и даже веселились на сельских праздниках вместе с жителями соседних деревень. И

любили друг друга — иногда в душистой траве на берегу ручья, но чаще в огромной постели в уединении спальни. Когда у Кристи заметно увеличился живот, их ласки стали более сдержанными и нежными, и все же никогда прежде они не давали друг другу столь полного наслаждения. Кристе казалось, что ничто не может омрачить эти золотые дни, разрушить их счастье.

Но однажды сэр Уэсли получил депешу от короля. В ней говорилось, что, если позволяет здоровье леди Хортон, сэр Уэсли должен немедленно выехать в Лондон, так как положение вещей требует его обязательного присутствия. Его ожидает важный пост, от которого он не должен отказываться, несмотря на высказанное ранее желание уйти в отставку. Сэр Уэсли никогда не обладал несметными богатствами, а выкуп, который он заплатил Абдулле за дочь, почти разорил его, и это было одной из причин того, что он принял новое назначение с благодарностью. Существовала и вторая причина: сэр Уэсли был еще вполне энергичным и деятельным человеком и желал служить своей стране, и поскольку здоровью леди Хортон больше ничто не угрожало, он был готов исполнить свой долг.

К большому огорчению леди Хортон, было решено выехать уже через две недели. Она так надеялась, что малыш появится на свет в ее присутствии. Роды ожидались через два месяца, но Криста настаивала на том, чтобы мать ехала в Лондон, потому как Ленора обладала достаточным опытом и могла позаботиться о ней. Кроме того, с ней был Марк, и больше ей никто не был нужен, хотя она радовалась присутствию матери. Уверенная, что дочь находится в надежных руках, леди Хортон неохотно согласилась ехать вместе с мужем, тем более что Марк заверил ее в том, что они с Кристой переедут в Лондон, как только ребенок станет способен перенести путешествие.

Вскоре после отъезда сэра и леди Хортон, Марк в сопровождении Аллена и Омара отправился в Марсель. Основной целью поездки было посещение банка, но, кроме этого, Марк хотел выкупить обручальное кольцо, которое он две недели назад заказал для Кристи у ювелира. Но все его планы пошли прахом, как только он завидел алжирский парусник, бросивший якорь в гавани. Повинуясь внезапному порыву, Марк решил подняться на борт и переговорить с капитаном. Он уже давно не получал никаких вестей о том, что происходит у него на родине. Аллеи и Омар с готовностью поддержали его решение.

Из всех троих Аллен скучал по родине больше всех, потому что он никогда не проводил так много времени в Европе, как его старший брат. Что до Омара, то тому было все равно где находиться, лишь бы быть рядом с принцем.

Капитан Хамид сердечно приветствовал посетителей, особенно после того, как узнал их имена. Он пригласил их отобедать, и то, что они узнали во время трапезы, изменило не только их планы на ближайшее будущее, но и всю дальнейшую жизнь.

Когда несколько часов спустя они покинули корабль, лица троих мужчин выражали решимость. После короткого визита в банк они вернулись прямо в замок. К тому времени на землю уже упала темнота, и замок готовился ко сну. «Тепло будет кстати», — решила Криста, обрадованная, что она вовремя приказала разжечь огонь в камине. В воздухе чувствовался явный холодок, предвестник наступавшей осени. Это счастливое лето пролетело так быстро, что Криста и не заметила, как оно ушло — так хорошо было ей в ее маленьком уютном мирке. Все было так, словно не существовало ничего, кроме ее родных, друзей и ее любви к Марку. В грустные минуты она часто думала о том, что ее счастье слишком совершенно, чтобы продолжаться долго.

Через французское окно, теперь уже закрытое, чтобы не пускать внутрь холодный ночной

воздух, она смотрела в темный сад, думая, что Марк уже давно должен был вернуться из Марселя. Она рассеянно водила ладонью по своему выпуклому животу и с радостью чувствовала сильные движения ребенка в этом надежном убежище. Она улыбнулась — это ощущение казалось ей не менее приятным, чем самая изощренная любовная ласка. Когда она думала о ребенке, она всегда называла его «он», потому что какое-то тайное чувство подсказывало, что она подарит Марку сына.

Потом Криста снова стояла перед камином, освещенная отблесками пламени, играющими на тончайшем шелке ночной рубашки, не зная, что Марк уже поднимается по лестнице. Дверь распахнулась от толчка, он шагнул за порог и сразу нашел ее взглядом. Услышав звук открываемой двери, Криста обернулась и просияла приветственной улыбкой.

— Я тебя ждала. — В ее голосе звучали чувственные призывные нотки, и он ощутил ответный жар.

В тот миг Марк подумал, что даже столетним старцем он будет помнить этот взгляд, которым встретила его Криста. Ночная рубашка не скрывала совершенных очертаний ее тела, а округлившийся живот придавал ей еще больше прелести в глазах Марка. Хотя он знал все ее восхитительное тело до мельчайших подробностей, знал вкус и запах каждой его клеточки, ему никогда не надоедало смотреть на нее, желать ее, любить ее. Ее соски, увеличенные беременностью, проступали сквозь тонкую ткань, моля о прикосновении, треугольник светлых волос между бедрами призывал к обладанию. Закинутая голова, длинная обнаженная шея, великолепные волосы, струящиеся по спине, как серебряный дождь, — разве можно расстаться со всем этим, в отчаянии спрашивал он себя, идя навстречу своему кismetу.

— Ты так красива, что взгляд на тебя причиняет боль, — сказал Марк, ненавидя себя за то, что было у него на уме.

— Идем, любовь моя, — ответила Криста. Она была так чувствительна к его настроениям, что сразу поняла — что-то случилось. — Идем в постель.

— Ни о чем другом я и не мечтаю, дорогая. Но я так боюсь повредить тебе или ребенку. Ты уверена, что в твоём положении это безопасно?

— Даже если это будет в последний раз до рождения нашего ребенка, я хочу тебя. — Она не подозревала, что ее слова окажутся пророческими. — Я достаточно крепка, а наш ребенок надежно укрыт в моем чреве. Ничто не сможет ему повредить.

Марк отбросил опасения. Он хотел, чтобы они оба запомнили эту ночь, которой было не суждено скоро повториться. Их губы слились, и этот страстный поцелуй длился, пока их обоих не охватило дикое, необузданное желание. Отодвинувшись от Кристи, Марк быстро раздевался, не отрывая взгляда от женщины, которую он любил больше жизни. Криста смотрела на него как замороженная. Оранжевое пламя камина играло на его теле, ложилось бликами на темные волосы и бронзовую кожу. Криста не уставала восхищаться гармоничным совершенством его форм, все ее существо словно растворялось в его торжествующей мужественности, плавилось от жара неистовой страсти.

Одно движение кисти — и кусок тончайшей ткани, служивший ей ночной рубашкой, упал к ее ногам. Она легко переступила через него, сквозь завесу густых ресниц взглянула ему в глаза, нежно улыбнулась. Он осторожно положил ее на постель.

То, что произошло потом, было неизмеримо выше простого чувственного наслаждения. В этих утонченных ласках участвовали не только каждая частица их тела, но и каждый уголок души.

В ту ночь их любовь, казалось, достигла своей высшей точки, в которой происходит полное слияние двух живых существ. Позднее Марку не раз приходило в голову, что, если бы ему тогда сказали, что завтра он должен покинуть этот мир, он покинул бы его без сожаления, ибо ему дано было изведать то, к чему столь безнадежно стремится в течение всей жизни большинство мужчин. Он обрел совершенную любовь.

24

Наконец Марк решился заговорить.

— Завтра я уезжаю, — тихо сказал он и почувствовал, как все ее тело напряглось. — Я хочу, чтобы ты немедленно вернулась в Англию. Тебе нужно быть рядом с родителями.

— О боже, нет! — застонала Криста, прижимаясь к нему с таким отчаянием, что он едва не переменял решения. — Как только ты вошел в спальню, я сразу поняла, что случилось что-то плохое. Что? Почему ты должен покинуть меня?

— Я этого не хочу, но другого пути у меня нет, — последовал горький ответ. — Сегодня я узнал, что в Константине волнения. Абдулла открыто выступил против правителя Алжира. Он истощил терпение жителей Константины, и теперь они готовят восстание. Он так жестоко расправлялся со всеми, кто отказывался ему повиноваться, что жители Константины направили Дею (Деи — титул правителя Алжира) петицию с просьбой покончить с тиранией Абдуллы. Когда дей публично осудил Абдулла, тот стал нападать на караваны и забирать имущество, принадлежавшее правителю. Должно быть, он сошел с ума, ибо его ждет страшная кара.

— Но я не понимаю, какое отношение все это имеет к тебе? — жалобно проговорила Криста. — Я думала, что ты навеки забыл о Константине. Ты герцог Мальборо, твоя жизнь связана с Англией — со мной и нашим ребенком.

— В Марселе я узнал от капитана алжирского судна, что правитель Алжира намеревается воевать с Абдуллой. Прежде он не хотел вмешиваться во внутренние дела Константины — раздоры между двумя братьями. Но теперь при его поддержке я наконец свергну Абдулла и стану свидетелем его бесславного конца. Я должен быть там, этого требует моя честь. Мои родители будут отомщены. Аллен и Омар поедут со мной. Мы отправляемся в путь завтра на корабле капитана Хамида. Все уже решено.

— Просто решено, и все? — воскликнула Криста. Ее голос вдруг стал резким и визгливым. — Как я могу быть уверена, что ты вернешься? От тебя будут требовать, чтобы ты взял власть в свои руки и остался в Константине.

— Наш ребенок — вот залог моего возвращения, — резким тоном ответил Марк, оскорбленный ее недоверием. — Неужели ты сомневаешься в нашей любви, неужели не веришь в меня? Я думал, что наша любовь достаточно крепка, чтобы ее не убила короткая разлука.

— Вся наша жизнь и так состоит из сплошных разлук, — с горькой обидой упрекнула его Криста. — А Аллен? Как он может оставить Элиссу, когда она ждет ребенка?

— Это дело моего брата и его жены, любовь моя. Мое дело — ты и наш ребенок. Где ты предпочитаешь поселиться в Лондоне — в доме, который оставила тебе тетя, или в моем особняке?

— Свой дом я отдала родителям, — холодно сообщила Криста.

— Тогда ты будешь жить в Мальборо-хаусе. Прислуга позаботится о тебе до моего возвращения. До отъезда я должен написать несколько писем, чтобы открыть тебе дорогу в общество.

— Мне это не нужно, я не собираюсь нигде бывать. Марк, я боюсь. Так боюсь. Что, если...

— Не мучай себя понапрасну, родная. Я вернусь к тебе, только смерть может меня удержать. Ты мой кисмет. Наша судьба — стариться вместе.

— А быть правителем Константины тоже твой кисмет? Какое место мне уготовано в твоей новой жизни? Ты собираешься свергнуть Абдуллу и занять его место? Марк, скажи мне, — умоляюще проговорила она. — Скажи, что ты не сделаешь этого.

Ответом было долгое напряженное молчание, которое окончательно разбило ее последнюю надежду. Наконец Марк ответил:

— Я не могу сказать, что случится, когда я доберусь до Константины, потому что сам этого не знаю. Но одно я знаю наверняка: моя любовь к тебе никогда не умрет. Если мой кисмет — править Константином, то я все равно вернусь для того, чтобы увезти тебя с собой. А сейчас я не могу думать ни о чем, кроме того, что Абдулла скоро будет наказан за подлое убийство моих родителей, и о том, что я должен... должен, — с ударением повторил он, — быть там. Аллен со мной согласен. А Омар — Омар, конечно, всегда будет там, где буду я.

— Я понимаю твои чувства, Марк, я правда все понимаю, — устало сказала Криста, смирившись с неизбежным. — Я просто очень боюсь за тебя. Как долго тебя не будет?

— Месяц, любовь моя. От силы полтора. Я вернусь как можно скорее, чтобы увидеть, как наш ребенок появится на свет. И после того, как все это кончится, мы никогда больше не расстанемся.

Это было совсем не то, о чем мечтала Криста, но кто сказал, что ее жизнь будет легкой? Кисмет соединил их, когда она уже думала, что больше никогда не увидит Марка, и, значит, оставалось лишь еще раз положиться на судьбу. Но сейчас, в этот миг, она была там, где ей надлежало быть — в объятиях человека, которого она любила. Часы, оставшиеся от этой ночи, принадлежали им. А может быть, если захотеть изо всех сил, рассвет никогда не наступит?

— Марк, люби меня. Не давай мне времени думать, пусть останутся только чувства.

И, накрыв ее тело своим, он сделал все, как она хотела. Но рассвет все же наступил.

Прямо перед отъездом Марка Кристе был преподнесен еще один сюрприз: Элиссе каким-то образом удалось уговорить Аллена взять ее с собой.

Криста негодовала:

— Почему Элисса может ехать вместе с мужем, а я не могу? — Ее голубые глаза угрожающе сверкали.

— Элисса родилась и прожила в Алжире всю свою жизнь, — терпеливо объяснял Аллен. — И хотя она не жалуется, но она скучает по родине не меньше, чем я. В Алжире у нее есть родственники, она будет жить дома, в безопасности. А ты там чужая, и опасности будут подстерегать тебя на каждом шагу. Тебя и ребенка.

— Но Элисса тоже ждет ребенка.

— Но ее ребенок появится на свет еще очень не скоро, а твой гораздо раньше, — вмешался Марк, глядя на ее заметно выросший живот.

— Я хочу, чтобы мой ребенок родился в Алжире, — примирительно сказала Элисса. — Не сердись на меня, Криста. У меня никогда не было такого друга, как ты, и, если будет на то воля Аллаха, мы еще увидимся.

— О, Элисса, я не сержусь, — всхлипнула Криста, обнимая подругу. — Мне будет так тебя не хватать. Это все равно что...

— Любовь моя, подумай о нашем ребенке. Я уверен, ты не захочешь, чтобы он родился в Алжире, где наша жизнь будет полна невзгод и опасностей. У меня будет гораздо легче на душе, если я буду знать, что вы оба в безопасности. Омар согласился оставить Ленору приглядывать за тобой.

Потом он поцеловал ее, и Кресту охватило отчаяние, которое могло сравниться лишь с тем всепоглощающим горем, которое она испытала, когда Абдулла приговорил ее возлюбленного к пожизненному рабству.

В Лондоне уже вступила в свои права настоящая зима, но первый месяц после возвращения оказался для Кресты не слишком тяжелым, Марк, как и обещал, написал своей домоправительнице миссис Бен-тон. Когда Криста вручила ей письмо, миссис Бен-тон приняла ее с распростертыми объятиями, да и все слуги были счастливы приветствовать новую хозяйку и относились к ней с нежной заботой и теплотой. Вдобавок Криста очень часто виделась со своими близкими, что скрашивало ее одиночество.

Леди Хортон была несказанно счастлива, что будет присутствовать при рождении ребенка. Сэру Уэсли доверили высокий пост в Лондоне, что очень обрадовало его жену — ведь они так долго прожили вдали от горячо любимой родины.

Еще одно письмо Марка предназначалось для сэра Питера Трентона. В нем он сообщал о своей женитьбе на Кресте и просил старого друга обеспечить Кресте положение в обществе, причисляющее ее герцогскому сану. Сэр Питер отнесся к поручению с полной серьезностью и сразу же нанес визит Кресте. Они подружились, а скоро каминная полка Кресты была завалена визитными карточками и приглашениями, но из-за беременности она выезжала нечасто. Тем не менее предусмотрительность Марка позволила ей безболезненно войти в общество, а ее высокое положение заставило сплетников прикусить языки.

С самого приезда в Лондон Кресту не покидала мысль, что Уиллоу Лэнгтри никогда не перестанет вмешиваться в ее жизнь, но скоро она узнала, что Уиллоу больше не представляет опасности ни для нее самой, ни для Марка. Сэр Питер рассказал ей, что Уиллоу проиграла процесс и потеряла наследство, которое она должна была получить после смерти мужа. Поскольку эта женщина была совершенно не способна ни в чем себя ограничивать и не могла прожить на собственные небольшие средства, ей пришлось срочно выйти замуж за стареющего графа, который сразу после свадьбы увез ее в свое удаленное поместье, где они жили в строгом уединении. Криста хорошо представляла себе, что должна была чувствовать леди Лэнгтри, оказавшись в подобном положении, и почти сочувствовала ей. Она знала, что Уиллоу всегда ненавидела тихую скромную жизнь и, без сомнения, страдала от отсутствия развлечений, которыми была полна ее жизнь в Лондоне.

Прошло уже полтора месяца со дня отъезда Марка. Криста с Ленорой каждый день ждали

возвращения мужей. Услышав стук лошадиных копыт на улице, они спешили к окну, и каждый раз их постигало жестокое разочарование. К концу второго месяца Криста уже была уверена, что с Марком случилось что-то ужасное, и, если бы не приближавшиеся роды, она бросилась бы на его поиски. Ленора и родители как могли старались поддержать ее, укрепить ее дух, но ничто не могло отвлечь Кристу от мрачных мыслей.

В ветреный февральский день Майкл Марк Кэррингтон появился на свет, крича во всю силу своих хорошо развитых легких, в присутствии врача, Леноры, леди Хортон и миссис Бентон. На весах он потянул семь фунтов, пушок, покрывавший его головку, оттенком немного напоминал темные волосы отца, а бессмысленные голубые глазенки ничем не отличались от глаз других младенцев.

Криста неплохо справилась с тяжелым испытанием, и в этом ей очень помогла Ленора, которая за время жизни в неволе научилась пользоваться в подобных случаях целебными травами и другими восточными средствами. По счастью, Майкл был не слишком крупным младенцем, иначе исход родов мог бы оказаться не столь благоприятным. Но Криста на удивление хорошо перенесла беременность и роды, несмотря на свое хрупкое телосложение. Единственное, что ее печалило, — это отсутствие Марка, который так и не смог стать свидетелем счастливого события. Неужели его обещание ничего для него не значило?

Суровая зима сменилась мягкой весной. Майкл постепенно превращался в смышленного мальчонку, и Криста, которая с восторгом наблюдала за сыном, не могла не думать, как много теряет Марк. Его не было уже четыре месяца. Как он мог забыть, что его ждут жена и ребенок?

Сэр Питер по-прежнему был частым гостем в ее доме. Ему, как никому другому, удавалось развеселить ее рассказами о студенческих проделках Марка и его друзей. Но стоило ему уйти, и Кристу вновь охватывала тоска.

Не требовалось большого воображения, чтобы представить себе, что случилось с Марком. Как только Абдуллу свергли, Марк вошел в роль принца Ахмеда, бегая от Константины. Чем больше времени проходило, тем больше росла ее уверенность в том, что Марк и не собирался возвращаться. Все его обещания были лишь пустыми словами, и, по всей видимости, власть значила для него больше, чем жена и ребенок. А почему бы и нет? Ведь гарем Абдуллы был полон молоденьких девушек, куда более красивых, чем она.

Когда стало совсем тепло, Криста стала подумывать о том, чтобы покинуть Лондон. Ей хотелось, чтобы маленький Майкл мог дышать чистым деревенским воздухом. Посоветовавшись с родителями, она переехала в поместье Мальборо, которое находилось всего в нескольких часах езды от Лондона.

Она с радостью бросилась в омут хозяйственных дел — огромный дом нуждался в ремонте и обновлении, — и дни потекли за днями, однообразные и полные повседневных забот. Иногда Кристу навещал сэр Питер, и, уезжая, он каждый раз проклинал Марка за то, что тот принес ей так много горя. Проводив гостя, Криста снова замыкалась в своем тесном мирке, где не существовало никого, кроме нее и ребенка. Если она не может получить Марка, то никто другой ей не нужен. Она проведет остаток жизни в деревне со своей маленькой семьей. И довольно с нее любви. Любовь несет с собой слишком много боли.

Криста лежала под яблоней и думала о том, что фруктовый сад в золотой летний день — самое лучшее место для того, чтобы укрыться на час-другой от будничной суеты и немного отдохнуть. У нее была кормилица по имени Мэгги, которую наняли в соседней деревне, чтобы

присматривать за малышом, но Криста предпочитала воспитывать Майкла сама и очень редко позволяла себе выкроить немного времени для отдыха в одиночестве.

Как и всегда, когда она оставалась одна, мысли Кристи устремились к Марку. Она вспоминала все, что их связывало, все, что они пережили вплоть до того часа, когда судьба разлучила их. Ее охватило ощущение безнадежности, в горле образовался комок, который она никак не могла проглотить. Она закрыла глаза, и перед ее внутренним взором предстал образ возлюбленного — дерзкое и гордое выражение бронзового лица, зеленые глаза, яркие и блестящие, как два изумруда, стройное тело, кошачья грация движений. Она вплоть до мельчайших подробностей вспоминала, как они любили друг друга, его страсть, которая заставляла трепетать ее тело и воспламеняла душу. Она словно воочию видела ямку на его подбородке, сильные нежные руки, умеющие творить чудеса. Все глубже погружаясь в дремоту, она слышала его глубокий звучный голос. Этот голос звучал в ее душе, он был полон нежности и заботы, навевал память о том, что она испытывала в объятиях Марка. Потом вопреки всякой логике тот же голос произнес:

— Проснись, любовь моя.

«Нет!» — раздался отчаянный крик ее сердца.

Почему даже во сне она должна страдать от разлуки с ним?

— Криста, я едва не лишился рассудка, когда добрался до Лондона и понял, что тебя там нет. Слава Аллаху, миссис Бентон сказала, что ты в деревне.

Криста медленно открыла глаза, боясь, что сон развеется и он исчезнет.

— Марк? — прошептала она, и на ее лице недоверчивое выражение сменилось выражением глубочайшего изумления. — Неужели это ты?

Марк опустился рядом с ней на колени, жадно пожирая взглядом ее хрупкую фигурку, совершенство которой нисколько не нарушило материнство, восхищаясь ее красотой и мягкими грациозными движениями.

— Разве я не говорил тебе, что обязательно вернусь? — полным нежности голосом произнес Марк. — Прости, что я задержался, но с этим ничего нельзя было поделать.

Криста так стремительно бросилась к нему в объятия, что они оба упали на траву. Она плакала и смеялась одновременно, снова и снова повторяя его имя.

— Я думала, ты забыл нас.

— Забыть тебя и ребенка? Как ты могла такое подумать? Я никогда не даю обещаний, которые не собираюсь сдержать. Ты знаешь, я уже видел наше го сына. Я зашел в дом, и Ленора мне его показала. Он самый очаровательный малыш на свете. Мне кажется, глаза у него будут голубые, как у тебя.

— Скорее, голубовато-зеленые, — поправила Криста. — Я так рада, что он тебе понравился. Я назвала его Майкл, как ты и хотел.

— Как я жалею о том, что меня не было с тобой в этот трудный час, — печально проговорил Марк. — Тебе было очень больно?

Криста пожала плечами.

— Не больше, чем я ожидала, хотя не знаю, как бы я перенесла все это без помощи Леноры и ее волшебных зелий. Но любая боль не идет ни в какое сравнение с той радостью, которую я получаю от Майкла.

— Ты чудо! — В глазах Марка светилось восхищение.

Он потянулся было, чтобы заключить ее в объятия, но Криста отстранилась. Вопрос, который она так хотела ему задать, жег ей губы.

— Марк, прошло четыре месяца с тех пор, как ты уехал. Что так задержало тебя? Я чуть не сошла с ума, воображая всякие ужасы.

Марк сел, опершись спиной о дерево, и притянул ее к себе.

— Я лучше начну с самого начала, потому что уже вижу — ты не удовлетворишься, пока не узнаешь все в подробностях.

Пока он усаживался поудобнее, Криста пытливо рассматривала его лицо, которое она так любила. Его красивое мужественное лицо стало еще смуглее от жаркого африканского солнца. Линии, веером расходящиеся от уголков живых зеленых глаз и идущие от носа к подбородку, обозначились сильнее, появились новые морщинки. Но это не умаляло привлекательности его черт, а наоборот, подчеркивало ее.

— Мы прибыли в Алжир как раз вовремя, чтобы встать во главе войска правителя Алжира, которое он отправлял в Константину, — начал свой рассказ Марк. — Янычары Абдуллы — грозные и хорошо обученные воины, но это не было нашим единственным препятствием. Дело в том, что город Константина почти неприступен. Высокие стены, глубокий ров и подъемные мосты были самой лучшей и надежной защитой Абдуллы. По крайней мере, так он думал.

Янычары делали вылазки, громили караваны и быстро отступали в крепость. Никто не знал, как добраться до Абдуллы, и дей уже был готов признать свое поражение, но мы с Алленом убедили его продолжить военные действия.

— Аллен! — испуганно воскликнула Криста. — Где он? А где Омар и Элисса? Они с тобой?

— Ты все узнаешь в свое время, любовь моя, — поддразнил ее Марк. — Так на чем я остановился? Итак, мы с Алленом знали тайный проход в город, который много лет назад показал нам отец. В город ведут четыре естественных каменных туннеля, но мы с Алленом знали пятый, проделанный рекой Руммель в каменистом берегу. Когда-то отец приказал его расчистить — он был мудрым и предусмотрительным человеком — как раз на такой непредвиденный случай. Для того чтобы попасть в начало туннеля, надо нырнуть и проплыть некоторое расстояние под водой, но потом вода отступает и начинается ровный подъем. Этот проход идет под крепостной стеной и приводит в город. Но с тех пор, как его от крыл отец, прошло так много времени, что он снова был весь засыпан землей. Чтобы отрыть его, понадобилось больше месяца.

Короче говоря, когда все было готово, мы ночью пробрались в город через тайный проход и пустили слух, что дей ожидает богатый караван из Туниса, а сами сделали вид, что снимаем осаду и отступаем. Как мы и ожидали, эти слухи достигли ушей бея, и он послал в пустыню несколько отрядов янычар, почти никого не оставив в городе. Той же ночью наши люди, проникшие в город, перебили стражу и открыли нам ворота. Битва была яростной и

кровавопролитной, но недолгой. Константина стала нашей.

— И что стало с Абдуллой? — спросила Криста и затаила дыхание в ожидании ответа. — Ты его... он уже...

— Да, любовь моя, он мертв. Только это случилось не так, как ты думаешь. Абдулла не был убит человеком, в котором течет та же кровь, что и в нем, как это должно было быть. — Как же он умер?

— Надо отдать ему должное, Абдулла никогда не был трусом. Когда мы ворвались во дворец, он обнажил ятаган и пытался защищаться. Конечно, он узнал воинов дея по форме, но когда он увидел меня, то у него от ярости помутился рассудок. Ведь он был уверен, что давно от меня избавился. Он с диким воплем безрассудно бросился на меня, забыв о своей хромоте. И случилось нечто совсем неожиданное — он поскользнулся и упал, напорвшись на собственный ятаган. Клинок пронзил ему сердце, и он мгновенно умер.

— Ужасно! — Криста содрогнулась, вспомнив красивого молодого мужчину, одержимого ревностью и жадной власти.

— Но это все же лучше, чем участь, которую готовил ему дей, — сказал Марк. — Если бы его взяли живым, его смерть не была бы столь быстрой и легкой.

— Итак, с этим покончено, — с неизмеримым облегчением вздохнула Криста. — И теперь Константина твоя. Тем более удивительно, что ты вернулся к нам с Майклом. Хороши ли женщины в гареме Абдуллы?

— У меня не было времени ими заниматься, — отвечал Марк, подавив усмешку.

— Я думала, что, может быть, именно это тебя и задерживает в Константине. Такое количество юных красавиц может задержать кого угодно, — сердито проговорила Криста.

И снова по его губам скользнула улыбка.

— Ты ревнуешь, любовь моя?

— Да, я ревную! Что в этом удивительного? Где Элисса? Если ты не хочешь сказать мне правду...

— Правда состоит в том, что я был тяжело болен.

— Болен? Что с тобой было?

— То же самое, что и раньше, — малярия. Кажется, стоит мне только оказаться в тех краях, как судьба наносит мне безжалостный удар. Прости меня, любовь моя, я вернулся бы к тебе раньше, если бы не это. Все идет к тому, что Константине придется обойтись без бей Ахмеда.

— Не могу поверить, что ты действительно так думаешь. — У Кристи перехватило дыхание от радостного изумления. — Ведь ты был предназначен править Константиной, такова была воля твоего отца. Ты и вправду уверен, что хочешь пожертвовать властью ради меня и сына?

— Я думаю, отец был бы доволен моим решением, — загадочно улыбнулся Марк. — Все, что мне нужно в жизни, все, чего я хочу, — находиться здесь, в Англии. А у Константины есть бей, он будет править ею мудро, с любовью и состраданием к ее народу.

— Кто же это? Кто займет твое место?

— Ясид-бей.

— Ясид? Твой брат Аллен?

Марк кивнул.

— Я отрекся в пользу своего младшего брата. Правитель Алжира согласился, чтобы мое место занял Ясид. Он любит землю, которая его вскормила, глубоко и преданно, как я не смогу любить никогда. Я сын своей матери, и мои корни в Англии. Единственный титул, на который я претендую, это титул герцога Мальборо. Разумеется, в дополнение к титулам мужа и отца.

— Элисса обрадовалась такому решению? — спросила Криста. — Ей придется со многим смириться.

— Если ты имеешь в виду гарем, то не беспокойся. Аллен дал Элиссе клятву, что он отпустит на свободу или выдаст замуж всех женщин, которые сейчас находятся в серале. А у него будет только одна жена, и дети Элиссы будут его единственными наследниками.

— Тогда со всем этим и вправду покончено, — радостно вздохнула Криста.

— Нет, это только начало, любовь моя. Начало нашей новой жизни. А теперь, милая женушка, не хочешь ли ты наконец поцеловать своего мужа?

Кристу не надо было просить. Она радостно обвила руками его шею, и ее губы жадно встретились с его губами. Знакомое чувство охватило ее, когда его руки пробежали по пленительным изгибам ее тела, грудь налилась, и соски затвердели, превратившись в пылающее средоточие чувственности.

Она была так поглощена поцелуем, что даже не заметила, как платье, а вслед за ним нижняя юбка и сорочка упали на землю. Ее фигура сохранила девичью стройность и не нуждалась в корсете.

— Ты не будешь возражать против еще одного ребенка? — шутливо проговорил Марк, поглаживая ее плоский живот.

— Разве у меня есть выбор? — Криста подарила ему соблазнительную улыбку. — У меня такой пылкий муж, что, я боюсь, в один прекрасный день наш дом не сможет вместить всех его отпрысков. Так и будет, если ты не научишься сдерживаться.

— Невозможно сдерживаться, когда у тебя в объятиях такая искусительница, — рассмеялся Марк. — Лучше уж сделать пристройку к дому. — Затем он продолжал серьезным тоном: — Любовь моя, мне так жаль, что я не присутствовал при рождении сына. Я отдал бы все на свете, чтобы увидеть, как он вступает в этот мир. Обещаю, что со всеми остальными нашими детьми так и будет.

— Я все понимаю. У тебя слишком развито чувство долга, чтобы ты мог оставить Аллена и Омара. — Марку нечего было возразить на ее слова. — Ты был обязан довести дело до конца.

— Но зато мне пришлось оставить тебя, — виновато заметил он. — Как ты, должно быть, страдала все это время, думая, что я не вернусь. Из-за меня ты вынесла много горя, но больше ты никогда не будешь страдать. С этой минуты я беру на себя ответственность за нашу жизнь.

Ни ты, ни наши дети никогда не будут ни в чем нуждаться. И ничто никогда нас не разлучит. Я всегда буду рядом с тобой и детьми.

— Если ты не перестанешь разговаривать, вместо того чтобы любить меня, никакого другого ребенка не будет, — ласково прервала его Криста, расстегивая на нем рубашку.

— О, прекрасная сирена, я тебя не заслуживаю, — простонал Марк, срывая с себя одежду.

— Марк, подожди, — вдруг воскликнула Криста, вспомнив о Леноре. — А что Омар? Он вернулся с тобой или остался с Алленом?

— Омар не хотел расставаться со мной, но, я думаю, главное, что привело его сюда, — это Ленора. А теперь, любовь моя, помолчи и обними меня.

В саду солнце лило на их обнаженные тела такие горячие лучи, что Кристе и Марку казалось, они лежат на раскаленном песке пустыни — красавец шейх и его прекрасная серебристоволосая возлюбленная. В объятиях друг друга они познали неистовую страсть, принадлежавшую только им двоим, и эту страсть они пронесли через невзгоды и тяжкие испытания. Она была дарована им судьбой и связала их друг с другом навек.